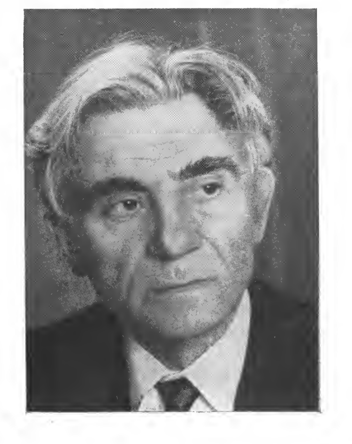
Иван Золотарь

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

Иван Золотарь

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“
МОСКВА-1973

Художник Ю. Ф. Алексеева

Золотарь И. Ф.

З-80 Друзья познаются в беде. М., «Сов. Россия», 1973.

416 с. с илл. на вкл.

Документальная повесть И. Золотаря рассказывает о борьбе советских партизан, действовавших в 1944 году на юге Польши. В центре повествования героические походы партизанского соединения, яркие картины его боевых подвигов. Немало запоминающихся страниц автор посвятил дружбе советских и польских партизан, помощи, которую, рискуя жизнью, оказывало местное население нашим воинам. Автор повести — командир соединения советских партизан.

1—11—1
78—73

9(С)27+9(М)72

ПРЕДИСЛОВИЕ

В суровые годы второй мировой войны советский и польский народы, объединенные освободительными целями войны и интернациональной солидарностью, выступали в едином строю против гитлеровских поработителей.

Освободительная война польского народа, проходившая в сложных политических и военных условиях, имела различные формы. Но одно из наиболее значительных выражений она получила в партизанской и подпольной борьбе, которую вел польский народ в рядах Гвардии, потом Армии Людовой под руководством Польской рабочей партии, а также в отрядах, созданных другими польскими прогрессивными группами и организациями, разделявшими политические и национально-освободительные идеи Польской рабочей партии. Эта борьба, нарастая с каждым месяцем войны, достигла в конце концов значительных масштабов и превратилась в фактор, способствовавший разгрому гитлеровского нашествия.

Яркими, незабываемыми страницами партизанской эпопеи того времени были совместная борьба советских и польских партизан, участие польских граждан в советском партизанском движении, советских граждан в польском партизанском движении и, наконец, совместная борьба советских партизанских соединений, отрядов и специальных групп рука об руку с польскими партизанами на территории оккупированной Польши.

Наибольшее развитие эта совместная борьба получила в период наступления Советской Армии и приближения ее к государственным границам СССР, когда оперативные тылы германских армий переместились на территории сопредельных государств — Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Румынии.

В это время руководители коммунистических и рабочих партий указанных стран обратились в ЦК ВКП(б) с просьбой о помощи в организации и расширении партизанского движения.

Эта просьба встретила в ЦК ВКП(б) горячий отклик, и одной из мер активной помощи явилось перемещение ряда советских партизанских соединений, отрядов и специальных групп на оккупированную территорию Польши для борьбы против захватчиков, совместно с польскими партизанскими отрядами и соединениями.

На территории Польши для боевых действий совместно с польскими партизанами с оккупированных советских территорий перешли соединения, отряды и специальные группы под коман-

дованием И. Банова (Черного), П. Брайко, Е. Войцеховского-Андреева, П. Вершигоры, И. Золотаря, В. Карасева, Ф. Капусты-Самутина, Г. Ковалева, А. Коваленко (Белова), Ф. Лесниковского (Леонид), А. Гладилина, Л. Гордиенко (Таня), В. Мацнева (Потемкин), М. Наумова, Н. Наделина, Н. Прокопюка, В. Чепиги, Б. Шангина, А. Федорова, И. Яковлева и другие группы и отряды.

Главный штаб Армии Людовой информировал польских партизан о переходе ряда советских партизанских соединений, отрядов и групп для боевых действий против захватчиков и издал приказ польским партизанским отрядам о вступлении в связь с советскими партизанскими отрядами, действующими на территории Польши, и взаимодействии с ними.

Братское отношение и содружество, установившееся между отрядами Армии Людовой и советскими партизанскими отрядами, дружелюбное отношение к ним польского населения способствовали росту и активизации партизанского движения в Польше.

Благодаря помощи руководителей организации Польской рабочей партии советские партизанские отряды вступили в контакты и взаимодействие с польскими радикальными антифашистскими организациями, такими, как например «Боева организация людова», «Работниче-хлопска организациева боева», «Батальонами хлопскими» и др. Несмотря на то что командование Армии Краевой (АК), подчинявшееся польскому эмигрантскому правительству в Лондоне, недвусмысленно указывало отрядам и подпольным организациям АК придерживаться пассивной тактики — «стоять с оружием у ноги» и ограничивать контакты с советскими партизанами,— многие бойцы, ячейки и группы АК под влиянием политической работы Польской рабочей партии, следуя примеру бойцов Армии Людовой и советских партизан приходили к пониманию национальных интересов, порывали с пассивной тактикой и переходили к активной борьбе с захватчиками. Они связывались и сотрудничали с советскими партизанами и даже проводили с ними совместные боевые операции.

Развитие польского партизанского движения и действия советских партизан на территории Польши позволили вести партизанскую борьбу, особенно против коммуникаций противника, на всей оперативной глубине. Охранные войска противника были растянуты на линии коммуникаций по всей территории Польши, что создало оперативный простор для действий партизан, лишило войска противника значительных экономических ресурсов, способствовало защите польского населения от истребления. Широкий размах борьбы на коммуникациях противника резко ухудшил снабжение фронта и переброску резервов противника.

Всеобъемлющая разведка партизан в этот период являлась важнейшим фактором, способствовавшим успешным действиям наступавших советских армий и польских соединений, сражавшихся на советско-германском фронте против захватчиков.

Документы генштаба сухопутных войск Германии и главного управления СС этого времени отмечают развитие и результаты партизанского движения в Польше и действий там советских партизан.

Германский генеральный штаб в документе № 1690 «Обзор состояния партизанского движения» от 1 марта 1944 года указывал:

«В результате создавшегося положения на фронте, в северо-западной части полосы группы армий «Юг», сильные, имеющие на вооружении тяжелое оружие и, видимо, включающие в себя часть регулярной армии, партизанские соединения вступили на территорию Польского генерал-губернаторства. Проводя многочисленные акты саботажа, особенно на основных путях подвоза, отряды «Наумов» и «Федоров» сумели пробиться до Сана вблизи Перемышля и Кетайска, где закреплялись в лесистой местности вокруг Билгорая. Отсюда они угрожают железнодорожным линиям Перемышль — Люблин и Люблин — Львов, а также ряду военных объектов и промышленных предприятий.

Отмечавшийся ранее крупный очаг партизанского движения в районе Брест-Литовска переместился в район юго-восточнее и южнее Бреста. Оживленное передвижение у переправ через реку Буг вблизи Влодава также свидетельствует о просачивании советских отрядов в направлении Люблина.

Активными боевыми действиями советские и польские партизаны дезорганизовали перевозки на железнодорожных линиях Юзефов — Билгорай, Юзефов — Александров, Александров — Билгорай, Билгорай — Тарногруд, Тарногруд — Люблин — Белжец — Любашев, а железнодорожная линия Львов — Варшава (на участке Рава-Русская — Звержинец) была с 20 апреля 1944 года совершенно выведена из строя. Партизаны активизировали борьбу также на других железных дорогах Польши».

Общую обстановку на железнодорожных коммуникациях в это время довольно верно передал гитлеровский начальник железных дорог в Польше. В своем сообщении в главное управление дорог «Восток» он писал: «Число крушений, вызванных в результате применения взрывчатых веществ, а также количество нападений на станции и железнодорожные сооружения с февраля по май текущего года постоянно увеличиваются. В настоящее время партизаны совершают в среднем 10—11 нападений в сутки. На некоторых участках, как например на линии Лукув —

Люблин, движение возможно только в отдельные дни и определеные часы; в остальное время этот участок бездействует. Такое же положение и в Билгорайских лесах, где силы нападающих превышают наши силы. Восточная железная дорога не имеет достаточно сил, чтобы защищаться от нападений. В общем силы, которыми мы располагаем в Люблинском дистрикте, слишком малы, чтобы можно было успешно бороться против партизан. Восстановительные поезда, прибывающие к месту нападения, тут же подвергаются обстрелу, мины закладываются даже днем, так что поезда не могут передвигаться ни вперед, ни назад».

Более конкретные данные о борьбе польских и советских партизан на территории Польши за определенный период дает оперативная карта главного управления СС «Положение партизанского движения на востоке» за период с 16 по 28 февраля 1944 года. Согласно этой карте за двенадцать дней партизаны Польши совершили 3 налета на обозы и колонны противника, 15 нападений на гарнизоны и опорные пункты, 110 нападений на войска и объекты противника, 15 взрывов железных дорог.

Как сообщал начальник военных сообщений группы армий «Центр» в мае 1944 года, «в результате отхода партизанских частей в западном направлении, нападения (имеются в виду железные дороги) в районе Варшавы и Белостока увеличились на 100%».

Таких свидетельств противника о борьбе польских и советских партизан, «переместившихся в западном направлении», очень много, но и приведенных достаточно для того, чтобы представить себе масштабы содружества и совместной борьбы польских и советских партизан против фашистских оккупантов.

Предлагаемая вниманию читателей документальная повесть «Друзья познаются в беде» посвящена совместной борьбе польских и советских партизан в южной части Краковского воеводства, в горах так называемого Подгаля, куда автор книги И. Ф. Золотарь опустился со специальной боевой группой на парашютах. Эта группа превратилась потом в соединение нескольких отрядов, сражавшихся плечом к плечу с польскими партизанами до изгнания захватчиков с территории Польши.

И. Ф. Золотарь является одним из активных организаторов партизанского движения. Он сражался в тылу врага в течение всей войны на оккупированных территориях под Ленинградом, в Белоруссии и Польше. Он трижды совершил прыжки с парашютом на оккупированную территорию и один раз проходил с отрядом через линию фронта. И. Ф. Золотарь автор книги «Записки десантника» и ряда других работ о партизанском движении.

За боевые заслуги в партизанской борьбе на территории Поль-

ши И. Ф. Золотарь награжден польским правительством орденом Крест Грюнвальда III класса и медалью «Партизанский крест». Орденами и медалями Польской республики награждены за боевые отличия 29 партизан его соединения.

В книге «Друзья познаются в беде» автор не претендует на всеобъемлющее освещение совместных действий польских и советских партизан. И. Ф. Золотарь выступает в книге не только как мемуарист, непосредственный участник событий, но и как литератор, записавший со слов своих товарищей эпизоды боевой деятельности в жизни польских и советских партизан, действий местных жителей, самоотверженно помогавших партизанам.

В повести имеется известная доля авторского домысла. Однако герои книги и события, описываемые в ней, исторически достоверны, а литературные допущения соответствуют канве и фону истории того периода.

До сих пор на Подгале вспоминают о боевых действиях советских партизанских отрядов и в том числе отрядов И. Ф. Золотаря. Вспоминают о том, как фашистские захватчики, безнаказанно грабившие и истреблявшие местное польское население, стали бояться сунуть нос в районы, где действовали польские и советские партизаны. Проблемы изъятия продовольствия для немецкой армии и карательных действий против польского населения становились в этих районах, уже военной проблемой, для осуществления которой гитлеровцам чаще всего не хватало сил.

До сих пор в районе Нового Сонча на Подгале вспоминают автора книги, его боевых соратников коммунистов Батяна, Таранченко, Меняшкина, Пича, Кремса и других командиров и партизан действовавших советских отрядов. Вспоминают о том, как настороженность, с какой поначалу встретило там польское население советских партизан, сменилась дружбой и помощью, как советские партизаны громили фашистские гарнизоны, железные дороги, карательные отряды, спасали многие деревни от ограбления, а гуралей от истребления и угона в рабство, не давали покоя врагу ни днем ни ночью, стремясь максимально помочь Советской Армии и приблизить час желанного освобождения.

Поэтому и сейчас И. Ф. Золотарь и его боевые друзья являются желанными гостями в этих местах, как и везде, где сражались польские и советские партизаны и где дружба русских, украинцев, белорусов и поляков скреплена кровью, пролитой в борьбе с захватчиками. Вспоминают об этих славных днях и делах польских и советских партизан и командиры частей и соединений Советской Армии, освобождавших польскую землю.

Вот как пишет об одной из выдающихся операций соединения

И. Ф. Золотаря — взрыве армейского склада боеприпасов в районе города Новый Сонч — бывший командир 76-й Перекопской зенитно-артиллерийской дивизии РГКА полковник Федор Больбат в одном из своих писем: «Перед началом решительного наступления 38-й армии славные партизаны успешно взорвали склад на Новосончском направлении с основным резервом боеприпасов вражеских войск. Эти колоссальные запасы боеприпасов и особенно фаустпатронов готовились, чтобы задержать наступление наших войск, и, конечно, все это сильное оружие было бы использовано против воинов нашей дивизии. Было бы пролито немало крови. Но получилось так, что колоссальный взрыв вражеских боеприпасов не только сорвал сильную и правильную организацию обороны, но и уничтожил значительное количество вражеских воинов. Все это способствовало нашему успешному наступлению».

Говоря далее об освобождении города Новый Сонч от немецких захватчиков, Ф. Больбат писал, что эту честь он относит «не только к подвигам Перекопской дивизии, но и к смелым подвигам партизан соединения, которые содействовали успешным боевым действиям воинов Перекопской дивизии».

Руководители Польской рабочей партии и Армии Людовой высоко оценивали политические и военные результаты совместной борьбы польских и советских партизан. Бывший начальник оперативного отдела Главного штаба Армии Людовой, потом командующий округом генерал Корчинский, оценивая совместные действия польских и советских партизан, сказал замечательные и верные слова: «Боевое взаимодействие Гвардии Людовой и Армии Людовой с советскими партизанами... является славной и положительной страницей нашей истории, подтверждающей еще раз, что настоящий патриотизм в наше время неразрывно связан с интернациональной солидарностью в борьбе за национальное и общественное освобождение».

Книга И. Ф. Золотаря пронизана нитями дружбы и интернациональной солидарности, сцементированной кровью, пролитой в совместной борьбе польским и советским народом, в борьбе за национальное освобождение Польши, на основе которой пришло и социальное освобождение.

Предоставляя читателю и критике судить о литературных достоинствах повести, можно сказать заранее, что ее страницы о славной, но мало освещенной эпопее совместной борьбы польских и советских партизан будут прочитаны с интересом.

Пономаренко П. К.,
бывший начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования

ПРОЛОГ

Глухой сентябрьской ночью тысяча девятьсот сорок четвертого года двухмоторный самолет, вылетевший накануне из Москвы, поднялся с прифронтового Станиславского аэродрома и помчал нас, группу партизан — чекистов и омсбоновцев[1], в тыл врага, в Польшу. Там, на юге Краковского воеводства, неподалеку от города Новый Тарг, на высокогорной поляне Явожина, сстлавшейся по восточному склону горы Турбач, нас поджидало два небольших отряда советских партизан во главе с молодыми чекистами Алешей Батяном и Иваном Таранченко.

В разное время, разными тропами пришли они туда из Яновского леса, расположенного в юго-западной части Люблинского воеводства, с одной и той же целью: проложить в Западные Бескиды — северные отроги Карпат, дорогу своему партизанскому соединению имени Александра Невского, которым командовал Виктор Александрович Карасев.

Но случилось так, что по приказу с Большой земли это соединение ушло в Чехословакию, на помощь словацким повстанцам, а отряды Батяна и Таранченко так и остались в Бескидах. На их базе решено было создать самостоятельное партизанское соединение для боевых действий на юге Польши.

Организовать и возглавить это соединение было поручено автору этих строк. В помощь мне были выделены опытные офицеры советской разведки и бывалые партизаны-омсбоновцы. В день вылета из Москвы наш руководитель генерал-лейтенант Павел Анатольевич радировал Батяну и Таранченко:

«Вместе вашим новым командиром,— назвал мою фамилию,— вам вылетел капитан

[1] ОМСБОН — отдельная мотострелковая бригада особого назначения.

Пушков, назначенный заместителем командира по разведке. Заместителем по строевой части утвержден Батян. Вопрос назначения Таранченко будет решен по прибытию командира на место»[1].

И вот мы в воздухе. На борту самолета нас одиннадцать десантников. Слева от меня сидел капитан Семен Николаевич Пушков, сражавшийся до этого в Белоруссии в должности заместителя командира партизанского отряда по разведке. Справа — Петр Романович Перминов, мой старый сибирский друг и в партизанских делах тоже не новичок. В январе 1943 года он с девятью омсбоновцами, составлявшими его спецгруппу, и отрядом Карасева перешел линию фронта и в течение десяти месяцев действовал в тылу врага на Украине в качестве заместителя командира партизанского отряда, потом соединения имени Александра Невского по разведке. В конце года простудился и в связи с плохим состоянием здоровья ему было разрешено вернуться в Москву. С начала февраля и до встречи со мной в августе 1944 года находился в столице в составе резерва. Когда же узнал, что я формировал группу для вылета в тыл противника, он тут же поспешил ко мне с просьбой взять его своим заместителем по разведке. Зная его, я охотно согласился и подался к своему шефу Павлу Анатольевичу с ходатайством. Но опоздал.

— Комплектование вашей группы закончено, весь командный состав утвержден в высших инстанциях, и теперь единственное, что я могу сделать, так это просто включить его в вашу группу. А там на месте сами решите, в качестве кого его использовать.

Узнав об этом, Петр, поддавшись чувству уязвленного самолюбия, поначалу было отказался. Но после суточного раздумья согласился.

На другой скамейке против нас приютились капитан медицинской службы Судоплатов Николай Павлович и молодой чекист младший лейтенант Володя Сподневский. И тот и другой уже успели побывать в тылу врага. Первый в течение восьми месяцев колесил по лесам и болотам Калининской, Псковской и Ленин-

[1] В самолете мы с Пушковым договорились назначить Ивана Максимовича замполитом.

градской областей как врач омсбоновского партизанского отряда «Максим». Второй около полугода командовал взводом разведки в другом омсбоновском отряде, майора Коровина, действовавшего в Польше, в районе городов Парчев, Луков, Влодава.

Рядом с ними прикорнул радист Гриша Блажко, за плечами которого была суровая школа партизанского радиста в соединении Ковпака.

В хвостовой части самолета удобно расположились мои боевые соратники феликсовцы[1] Иван Меняшкин и Петр Юрченко и польские товарищи, потомственные силезские шахтеры Карол Ткоч и Ежи Грит. Каролу было уже под сорок. Половину своей жизни он отдал революционной борьбе, с 1924 года как член Союза коммунистической молодежи Польши, а с 1932-го как польский коммунист. За свою нелегальную деятельность Ткоч много раз арестовывался, шесть с половиной лет, в общей сложности, провел в тюрьмах. В 1942 году он был насильно мобилизован в гитлеровскую армию и отправлен на фронт, а на третьи сутки перебежал на сторону наших войск. Окончив в Подмосковье шестимесячную политшколу, Ткоч работал политруком на сборном пункте по формированию польских войсковых подразделений возрождавшегося под Рязанью войска польской армии. В нашу группу его включили для засылки в Катовице на подпольную работу с очень ответственным заданием: создать на заводах и шахтах ударные группы по предотвращению взрыва и затопления во время ожидавшегося вскоре отступления гитлеровской армии.

Горный техник Ежи, или, как он сам называл себя, Жорка, был почти наполовину моложе своего земляка. Мобилизованный, как и Ткоч, в немецкую армию и посланный в район Гомеля в авторембат, он связался с партизанами отряда Кочура и вскоре стал отважным партизанским минером, пустившим с товарищами под откос три вражеских эшелона. После соединения отряда с войсками Советской Армии Ежи был отозван в Москву в распоряжение комитета польских патриотов и вскоре был включен в нашу группу в качестве переводчика с польского и немецкого языков.

[1] Так белорусские партизаны называли бойцов отряда имени Феликса Дзержинского, который сражался в лесах Минской области под моим командованием.

В первые часы полета нас одолевала сплошная облачность, но уже с полпути тучи расползлись, показалась луна и стали видны смутные очертания гор, черные провалы ущелий.

Поглядывая в окошко, я с волнением думал о том, что через час-другой мы, советские люди, впервые окажемся на чужой земле, в ином для нас, буржуазно-капиталистическом мире. В голову лезли тревожные мысли о возможных встречах с деятелями реакционных, враждебно настроенных к нашей стране политических партий, с командирами их вооруженных отрядов. Всю дорогу не выходила из головы последняя радиограмма Алеши Батяна о недружелюбном поступке командира полка АК — Армии Кра́евой[1] майора Борового. Случайно встретив Алексея на горе Любань, он, в присутствии своего спутника — аковского капитана Лямпарда, в ультимативной форме поставил перед ним два категорических условия:

1) никаких нападений на гитлеровцев вблизи населенных пунктов и на подступах к ним не совершать;

2) в польские селения за продуктами не обращаться.

На вопрос, чем же в таком случае питаться советским партизанам, Боровый пообещал снабжать их продовольствием со своего полкового склада. Однако расставаясь с Алексеем, так и не сказал, где этот склад находится и когда, в каком месте можно встретиться с ним самим или его приближенными.

«Да-а... нелегко нам будет налаживать контакты с таким любителем тишины и спокойствия»,— шевельнулось у меня в голове.

— Костры! Товарищи, костры под нами!— прокричал вдруг Ежи Грит своим зычным голосом.

Мы прилепились к окошкам. Внизу под нами проплыли яркие костры, разложенные конвертом. Длинные языки пламени озаряли романтическим багровым

---

[1] Отечественная Армия — детище правых партий, мечтавших о восстановлении в Польше реакционного санационного строя. Во главе АК стояли люди пилсудчиковской закалки. В отличие от партизанских отрядов АЛ (Армии Людовой), возглавлявшихся коммунистами, и отчасти крестьянских Батальонов Хлопских, громивших гитлеровцев, отряды АК придерживались черчиллевской политики «выжидания с винтовкой у ноги». И только отдельные, патриотически настроенные офицеры на свой риск водили отряды в бой.

светом поляну, окаймленную зарослями горного леса, и бегавших по ней людей.

— Приготовиться! — раздался вслед за условными звуками зуммера властный голос инструктора, сопровождавшего нас в полете.

Мы засуетились, выстроились у обоих дверей и в напряжении замерли. Инструктор и второй пилот защелкнули карабины наших парашютов на стальные прогоны и открыли обе дверцы. В самолет ворвался знакомый оглушающий рев моторов, шквальное завывание ветра. Я сжал кольцо парашюта и по команде «Пошел!» в третий раз за войну нырнул в черную бездну ночи в глубоком тылу гитлеровских войск.

Приземляясь, я и хирург Судоплатов попали на каменистую породу, покато спускавшуюся в сторону костров, и оба получили травмы. У меня оказалось растяжение связок коленного сустава, у Судоплатова — ушиб с растяжением связок голено-стопного сустава.

Но еще большая неудача постигла капитана Пушкова. Одной ногой он угодил на край высокого каменистого обрыва, свисавшего над горным потоком, другой — мимо. В результате: открытый перелом обоих костей левой голени. Николай Павлович Судоплатов тут же у костра развернул свою медицину и занялся первым на польской земле пациентом. Операция была в равной мере мучительной как для Пушкова, так и для самого хирурга, и иначе как мужеством двух советских капитанов ее не назовешь. У Судоплатова так распухла покалеченная нога, что стала тесной штанина. От малейшего движения ногой у него возникала резкая боль, пронизывавшая все тело.

Всю операцию ему пришлось делать прямо на земле, подстелив одно лишь парашютное полотнище. Это означало, что около часа Николай Павлович напряженно трудился, сидя или стоя на коленях, то и дело перенося всю тяжесть своего увесистого тела со здоровой ноги на больную. К тому же света от костра было явно недостаточно, и это заставляло врача до предела напрягать зрение, нервы, все мышцы тела.

Удивительное мужество проявил и сам капитан Пушков. Мы, глядя на его торчавшие переломленные кости, физически ощущали, какие адские муки ему приходилось терпеть. А он ни стоном, ни единым мускулом, не выдавал своих страданий. И только на лице

поблескивали мелкие, красные от костра бисеринки холодного пота, да печальные серые глаза смотрели чуть шире, словно чему-то удивлялись. Он даже попытался шутить.

— Только ты, Николаша, не оттяпни ее напрочь! Приторочь, пожалуйста, культышку на прежнее место. Она мне еще пригодится,— взмолился он, хотя об ампутации не было и речи.

— А если не приживется? Что ж ты в мешке ее будешь носить или как?— поддержал Николай Павлович его шутливый тон.

— Приживется, вот увидишь, приживется. А не захочет — силою заставим.

— Я-то постараюсь. А сам-то ты как, выдержишь? Потому как будет очень больно.

— Вытерплю. Только налей из моей фляги немного спирту, чтобы нервы расслабить.

А когда выпил стопку, звучно крякнул.

— Ребятки, не найдется у кого-нибудь из вас огурчика? Жаль,— потом достал папиросу.— Тогда дайте прикурить.

Это происшествие несколько омрачило и десантников, и тех, кто нас дожидался на польской земле. На поляне воцарилась было тишина, нарушаемая только треском лопавшихся на огне поленьев. Однако радость встречи советских людей, в глубоком тылу врага, да еще вдали от своей Родины была так велика, что замешательство длилось недолго. И первый сигнал к этому подал сам капитан Пушков.

— Что это вы, братцы, попритихли? Прямо как на похоронах сразу стало. Вы на мою ногу не смотрите — Николай Павлович ее в два счета залатает. Давайте смелее, громче разговаривайте. Оно и мне как-то легче будет переносить все это.

Партизаны ожили, заговорили в полный голос.

Мы отошли к другому костру. Туда же решили собрать все грузовые мешки.

Пока партизаны разыскивали их, я написал текст своей первой на польской земле радиограммы. Доложив Павлу Анатольевичу о прибытии на место и о том, что Пушков поломал ногу и надолго выбыл из строя, я просил утвердить вместо него моим заместителем по разведке Перминова.

Возле нас, десантников, собрались почти все омсбо-

новцы. Среди них, помимо Таранченко, были Костя Пич, Миша Минаев, разведчики, минеры, радисты.

Они уже знали, что в одном из грузовых мешков, вместе с последними номерами московских газет, лежали самые дорогие для них подарки Большой земли — письма и фотографии родных.

Каждому из них хотелось хотя бы краем уха услышать о положении на фронтах, о Москве, о том, как живут советские люди.

К моменту нашего прибытия отряд Алеши Батяна насчитывал семьдесят человек, отряд Таранченко — сорок. Большинство были вооружены винтовками самых разных систем и марок: русскими, немецкими, словацкими и другими, с очень ограниченным количеством патронов. А человек тридцать, недавно прибывшие из немецких лагерей смерти, и вовсе были безоружными.

Как же у них загорелись глаза, когда из грузовых мешков были извлечены и разложены в ряд десятки автоматов, пистолетов, пулеметы, противотанковые ружья, мины, гранаты, взрывчатка, десятки тысяч патронов. При виде всего этого богатства на поляне поднялся шум. Все стали разговаривать громко, наперебой.

Из всей толпы сразу обратил мое внимание партизан с быстрым озорным взглядом и лихо закинутым за спину автоматом. Он был высок ростом, худощав, строен, одет в коротковатый словацкий китель, в темные штатские брюки, заправленные в кирзовые сапоги. На голове — небольшая, сбитая набекрень, порыжелая от времени шапка-финка с расстегнутыми и оттопыренными крыльями. Движения у него были уверенные, голос громкий, походка подчеркнуто расслабленная. В выражениях он не стеснялся, щедро сдабривая их солеными словечками.

«Разболтанный какой-то»,— подумал я о нем. И уже готов был закрепить за ним это определение. Но тут я увидел, с какой осторожностью он поочередно брал в руки новый автомат, пулемет, противотанковое ружье, как нежно гладил их ложа, с каким знанием дела открывал затворы, пробовал спусковые механизмы, прикладывал к плечу, целился, а потом также осторожно клал на мешковину. И сразу стало ясно, что он любил оружие и умел с ним обращаться. И мое первоначальное мнение на ходу стало меняться. «Надо распросить о нем Таранченко»,— тут же решил я.

Но осуществить свое намерение не успел. Неожиданно набежала низкая свинцовая туча и разразилась ливнем, по-горному крупным, шумливым, быстротечным. Мы распределили груз между партизанами и двинулись на базу. Земля быстро раскисла, и стало скользко. Идти в такую погоду, да еще продираясь в темноте сквозь густые заросли, было очень тяжело, особенно нам с Николаем Павловичем. Но долго мучиться нам партизаны не дали — по приказанию заботливого Ивана Максимовича Таранченко они быстро соорудили носилки и понесли нас, как и Пушкова, на руках.

Вскоре дождь перестал. Мы сделали привал. Иван Максимович нашел для меня удобный пенек, усадил. Примостился рядом. Закурили московского.

— Ну, землячок, живем! — раздался за спиной бодрый и, как мне показалось, знакомый голос.— Теперь, однако, и ты получишь автомат, язви тебя.

— Я бы с радостью, и не только автомат, а и пулемет взял бы. Да только не дадут мне ни того, ни другого, скажут: только недавно приплелся из лагеря и черте знает, что ты есть за фрукт. Нет, не дадут,— со вздохом отозвался ему простуженный голос.

— Если я попрошу — дадут.

— Попроси, Миша. Эх, и показал бы я фашистам! Все бы им припомнил, и Вольштейн, и Кнуров!

Голоса умолкли.

— Что за люди? — шепотом осведомился я у Таранченко.

— Добровольцы из Тувинской республики. Той, що повыше, долговязый такой, может, помните, он все оружие перепробовал, все щелкал затворами да целился, так вот тот — Миша Секачев, лучшим командиром взвода был у меня и в батальоне, и в отряде, с которым я переправлялся через Сан. А еще раньше был пулеметчиком, и таким, скажу я вам, що много фрицев укокошил в боях. А отчаяка такой, що нияк его, бывало, не удержишь. Ну, а той, простуженный, то его землячок по Кызылу. Два раза убегал из лагерей, и все неудачно. И лишь на третьем разе повезло — вырвался-таки. Только недавно еле живой приполз к нам. Он и сейчас все еще на ногах еле держится. А слыхали, як рвется в бой? Побольше бы нам таких...

На всю жизнь запомнилось наше первое утро на польской земле, в Карпатах,— тихое, теплое, сол-

нечное. Вокруг, куда ни глянь, величественные горы, одетые в осенний наряд, сотканный из пожелтевших листьев бука и березы и расцвеченный темно-зелеными разводами хвойных пород. Земля, политая дождем и согретая солнцем, курилась ленивым испарением. Ослепительная желтизна увядающего леса и легкая дымка над вершинами создавали впечатление, будто весь лес полыхал огнем. Чистый горный воздух, насыщенный винным настоем неповторимой по красоте карпатской осени, казался тугим, целебным, наполняющим тело удивительной легкостью.

День наш начался с того, что от имени Президиума Верховного Совета СССР я вручил ордена и партизанские медали Алеше Батяну, вернувшемуся к утру из-за Дунайца, Ивану Максимовичу Таранченко, Мише Минаеву и другим, награжденным за отвагу и мужество, проявленные в боях с гитлеровскими захватчиками в 1943 году на украинской земле.

Тогда же я объявил, что Иван Максимович Таранченко назначается замполитом соединения. После этого мы занялись осмотром лагеря. Размещался он на труднодоступной, поросшей буковым лесом террасе, прилепившейся к одному из склонов горы Кудлонь на большой высоте. Северной стороной она упиралась в отвесную скалу, а остальными круто обрывалась вниз, в ущелье. Настоящее орлиное гнездо.

На вопрос, почему выбрали такое неудобное, глухое место, лишенное запасных отходов в случае нападения противника, Иван Максимович ответил:

— Думали, що не увидят ни немцы, ни аковцы.

И начал подробно рассказывать о встрече Алексея с командиром полка АК Боровым и командиром 4-го батальона этого полка капитаном Лямпардом. Но его прервал неожиданный приход дежурного по лагерю Михаила Секачева.

— Товарищ командир,— обратился он ко мне,— первый пост задержал аковского капитана Лямпарда, который направляется к вам с визитом. Он видел ночью, как вы спускались на парашютах, и хочет лично поприветствовать вас, десантников.

Слушая Секачева, я обратил внимание на то, что от его ночной расхлябанности не осталось и следа. И этим он окончательно покорил меня.

Посоветовавшись, мы решили принять капитана

АК. Пока Секачев ходил за ним, Алеша Батян, Ваня Таранченко и другие офицеры надели новые гимнастерки с парадными погонами, побрились, начистили сапоги.

— О чем с ним говорить? Какие у вас к нему претензии?— спросил я у Батяна и Таранченко.

— Надо на него нажать, чтобы помог продовольствием,— ответил Иван Максимович.

— И сказать, чтобы аковцы не мешали бить фашистов,— добавил Алеша. Он немного подумал и тут же возразил: — Хотя без командира полка Борового Лямпард сам ничего решать не может, да и не будет.

Из-за выступа скалы вскоре показался человек в пилотке, чуть выше среднего роста, немного полноватый, в современном кителе, перехваченном широким офицерским ремнем с портупеей. В нескольких шагах от нас он горделиво поднял голову, глянул свысока, потом замер, видно, пораженный увиденным. До этого он встречался с нашими товарищами, одетыми и обутыми кое-как в старые одеяния. И вдруг такое превращение! Было от чего растеряться.

Мы сошлись и крепко пожали друг другу руки.

— Сердечно витам пана офицера! Сердечно витам,— взволнованно повторял Лямпард каждому из нас, в том числе Алеше и его товарищам.

Обменялись любезностями. Присели. Разговорились. И хотя в голосе Лямпарда слышались нотки настороженности и напряжения, а в глазах его таилась трудно скрываемая хитринка, он оказался словоохотливым, приятным собеседником. Щедро расточая любезности, Лямпард допытывался, когда появятся в их краях войска Советской Армии, как долго мы собираемся быть у них на Подгале.

Сам же он на прямо поставленный мною вопрос, не сможет ли их батальон принять участие в совместном налете на один из гитлеровских гарнизонов, растерялся, покраснел и неопределенно пожал плечами.

Мы многозначительно переглянулись. Он заметил, окончательно смутился и вдруг заторопился домой. Перед тем как уйти Лямпард заверил нас в своем дружеском расположении и заручился нашим согласием пожаловать к нему в штаб с ответным визитом.

После его ухода Гриша Блажко принес радиограмму из Москвы, в которой Павел Анатольевич отвечал на мой ночной запрос:

«Примите все меры лечения Пушкова. Временно, до его выздоровления разрешаем использовать должности заместителя по разведке Перминова».

Петр Романович вздохнул с облегчением.

Одновременно с этим был объявлен приказ о назначении старшего лейтенанта Николая Евтюнина начальником штаба, Владимира Ивановича Сподневского — его заместителем, Михаила Павловича Минаева — начальником разведки соединения, Николая Павловича Судоплатова — начальником медсанслужбы, Ивана Федоровича Меняшкина — командиром Первого отряда, Константина Иосифовича Пича — Второго.

В тот же день всех партизан распределили по отрядам, взводам, службам. И машина закрутилась. Разведгруппа, возглавляемая Ярославцевым, отправилась в далекий путь, в Словакию.

Петр Романович Перминов с группой разведчиков ушел в сторону Нового Тарга на встречу с польскими патриотами, выполнявшими задание Алеши Батяна, полученное от него за неделю до нашего прилета.

Миша Минаев и Володя Сподневский поднялись в горы, в поисках более подходящего места для лагеря.

Командиры отрядов готовили боевые группы на задание.

Словом, все что-то делали. Меня же, как я ни бодрился, Николай Павлович уложил в постель.

— Если не подчинитесь, я вынужден буду радировать в Москву,— припугнул он на всякий случай. Потом немного подобрел и уже спокойно добавил: — С такой травмой, как у вас и у меня, не шутят.

Пришлось подчиниться. А чтобы время не пропадало зря, я решил поближе познакомиться со своими новыми товарищами. Днем в тени буков, а длинными вечерами у партизанского костра я подробно расспрашивал то одного, то другого о минувших боях. И постепенно передо мной все полнее вырисовывались картины и пятисоткилометрового похода группы Алеши Батяна, сумевшего довести своих людей до горы Радзиевой, не потеряв в пути ни одного человека; и тяжелого героического похода отряда Ивана Таранченко, потерявшего в трудных боях немало своих партизан.

С описания этих славных походов и начинается моя документальная повесть «Друзья познаются в беде».

Часть первая

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЗАДАНИЕ

В ночь на пятое апреля 1944 года партизанское соединение имени Александра Невского, действовавшее в лесах Ровенской области на Украине, с боем переправилось через пограничный Буг и затерялось в лесу на юго-востоке Люблинского воеводства.

Отправляясь в Польшу — в эту, тогда буржуазную страну, стонавшую более четырех лет под гнетом свирепого оккупационного режима немецко-фашистских войск, советские партизаны хорошо знали, что там, вдали от Родины, каждого из них в любую минуту могли подкараулить ранения, гибель, плен с мучительными страданиями в гитлеровских лагерях смерти, что не всякий поляк мог оказаться другом, поделиться куском хлеба, указать дорогу, укрыть от опасности. И все-таки пошли в Польшу, пошли добровольно, потому что наша армия приступила к изгнанию гитлеровцев с польской земли и на их долю выпала ответственная задача: разведывание глубокого вражеского тыла и нанесение ударов по его транспорту, снабжавшему фронт военной техникой и людскими резервами, и по другим важным объектам и воинским частям. К этой объективной, чисто военной необходимости примешивалось и простое человеческое желание прийти на помощь польскому народу, его партизанам, чтобы сообща с ними громить немецких захватчиков всюду, где это только возможно.

Понимали партизаны и то, что гитлеровское командование примет все меры к тому, чтобы выследить, окружить и уничтожить их в самом начале пути по польской территории, тем более, что скрытно пробраться им не удалось и о появлении их противник уже знал. Это заставило партизан искать на первых порах убежища в густых лесах.

Но не одетый еще как следу-

ет в листву, лес оказался ненадежным укрытием. В первое же утро, как только взошло солнце, в небе появились вражеские воздушные разведчики, быстро обнаружили партизан, и с той поры началось: их бомбили с воздуха, подвергали ураганному обстрелу из многочисленных артиллерийских и минометных батарей с земли, потом яростно бросались в одну атаку за другой крупные войсковые соединения. Бой затихал только с наступлением сумерек, когда враг отходил на отдых. Партизанам же, пока немцы спали, надо было отойти как можно дальше, скрыться, замести следы. Но разве по вязкой, расквашенной половодьем земле уйдешь далеко? Усталые, изнуренные бессонницей, брели они по колено в воде и грязи, выбиваясь из последних сил. Даже лошади не выдерживали и падали, вконец измученные. А люди превосходили самое себя: поднатуживались, поднимали жердями лошадей и, надрываясь, помогали им тащить повозки с боеприпасами, продовольствием, взрывчаткой, с тяжелоранеными, которых с каждым боем становилось все больше. Но наступало утро, в небе появлялись ненавистные «костыли» и «рамы» — самолеты-разведчики, и все начиналось снова: бомбежки, артиллерийская подготовка, атаки. И так в течение двадцати суток! Поначалу партизаны отбивались от наседавших гитлеровцев в одиночку, потом бок о бок с другими советскими и польскими партизанскими отрядами.

Только в конце апреля соединению удалось вырваться из боев и добраться до Яновских лесов, раскинувшихся в юго-западной части Люблинского воеводства, где можно было несколько дней передохнуть. Но не все могли позволить себе даже этот кратковременный отдых. Рано утром командир соединения вызвал к себе лейтенанта Алексея Батяна. Когда он явился, командир склонился в задумчивости над разложенной картой. Выглядел он очень усталым. Пиджак, всегда плотно облегавший его стройную, сбитую фигуру, теперь обвисал, словно был с чужого плеча. Но все так же ярко поблескивал на гимнастерке под распахнутым пиджаком орден Ленина.

— Так вот какие они, дела-то, Лексейко-колияж, — сразу же придал он беседе неофициальный дружеский характер. Польское слово «колияж» — железнодорожник — пристало к Алексею с тех пор, как он в те-

чение нескольких недель ходил на минирование железной дороги в фуражке железнодорожника.— Как ты ни устал, но отдыхать не придется. Сегодня же после обеда тебе надо отправиться с небольшим отрядом в далекую дорогу с серьезным заданием. Ты как, в состоянии? Только по-честному.

Алексей оживился. Глаза его радостно заблестели.

— Готов, Виктор Александрович, хоть сию минуту.

— Другого я от тебя не ожидал, спасибо, друг!— с облегчением вздохнул командир соединения. Он внимательно посмотрел на своего любимца. Тот и раньше был худой, по-юношески тонкий. А теперь и вовсе отощал — глаза запали, щеки ввалились, нос заострился.

— Понимаешь, Алеша, в чем дело. Сегодня из Москвы получена радиограмма. Начальство требует, чтобы мы перебазировались на юг Краковского воеводства. Но сразу идти туда всем соединением, без предварительной разведки, рискованно. Можем снова влезть в такое же пекло, из какого только что еле вырвались. Поэтому я решил вначале послать туда небольшой маневренный отряд во главе с тобой. Если пройдете до места благополучно, мы сразу же последуем за вами. Вот сюда придем, смотри,— карандаш, зажатый в несгибавшихся пальцах раненой правой руки, опустился в междуречье Дунаец — Попрад на отметку высоты 1265, под которой стояло название: Радзиева.

— Да-а, далековато,— Алексей сокрушенно качнул головой.— Только мне непонятно, почему нашему соединению надо переться за сотни километров, когда фрицев и здесь можно бить, сколько влезет.

— Здесь и без нас есть кому их бить, многие польские отряды их колошматят, да и наших отрядов и соединений появилось немало. А на юге Краковского воеводства партизанское движение развито очень слабо. Это значит, что немцы там живут гораздо спокойнее, чем их дружки здесь. Вот нас и посылают туда, чтобы мы ни днем, ни ночью не давали им покоя. Да и местные польские отряды надо бы немножко расшевелить, зажечь их боевым азартом. Ясно?

— Да, теперь ясно,— Алексей немного замялся.— А сколько людей вы мне дадите?

— Человек двадцать пять — тридцать, думаю, будет достаточно. Или мало?

— Да нет, Виктор Александрович, больше не надо, а то трудновато будет пробираться мимо гарнизонов,— ответил Алексей. Потом немного помедлил, словно собираясь с мыслями.— А радиста дадите?

— Обязательно, и не одного, а двух, скажем Колю Новаторова и...— Карасев сделал вид, что размышляет, кого из радистов дать Новаторову в напарники, а сам взглянул украдкой на Алексея.

Тот замер в тревожном ожидании.

— И, скажем... Галю Литвиненко,— улыбаясь одними глазами, заключил Карасев.

Напряжение на лице у Алексея развеялось, и он с откровенной благодарностью посмотрел на командира соединения. Но поймав себя на том, что выдает ему свои чувства, которые он так тщательно скрывал от всех, смутился и беспомощно опустил голову.

— Ничего, Алеша, любить можно и на войне, лишь бы это не повредило нашему общему партизанскому делу,— тепло, по-отцовски сказал командир.

Алексей густо покраснел, попытался было возразить, даже сделал протестующий жест. Но Карасев опередил его.

— Не бойся, все это останется между нами. А теперь давай займемся подбором людей.

Заместителем командира по разведке утвердили Мишу Минаева, начальником штаба — двадцатитрехлетнего добровольца из подмосковного города Яхрома Петра Ивановича Ярославцева — рослого, сухощавого, с непокрытой светлокудрой головой, старшиной отряда — уральца Александра Андрианова, командиром отделения — Петра Бочкарева, командиром диверсионной группы — москвича Ивана Колбасова. В отряд отобрали также Усенко, Савченко, Полищука и Прокошева, а также польского коммуниста Юзефа Вронского и других. Всего, вместе с Алексеем, двадцать восемь мужественных, стойких, выносливых людей.

Вновь сформированный отряд тут же вооружили автоматами, пулеметами, снабдили добрым запасом патрон, гранат, взрывчатки, продовольствия.

Когда все приготовления были закончены, Карасев пригласил к себе в командирский шалаш Батяна, Минаева, Ярославцева.

— Помните, друзья, что вы отправляетесь в далекий и неведомый путь с очень важным заданием: про-

ложить нам дорогу на юг Польши, в Бескиды, и подготовить место для нашего базирования. Живите дружно, действуйте сообща, чаще советуйтесь. Пройти вы должны быстро, скрытно от немцев, поэтому избегайте стычек с ними. Берегите людей.

Закончив напутствие, он вышел вместе с ними к построенному перед шалашом отряду, сказал несколько теплых слов и на прощание каждому крепко пожал руку.

До Вислы их сопровождал начальник разведки соединения, родной брат Юзефа Вронского — Станислав. К их приходу его разведчики уже приготовили вместительную рыбацкую лодку и в качестве проводника беховца[1] Казимежа Флиса, оказавшегося попутчиком.

Станислав Вронский в последний раз обнялся со своим братом Юзефом, Алешей, Минаевым, Ярославцевым, крепко пожал руку каждому партизану и, пожелав счастливого пути, отдал команду к отплытию.

Когда они добрались до другого берега, начало светать. До леса было далеко, и партизаны на день залегли в прибрежных низкорослых кустах. А когда стало смеркаться, отправились в дорогу, причем не на юг, куда лежал их путь, а в северо-западном направлении, в обход опасной сандомирско-мелецкой зоны.

Всю ночь отряд провел на ногах. Впереди, рядом с Казимежем, шагал высокий, размашистый Миша Минаев. Вот он поправил на ходу лямки вещевого мешка, врезавшиеся в плечи, прислушался. Вокруг, кроме едва уловимого шелеста травы под ногами идущих позади партизан, не было слышно никаких звуков. Михаил расслабил было мышцы, но, глянув на светящийся циферблат наручных часов, на тающие в небе звезды, снова подтянулся и прибавил шагу.

Далеко впереди показались тусклые огоньки.

— Что за село? — спросил Михаил у Казимежа.

— Михалув,— ответил тот.

— На немцев там не нарвемся?

— Не-е, гитлеровцы — в Островце. А ту, в околицах[2] Михалува, наши партизанчи из батальона Оськи.

---

[1] Батальон Хлопский, сокращенно: БХ, отсюда — беховцы, беховец. БХ действовали под руководством крестьянской партии Стронництво Людове.

[2] Здесь: в окрестности...

— А до лесу далеко там?

— Не, недалеко, обок.

Михаил бросил шагавшему вслед за ним лучшему разведчику отряда польскому коммунисту Юзефу Вронскому: «Веди!» — а сам сошел с тропы, остановился и стал поджидать, пока подойдет командир отряда. «Второй, третий, четвертый...» — подсчитывал Михаил проходивших товарищей. В десятом он узнал Батяна и присоединился к нему.

— Впереди, в километре-двух отсюда, село Михалув. Рядом лес. Казик говорит, что немцев поблизости нет, что это зона Батальона Хлопского, которым командует какой-то Оська. Так как, зайдем в село или остановимся в лесу?

— Подойдем поближе, тогда и решим,— ответил Батян.— Ты остановись, проверь, все ли налицо, а я пройду вперед, получше распрошу Казика.

Теперь Михаил пошел рядом с помощником старшины отряда Касянчиком, замыкавшим цепочку.

— Ну как ты тут, Никифор, не заснул?

— Шо вы, Михайло Павлович, як то можно,— ответил сиповатым голосом Касянчик. Это был невысокий, жилистый человек, примечательный своей особой выносливостью. За спиной его торчал объемистый крестьянский мешок, набитый чем-то громоздким, а в руке он нес ведро, заменявшее на привалах котел.

— Никто из хлопцев не потерялся? — спросил Михаил скорее для того, чтобы завязать разговор, чем по существу, так как сам уже убедился в целости отряда.

Касянчик же воспринял его вопрос всерьез.

— Ну що вы такое говорите, прости господи... Да разве ж партизаны могут потеряться? — Касянчик обидчиво засопел, немного помолчал, потом как можно громче, чтобы втянуть в разговор впереди идущего Сашу Андрианова, добавил: — А ежели хто-нибудь из хлопцив и того, так мы ж с товарищем старшиною не прозеваем.

Старшина Андрианов не отозвался. А Михаил сделал вид, что не заметил обидчивого тона, и заговорил неторопливо, доверительно:

— Признаюсь, я недавно так задремал на ходу, что не заметил, как подался в сторону. Не окликни меня Юзик, потеряли бы вы меня, как миленького. Может, и ненадолго, а все-таки.

— Ой, господи! Та за вами ж двадцать семь гавриков, таких, як Юзек, идет. Як же мы потеряли б вас?..

— А что ж тут особенного, когда мы двое суток не спим...

— Побольше дней та ночей не спалы, и то бог миловал. А тут... Хм, и скажуть же, прости господи,— «потеряться»,— все никак не мог успокоиться помощник старшины.

Слушая его незлобливое ворчание, Михаил вспомнил, как этот сорокалетний колхозник из села Борова, затерявшегося в лесах Ровенской области, прощался со своей женой Лукерьей Максимовной, и невольно улыбнулся.

Когда осенью 1943 года партизанское соединение появилось в Ровенской области, села Борова уже не было. Его сожгла дотла банда националистов «бульбашей». Крестьяне все ютились в землянках и в легких, наскоро сколоченных времянках. Тридцать человек, куда входил и Касянчик, состояли в отряде местной самообороны и, несмотря на грозившую им жестокую расправу, поддерживали тесные связи с партизанским отрядом «Дяди Пети», действовавшим в соседнем районе. А когда недалеко, в деревне Млынок, остановились на несколько дней карасевцы, почти все самооборонцы вступили к ним в отряд, и Никифор — тоже. И хотя жена его, Лукерья Максимовна, сама несколько раз просила Никифора уехать куда-нибудь, скрыться с глаз бандитов «бульбашей», он почему-то скрывал до последнего дня свое вступление в отряд.

За несколько часов до того, как соединение должно было сняться из деревни Млынок, Минаев и еще два разведчика зашли за Касянчиком. Увидев их, Никифор смутился, стал усаживать разведчиков за стол и заговорил на отвлеченную тему.

Партизаны переглянулись.

— Ты что, раздумал? — потихоньку спросил Михаил.

— Та нет, что вы. А только...— он сделал многозначительный кивок в сторону жены, детей.

— Что, так ничего и не скажешь им?

— Счас скажу,— решительно заявил Никифор. Он откашлялся, расправил плечи, словно хотел казаться выше ростом, напустил на лицо сердитое выражение

и смело шагнул к печке, где готовила завтрак Лукерья Максимовна.

— Чего тоби, Мыкыто? — спросила она мужа обычным тихим тоном, не заметив его решительного вида.

Но Никифор как-то сразу сник и ничего не ответил, лишь молчаливо переминался с ноги на ногу да беспомощно пожимал плечами.

— О та чего цэ ты мовчкы топчишься биля мене? — она внимательно посмотрела мужу в лицо, потом перевела взгляд на партизан.— Ну? — снова подступила к Никифору.

— Я той... як его... Може, тоби помогты завтрак готовыть? — выпалил он ни с того ни с сего.

Лукерья Максимовна посмотрела на него с удивлением и решительно отмахнулась.

— Ще чого прыдумаешь, сама управлюсь,— и повернулась к печке.

Завтракали молча. Но когда партизаны стали собираться в дорогу, Никифор все же решился.

— Знаешь, Ликерья... я записався в партизанский отряд, и от зараз мы выизжаемо в далеку дорогу,— сказал и замер в ожидании.

Лукерья Максимовна поначалу посмотрела на него долгим безразличным взглядом, но потом вдруг охнула и, как подкошенная, опустилась на пол. Невысокая, щуплая, она в тот миг казалась жалкой и беспомощной.

Растерявшийся Никифор бросился к ней.

— Що с тобою, Ликерьюшка? Та ты той... Ты ж сама мени говорыла, щоб я выихав куда-нибудь... Та и не одын я записався в партизаны, а весь наш отряд самообороны...

Лукерья Максимовна, видимо, взяла себя в руки, встала, лицо ее вспыхнуло гневом, и она неожиданно громко закричала:

— Що-о?! Повна хата детей, а ты — в партизаны захотив податься? Та я тоби такого партизана покажу, що ты три дня не зможешь систы! — Она наступала на растерявшегося мужа и так азартно размахивала руками, что Михаил подумал, как бы не получилось драки.

— О, та чого цэ ты так расходылась? Ну та чого ты крычишь на всю иванивську? Люды ж почують, смиятьоя будут,— пытался Никифор ее урезонить.

— И хай люды чують, хай смиються. О, я ще на

вулыцю выскочу, там закрычу. Иш, якый партизан зьявывся. Та ты глянь на хлопцив, яки воны росли та дебели. А ты? Малый, хворый, та у тебе ж писок уже сыпыться...

— Ну ты того, не дуже, ты полегче, полегче при людях выражайся. Бо все равно мене биля своей юбки не удержишь, все одно пойиду с партизанами...

Израсходовав весь огонь внезапной вспышки, Лукерья Максимовна замолчала, побледнела, потом заплакала и снова стала невеличкой, тихой, покорной.

Михаила разобрала жалость. Он окинул взглядом убогую, наспех сделанную клетушку: вдоль стен тянулись нары, сколоченные из сырых березовых жердей и прикрытых сеном и дерюгами. В углу на нарах кутались в какие-то тряпки трое малышей, четвертый, годовалый, посапывал в корыте, заменявшем люльку, а двое старших — дочь лет шестнадцати и сын лет четырнадцати — сидели, понурив головы, на краешке нар.

— Пожалуй, тебе лучше остаться дома,— сказал Михаил,— все-таки дети, хозяйство, нужда. Потом человек ты уже немолодой, а наша партизанская житуха трудная, не всякому по плечу...

И тут произошло такое, чего не только Михаил, но и сам Никифор не ожидал.

— Тоись, як это «остаться дома»? — резко запротестовала Лукерья Максимовна.— Значит, що ж, с нимцами хай други воюють, а мий Мыкыта, значит, дома, около жинкиной юбки хай сыдыть, га? Так ни ж, цего не буде. И вы не смотрить на то, що он у мене не такый представительный, он ще сильный и не одын десяток нимцив забье. А ты чего стоишь, рот роззявыв? А ну, давай скорее торбу!

Лукерья Максимовна стала вдруг какой-то рослой, волевой, помолодевшей, движения ее сделались уверенными.

— Вы, товарищи, не думайте, що я против. Я и вправду сама ему совитовала выихаты куда-небудь, бо ему тут все равно нельзя оставаться — за ным охотятся «бульбаши» прокляти. Мне просто стало обидно, що он не сказав мени сразу, що запысався в отряд.

Она немного передохнула, а потом сама стала успокаивать Никифора.

— А за нас ты не беспокойся, якось переживемо. Хлиб мы с тобою посиялы, картошки посадымо — пере-

бьемось. Та и мир не без добрых людей — допоможуть. Так що иды, воюй смело.

Пока она собирала Никифора в дорогу, он ходил за ней по пятам и украдкой вытирал скупые мужские слезы.

Вспомнив всю эту сценку, Михаил с удовлетворением отметил в уме, что Никифор ни разу не пожаловался на трудности партизанской жизни, на усталость в многодневных изнурительных походах и на опасности в кровопролитных боях.

Утро застало их на опушке леса, почти вплотную примыкавшего к деревне. Замедлив шаг, Алексей еще не решил, здесь ли устраиваться на дневку или забраться поглубже в лес. Но когда прошелся придирчивым взглядом по худым, обветренным лицам товарищей, понял: пройти-то они, конечно, пройдут не один еще километр, но ценой каких усилий им это достанется!

— Устраивайтесь, товарищи, на дневку за этими кустами,— показал он на плотную стену мелколесья, отгораживавшего лес от поля.

Партизаны обрадовались. Те, кто был уже не в силах бороться с усталостью, сразу же растянулись на росистой мягкой траве и, не успев снять вещевые мешки, мгновенно уснули. Другие же решили прежде подкрепиться немудреной партизанской едой, затянуться дымком самокруток из березовых листочков.

Радисты расположились под навесом раскидистого дуба, и, пока Галя Литвиненко возилась с приготовлением завтрака, Коля Новаторов проверял рацию и что-то потихоньку насвистывал.

— Присаживайтесь к нам завтракать, товарищ командир,— пригласила Батяна радистка Галя.

Копошась в мешке, она извлекала из него то засохшую краюшку хлеба, то варенную в мундире картошку, то узелок с солью. Стройная и тоненькая, с двумя косами, она даже в мешковатом полинялом комбинезоне была очень привлекательна и напоминала собой молоденькую елочку.

Многие молодые партизаны пытались добиться ее благосклонности. Но из всех она предпочла одного Алексея. Когда им случалось бывать наедине, они с увлечением рассказывали друг другу о своем детстве, делились своими мыслями, мечтами. Постепенно их привязанность друг к другу переросла в любовь. И когда

они поняли это, стали почему-то сторониться друг друга, то ли боялись осуждения товарищей, то ли их робость была им помехой.

— Ну что ж вы стоите, присаживайтесь,— повторила Галя приглашение, озаряясь улыбкой.

Обрадованный Алексей сделал было уже шаг, собираясь присесть. Но, вспомнив о товарищах, передумал.

— Спасибо, не хочется что-то,— отклонил он приглашение, отошел в сторонку, присел у сосны, привалился спиной к ребристой коре, расслабил мышцы, смежил отяжелевшие веки и погрузился в нелегкое раздумье.

Справа от него растянулись на траве минеры. Чуть поодаль от них — разведчики. Но в отличие от остальных те не спали, а сгрудились вокруг Минаева, который ставил перед ними очередную задачу. Слева от Алеши, вокруг Ярославцева, расположились остальные. И на кого не глянь, все как один худые, изнуренные. Им бы суток несколько отлежаться, отдохнуть, набраться сил. А тут через несколько часов снова идти в ночь, в неизвестность. Что их ждет впереди? Какие испытания подстерегают на чужой неизвестной земле? Это тревожило Алексея, не давало уснуть. Но постепенно усталость взяла свое, и он забылся непрочным партизанским сном.

ШАЛИКО И ЕГО ТОВАРИЩИ

Алексей проснулся от шума голосов, возникшего где-то поблизости, открыл глаза, увидел в нескольких шагах от себя Ярославцева и других партизан, разговаривавших с группой незнакомых вооруженных людей. Он подошел к ним.

— Пока ты спал, к нам вот пришли пять наших советских товарищей, все грузины. В сорок третьем бежали из плена и с тех пор воевали в беховском отряде, теперь к нам в отряд просятся,— доложил ему Ярославцев.

Алексей взглянул на новичков. Те стояли в нескольких шагах от него, застывшие по стойке «смирно!»

— Ну что ж, давайте знакомиться,— сказал Алексей.

Напряжение у новичков спало. Они обрадовались. Первым к нему подошел коренастый широколицый здоровяк с черными быстрыми глазами.

— Шалва Гогебашвили. У польских товарищей был под псевдонимом «политик».

— Кита Имерлишвили,— представился вслед за ним крупный широкоплечий человек, оказавшийся известным в Грузии борцом. Он так стиснул руку Алексея, что лицо у того подернулось легким непроизвольным тиком, и он, улыбаясь, мотнул головой от удивления.

— Простите, товарищ командир,— чуть слышно извинился Кита и густо покраснел.

Остальные также назвали свои имена: Владимир Белкания, Александр Кваливидзе, Давид Курашвили.

Летом 1943 года их, пятьдесят военнопленных кавказцев, перевезли из Новоград-Волынского лагеря в Польшу, в рабочий лагерь, который находился недалеко от местечка Скаржиске Каменне Келецкого воеводства. Недели две их водили под конвоем на земляные работы по прокладке новой железнодорожной линии, потом объявили, что все они зачислены в рабочий батальон немецкой армии и будут поочередно охранять в дневное время лагерь. Шалико, Кита и другие его друзья сначала хотели категорически отказаться от вступления в рабочий батальон, но потом решили, что это поможет им бежать из лагеря к партизанам, и смирились. На второй день в лагерь были завезены трофейные дегтяревские пулеметы, винтовки, патроны. Все это было сложено в отдельном щитовом доме, охранявшемся в ночное время немецкими часовыми.

С того дня тринадцать человек ежедневно оставались в лагере в качестве охранников, а остальные попрежнему ходили на земляные работы, но уже сами, без конвоя.

Вместе с ними на строительстве железнодорожной насыпи ежедневно отбывали трудовую повинность до тридцати-сорока поляков из окрестных сел. Свободно общаясь с ними, Шалико стал присматриваться к прорабу — двадцатичетырехлетнему поляку Сташеку. Тот оказался человеком сметливым, но очень осторожным и немногословным. На вопрос Шалико: не поможет ли он связаться с польскими партизанами, ответил не сразу, да и невразумительно.

— Заходьте, пан, до моего отца. Мы живем в Одехове,— кивнул он в сторону видневшейся неподалеку окраины села.

Сташек добавил, что отец его когда-то служил солдатом в русской армии, участвовал в первой мировой войне, с которой вернулся калекой, хорошо говорит по-русски.

На следующий день Шалико отлучился с работы и отправился в Одехово, к отцу Сташека. Старик оказался без ног, пригвожденный к постели. Шалико он встретил очень радушно. А когда они разговорились и узнали, что один из них служил на Кавказе, в грузинском городе Кутаиси, а другой был оттуда родом, их отношения стали дружескими, доверительными.

— Отец, мы — грузины решили бежать из лагеря к польским партизанам,— откровенно признался Шалико.— Помогите нам связаться с ними.

— Для того чтобы стать партизанами, надо сперва подумать об оружии, потому как без оружия и партизан не партизан,— уклончиво заметил хозяин.

— Так мы же с оружием сбежим,— с радостью воскликнул Шалико.

— Вот тогда и поговорим, как вам связаться с нашими партизанами. А сейчас рано пока об этом говорить,— сказал, как обрезал, старый солдат-инвалид.

И заговорщики стали усиленно готовиться к побегу. Шалико присматривался к оружейному складу в надежде подобраться к нему, чтобы разживиться оружием. К их счастью, 21 сентября Кита Имерлишвили и еще один член их группы — Александр Микадзе на весь день были посланы на склад для протирки и смазки оружия. Перед их уходом Шалико успел шепнуть Ките, чтобы они отодрали фанерный лист внутреннего щитового простенка и заложили в середину хотя бы штук пять винтовок с патронами с таким расчетом, чтобы в нужный момент можно было отодрать наружный лист фанеры и без труда забрать это оружие.

Кита и Александр справились с этим заданием отлично.

— Два пулемета, шесть винтовок, четыре гранаты, диски к пулеметам и патроны —и на месте,— распираемый радостным волнением, доложил Кита организатору побега.

— Фанерный лист хорошо заделали, немцы не заметят? — дотошно допытывался Шалико.

— Не волнуйся, ни один черт не заметит,— заверил Кита.

В томительном ожидании провели они трое суток, пока четырех из их семерки — седьмым был Илья Сурмава — немцы не назначили в ночной наряд на охрану лагеря, в помощь немецким часовым. И, как им и хотелось, не Микадзе и Кита, на которых лежала главная ответственность за обеспечение оружием, а сам Шалико заступил на пост возле барака...

Чем ближе было к вечеру, тем все больше и больше они волновались.

Наблюдая за поведением товарищей, Шалико утешал их, как мог:

— Спокойнее, друзья. Все будет в лучшем виде. Только ты, Кита, смотри не перепутай — если я кашляну один раз, значит, часовой приближается и надо скорее отойти в тень, а когда кашляну дважды, значит, он удаляется и работу можно продолжить.

Наступила ночь — глухая, осенняя, слегка подсвеченная ярким сиянием звезд. Над лагерем повисла тревожная тишина. Только изредка покашливал на своем посту Шалико, заранее приучая к этому немецких часовых.

Напряженно всматривался Шалико в темноту, боясь прозевать приближение товарищей. Но те почему-то задержались. Возможно, не все еще спали в бараке. А может быть... но это страшное, липкое «а может быть...» он усилием воли отгонял от себя, храбрился.

— Ну как тут, все в порядке? Можно идти? — раздался над ухом шепот Киты.

Он так неслышно подошел, что Шалико вздрогнул от неожиданности.

— Идите,— чуть слышно проронил он, слегка подтолкнув Киту в спину.

И тот вместе с Александром Микадзе и Давидом Курашвили подались к складу. А Шалико до рези в глазах стал следить за движением часового. Вот он немного постоял в отдалении, потом не спеша повернулся и медленно стал приближаться к тому углу, за которым орудовали Кита и его товарищи.

— Кхе! — громко кашлянул Шалико.

Три еле различимые силуэта метнулись от склада в теневую сторону.

Часовой подошел к углу, потоптался, затем неторопливо пошел в обратном направлении.

— Кхе-кхе,— тотчас же подал знак Шалико.

Дважды он еще повторял эти свои «кхе» и «кхекхе», пока к нему не подошли товарищи с оружием, завернутым в плащ-палатку.

— Есть! — радостно выдохнул ему в ухо Кита.— Можно действовать дальше?

— Давай, орудуй.

Кита отделился от товарищей, подкрался к часовому у ворот сзади, занес над его головой железный ломик, набрал полные легкие воздуха и ударом страшной силы свалил немца замертво. Шалико подбежал, нагнулся.

— Готов,— засвидетельствовал он.

Кита сгреб безжизненное тело немца и потащил подальше от ворот.

— Кхе-кхе-кхе,— в последний раз «зашелся» кашлем организатор побега.

А через минуту все семеро уже мчались в сторону недалекого леса.

Спустя неделю Сташек свел их с партизанами из беховского отряда Оськи, и те приняли их в свои ряды.

— Более восьми месяцев провоевали мы в батальоне Оськи в составе взвода Бацы. А когда сегодня узнали о вашем появлении, сразу сюда, к вам.— Шалико умолк и, переминаясь с ноги на ногу, с надеждой поглядывал то на Алексея, то на Ярославцева, потом спросил: — Так как, товарищ командир, принимаете нас в отряд или нет?

Прежде чем решить это, Алексей осведомился у Шалико, знает ли командование БХ о их переходе к советским партизанам.

— Да, товарищ лейтенант, знает и не возражает. Кстати, наш командир взвода Баца очень хочет встретиться и познакомиться с вами.

— А где он сейчас?

— В деревне ожидает вас.

— Ну что ж, друзья,— обратился Алексей к грузинам.— Вы можете считать себя партизанами нашего отряда. А сейчас пошли в гости к вашему Баце.

На окраине деревни их поджидала небольшая группа беховцев. Алексей еще издали выделил из них широкоплечего человека среднего роста, обвешанного громоздким оружием, в том числе маузером в деревянной колодке и очень массивным кавалерийским пистолетом-пулеметом, не намного уступавшим своею тяжестью и габаритами ручному пулемету Дегтярева.

— Видал, как пан партизан вооружился? — шепнул Алексей на ходу Ярославцеву.

— Да, силен товарищ, раз таскает такую пушку,— заметил тот, улыбаясь.

Шалико приблизился к Алексею.

— Это он, товарищ лейтенант, наш командир Баца.

Партизаны сошлись. Познакомились. У Баци было мужественное лицо с высоким лбом, квадратным подбородком и серьезным, решительным взглядом. Сквозь устоявшийся загар проглядывала землистая бледнота— отметина постоянного душевного напряжения, частого недоедания, нередкого знакомства с пороховой гарью и смертельной опасностью.

Первое время он чувствовал себя скованным, не знал, куда девать свои хваткие руки. Но когда Алексей заговорил с ним просто, как равный с равным, да еще попольски, Баца с облегчением вздохнул и его, еще за минуту до этого малоподвижное, напряженное лицо сделалось неожиданно юным, энергичным, подвижным.

Глядя на него, Алексей понял, что такому человеку можно довериться, и спросил, какая обстановка в районе Староховицкого леса.

— До края ляса жандармы наезжают, а в ляс ходить боятся, бо там стоит большой отряд аэловцев полковника Сашки.

С первых же слов Алеша и Баца пришлись друг другу по душе и разговорились. Алексей стал расспрашивать нового польского друга, как он стал партизаном. Поинтересовался, как воевали у них грузины. И Баца охотно рассказал о себе и о них.

Тадеушу Войтыняку — Баце шел двадцать первый. Четыре с половиной года из них он уже отдал борьбе с гитлеровскими оккупантами у себя на родине в треугольнике города Радома и повятовых—уездных местечек Староховице и Липско-Келецкого воеводства, вначале в составе подпольной организации, потом в Ба-

тальоне Хлопском, как один из его организаторов и командиров. К Советскому Союзу и его армии относился тепло и считал, что только она может помочь Польше освободиться от немцев. Поэтому никого из беховцев не удивило, когда Баца, не колеблясь, всех семерых советских военнопленных взял к себе во взвод. А когда в первом же бою убедился, что они были людьми храбрыми и стойкими, стал доверять им самые ответственные боевые операции.

И теперь, отвечая на вопрос Алексея, как эта семерка вела себя в боях, он очень расхваливал их, называл храбрыми и в качестве примера рассказал об одном боевом эпизоде.

Произошло это осенью 1943 года в двадцати пяти километрах к северу от Михалува, на окраине местечка Цепелево, на берегу Илжанки — притока Вислы. В самом Цепелеве стоял пост гранатовой полиции[1]. А в полукилометре, за рекой, в толстостенных каменных строениях старинного поместья Гурки окопался эсэсовский карательный отряд. Много горя принес он полякам. Сотни ни в чем не повинных жителей окрестных сел пали от рук этих гитлеровских палачей, десятки семей подпольщиков и партизан были зверски замучены.

И батальон Оськи решил отомстить фашистским головорезам из Гурок. В поисках подходов к ним беховские разведчики установили, что ежедневно, ровно в девять часов вечера из Гурок в Цепелево отправлялся дежурный взвод на ночное патрулирование улиц. Его путь проходил по мосту через Илжанку и трехсотметровому отрезку шоссе, отделявшему речку от Цепелево. Где-то на середине этого пути партизаны и решили устроить засаду.

Наступила решающая ночь, лунная, холодная. Земля скована первыми заморозками. У здания, где размещался пост гранатовой полиции, залегла засада. Дороги, идущие с севера, со стороны повятового центра Зволень и с юга, от другого повятового местечка Липско, откуда к немцам могла подойти помощь, были пе-

[1] Польская полиция — верный страж довоенного реакционного санационного режима. С приходом гитлеровцев многие из гранатовых полицейских пошли к ним на услужение. Гранатовой полиция была названа за цвет обмундирования.

рекрыты усиленными боевыми группами. А на дороге из Гурок в Цепелево, в месте намеченной засады, Баца расположил основные силы отряда. Лежать на стылой земле было трудно, зябко, но партизаны терпеливо, мужественно переносили эти испытания.

Вдруг где-то позади, на окраине Цепелево гулко прозвучали один за другим три винтовочных выстрела. Беховцы встревожились: что это, условный сигнал для гарнизона? Оказалось, нет. Баца очень скоро узнал от связного, что никакой опасности для партизан эти выстрелы не представляли. Между тем за рекой, в Гурках, зашевелились. Вспыхивали лучи карманных фонариков, доносились возбужденные голоса. Стало ясно, что враг к чему-то готовился и уже не удастся нанести внезапный удар из засады. Но отступать партизаны не собирались.

— Без розказа не стшелять, подпусьциць ближей,— передал Баца приказ по цепи.

Наконец за рекой замаячили силуэты людей, шагавших большой колонной. Это были эсэсовцы. В серебристом свете луны партизаны видели, как они подошли к мосту, перешли его, продвинулись по шоссе в сторону местечка и метрах в ста с лишним от линии партизанской засады замедлили шаг. Послышался лай собак, резкая команда. Не успели партизаны опомниться, как в нескольких шагах от них замерли в напряженной стойке овчарки. Илья Сурмава, лежавший с дегтяревским пулеметом у самой обочины шоссе, попытался было подбросить кусок хлеба той, что застыла перед его носом. Но собака отскочила с испугу назад и зашлась неистовым лаем.

Медлить дальше было невыгодно, и Баца длинной серией из своего пистолета-пулемета подал сигнал к бою. Мгновенно окрестность огласилась грохотом пулеметных строчек, гулкими винтовочными выстрелами, сливавшимися в общем хаосе стрельбы в сплошной гул.

Ошарашенные эсэсовцы не выдержали, метнулись в сторону и побежали к речке, намереваясь вплавь перебраться на свою сторону.

— За мно-ой!— закричал что было сил Кита и, стреляя на бегу из автомата по отступавшим эсэсовцам, бросился преследовать их.

Следом за ним помчались Белкания, Микадзе, Сур-

мава и польские партизаны. Но Баца, Шалико и еще несколько партизан не поддались этому порыву.

— Что они, понимаешь, не знают, что рядом гарнизон, что можно попасть в ловушку? — возмутился Шалико.

— Стой, панове! З повротем! — закричал Баца и побежал заворачивать партизан назад.

— Назад, товарищи! — кричал рядом бежавший с ним Шалико по-русски, а потом по-грузински.

Только партизаны залегли на прежней позиции, как из Гурок в их сторону полетели многочисленные огненные трассы, изрыгаемые крупнокалиберными и обычными станковыми пулеметами. Под этим прикрытием из гарнизона выбежало в три раза больше эсэсовцев. Часть их рассеялась по берегу и открыла огонь по противоположному берегу, думая что там лежат партизаны. А основные силы, проскочив мост, стали быстро приближаться к месту партизанской засады.

Положение у партизан становилось угрожающим. Прижатые плотным огнем противника к земле, они не могли поднять головы, сманеврировать, отойти.

— Ничего, как только их колонна приблизится, обстрел из-за реки прекратится, — подсказал Баце Кита, оказавшийся рядом.

Баца молча пожал ему руку и тут же передал бойцам, чтобы они не стреляли, ждали сигнала.

Установившаяся тишина притупила бдительность немцев. Они решили, что партизаны сбежали, и уже смело, в полный рост, стали приближаться плотной колонной. Когда же расстояние между ними и партизанами сократилось до двадцати-тридцати метров, Шалико и Сурмава застрочили из пулеметов, в упор расстреливая немцев. Пулеметчиков тотчас же поддержали остальные партизаны.

Колонна эсэсовцев дрогнула и во второй раз шарахнулась в стороны. Но как только она рассеялась и шоссе очистилось, снова вступили в дело вражеские пулеметы. Те, кто лежал за ними, успели по выстрелам партизанских пулеметчиков засечь их и теперь взяли под перекрестный огонь.

— Ах, гады! — громко выругался Шалико.

Он сполз с шоссе на обочину, положил пулемет на колени и ухватился левой рукой за правое плечо, которое было все в крови.

— Цо з тобой, Политику? — кинулся к нему Баца.

— Ранен.

— Скорей ходь на тыл, на място збора отряда,— скомандовал Баца и потянулся было за пулеметом.

— Что ты, понимаешь, говоришь? — возмутился Шалико, цепко удерживая пулемет здоровой рукой.— Как я могу уйти, когда еще одна рука и ноги работают!

Не обращая внимания на рану и помогая себе коленями, он уселся поудобнее, стал набивать левой рукой пустой пулеметный диск патронами.

Эсэсовцы попытались было пойти в атаку. Но вовремя подкрепленные двумя боевыми группами, партизаны и на этот раз смяли колонну врага и, пока тот приходил в себя, отошли, не потеряв ни одного человека убитым.

Немцы же заплатили за этот жаркий бой пятнадцатью солдатами убитыми и вдвое больше ранеными.

— Так, пане поручнику, воевали ваши жолнежи Шалико, Сурмава и инне грузины. Вшистке добже воевали,— с чувством повторил Баца и замолк.

К вечеру в Михалуве заявился командир батальона поручик Оська, Ян Соньта. Он оказался на несколько лет старше Бацы и чуть повыше его ростом. У него было некрупное выхоленное лицо с большим выпуклым лбом, аккуратно подстриженными усиками. Серо-голубые глаза смотрели доброжелательно. Он оказался человеком простым, словоохотливым, способным смеяться от души, как говорят, взахлеб. А когда настала пора прощаться, он выстроил беховцев перед советскими товарищами и по команде: «Бачность!» — «Смирно!» поблагодарил грузин за образцовую дисциплину, за подвиги, за то, что не щадя своей жизни, сражались за Польшу.

— Вас было семеро. Еден ваш товарищ, «Сержант» — Сурмава пал смертью богатера. Еще еден, «Фельшер» — Микадзе Александр остался у Бацы в деревне, як хворый. Уходите пятеро. Не забывайте нас. И всем вам большого сченстья,— сказал Оська в заключение.

— Не забудем, пане поручнику,— ответил за всех Шалико.— Не забудем никогда, потому что наша дружба была скреплена кровью. А такая дружба вечна.

ОБМАНЧИВАЯ ТИШИНА

За ночь отряд Алексея Батяна прошагал более двадцати километров и, когда наступило утро, остановился в Староховицком лесу, недалеко от опушки, на дневку. Усталые партизаны быстро уснули. Алексей же и Михаил еще долго сидели над картой, намечая маршрут дальнейшего движения.

Но вот и они начали укладываться.

Вдруг где-то недалеко подозрительно затрещал валежник.

— Кажется, сюда идут,— насторожился Михаил.— Так и есть, с первого поста спешит кто-то.

В этот миг в просвете меж кустов промелькнула фигура командира отделения Бочкарева.

— Что случилось?— встретил Алексей Бочкарева вопросом.

— Немцы!— одни духом выпалил тот.

— Где?

— Метров за триста от опушки. Идут по нашему следу.

— Много?

— Примерно около роты.

Бочкарев старался казаться спокойным, но это ему плохо удавалось.

— Буди!— бросил ему Алексей.

Но партизаны все уже были на ногах.

— Будьте, товарищи, наготове. Мы — счас...— Алексей не договорил. Вместе с Михаилом и Бочкаревым они подались в сторону приближающегося врага.

За ними тотчас же проследовал ординарец Алексея Петя Коваленко — человек очень молодой, шустрый, немногословный.

Вскоре все четверо уже лежали под крайним кустом лесной кромки, и, пока Алексей следил за продвижением немцев, Михаил быстро изучал местность. Вправо от них опушка полого спускалась в неглубокий овраг, поросший труднопроходимым молодняком осинника, потом карабкалась на противоположный крутой взгорок и неровной закраиной уходила на восток, теряясь где-то в стороне Михалува. Влево — мыском выдвигалась несколько вперед, метров через двести взбегала

на небольшой холмик и пряталась за ее горбом в низине. А впереди, начиная от леса и сколько глаза видели, простиралась равнина, расцвеченная зелеными полосками посевов, черными полотнами весновспашки, выпасами. Равнину рассекал распадок. Выскочив из леса, он устремлялся на север, в сторону местечка Илжи, и чем дальше, тем становился все шире и мельче.

Этим распадком к лесу на рассвете пришли партизаны. Теперь по нему шагали немцы. Судя по черным воротникам на серо-зеленой форме, это были эсэсовцы. Шли они с засученными рукавами, многие без головных уборов. Впереди трусцой бежали, сдерживаемые поводками, три овчарки. Они то и дело останавливались, принюхивались к траве, к воздуху и снова устремлялись вперед.

«Что б вы, проклятые, подохли»,— выругался про себя Алексей.

Да, не будь у немцев собак, отряд мог бы сманеврировать и быстро замести следы. А теперь волей-неволей приходилось ввязываться в бой.

— Ну как, дадим фрицам прикурить?— решил Алексей прощупать настроение Михаила.

— Что ты! Их же вон сколько. Надо скорее срываться, пока не поздно.

В отличие от горячего, всегда рвавшегося в бой Алексея Михаил был более сдержан и осторожен.

— Поздно. От овчарок далеко не уйдешь — догонят. Нет, пока их не прикончим, об отходе нечего и думать,— отвечал Алексей.

— Ну что ж, давай. Только смотри, Алеша, не увлекайся, а то...— Михаил не докончил, но по его глазам Алексей понял, что он хотел сказать.

— Не бойся, все будет в порядке.— Алексей повернулся к Бочкареву.— Мчись, Петя, за людьми. Скажи Ярославцеву, чтобы он и четыре автоматчика остались с радистами. С остальными ты скорее сюда, да потише, без шума.

— Есть!— шепнул в ответ Бочкарев и тут же скрылся в зарослях.

Отряд не заставил себя долго ждать. Один за другим партизаны ползком добирались до опушки, занимая свои привычные места в общей цепи.

— Подпустить поближе. Первым заходом срезать собак, вторым — ударить по колонне. Потом по моей

команде все — в глубь леса,— передавалось из уха в ухо приказание командира.

Эсэсовцы подходили все ближе, ближе. Вот уже можно было рассмотреть их лица, цвет волос на головах, оружие.

Неожиданно средняя, самая крупная овчарка зарычала и, потянув за собой проводника, кинулась к тому кусту, за которым замерли Касянчик и еще кто-то из партизан. Когда собаке оставалось один-два прыжка до опушки, та взорвалась шквалом партизанского огня. Взвизгнула и зашаталась одна собака, за ней другая, третья. А партизанские автоматы и пулеметы все строчили и строчили. Громко бухали винтовочные выстрелы. Оглушая все вокруг, грохот боя заполонил собою опушку, перекатывающимся эхом понесся по вершинам деревьев в глубину Староховицкого леса.

Вражеская колонна, как только партизаны ударили по ней, всколыхнулась, будто по ней прошелся ураган, и вдруг расползлась в стороны. На месте остались только сраженные собаки и несколько убитых и раненых солдат.

Когда эсэсовцы наконец опомнились и открыли по опушке массированный огонь, партизан уже и след простыл. Отбежав метров на триста в глубь леса, они перешли на шаг, широкий, привычный, размашистый. И хотя немцы позади по-прежнему палили из всех видов оружия и десятки, сотни разрывных пуль долетали до партизан, разрываясь пистолетными хлопками над головой, их, бывалых воинов, это уже не страшило.

Но вот стрельба на опушке оборвалась.

— О, кажытця, утыхомырылысь,— с облегчением вздохнул Никифор Касянчик.

Шагавший рядом минер Иосиф Савченко, любитель розыгрышей и подначек, посмотрел на помощника старшины смеющимися лукавыми глазами, потом обернулся, заговорщически подмигнул своим корешам — Васе Усенко и Коле Полищуку.

Те сразу поняли, что назревают веселые минуты, и один поравнялся с Касянчиком, а другой — с Савченко.

— Да, товарищ помстар,— начал Савченко официальным тоном,— и немцы утихомирились, и у тебя в животе, кажется, перестало колобродить.

— Еще чего выдумаешь,— с укоризной заметил ему Никифор.

Некоторое время он шел молча, осмысливая, по-видимому, только что услышанные слова. Потом покачал головой, усмехнулся и, сощурив глаза, спросил:

— А як же ты, Ёсыпе, узнав, що у меня там в животе делалось, когда я бижав? Ухом чи руками?

— Та нет — носом учуял. Я же всю дорогу мчався позади тебя.

Все, кто оказался возле них поблизости, взорвались дружным хохотом. От души смеялся и сам Никифор.

— От же балаболка, и придумае такое, просты господи,— незлобливо промолвил он.— Смотрю я на тебе, Ёсыпе, и думаю: яка ж у тебя светла голова, якый у тебе, ну, прямо замечательный ум...

— Ага, сам, значит, признаешь? — не ожидая подвоха, торжествовал Савченко.

— Только глупому досталась, вот обидно,— все тем же серьезным тоном докончил Касянчик.

По лесу прокатилась новая волна хохота.

— Здорово тебя купил помощник старшины,— смеясь, сказал Иосифу Усенко.

— Ну и купил. Пусть лучше скажет мне спасибо за то, что я напрочь прострочил того цуцыка, что на него разогнался было.

— А-а, так, значит, это ты его прикокнув? И, говоришь, насовсем? — притворился Никифор крайне удивленным.

— Что за вопрос, конечно, насовсем.

— От спасибо тоби, друже, успокоив ты меня. А то ж я всю дорогу иду и все оглядуюсь, щоб та собака не оказалась пидранком и не нагнала та не цапнула мене за штаны.

— А ты не хитри, не хитри, помстар, не за штаны ты боишься, а за то, что под ними, за свою барыню ты трясешься.

— Чудак человек! Та на ней же таки мозоли, що люба собака об них зубы поломае...

Снова смех. И вдруг:

— Тр-рррр! Тртртрррр! Бух, бух! Та-та-та-та...— затрещали где-то совсем близко немецкие автоматы, застрочили пулеметы, грохнули винтовки.

— За мной! — мгновенно сориентировался Алексей, увлекая за собой партизан в сторону.

Та легкость, которую Алексей ощущал во всем теле за минуту до этого, развеялась. Голову стали распирать невеселые мысли: «Увязались-таки, гады, не побоялись, не иначе как пьяные. Жаль, что по траве пришлось бежать, след свежий и без овчарок показывает наш путь».

А эсэсовцы, разозленные неудачей на опушке, действительно лезли напролом и, судя по выстрелам, неотступно следовали по пятам.

Алексей с беспокойством поглядывал то на Касянчика, хватавшего воздух широко раскрытым ртом, как рыба, вынутая из воды, то на Галю, наотрез отказавшуюся разделить с другими свой громоздкий груз, то на других партизан, выбивавшихся из последних сил. Очень тяжело было им — еще не отдохнувшим после двадцатидневных изнурительных боев, пережитых в междуречье,— состязаться в беге с рослыми, здоровыми эсэсовцами. Хорошо сознавая это, Алексей все время присматривался, в поисках удобного места для засады. «Надо их во что бы то ни стало охладить немного, чтобы не перли так смело»,— решил он.

Деревья расступились, и партизаны оказались на большой поляне. Слева опушка окаймляла ее большим выгнутым полукружьем, справа — более коротким ломаным изгибом. А на другом конце поляны, куда партизаны уже добежали, вокруг виднелись в низкорослом дубняке массивные пни, прикрытые сверху лиственным подгоном. «Вот оно, это место! Лучшего для засады не сыскать!» — обрадовался Алексей. И отдал команду остановиться. «Здесь мы их и встретим. Иначе догонят и всех перестреляют в спину»,— решил он про себя.

С одобрения Петра Ярославцева и молчаливого согласия Минаева он отдал приказ, и партизаны залегли за пнями, приготовились к бою.

Вскоре ветки на противоположном конце поляны, где за несколько минут до этого были партизаны, качнулись и в их проемах показались два эсэсовца. Несколько секунд они внимательно просматривали поляну, потом вышли из укрытия.

К ним тут же присоединились еще три таких же рослых гитлеровца. Все пятеро прошлись по всей окружности опушки длинными очередями из автоматов. Потом перевели огонь в ту сторону, куда вела све-

же проложенная в траве широкая тропа. Пули просвистели над головами партизан.

— Здоровые гады, видал? — обратился Алексей к рядом лежавшему Михаилу. — От таких нелегко скрыться. Придется как следует всыпать, чтобы не очень-то поспешали за нами.

— Товарищ командир, разрешите пройтись по ним короткой очередью, — попросил Усенко, слегка хлопнув ладонью по стволу пулемета.

Алексей строго сдвинул брови и погрозил пальцем: нельзя, мол.

Один за другим выходили на поляну вражеские солдаты и, присоединяясь к разведчикам, создавали вокруг них беспорядочную толпу. До партизан долетали обрывки громкой речи, раскаты смеха.

— Похоже на то, что дальше идти не собираются, — повеселел Михаил. Алексей молчал и не отрывал глаз от противника.

Толпа расступилась и в несколько мгновений превратилась в две стройные полуроты. В интервале между ними показался тучный обер-лейтенант. Он прошел немного вперед, остановился, повернулся лицом к строю и о чем-то заговорил, подкрепляя свою речь размашистыми движениями рук. Вот указательным пальцем правой руки он проткнул воздух в сторону левофланговой полуроты и очертил им западное полукружье опушки. Потом подошел к правой полуроте и повторил то же движение, но уже в сторону восточной изломанной закраины леса.

Продолжая отдавать команду, обер-лейтенант повернулся лицом к поляне, выбросил полусогнутые руки с оттопыренными пальцами в стороны и, быстро загребая ими воздух, соединил их перед собой в кольцо.

— Алеша, надо скорее отходить, — забеспокоился Минаев.

— Поздно, Миша, — не поворачивая головы, ответил Алексей. — Ах так! Хотите взять нас в клещи? — вслух рассуждал он. — Так нате ж вам! — и, не думая о последствиях, застрочил из автомата.

Вслед за ним все тридцать три партизанских ствола заработали с полной нагрузкой.

«Что он делает?! Отходить надо, а он в бой вступает... Ах, Алеша, Алеша, горячая твоя голова», — со-

крушался Михаил, не замечая, с каким азартом сам бил по немцам короткими очередями.

Гитлеровцы залегли и некоторое время вели активную перестрелку. Потом умолкли и, выполняя наказ командира, смело пошли опушкой в обход.

— Алеша,— быстро зашептал Ярославцев,— эта часть опушки короче, видишь? Значит, фрицы с этой стороны подойдут раньше той полуроты. Давайте ударим по этим и, как только залягут, сразу в сторону. Пусть потом по своим пуляют.

— Ясно,— сразу же ухватился Алексей за это предложение.— Я с отделением Бочкарева встречу эту полуроту, а ты с отделением Колбасова подготовься встретить ту,— Алексей немного помолчал, потом пододвинулся вплотную к Минаеву,— в случае чего, Миша, возьмешь командование на себя...

Медленно продвигались немецкие полуроты. Молчали и партизаны, с нетерпением поджидая эсэсовцев. Наступили мучительные минуты ожидания предстоящей схватки, таившей в себе равную опасность гибели для каждого ее участника, как с одной стороны, так и с другой.

Но вот в нескольких метрах слева зашуршали ветки. Идут. Пора!

Алексей, увлекая за собой отделение Бочкарева, первым бросился навстречу гитлеровцам.

И снова лес затрещал, заохал. В рыкающий грохот боя вплелось неистовое русское «Ура-а-а-а!..» Нервы гитлеровцев не выдержали, и они, налетая друг на друга, ошалело бросились буквально наутек.

Ободренные таким неожиданным успехом, партизаны отделения Бочкарева бросились преследовать врага.

— Назад! Стой!— безуспешно кричал им вслед Алексей...

А в это время к остальной части отряда приближалась вторая группировка врага. Обер-лейтенант упорно вел своих подчиненных эсэсовцев по намеченному маршруту, надеясь, по-видимому, ударом с тыла смять партизан. Однако все произошло по-другому. Когда открыло встречный огонь отделение Колбасова и немцы обрушились на него, стараясь задавить партизан своим количеством, неожиданно с тыла по ним ударили подкравшиеся в самый решительный момент боя польские партизаны.

Попав меж двух огней, эсэсовцы не выдержали и в беспорядке помчались уже прямо по поляне, назад. Они так мчались, что очень скоро настигли запыхавшихся солдат второй полуроты и вместе с ними без оглядки подались на опушку.

Вдогонку им, плечом к плечу бежали не обмолвившиеся пока еще ни словом советские и польские партизаны. Они дышали одним и тем же воздухом, горели одной и той же неистребимой ненавистью к общему врагу.

Остановились партизаны только на выходе из леса, у того самого распадка, где грохнули первые раскаты утреннего боя. Немцы уже успели погрузиться на машины и укатить восвояси.

Алексей спросил у оказавщегося рядом юного польского партизана, кто их командир.

— Пулковник Сашка,— ответил юноша и показал на рослого подтянутого человека в светло-сером гражданском костюме спортивного покроя.

Это был черноволосый, кудрявый молодой ещё человек с загрубевшим от солнца и ветров лицом, на котором выделялись сильно развитые лобные бугры и задиристый подбородок. Под носом темнела чисто польская стежка усиков. На широком офицерском ремне его висели в ряд несколько гранат-лимонок, а на правом боку, в новой кожаной кобуре, увесистый польский «ВИС».

Алексей подошел к нему.

— Довудца советского партизанского одзала Алеша,— представился он и стал по-польски благодарить за оказанную в такой критический момент помощь.

— А я есть командир партизанского отряда Армии Людовой Сашка,— отрекомендовался тот на чистом русском языке.

— Вы что, русский?— удивился Алексей.

— Самый наичистейший, с Урала я,— ответил Сашка и коротко поведал своим соотечественникам, как он очутился в Польше.

Летним вечером 1941 года он, старший лейтенант бомбардировочной авиации Войченко, поднял с Воронежского аэродрома свой самолет в воздух и в составе авиасоединения отправился на очередную бомбежку Берлина. На обратном пути, когда они пролетали над Польшей, немцы подбили его самолет. Тяжело ранен-

ного пилота подобрала в Староховицком лесу пожилая полька. В течение нескольких месяцев она мужественно боролась за его жизнь и своего добилась: Сашка стал поправляться. Весной 1942 года, когда он уже стал набираться сил, к нему неожиданно заявился секретарь Радомской окружной партийной организации Польской рабочей партии Леон Кочаский — Болек.

Узнав, что Войченко коммунист и горит желанием драться с гитлеровцами, Болек доверительно рассказал ему о деятельности своей партии.

Польская рабочая партия — ППР[1] возникла в январе 1942 года на базе нескольких, не связанных между собой, нелегальных антифашистских организаций и групп, действовавших под руководством бывших активистов распущенной в тридцатые годы Коммунистической партии Польши. Во главе ППР встали ее организаторы — видные деятели коммунистического движения Марцелий Новотко и Павел Финдер, вернувшиеся нелегально из СССР, где, после поражения Польши, они около года находились в эмиграции. Новотко был избран секретарем Центрального комитета партии, Финдер — его заместителем.

Для начала партия решила объединить все патриотические силы народа, чтобы поднять их на вооруженную борьбу против гитлеровских оккупантов. В борьбе за национальное освобождение ППР призывала польский народ к дружбе и совместным боевым действиям с народами Советского Союза, его армией и партизанскими отрядами. Для осуществления этих целей Центральный комитет ППР приступил к созданию своей военной организации — Гвардии Людовой — Народной Гвардии.

В заключение Болек предложил Войченко стать во главе партизанского отряда Гвардии Людовой на Радомщине.

Войченко охотно согласился. За два года, прошедшие с тех пор, отряд Сашки вырос, закалился в боях с гитлеровцами, слава о нем разнеслась далеко вокруг. Гитлеровские каратели много раз пытались подкараулить или подкрасться исподтишка, чтобы уничтожить отряд. Но благодаря хорошо поставленной разведке

[1] По-польски: Польска Партия Роботнича. Отсюда: пепээр, пепээровцы (члены партии).

и помощи населения партизаны вовремя уходили из-под удара и снова громили врага.

— Я — летчик. Никогда не думал, что придется партизанить, да еще в чужой стране, а вот пришлось,— закончил Сашка свой рассказ.

На вопрос Михаила, как относятся к нему польские партизаны, он ответил коротко:

— Нормально. Доверяют.

— А домой не тянет? Не скучаете по родине?

— Что вы! Как может не тянуть в родные края. Конечно, скучаю. Но я дал польским товарищам слово, что не покину их до той поры, пока Польша не будет очищена от гитлеровских оккупантов. И это слово я сдержу.

Вскоре, весело переговариваясь, польские партизаны вели к себе в гости советских друзей, и у тех и других было тепло на душе. Они вместе радовались яркой зелени, ласковому солнцу, весеннему цветению земли.

ВСТРЕЧА С АНТЕКОМ

Советские партизаны расположились в глубине леса, по соседству с отрядом Сашки.

Никифор Касянчик и Юзеф Вронский лежали в стороне от других на солнечной полянке, погруженные каждый в свои думы. Изредка они перебрасывались короткими фразами.

Удивительна была их дружба. Возникла она вскоре после того, как братья Юзеф и Станислав Вронские перешли из партизанского соединения генерала Федорова в соединение Виктора Карасева. Это было в феврале 1944 года на Украине, незадолго до того, как соединению уйти в Польшу. Когда Касянчик познакомился с братьями, его сразу же потянуло к старшему — Юзефу. И тот, как человек отзывчивый, общительный и деликатный, ответил ему взаимностью. По складу характера, уровню развития и роду занятий в довоенной жизни они, казалось бы, совсем не подходили друг другу. Вронский — силезский шахтер, горожанин, человек грамотный, развитой, с восемнадцатилетним стажем исключительно трудной подпольной коммунистической деятельности в условиях санационного режима,

а потом — немецко-фашистской оккупации. Никифор же в прошлом малограмотный крестьянин из глухого села западно-украинского полесья, с довольно примитивными взглядами, беспартийный. Разными они были и внешне. Юзеф был высок, статен, с броской внешностью горожанина, удивительно симпатичным привлекательным лицом; а Никифор, как читатель уже знает, невысок, худощав, узкогруд. Но было у них и общее — ровесники, оба вышли из бедной крестьянской среды, в одно время отбывали воинскую повинность в рядах польской армии, с той лишь разницей, что Юзеф служил в уланском полку, а Никифор — в пехотном. И тот и другой долгие годы страдали от реакционного режима фашиствующей клики Пилсудского — один за подпольную коммунистическую деятельность, другой — за принадлежность к неимущему украинскому «быдлу».

...Вечерело. Деревья, разогретые за день уже припекавшим майским солнцем, стояли тихие, задумчивые, не двинув ни одним листочком. И только две осинки, сиротливо торчавшие на полянке, то и дело мельтешили своими чуткими серо-зелеными пятачками.

— Интересное дело, ни одно дерево не шевелится, а воны, глянь,— показал он Вронскому на осинки,— як трясутся. Вроде як их лихорадка бьет.

Юзеф поглядел на осинки и молча улыбнулся.

Неожиданно снизу, со стороны оврага, повеяло легким ветром. Заколыхались тонкие ветки березы, вздрогнули листья на высоком красавце вязе, и лишь один дуб продолжал стоять все в том же немом оцепенении. Но вот ветер окреп, подул сильнее, порывистее. Беспокойно зашумели под его напором осинки, размашистее закачалась береза, заволновался вяз, даже дуб, и тот не выдержал и заворчал глухо, нехотя, сердито.

Побуйствовав немного, ветер так же внезапно, как и налетел, затих, деревья успокоились и снова погрузились в дрему.

— Хм, все кругом утыхомырылось, а воны,— Никифор скосил глаза в сторону осинок,— знай соби трясутся. Вот так и среди людей получается,— пустился Никифор в рассуждение.— Одын человик чувствует в себе таку силу, як вон той дуб. Ишь, якый он крепкий та дебелый — сила! Только на то, щоб зашелестилы его лыстья, и то потребовався добрый витер, а гнуться

та качаться его разве що только буря может заставить. Вот такой же и наш Михайло Павлович... Заместитель командира. Он же у нас, як той дуб, сильный та выносливый. И як бы нам не прыходылось трудно чи там опасно, всегда он у нас самый спокойный и рассудительный. Мы, як ты сам добре знаешь, так бывает устанем в дороге, що еле ноги тянем, потом обливаемся. А с него як с гуся вода. Нет, як ты там не говоры, а нашего Михайла Павловича голыми руками не возьмешь, нет, куда там! От только б огонька ему чуточку прибавить... Другой — точь-в-точь як этот берестек,— повел Касянчик зрачками в сторону вяза.— Изнутри он, як и дуб, крепкий, но лыстья и ветки уже не те. Правда, пока тихо, они высять мовчкы, не колобродят, як говорыться, но як только подует добрый ветер, то так и заволнуются, так и занервничают. Смотришь на него в такую годину и думаешь: сейчас сорвется и пойдет крушить все, що попадется на дороге. Ну, прямо ни дать ни взять — наш командир Алексей Николаевич. Ведь он у нас какой: пока в походе чи там на отдыхе, он вроде ничего, спокойный. Но стоит только где-либо объявиться немцам, так он так и загорыться, так и потянется в бой. «Дадим фрицам прикурыть!» — начнет подбивать Михаила Павловича. А той возьми и так, подружески, и скажи ему в ответ: нельзя, мол, Алеша, рискованно нам ввязуваться в это дело, или еще щонебудь в этом же духе. А командир скрывиться, махнет с досады рукой, буркнеть свое «а, чего там», но все ж таки соглашается, потому як видит, що Михайло Павлович прав. Нет, оно, конечно, командир наш хороший, боевой, одним словом, храбрый и нам подходящий. Но кой когда и его не мешает немножко попрыдержать, а як же!

Чем дальше Юзеф слушал своего добродушного друга, тем все больше заинтересовывался его рассуждениями. Он поудобнее уселся и смотрел на Никифора с большим вниманием.

— Третья,— продолжал тот сравнения,— вроде б той березкы — показал рукой.— С виду она така слабенька, а веточки таки тонюсеньки та хрупки, що подуй даже небольшой ветерок и от ее веток, кажется, мало що останется. А буря так та прямо-таки разнесет ее в пух и прах, с корнем выдерет. Но это только так кажется. А на самом деле так хватко она держиться

корнями за землю, таки гнучки та дебелые ветки у ней, що сковернуть с места чи там разломать на части никакая буря не сможет, разве що только за косу добре потрепает та до земли разок-другой пригнет со злостью, на том и квит. Не знаю, кого эта береза напоминает у нас в отряде тебе, а я сразу, як только глянув на нее, так сразу вспомнил нашу радистку Галю. Правда, кое-кто у нас называет ее елочкой, но я думаю, що она больше похожа на молодую березку. Нет, ты глянь яка она тонка та гнучка, ну не дать не взять — наша Галя. И косы таки ж длинные, только у нашей Гали редко висят, а больше голову винком обвывают. И опять же насчет крепости в дороге, то так и кажется: шагнет еще разок-другой и свалится напрочь. А вона, знай соби, идет и идет, другие здоровенные парни начнут сдавать, а вона все идет...

Думы о Гале навеяли Никифору воспоминания о семье, всколыхнули притаившуюся где-то в глубине души тоску. Он умолк. Ему вспомнились лица детей, жены. «Живы ли, здоровы?»

Настроение Никифора передалось Юзефу, и он тоже задумался.

— А эти все свое, все трясутся,— снова оживился Никифор, когда его глаза остановились на осинах.— Есть же и среди людей такие трусливые типы. Все им щось мерещится, все щось кажется, а чуть що, так и затрясутся. Слава богу, у нас в отряде таких трусов, кажется, нема. Нет, бояться мы все боимся, когда бывает страшно, я сам такой, чего там греха таить. Только стараюсь от людей скрывать, як говориться, в душе своей трясусь, а не на людях.

Никифор внимательно посмотрел Юзефу в глаза.

— Слухай, Юзеку, а тебе приходилось хоть раз в жизни испугаться так, щоб сердце аж пид саме горло пидкотыло?

Вронский пожал плечами, усмехнулся, подумал.

— Еден раз было так, кеды гэстаповец при мне ударил кайданами мою жену по глове...

— Что ты говоришь! А ну расскажи,— тотчас же заинтересовался Касянчик, любивший не только всласть поговорить, но и других послушать.

С началом гитлеровской оккупации подпольная деятельность коммуниста Юзефа стала еще сложнее и рискованнее, чем раньше. Спасаясь от преследования

гестапо, он перебрался в город Вроцлав и под вымышленной фамилией Яблонського стал «сапожничать», а по существу был хозяином конспиративной квартиры. На втором году деятельности Вронского гестапо напало на след их организации. Пошли аресты, должны были забрать и его. Но, вовремя предупрежденный соседями, Юзеф успел скрыться буквально под носом у гитлеровцев. В начале 1943 года он вернулся в свой город Сосновец и после двухлетней разлуки встретился с женой Яниной. Из осторожности Юзеф остановился не у себя на улице Пшонной, а у сестры Вероники Ковалевской — на улице Прусса, все под той же фамилией Яблоньского.

Он сразу же втянулся в активную деятельность партийного подполья. Домой приходил только с наступлением сумерек, уходил на рассвете. Некоторое время все шло хорошо. И вдруг — катастрофа: в организацию проник провокатор. Начались аресты...

В ночь с 12 на 13 февраля 1943 года Юзеф с женой засиделись до двенадцати часов ночи. И когда они стали уже было собираться спать, в дверь неожиданно кто-то громко заколотил.

Янина побледнела, испугалась.

— Матка бозка! Утекай, Юзеку, в окенко! — воскликнула она, показав на окно в спальне.

Но было уже поздно. Те, что ломились в дом, стучали уже не только в двери, но и в окна.

— Отворяй, полиция! — донесся с улицы грозный приказ.

— Впусти, а если спросят, мови, цо я твуй кохaнек, — заторопил Юзеф Янину. Сам же сбросил с ног туфли и прямо в брюках юркнул под одеяло.

В дом вбежало трое: один в форме гестапо, двое — в штатском.

— Где твуй муж, — бросился один из штатских к Янине.

— А его юж два роки тому, як нема ниц, — промолвила та, давясь с перепугу словами.

— А то кто есть? — крикнул ей в лицо немецкий агент, показав через распахнутую дверь в спальню на кровать.

— То... то муй коханек, — еле пролепетала Янина, то белея от страха, то краснея от стыда.

— Он! Он, пане офицере! — завопил от радости дру-

гой в штатском, оказавшийся тем самым провокатором, который выдал их.

Юзефа грубо стащили с кровати, стали избивать, кулаками, ногами, пистолетами.

А он, прикрывая лицо руками, мучительно думал, как ему вырваться на улицу. Вот он отвел от лица руки и метнул взглядом на окно.

Гестаповец заметил, выхватил из кармана наручники, но надеть их на руки Юзефу не дала Янина.

— Не дам! Не дам его закуць в кайданы!— истошно закричала она и, не помня себя, бросилась на гестаповца.

Тот с размаху ударил ее наручниками по голове. Янина со стоном упала на пол.

Юзеф рывком разжал руки, отбросив в сторону двух штатских, повиснувших было у него на плечах, в мгновение ока схватил стул и, вкладывая в замах всю свою ненависть, ударил из-за плеча по голове гестаповца. Тот рухнул на пол как подкошенный. Вторым ударом стула Юзеф разбил лампу. В наступившей темноте послышался звон разбитых стекол, какая-то возня, раздались выстрелы.

— Забили-и! Заби-ли-и!!!— кричала во весь голос Янина, ползая по полу и шаря в темноте руками.

На выстрелы с улицы вбежало несколько гитлеровцев. Подсвечивая себе фонарями, они осмотрели комнаты. Но Юзефа нигде не было. И только когда забежали в кухню, стало все ясно: двустворчатая рама была распахнута, в комнату валил пар с мороза.

— Сбег! Уцекал!— одновременно воскликнули один из гитлеровцев и Янина, первый — в бешенстве вторая — с радостью.

Обозленные гитлеровцы схватили Янину и, не дав ей одеться, несмотря на мороз, в одном платье бросили в кузов грузовой машины и увезли...

В ту же ночь по доносу провокатора были арестованы коммунисты — рабочие трамвайного депо Юлиан Гудзь и Смулка. Пытались гестаповцы схватить на квартире и зятя Юзефа Вронского — Юзефа Ковалевского. Но тот бросился с ними в схватку, и его застрелили.

А Юзеф Вронский вместе с младшим братом комсомольцем Станиславом подался на восток. Неподалеку от Ковела они встретили советских партизан и в тот же

день были зачислены в один из отрядов соединения генерала Федорова. Пять месяцев воевали в составе этого соединения, а весной, когда узнали, что расположенное по соседству соединение Карасева собиралось уходить в Польшу, перешли к нему, чтобы сражаться с гитлеровцами у себя на родине.

— Так вот, друже,— толкнул Юзеф в бок присмиревшего Никифора,— в тен момент, когда гестаповец ударил Янину, а потом выхватил пистолет, чтобы застшелить, я так испугался, цо не успею опередить его, что сердце мое, как ты мовишь, под самое горло, казалось, подскочило. Но я успел. И жену спас от смерти, и сам выскочил в оконко.

В это время к ним из лесу подошли Алексей и Михаил.

— Давай, Юзеф, обувайся, пойдешь с нами,— приказал командир отряда. А когда втроем они пошли, уже на ходу пояснил: — С нами хочет познакомиться руководитель радомских коммунистов.

Секретарь окружной Радомской организации ППР Антек — Антоний Ратусинский, вступивший в эту должность после зверского убийства энэсзетовцами[1] его предшественника Леона Кочаского — Болека, встретил их в штабе отряда Сащки с откровенной радостью. Усадил рядом с собой и обстоятельно расспросил, откуда, куда и с каким заданием направляется отряд.

Отвечая на его вопросы, Алексей коротко рассказал о том, как партизаны с боем переправились через пограничный Буг, как, начиная с первых же своих шагов на польской земле, они вступили в тяжелые двадцатидневные бои с крупными гитлеровскими фронтовыми соединениями, теряя почти на всем пути от Буга до Вислы своих людей.

Когда Алексей умолк, Антек тяжело вздохнул. Улыбка на его лице уступила место душевной скорби.

---

[1] Члены польской фашистской организации НСЗ — Народовы силы збройны (Национальные вооруженные силы). НСЗ поддерживали тесные контакты с гитлеровцами, убивали из-за угла или подкарауливали и зверски казнили деятелей ППР и командный состав Гвардии (впоследствии Армии) Людовой.

Ко времени встречи Батяна с Антеком НСЗ влились в состав Армии Краевой, куда их с распростертыми объятиями принял командующий АК генерал Бур-Комаровский, чтобы они «внесли новый дух в ряды АК», как он писал в своем приказе 7 марта 1944 года.

— Пускай им будет мягким пухом наша польская земля,— произнес он дрогнувшим голосом. Потом добавил: — Передайте товарищам, что могилам, в которых лежат ваши боевые друзья, народ наш не даст зарасти травой.

Антек рассказал советским партизанам о сопротивлении польского народа немецким оккупантам и о том вкладе, который внесла в эту общенародную борьбу Польская рабочая партия.

За два с половиной года своего существования ППР проделала большую организаторскую работу по созданию многочисленных боеспособных отрядов Гвардии Людовой. Они с каждым днем все ожесточеннее сражались с гитлеровскими оккупантами. И те принимали все меры к тому, чтобы своими силами или же руками энэсэетовцев обезглавить ППР, ее боевые отряды. Осенью 1942 года был предательски убит из-за угла Генеральный секретарь ЦК ПОРП Марцелий Новотко. Через год гестаповцы схватили и замучили второго Генерального секретаря — Павла Финдера. После этого во главе ППР стал Владислав Гомулка — Чеслав. Под его руководством партия добилась тесных контактов с левым крылом ППС — Польской партией социалистов, с РППС — Рабочей партией польских социалистов и Стронниство Людове — крестьянской партией. В новогоднюю ночь 1944 года они сообща создали временное народное правительство КРН — Краеву Раду Народову, а Гвардия Людова была переименована в Армию Людову.

— Кое-где в нее уже влились отдельные отряды Батальонов Хлопских. Пытаемся мы и своих беховцев склонить к этому,— сказал в заключение Антек.

Он повернулся к Сашке, который только что вошел.

— Ну как, пришли уже? — спросил его.

— Да. Ждут.

— Мы сегодня пригласили к себе на товарищеский диспут наших соседей, беховцев,— пояснил Антек Алексею, Михаилу и Юзефу.— Не желаете послушать?

Советские партизаны охотно согласились.

...В просторной комнате было людно. За нехваткой стульев многие аэловцы уселись прямо на полу вперемешку с беховцами. И те и другие воевали против общего врага, и те и другие были за новую, демократиче-

скую Польшу. Но одни хотели видеть ее социалистической, другие — буржуазно-демократической.

После обмена новостями заспорили на самую злободневную и щепетильную тему о правительстве Миколайчика, находившегося в Англии, и Краевой Раде Народовой.

Беховцы из числа приверженцев партии Страннictво Людове признавали только эмигрантское правительство, потому что во главе его стоял лидер их партии Миколайчик. Все критические выступления против него они встречали неодобрительными репликами. Но когда заговорил Антек, новый руководитель Радомской организации ППР, они набрались терпения и ни разу его не прервали.

— Прежде чем так горячо защищать эмигрантское правительство, вы бы сначала спросили своего лидера Миколайчика и его дружков по правительству Рачкевича, Соснковского и других: как они поступили, когда гитлеровская Германия напала на нашу страну? Почему они, вместо того чтобы возглавить армию и поднять весь народ на отпор гитлеровскому нашествию, позорно бежали в Англию. Да мало того, что бежали туда сами, они еще потащили за собой генеральный штаб, значительную часть офицерского корпуса — обезглавили нашу армию, бросили страну гитлеровцам на разграбление, а народ польский на муки и страдания. И почему они вот уже пять лет спокойно наблюдают оттуда за тем, как фашистские палачи Гитлера уничтожают миллионы поляков? За это не защищать их надо, а судить, как предателей. Впрочем, если вы не разделяете нашу точку зрения, если не хотите прислушаться к моим словам, давайте спросим наших гостей, советских товарищей: как они смотрят на наш спор? Кто из нас прав?

— Слично, давайце запытаемо партизантов радецких!

— Так есть, просимо! — тотчас же подхватили его мысль и аэловцы и беховцы.

— Слыхали, товарищи? — обратился Антек к советским товарищам. — Придется выступить, ну, хотя бы вам, — кивнул Михаилу.

— Почему мне, а не командиру? — удивился тот, краснея.

— О вашем командире уже разлетелся слух, что он

поляк. А вас все считают русским. Понятно, в чем дело?

— Давай, Миша,— согласился и Алексей.— Ты будешь говорить, а я переводить. Только покороче...

Михаил поднялся, внимательно оглядел собравшихся, некоторое время постоял молча, собираясь с мыслями.

— Ну что я могу вам сказать, товарищи? Прежде всего, не нам, советским людям, судить о поступках вашего правительства. В этом вы прекрасно разберетесь и сами. Я только скажу, как наше правительство поступило, когда на нас напали гитлеровские захватчики. Понимаете, когда враг захватил Украину, Белоруссию, Молдавию, все три Прибалтийские республики, окружили Ленинград, Севастополь, подошли к Москве, то есть в самое тяжелое время, Генеральный секретарь нашей партии и Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин оставался в столице Москве и оттуда руководил обороной. Словом, наше Советское правительство, Центральный Комитет Коммунистической партии не растерялись, не бежали куда-то за море спасать свою шкуру, а остались с армией, с народом. Они призвали все народы нашего Советского государства на Великую Отечественную войну и с первого выстрела войны неустанно руководят, командуют в центре, выезжают и вылетают на фронты, в партизанские районы, в глубинные центры необъятного тыла. Вот почему, когда наши солдаты идут в атаку, когда партизаны бросаются в неравные схватки с немцами, все они идут на смерть с именем Родина, партия.

В каждый промежуток, пока Алексей переводил сказанное им, Михаил украдкой наблюдал за слушателями. Поначалу лица у многих были непроницаемыми и даже как будто бы безразличными. Однако постепенно они оживлялись, глаза теплели.

«Кажется, начинает доходить»,— с радостью отмечал про себя Михаил. И он вдруг почувствовал: как же велик авторитет его страны и как почетно представлять ее за рубежом!

— Вот, пожалуй, и все,— неожиданно закончил он и сел.

Несколько мгновений в комнате царила тишина. Но вот люди задвигались, заговорили. И каждому вдруг захотелось высказать свое мнение, отчего в комнате

возник такой гомон, что долгое время трудно было что-либо разобрать. А когда страсти улеглись и наступила тишина, Антек обратился к молодому беховцу, горячее других протестовавшего «против огульного охаивания Миколайчика».

— Ну так цо пан тераз бенде мовить о свуем Миколайчике?

Беховец густо покраснел, пожал плечами, потом махнул рукой и так ничего и не сказал.

РАЗГРОМ ГАРНИЗОНА В ИЛЖЕ

Перед тем как покинуть партизанский лагерь, Антек и его товарищи из Радома побывали у советских партизан, посидели с ними у костра, покурили, поговорили, прослушали несколько песен и стали собираться в дорогу.

— Так хорошо с вами, что не хочется и уходить,— откровенно признался Антек.

— Так в чем же дело? Оставайтесь, переночуете, а завтра пойдете— посоветовал Алексей.

— С радостью бы, но... нельзя — неотложные дела. Мы и так задержались у вас дольше, чем располагали временем. Так что теперь придется нажимать на ноги.

Провожала Антека большая группа советских партизан.

Шагая рядом с Михаилом, Антек поблагодарил его за очень удачное выступление на диспуте.

— Что вы! Я ж так мало сказал,— смущаясь, возразил Минаев.

— Мало, зато попал в самую точку. Даже тот, что так яростно защищал Миколайчика, и то, как только выслушал вас, махнул на своего божка рукой. Нет, правдивый рассказ о поведении вашего правительства после нападения гитлеровцев — очень убедительный. Скажи об этом беховцам кто-либо из нас, польских коммунистов, они могли бы и не поверить. А когда услышали это из уст советского товарища, только месяц назад покинувшего свою Родину, чтобы сражаться за нашу свободу, тут уж ни у кого из них не могло возникнуть сомнений. Уверен, что все, и аэловцы и беховцы, присутст-

вовавшие на диспуте, быстро разнесут слова вашей правды по всему Келецкому воеводству.

У развилки партизанских тропок Антек остановился.

— Дальше можете не ходить.

Перед тем как попрощаться, он отвел Алексея и Михаила в сторону.

— Боевые у вас вояки и вооружены солидно, а вид у всех неважный. Сразу видно, что скромничаете и не часто обращаетесь к нашему населению за хлебом-солью,— сказал он им вполголоса, не то спрашивая, не то утверждая.

— Это верно,— признался Алексей.

— Зря. Одним боевым духом да оружием врага не осилишь. К этому надо еще и физические силы иметь, и как можно более крепкие. Так что смелее доверяйтесь нашему народу — настоящих друзей он всегда сумеет поддержать.

Перебросившись несколькими фразами с командиром аэловцев Сашкой, Антек подошел к советским партизанам, пожелал им всем счастливого пути и боевых успехов, взмахнул в последний раз рукой и тут же скрылся в лесных зарослях.

Когда они возвращались, Сашка взял Алексея и Михаила под руки и потащил к себе в штаб. Алексей начал было упираться, ссылаясь на то, что пора поднимать отряд в дорогу, но Сашка не хотел и слушать.

— Успеете. Я не долго задержу вас,— пообещал он.

В штабной комнате их ожидал ужин. Сашка пригласил гостей к столу и, пока они усаживались, заговорил о деле.

— Есть возможность немного подзапастись продовольствием и одеждой,— сказал и умолк, наблюдая за тем, какое впечатление произвели его слова на советских друзей.

Алексей вспыхнул, всем корпусом подался в его сторону.

— Что, фрицев разбомбить или фольксдойтчей распатронить?— спросил он, загораясь азартом.

— И тех и других сразу. Короче говоря, речь идет о налете на немецкие и фольксдойтчевские склады в местечке Илжа. Это недалеко отсюда. Мы давно уже точим на них зубы. Но своими силами одолеть их не в состоянии — оружия маловато. А вместе с вами спра-

вимся за милую душу. Всю добычу поделим пополам, конечно.

«Вот о чем они шептались с Антеком перед уходом»,— подумал Михаил, потом спросил:

— А гарнизон большой?

— Человек около пятидесяти, не более. Но немцы теперь там только в дневное время смелые. А стоит напасть на них ночью, носа своего не высунут из убежища. Сами убедитесь.

Алексея подмывало сразу же согласиться, но он опасался, как бы не запротестовал Минаев.

— Ты как на это смотришь?— спросил он его, стараясь сделать вид, что сам не очень-то горит желанием.

— По-моему, надо рискнуть,— неожиданно для него согласился Михаил.

Быстро разделавшись с едой, они развернули карту. Хорошо ориентируясь, Сашка показал место расположения своего лагеря, потом повятовый центр Илжу, со знанием дела познакомил с расположением улиц, подходом к ним.

— Сам гарнизон размещается не в городе, а чуть в стороне, в усадьбе одного богача. Подходы туда удобные. Если не возражаете, ваш отряд заблокирует гарнизон, а мои хлопцы, хорошо знающие расположение складов и магазинов, займутся ими. Операцию можно провести следующей ночью. До этого мои разведчики свяжутся с местными подпольщиками и с их помощью перережут телефонные провода и приготовят проводников.

Алексей и Михаил приняли его план без возражений, уточнив только отдельные детали.

— Надо сразу же, как придем, сказать об этом Ярославцеву, а то еще обидится, что без него все решили,— сказал Михаил, когда они возвращались в расположение своего отряда.

— Кто? Петька? Что ты! Наоборот, обрадуется, как только узнает, что будем участвовать в налете на гарнизон. Ты же знаешь, какой он охочий до драчки с фрицами,— возразил Алексей.

И он не ошибся.

— Ну и правильно сделали, что согласились,— сразу же подхватил Ярославцев.

Он как-то сразу преобразился: глаза заблестели,

забегали, руки тоже задвигались, даже грудь и та вдруг выпрямилась.

— Пойди предупреди товарищей, пускай не особенно засиживаются, надо выспаться,— приказывал Алексей.— Радистов...— Алексей недоговорил, задумался: взять радистов с собой или оставить на базе отряда Сашки? А в ушах далеким эхом прозвучали слова наказа командира соединения: «Как зеницу ока берегите радистов — в них ваша жизнь, боевые успехи».

— Радисты останутся здесь. Выдели им несколько автоматчиков для охраны,— решил он наконец.

— Есть!— бодро отрапортовал Ярославцев и довольный поспешил к товарищам.

Алексей и Михаил отправились отдыхать.

...Алексей поднялся, когда было еще сумеречно, отошел в сторону и занялся зарядкой. Неожиданно он уловил за спиной тихие, крадующиеся, как ему показалось, шаги. Алексей выхватил из кобуры пистолет и резко повернулся.

— Кто?— сдавленным голосом окликнул он, готовый мгновенно выстрелить.

Рядом в темноте качнулась тень.

— Я,— потихоньку отозвалась Галя.

От одной только мысли, что он мог разрядить в нее свой пистолет, Алексею стало не по себе, на лбу выступил холодный пот.

Спрятав пистолет, он подошел, взял Галю за руки, привлек к себе.

С минуту они стояли молча, боясь пошевелиться.

Первой овладела собой Галя. Она чуть отстранилась, но рук не отняла.

— Береги себя, Алеша,— раздался у него над ухом ее умоляющий шепот.

— Ладно,— так же тихо пообещал Алексей, все еще удерживая ее холодные пальцы в своих ладонях.

— Если бы ты знал, как тяжело мне оставаться здесь. И вообще я не понимаю, почему вы оставляете нас в этом лагере. Беспокоитесь о нашей с Колей Новаторовым судьбе?

— Конечно.

— А если за то время, пока вы будете отсутствовать, сюда налетят каратели, что тогда?

Раздумывая над ее словами, Алексей вдруг вспом-

нил, что на базе отряда Сашки останется очень мало людей с незавидным оружием.

— Да, да, вполне возможно,— заторопился он.— Знаешь что, подожди меня здесь, я сейчас,— и быстро подался к товарищам.

Те уже тоже были на ногах. Алексей высказал Михаилу и Ярославцеву свои опасения, повторив слова Гали.

— А ты знаешь, Алеша, я тоже всю ночь об этом думал,— подхватил Ярославцев,— даже во сне что-то похожее плелось.

— Так в чем же дело? Давайте заберем радистов с собой,— вмешался Михаил.— Оставим их недалеко от командного пункта, и точка. Это даже еще лучше — сразу после операции можно будет двинуться прямо на юг, не заходя на базу отряда Сашки.

К исходу дня польские и советские партизаны добрались до северной опушки Староховицкого леса, откуда до повятового города Илжа оставалось несколько километров открытой всхолмленной местности. В ожидании темноты они залегли.

В сумерки от разведчиков прибыл связной. Он доложил, что телефонные провода, связывавшие Илжу с другими гарнизонами, перерезаны, посты расставлены, проводники подготовлены, в городе — тишина.

— Пошли, товарищи,— отдал общую команду Сашка.

Через час отряды остановились на гребне холма, с которого начинался спуск в город. Зажатый с двух сторон невысокими холмами город раскинул свои дома вдоль берега речки, давшей ему имя.

Командный пункт расположился на склоне, чуть пониже гребня. Там же неподалеку разместились радисты Галя и Коля Новаторов со своей охраной. А отряды, как только наступило время, отправились вниз: польский — в город, а советский — в сторону, по направлению к гарнизону, куда их повел начальник штаба Ярославцев в сопровождении проводника.

Неслышно подошли они к усадьбе. В большом каменном доме во всех окнах горел свет. Во дворе было тихо, только откуда-то из глубины, очевидно из конюшни, доносилось звучное пофыркивание лошадей, гулкие удары копыт о землю.

— Не спят, гады,— тихо проронил пулеметчик Вася Усенко.

— Тише,— осадил его Ярославцев.

Усенко с Николаем Полищуком и двумя автоматчиками залег в нескольких метрах от конюшни. Они полежали, присмотрелись, прислушались — во дворе поблизости не было никакого движения, и только лошади по-прежнему время от времени давали о себе знать. Саму конюшню от них отделяла изгородь из колючей проволоки.

Когда Ярославцев убедился, что во дворе никого нет, он подполз к двум автоматчикам.

— Давайте, хлопцы, действуйте, только потише. А ты, Усенко, прикроешь их в случае чего,— потихоньку приказал он.

Автоматчики ползком приблизились к изгороди, достали из-за поясов один — пассатижи, другой — клещи и стали осторожно перекусывать проволоку.

Ярославцев внимательно следил за их действиями, то и дело поглядывая на входную дверь дома, на освещенные окна.

— Готово,— доложил один из автоматчиков Ярославцеву.

— Молодцы. Ложитесь пока рядом со мной.

Неожиданно где-то недалеко прозвучали строчки из ППШ, короткая очередь из дегтяревского пулемета.

В окнах казармы замелькали, забегали тени. Послышался шум резко распахнутой двери, застучали по ступенькам крыльца торопливые шаги.

— Назад!!! Сидеть на месте! Вы окружены!— грозно закричал Ярославцев сперва по-русски, потом по-немецки.

Те, что выскочили было из дома, опрометью кинулись назад, шумно захлопнув за собою дверь. Свет в окнах тотчас же погас. В доме воцарилась гробовая тишина — враг затаился.

— Ты видал, Вася, как они драпнули назад?— спросил Николай Полищук Усенко,— наверняка в штаны наклали.

— Я чуть было не прошил их очередью, еле-еле удержался,— признался Усенко, переводя дыхание.

Мучительно медленно тянулось время. Начало уже светать.

Поняв, что жандармы так и не высунут своего носа,

пока партизаны не удалятся, Усенко и Полищук осмелели.

— Товарищ начальник, разрешите нам вдвоем заглянуть в конюшню, может, разживемся там чем-нибудь,— обратился Усенко к Ярославцеву.

Тот немного подумал и, предупредив, чтобы были поосторожнее, разрешил.

Они вошли во двор через проход, только что проделанный в проволочном ограждении. Осторожно подкрались к конюшне. Постояли, прислушались, открыли дверь и оторопели: шагах в трех-четырех, на сене, спали два жандарма. От них несло сивушным перегаром.

— Глянь, як разъелись, гады, на награбленных у поляков яйках, сале и млеке,— прошептал Усенко.

— Не из тех ли, случаем, что чуть было не гробонули Шалико, помнишь, Баца рассказывал? — в тон ему заметил Николай.

Высокий, худой, он широко расставив ноги, готовый в любой момент разрядить свой автомат в головы жандармов.

— Из тех или других — все равно жандармы, наипервейшие палачи и грабители. Давай их прикончим.

— Что ты! Ярославцев сказал, чтобы все было тихо.

— А мы давай прикладами головы им размозжим.

— Вряд ли удастся, сено спружинит, смягчит удары.

— Черт с ними, не прикончим насмерть, так хоть оглушим як следует.

Они подошли вплотную к жандармам и с размаху опустили на их головы пулемет и автомат. Гитлеровцы дернулись, глухо застонали.

— Хватит с них, пошли,— потянул Николай Василия, собиравшегося еще раз ударить свою жертву,— а то еще опоздаем с отходом.

Когда они вернулись, их уже ждали. Появившийся с командного пункта связной москвич Николай Егоров, прозванный партизанами Колькой-свистом за то, что обладал виртуозным свистом, передал команду:

— Снимайся, братва, отходим.— Он сказал это так, будто не было рядом вражеского гарнизона и опасность быть обнаруженным и обстрелянным из окон казарм.

Вскоре все партизаны во главе с начальником штаба Ярославцевым, блокировавшие гарнизон, бодро шагали в город, к месту сбора.

— Ну как там, Коля, удачно разбомбили склады? — осведомился Ярославцев у Егорова.

— Полный порядок, товарищ начальник, — ответил тот.

И рассказал, как партизаны действовали в городе. Всю ночь напролет хозяйничали они там, как у себя дома. И никто им не помешал: ни гранатовая полиция, которая сразу же разбежалась, ни жандармы, так и отсидевшиеся до самого утра в своем убежище. Пока одни очищали склады, доверху нагружая около десяти подвод — среди них особое усердие проявили Андрианов, Касянчик и хозяйственники отряда Сашки, — другие громили банк, почту и прочие учреждения, обслуживающие немцев.

Восход солнца застал польских и советских партизан в глубине Староховицкого леса на привале. Они свалили продовольствие в одну кучу, одежду — в другую, ящики с литровыми бутылками водки — в третью. И пока хозяйственники делили продукты, а партизаны подбирали себе кое-что из белья и верхней одежды, командиры примостились в сторонке и оживленно разговаривали.

— Вы как в воду глядели, когда говорили, что немцы побоятся высунуть свой нос из гарнизона, — сказал Алексей Сашке.

— Я же их хорошо изучил, — довольный отозвался тот.

— Да, трусливого десятка оказались фрицы, — заметил Ярославцев и рассказал, как они пугнули жандармов, попытавшихся было выскочить из казармы.

— Откровенно говоря, если бы не ваш приказ постараться обойтись без боя, без стрельбы, мы бы эту казарму разнесли в пух и прах, — с сожалением закончил начальник штаба.

— Сомневаюсь, — откровенно сказал Сашка. — Одними автоматами и ручными пулеметами капитальные каменные стены не так легко «разнести в пух и прах». Но дело даже не в этом, а в том, что, ввязавшись в бой, вы могли поднять на ноги соседние вражеские гарнизоны — от Илжи до них не так-то далеко. Так что еще не известно, успели бы мы до их прибытия запастись продовольствием или нам пришлось бы уносить ноги не солоно хлебавши. Не согласен я и с тем, что илжанские жандармы трусы. Нет, они не трусы — мы это хорошо

знаем. Просто начинают понимать, что война для них проиграна и уже недалек ее конец. Вот и не хотят погибать в конце войны. Нет, в сравнении с теми гитлеровцами, что были в начале войны, эти значительно слабее и осторожнее. Тем не менее это враги, и враги опасные и коварные. И шапками их не закидаешь...

После сытного завтрака отряд Алексея стал собираться в путь. Люди оживились, заговорили громко, весело.

— Слушай, земляк,— пристал к Усенко партизан польского отряда, из русских военнопленных, оказавшийся ростовчанином,— давай махнем на память: я тебе золотые часы, а ты мне — одну гранату, эфку. У тебя их две, а у меня ни одной.

— Что ты, дружище! У меня ж их только две. Я сам черти що отдав бы за третью, если б кто предложил мне ее.

— Слушай, друг, если тебе придется встретить кого-нибудь из отряда Оськи, беховцев, передай ему привет от Шалико, понимаешь, от меня и от других грузин, что были у них в батальоне. Расскажи как мы с вами вместе разгромили склады в Илже. Ему, понимаешь, будет очень интересно узнать об этом. Не забудь, пожалуйста,— уговаривал кого-то Гогебашвили.

Пожелав друг другу боевых успехов, партизаны разошлись. Отряд Сашки повернул к себе на базу, а советские партизаны отправились дальше по своему маршруту.

УЛЬТИМАТУМ ПАНА БАРАБАША

По совету Антека и Сашки, они пошли не прямо на юг, куда лежал их путь, а в обход города Скаржинско Каменне с северо-запада.

Впереди шагал Минаев. Хорошо запомнив разработанный по карте маршрут, он умело находил ориентиры на местности и вел отряд уверенно и быстро.

Партизаны, хотя и провели всю ночь на ногах, без сна, в нервном напряжении, охотно подхватили его бодрый темп и шли, не отставая от него ни на шаг.

Обогнув Скаржинско Каменне, они повернули на

юг. Шли ходко, но осмотрительно, придерживаясь испытанной партизанской тактики: на день забирались в лесные заросли для отдыха, а с наступлением сумерек отправлялись в путь, совершая ночные марши в тридцать и более километров. В попутные деревни, пока не истощились трофейные продукты, они не заходили и к помощи проводников не прибегали. Обычно во второй половине дня Михаил Минаев засиживался над картой и, хорошо запомнив очередной маршрут, во время похода в нее уже не заглядывал.

За трое суток они отмахали более ста километров и утром двадцать первого мая очутились на опушке Сташувского леса, что в 60 километрах к юго-востоку от воеводского центра Кельцы. Запасы продовольствия к тому времени закончились, и Алексей решил обратиться за помощью к жителям небольшой деревни Гурки, приютившейся вдали от людных дорог, на опушке леса.

К советским партизанам поляки отнеслись тепло, гостеприимно.

Алексей, Михаил, Ярославцев и радисты остановились в одном доме. Пока хозяйка готовила им горячий завтрак, они отдыхали во дворе.

— Бочкарев кого-то ведет к нам,— первым заметил Михаил приближавшегося к их двору командира отделения и двух незнакомых людей, вооруженных винтовками.

Алексей, Михаил и Петр поднялись, сделали несколько шагов навстречу и остановились в ожидании.

В сопровождении Бочкарева незнакомцы неуверенным шагом вошли во двор, пугливо озираясь по сторонам. Чувствовалось, что неожиданная встреча в Гурках с отрядом русских, вооруженных автоматическим оружием, застала их врасплох.

— Товарищ командир, привел к вам двух задержанных,— доложил Бочкарев.— Говорят, что из отряда какого-то поручика Барабаша. Он тут где-то недалеко стоит.

Вид у поляков был довольно растерянный. Тревожно переводя взгляд с одного русского партизана на другого, они, видно, никак не могли определить, кто же из них старший и как он распорядится их судьбой. Но когда первым заговорил Алексей, да еще на чистом

польском языке, они мгновенно ожили, пристукнули каблуками и вытянулись перед ним.

— Из какого вы отряда, панове? — спросил Алексей спокойным дружелюбным тоном.

— Поручика Барабаша,— ответил один из поляков, старший по возрасту.

— А к какой армии принадлежит ваш отряд?

— К Армии Краевой.

— Где сейчас находится ваш поручик?

Поляки замялись.

— Не бойтесь, панове, мы — советские партизаны, ваши друзья,— попытался их успокоить Ярославцев.

Поляки переглянулись и осмелели.

— Пан поручник Барабаш тераз в штабе, ту недалеко,— неопределенно махнул рукой один из них.

Алексей решил встретиться с Барабашем.

Он подошел к аковцам, все еще с беспокойством следившим за партизанскими командирами, и сообщил им о своем желании познакомиться с их поручиком Барабашем, или, как он выразился, «навязать контакт».

— Прошу вас, панове, сейчас отправиться к поручику и передать ему мою просьбу. О результатах как можно быстрее сообщите мне.

Аковцы согласились и на лошади, позаимствованной у хозяина, поспешили в штаб своего отряда.

Прошел день, потом ночь, а ответа все не было. Решили набраться терпения и подождать еще сутки. На день ушли в лес — мало ли что могло случиться.

Часа через два часовой на посту задержал троих русских. Когда их привели к Алексею, они сказали, что их прислал поручик Барабаш.

Поглядывая на прохудившуюся одежду, на изможденные лица новичков, Алексей понял, с кем имеет дело.

— Что, из плена бежали? — спросил он.

— Так точно, товарищ командир,— бойко ответил один из них. Он немного помолчал, потом как бы спохватился, вытянулся по команде «смирно!».— Разрешите доложить: бывший штурман Черноморского флота Виктор Наумов. Бежал из лагеря в Кельцах.

— А остальные?

— Я — Гайдуков Иван Семенович,— представился человек, стоявший рядом с Наумовым.

— А я — Харитонов Михаил. Все трое бежали

19 мая из одного и того же лагеря. Прибились к отряду поручика Барабаша. Но он принял нас холодно. А как только узнал, что появился советский партизанский отряд, сразу же отправил нас троих к вам.

— Освободился, одним словом,— заулыбался Алексей.— Ну а для нас он ничего не передавал? Не говорил о встрече с нами?

— Говорил, сказал, что ждет вас через два часа в селе Гурки,— ответил Наумов.— Но предупредил, что будет разговаривать только с офицером.

Алексей приказал Минаеву и Ярославцеву более подробно поговорить с Наумовым, Харитоновым и Гайдуковым, а сам в сопровождении своего ординарца Пети Коваленко и разведчиков Юзека Вронского, Васи Толочко и Володи Белкания отправился в Гурки.

И вот они встретились: польский кадровый офицер Мариан Солтысяк, скрывавшийся под партизанским псевдонимом Барабаш, и бывший преподаватель в польской гимназии белорус Алексей Батян, командир советского партизанского отряда, действовавший под своим настоящим именем. Оба невысокие, щуплые, быстрые в движениях. Один, закончив партизанскую войну на Родине, пришел в страну другого, чтобы, рискуя своей жизнью, сражаться за ее светлое будущее; другой отнесся к нему с недоверием и встретил настороженно, с явным предубеждением. А когда услышал из его уст чистую польскую речь, даже взорвался:

— Ты естем поляк?

— Нет, белорус.

— Неправда! Ты естем поляк. За сколько злотых продался Советам?!— воскликнул Барабаш, и в его глазах зажглись недобрые огоньки.

Алексей выдержал его острый взгляд и, сделав вид, что не заметил злобного выпада, заговорил спокойно, вежливо.

— Уважаемый пан поручик, свое детство и юношеские годы я прожил в Западной Белоруссии, которая до 1939 года входила в состав польского государства. Окончил польскую гимназию, потом учительствовал. И на всю жизнь сохранил в своем сердце глубокое уважение и к вашему благозвучному, ставшему мне дорогим языку, и к вашей высокой культуре, и к простому польскому народу. Однако прошу учесть, что ныне я гражданин Советского Союза, офицер Советской Ар-

мии, которая вступила на польскую землю, чтобы очистить ее от гитлеровских оккупантов, уничтоживших миллионы безвинных поляков. Когда я шел к вам, то был уверен, что мы станем друзьями, боевыми соратниками. А вы так недружелюбно отнеслись ко мне, а в моем лице и к нашей Советской Армии. Ну что ж, если у нас не получилось дружеского разговора, я могу и уйти,— закончил Алексей.

Его выдержка, вежливый тон и убийственная логика так сразили вспылившего было аковца, что он густо покраснел и даже немножко растерялся.

— Пшепрашам, пане поручнику, пшепрашам[1]...— пролепетал он, стараясь не смотреть Алексею в глаза. Потом немного оправился.— Я для того так знервував, цо не могу простить тему поляку, якы бросил свою ойчизну в беде и перебежав до Советов,— попытался он оправдать или хотя бы немного смягчить свое нетактичное поведение. Но прозвучало это очень наивно и неубедительно.

— Так я же не поляк, а белорус, прошу пана. А что касается тех поляков, которые временно оказались на нашей территории, то вы тоже ошибаетесь. Вы знаете, что еще в прошлом году на нашей земле, возле рязанского села Ленино, плечом к плечу с нашими войсками сражалась против немцев польская дивизия имени Костюшко. Теперь эта дивизия превратилась в очень сильную, хорошо вооруженную Первую Польскую армию. В ее составе воюют те самые поляки, которых вы, господин поручик, только что охаивали.

— У нас есть тилько една армия — Армия Краева. Иных я не признаю,— немного повысил голос Барабаш.

— А Краеву Раду Народову в Люблине вы признаете?

— Не, прошу пана. У нас так само тильке еден жонд — лондонский, с Миколайчиком на челе[2]. А то цо в Люблине — то не наше.

Алексей усмехнулся, покачал головой.

— Что ж, пройдут годы, и вы будете другого мнения и о польской армии и о своем правительстве, уверяю вас... Впрочем, не будем сейчас об этом спорить. Не для этого я к вам пришел.

[1] Извините, господин поручик, извините.

[2] У нас есть только одно правительство — лондонское, с Миколайчиком во главе.

Барабаш и сам был рад переменить тему беседы, поэтому он сразу же ухватился за предложение Алексея.

— Так цо пану поручнику надо от мне?

Алексей хотел было сказать правду о цели своего визита, но, уязвленный недружелюбием Барабаша, передумал.

— Просто, когда узнал, что рядом находится польский партизанский отряд, я считал своим офицерским долгом нанести его командиру визит вежливости, как говорят в таких случаях дипломаты. А проще, хотел побратски пожать вам руку, как боевому соратнику,— схитрил Алексей.

Барабаш посмотрел на него с недоверием, надеясь, что Алексей этого не заметит.

— То дуже приемно, пане поручнику. А сконд, з яких строн вы до нас дошли?

— Оттуда, конечно, из-за Вислы,— кивнул Алексей на восток.

— А для чего? Яки ваши планы?

«Так я тебе и сказал, держи карман шире»,— мысленно ответил ему Алексей. А вслух промолвил:

— Не за грибами, само собою разумеется.

Барабаш обиделся. Чувствовалось, что он с трудом сдерживается, чтобы не взорваться, не наговорить грубости.

— Як долго будете в наших краях? — спросил он, уже не надеясь на четкий ответ Алексея.

— Дня три-четыре, пока не отдохнем как следует.

— А куда пойдете дальше?

Алексей чуть было не проговорился. Но вовремя одумался и ответил:

— К себе домой, на восток.

Когда Алексей стал собираться уходить, Барабаш без особого энтузиазма спросил его:

— А як у вас, пане поручник, с хлебом и иными продуктами?

— Признаться, не очень. Что было, все съели в дороге.

Барабаш что-то прикинул в уме и, приняв какое-то решение, повернулся к Алексею.

— Прошу пана поручника прийти ко мне еще раз сегодня в шесть годин пополудни,— сделал он официальное приглашение. Но прозвучало оно как-то сухо,

и Алексей так и не понял, хочет ли поручик приготовить для советских партизан продовольствие или надумал что-то иное.

— Добре, постараюсь,— пообещал Алексей.

Так они и расстались, затаив друг к другу чувство недоверия и настороженности.

Алексея уже с нетерпением поджидали Минаев, Ярославцев и другие товарищи. Он коротко рассказал, как проходила его встреча с Барабашем.

— Фашист проклятый,— возмутился Ярославцев поведением аковского поручика.

— Да никакой он не фашист,— решительно возразил ему Алексей.— Просто очень глубоко еще сидит в нем то, что многие годы вбивали им, кадровым офицерам, в голову и Пилсудский и реакция санационного режима, что якобы у Польши два исторических врага — фашистская Германия и СССР, причем «враг номер один — Советский Союз». А тут еще верхушка Армии Краевой, пляшущая под дудку эмигрантского правительства, натравливает таких, как этот Барабаш, против нас. И еще неизвестно, как сложились бы наши с ним взаимоотношения, если бы мы осели тут, неподалеку от его отряда. Чем черт не шутит, может быть, стали бы настоящими друзьями.

— Ну, то, что он не фашист,— я согласен, тут Петро малость подзагнул,— заговорил Михаил, поеживаясь от недомогания, которое внезапно почувствовал.— Но если он так недружелюбно встретил тебя в первый раз, то стоит ли тебе встречаться с ним вторично, вот вопрос?

— Да он только вначале взбеленился было, когда принял меня за поляка. А потом — ничего, разговаривал нормально. Правда, как я вам уже рассказывал, особой приязни ко мне он так и не проявил. Но дело тут не столько в том, как протекал наш разговор, сколько в том, что мне, откровенно говоря, самому не хочется больше встречаться с ним. Однако и отказываться неразумно, тем более что пригласил-то он меня после того, как узнал, что у нас плоховато с харчами.

Алексей умолк, напряженно думая, как ему поступить.

— Давай я пойду вместо тебя,— предложил свои услуги Ярославцев.— И если уж он и на меня поднимет голос, я с ним не так поговорю,— начальник

штаба сверкнул глазами и выразительно потряс кулаком.

— Вот-вот, только твоей кулачной дипломатии не хватало,— с укоризной сказал ему Алексей.

— Не бойся, это я только при вас, так сказать, за глаза погрозил ему кулаком. А там-то я знаю, как надо себя вести. Лишь в крайнем случае скажу ему пару теплых слов, и все.

— Знаю я эти твои «теплые слова». Нет, Петро, для разговора с таким занозистым аковцем, как Барабаш, нужно послать человека с более крепкими нервами, чем у тебя.

Алексей посмотрел на Михаила, но когда увидел, что все лицо его заместителя покрылось нездоровой краснотой, из головы у него сразу вылетели и Барабаш и другие заботы.

— Ты что, Миша, заболел? — встревожился он не на шутку.

Михаил как-то вяло махнул рукой. Потом заметно подтянулся, явно стараясь утаить от друзей свое состояние.

— Пустяки, не обращай внимания. К утру все пройдет. Давайте пошлем на встречу с Барабашем командира отделения Петю Бочкарева. Парень он выдержанный, башковитый, да и за словом в карман не полезет.

Так и решили. В Гурки на встречу вместе с Бочкаревым ушли разведчики Вася Толочко, Юзеф Вронский и новичок, перешедший из отряда Барабаша, штурман морского флота Виктор Наумов.

Через несколько часов они вернулись, нагруженные хлебом, салом, папиросами. Но все это они купили в деревенском магазине за трофейные злоты. А от Барабаша принесли только один пакет с ультиматумом, напечатанным по-польски на машинке:

«Ваше утверждение о том, что вы продвигаетесь на восток, явно вымышленное. Предлагаю немедленно покинуть наши районы.

Барабаш, поручик».

— Вот когда он заговорил с нами своим настоящим голосом. А ты, Алеша, еще защищал его, думал, что он продуктами с нами поделится,— ворчал возмущенный Ярославцев.

Партизаны перекусили и, как только стемнело, отправились дальше по своему маршруту.

ГДЕ ВЫ, БЕЗВЕСТНЫЕ ГЕРОИ?

Заканчивалась третья неделя с тех пор, как они отправились в эту далекую изнурительную дорогу. Они уже прошли половину пути, трижды встречались с польскими партизанами — беховцами, аэловцами, аковцами.

Шагая вместе с отрядом, Алексей перебирал в памяти эти по-своему незабываемые встречи, и перед его глазами один за другим проплывали улыбающиеся выразительные лица новых искренних друзей — Бацы, Оськи, Антека, Сашки, рядовых беховцев и аэловцев. Вспомнил, как в самую критическую минуту, сложившуюся там, на поляне в Староховицком лесу, к ним на выручку примчались польские партизаны. И как они вместе преследовали до опушки эсэсовскую роту, а сутками позже громили гарнизон в Илже.

Но вот Алексей вспомнил Барабаша, его высокомерный оскорбительный тон, сердитую записку с требованием немедленно убраться с «их территории», и настроение сразу же испортилось. А тут он стал еще тревожиться за здоровье Михаила.

Некоторое время Алексей бездумно шагал, с трудом сдерживая свое желание броситься вперед, чтобы скорее узнать, как там дела с Михаилом. Потом не выдержал, сошел с тропы и, обгоняя товарищей, поспешил в голову цепочки.

— Как чувствуешь себя, Миша? — спросил он скороговоркой, захлебываясь от быстрого шага и нервного напряжения.

— Нормально,— отвечал Михаил тоном вполне здорового человека. На самом же деле его еще больше ломало, чем перед началом похода, он весь горел, обливаясь потом, и к приходу Алексея так ослаб, что двигаться обычным шагом мог только, затрачивая всю свою волю, последние остатки физических сил.

Но обмануть Алексея ему не удалось. Приблизившись почти вплотную, тот прошептал так, чтобы его не услышал идущий за ними Вронский:

— Не храбрись, Миша, давай по-честному, если не можешь идти, скажи — понесем тебя на носилках.

— Нет-нет, что ты! Я сам как-нибудь дотопаю, тем

более, что до рассвета осталось всего ничего,— решительно отказался Михаил.

Некоторое время они шагали рядом молча.

— Здорово давит? — уже спокойно спросил Алексей.

— Та ломает, проклятая... Ничего, разойдусь как-нибудь.

Чем ближе они подходили к Висле, тем лес все чаще рассыпался на небольшие перелески. Переходя от одного к другому, отряд Алеши добрался к утру до заранее намеченного места и остановился в густых прибрежных зарослях, неподалеку от большого села Поланец. Разведчики кинулись искать лодки, но так ни одной и не нашли — немцы все их угнали или уничтожили.

— Крестьяне говорят, что где-то здесь недалеко в лесах находится отряд беховцев,— докладывал Вася Толочко Алексею.— Может быть, к ним податься за помощью?

Вскоре Вася Толочко, Юзеф Вронский и Володя Белкания отправились разыскивать беховцев.

В ожидании их возвращения отряд расположился на дневку.

Алексей и Михаил спали плохо, все время ворочались с боку на бок, поднимали головы, всматриваясь в заросли в надежде, что вот-вот появятся разведчики. Но тех все не было.

В томительном ожидании прошел весь день. Михаил по-прежнему недомогал и злился и на свою хворобу, и на разведчиков за то, что они так долго не возвращались.

— Ничего, как-нибудь переберемся, долго тут не засидимся,— успокаивал его Алексей, как мог.

Наконец уже в темноте посланцы вернулись. Они были не одни. Вместе с ними прибыл комендант Сташувского обвода[1] БХ, командир батальона, бывший преподаватель Краковского университета, человек очень высокий, худой, стройный, одетый во все штатское. По виду ему было под сорок.

Знакомясь с Алексеем, Михаилом Павловичем и Ярославцевым, он с нескрываемым интересом всматривался в их лица, с откровенно завистливым взглядом поглядывал на автоматическое оружие, дружески улыбался.

[1] Обвод — округ.

На вопрос Алексея, не сможет ли он помочь с переправой и проводником, ответил, что за сутки лодки раздобудет, обеспечит и проводником.

Они уселись на траву, закурили. Разговорились. Хорошо знавший обстановку за Вислой, он рассказал, какие села и города надо обходить стороной, каких перелесков и дорог держаться. Предупредил, что за Вислой все села и деревни, расположенные вдоль Мелецкого леса, который будет лежать слева, если двигаться строго на юг, заняты немцами или их верными слугами фольксдойтчами, прикрывшими подступы к строго запретной зоне, расположенной где-то возле города Дембицы, в лесу.

Перед тем как уйти на розыски лодок, комендант еще раз заверил Алексея, что не позже следующего вечера он их доставит вместе с проводником.

Сутки прошли в томительном ожидании. Чем ближе был вечер, тем все больше нервничали Алексей и Ярославцев, гадая: выполнит ли комендант беховского обвода свое обещание? Не обманет ли?

И только Михаил оставался внешне спокойным, хотя и его точил червь сомнения.

Комендант появился сразу же после того, как зашло солнце. Приближаясь, он еще издали помахал рукой, как бы говоря: все в порядке.

Алексей и Минаев поднялись ему навстречу.

— Ну то цо, панове, пуйдем? Проводник так само чолны ожидают вас на Висле,— позвал он их.

И вот все они на берегу широкой, еще по-весеннему полноводной Вислы. Партизаны в сопровождении проводника и Ярославцева спустились к воде, и переправа началась. А комендант, Алексей и Михаил уселись на обрыве, и у них снова завязалась дружеская беседа. Комендант начал с того, что пожаловался советским коллегам на нехватку оружия. Но когда узнал, что Алексей — бывший учитель польской гимназии, то позабыл и об оружии, и про самое войну и, как человек, истосковавшийся по разговору с людьми своей профессии, с увлечением заговорил о польской литературе, музыке, культуре.

Они так увлеклись, что не заметили, как прошло время, и опомнились только после того, как снизу подошел старшина Андрианов и доложил, что отряд уже переправился.

Офицеры поднялись и вдруг почувствовали, что им жалко было расставаться. Комендант подозвал своего ординарца, достал из его мешка бутылку.

— Давайте, панове, выпиемо по килишку сливовицы, на добру вам дорожку.

Выпили по рюмочке, по второй. Алексей так расчувствовался, что снял с себя кобуру с новым пистолетом «ТТ» и протянул коменданту.

— Возьмите на память.

Комендант молча обнял Алексея, и так они и пошли вниз к воде.

— Да-а, это тебе не Барабаш,— мечтательно промолвил Михаил, когда они уже плыли посредине реки.

— И не говори,— отозвался Алексей.— С таким соседом я бы с удовольствием делил все трудности нашей партизанской жизни.

Причалив к берегу, Алексей спросил у проводника, далеко ли находится тот кустарник, в котором им придется лежать весь день.

— Не, ту близко.

Кустарник оказался ивовым, густо поросшим высокой, чуть ли не в рост человека крапивой, с крепкими, как прутья, стеблями. В плотном предрассветном сумраке их трудно было отличить от гибких веток тонкостволого лозняка, и это стоило партизанам больших физических мучений. На всем пути в глубь кустарника, к облюбованному проводником месту, их обжигала крапива. Руки и лица, особенно у низкорослых, вроде Касянчика, горели острым палящим зудом.

— Ой боже, та куда ж он завел нас? — первым не выдержал Касянчик.— Ить можно ж так и без очей остаться... Та он сам идет с нами, чи остався сзади и посмеивается? Где он, проводник-то наш, а, Алексей Николаевич?

— Как где, впереди, дорогу нам прокладывает,— отозвался Алеша.

У большинства партизан не было плащ-палаток. Поэтому, примяв крапиву и положив под голову вещмешки, они тут же засыпали. Но сон был нервный. Они ворочались то и дело, обжигаясь крапивой.

— От ссабача душа, як жигае, прямо хоть стоя спы,— снова заворчал Никифор.

— Что, Григорыч, блохи кусают? — весело спросил оказавшийся рядом минер Савченко.

— Чего смеешься? Тебе хорошо, завернулся в палатку и хочь бы що. А ты попробуй без нее лечь на землю.

— Ладно, не бранись, иди сюда — вместе ляжем на моей палатке.

Алексей долго ворочался на плащ-палатке с боку на бок и уснул только, когда уже рассвело. Но спать ему не пришлось. Михаил стал тормошить.

— В чем дело? — сонным голосом спросил Алексей, не открывая глаз.

— Поднимись на минутку и посмотри, в какой ловушке мы оказались.

С Алексея сон как рукой сняло, он мгновенно оказался на ногах. Посмотрел вокруг и оторопел. Кустарник, который ночью представлялся большим, густо поросшим массивом, на самом деле оказался узкой жидковатой полоской, прижавшейся к самому берегу Вислы. В сотне шагов, параллельно берегу, тянулась дамба — высокая земляная защита от наводнений. С ее вершины кустарник легко просматривался.

— Проводник говорит, что за этой дамбой, примерно в двух-трех километрах отсюда, в селе Борова стоит немецкий гарнизон,— подлил Михаил масла в огонь.— И что фрицы имеют привычку патрулировать берег, проходя по этой дамбе.

— Так какого ж черта он затащил нас в эту полоску? Ты его спросил?

— Он говорит, что сегодня суббота и немцы отдыхают, так что все обойдется.

В этот момент неподалеку, справа из-за дамбы, показалась и тут же спряталась чья-то голова. Через несколько мгновений рядом с ней показались еще две головы, размером помельче. Они так же, как и первая, быстро схоронились за дамбой.

Алексей и Михаил, не сговариваясь, присели. От партизана к партизанам полетела команда: залечь, не курить, не двигаться, приготовить оружие к бою!

Алексей видел, как то одна голова, то другая, то все три разом высовывались из-за гребня дамбы, некоторое время внимательно разглядывали партизанский бивуак, потом скрывались. Яркое солнце, выползшее из-за дамбы за спиною тех, троих, что так упорно следили за партизанами, слепило глаза, и как Алексей и Михаил ни напрягали зрение, рассмотреть этих подозрительных

наблюдателей так и не смогли. Удалось заметить лишь, что одна голова принадлежала взрослому, бородатому крестьянину, две другие девушкам или юношам. Это несколько ослабило нервное напряжение. Но все-таки тревога не проходила.

— Проводника ко мне,— приказал Алексей.— Только пусть ползком добирается.

Не успел подойти проводник, как неизвестные поднялись в полный рост, и все увидели старика, подростка и юную девушку. Они смело спустились вниз, в сторону партизанского бивуака и, немного не доходя, стали резать, не торопясь, ивовую лозу. Нарезав по охапке, они спокойно ушли за дамбу.

Вскоре стали появляться и другие крестьяне из села Борова. Они также нарезали охапки лозняка и уходили восвояси. Так продолжалось до самого полудня.

— Что они хотят делать с этой лозой? И зачем ее столько? — спросил Алексей у проводника.

— Завтра праздник — троица, и они пришли за вербой,— спокойно ответил проводник.

После полудня партизаны увидели того самого старика, что так напугал их утром. В руках у него был большой кувшин и что-то еще громоздкое, завернутое в какую-то дерюгу. Шел он прямо к ним.

Навстречу старику поспешил Бочкарев.

— Стой, пан. Куда идешь? — окликнул он старика.

— До вас, панове. Де есть ваш довудца — я до него.

Вскоре он сидел в кругу партизан, угощал их молоком и свежим хлебом. На вопрос Алексея, почему он утром так долго прятался за дамбой, старик заулыбался.

— Думав, цо вы есть бандиты альбо немцы.

— А как же вы, папаша, узнали, что мы партизаны? — заинтересовался Ярославцев.

— Ежели б вы были бандиты, нас так не выпусцили б.

— А другие, те что приходили сюда за лозой, тоже видели нас и также знали, кто мы такие?

— Мыслем, що знали.

— А среди них не найдется такого, что донесе о нас нимцам? — вмешался в разговор Касянчик.

Старик посмотрел на него с укоризной, потом отрицательно покачал головой.

Довольный своей встречей с «товажищами партизантами радецкими», он вскоре ушел. Никто из крестьян больше не появлялся. Вечер догорал.

Перед тем как отправиться по маршруту, разработанному Михаилом с помощью проводника, Алексей решил запастись продуктами. За ними отправились Юзеф Вронский и минеры Иосиф Савченко и Коля Полищук. Автоматы они оставили в отряде и пошли только с пистолетами в карманах и гранатами на ремнях, прикрытыми полами одежды.

Однако к кому бы из жителей ближайшей деревни они ни обратились с просьбой продать хлеба или каких-либо других продуктов, все наотрез отказывали.

— У нас, панове, ничего нема ниц,— как по заведенной пластинке отвечали все одной и той же фразой. Многие из них смотрели на Иосифа, Василия и Юзека с нескрываемым подозрением, а кое-кто даже враждебно.

Выслушав неудачных «заготовителей», Алексей с минуту подумал, потом улыбнулся.

— Все ясно — они наверняка приняли вас за бандитов или за немецких лазутчиков. Придется еще раз пойти в эту деревню, только при полной боевой и под своим именем. Миша,— обратился он к Минаеву,— пошли Васю Толочко, Володю-грузина и, пожалуй, Юзека. Только пускай переоденется, чтобы не узнали.

Разведчики ушли. И удивительное дело, те же самые крестьяне, что за час до этого так холодно отнеслись к группе Савченко, встречали разведчиков, обвешанных автоматами, пистолетами, гранатами и другим снаряжением, совсем по-другому. Стоило только Толочко или Белкания и даже Юзеку, которого многие сразу же узнавали и по лицу, и по голосу, сказать: «Просимо продать хлеба для войска», как и хозяин и вся его семья на глазах преображались.

— То для тего войска, ктуре цалый день спочивало в кшаках — в кустах? Для тего войска с щирым сердцем, милости просимо,— гостеприимно приглашал хозяин или хозяйка партизан к столу, и вся семья тотчас приходила в движение, извлекая из своих закромов буханки хлеба, куски сала, яйца. И никто из крестьян не согласился взять деньги за продукты.

Перед тем как сняться с места и отправиться дальше, Алексей подозвал к себе проводника, долго благодарил его.

— Спасибо вам, дорогой друг, за помощь, за риск, за все, все. Знайте, что мы никогда не забудем этой вашей услуги. А сейчас можете возвращаться домой — дальше мы пойдем одни.

Растроганный и несколько растерявшийся проводник искренне удивился:

— Для чего пан поручик так мови? Як же вы без проводника пуйдете по таким небеспечным дрогам?

— Ничего, как-нибудь пройдем.

Алексей хотел было ему признаться, что без его помощи им, конечно же, значительно труднее будет идти по неизведанным опасным местам. Но они не хотят больше его, семейного человека, подвергать дальнейшей смертельной опасности.

— За нас теперь не беспокойтесь, нам не привыкать одним пробираться по чужим районам. Так что можете спокойно отправляться домой,— сказал Алексей на прощание.

И все-таки проводник не покинул их до тех пор, пока они не миновали немецкий гарнизон в селе Борова и не вышли на берег небольшой речушки.

— Ходьте тем брегом до самего конца, обок деревень Лысакове, Конта, друге Лусакув, Гурно. А далей пуйдети просто — прямо, леворуч от мяста Радомысль Вельки. А там за годину и до ляса дойдете.

Восход солнца зостал их в 20 километрах к северовостоку от города Тарнува у небольшой деревни, насчитывавшей около десятка дворов. С двух сторон ее прикрывали перелески, с третьей — подступал высокий холм, омываемый небольшой речкой с заболоченными берегами.

Узнав, что немцев поблизости не было, Алексей решил остановиться с отрядом в деревне. Небольшими группами партизаны разбрелись по дворам.

В крайнем доме со стороны юго-запада остановились Савченко, Колбасов, Усенко, Полищук и Вронский. Пока Колбасов и Усенко стояли на посту, Вронский занялся приготовлением горячей пищи.

— Я, пани, сам,— объяснил он озадаченной хозяйке.

Выпросив у ней немного муки, он извлек из сумки

остатки заготовленных накануне яиц, которые тащил в котелке, кусок сала и, весело напевая, занялся приготовлением польских «клецечков». Они удались у него на славу.

Наевшись досыта, Савченко и Полищук вышли во двор, чтобы сменить своих товарищей. А когда те ушли в дом, Полищук поднес к глазам бинокль и стал осматривать местность. Вдали, за небольшим продолговатым бугром, он увидел костел, а возле него толпу людей. День был теплый, солнечный, воскресный. Люди спокойно стояли небольшими группами. Но вот они вдруг резко задвигались, словно их кто-то вспугнул, а потом бросились прочь. В этот момент Полищук увидел мчавшегося во весь дух в их сторону мальчика лет семи. Появился он из-за бугра и так спешил, что часто падал, поднимался и снова пускался со всех ног в сторону деревни.

Савченко и Полищук поняли, что там, за бугром, что-то случилось и с нетерпением ожидали мальчика. А тот уже видел их.

— Пан, пан!..— с трудом справляясь с одышкой, закричал он, не добежав до них.— Там... в костеле немцы... Мамка послала мне до вас, жебы вы утекали... для того же немцы до вас дойдуть...

Выпалив эти слова, мальчишка тут же бросился обратно. Полищук успел заметить, как он все чаще падал и все дольше отдыхал.

Через несколько минут весь отряд уже был на улице, как раз в тот момент, когда вдали, по всему полю, растянулась густая цепь гитлеровских солдат. Заметив партизан, они чуть сбавили шаг и еще издали открыли огонь из пулеметов, винтовок, автоматов.

Партизаны принимать боя не стали — слишком большая была разница в количественном соотношении, да и позиция отряда оказалась невыгодной.

Только прошагав несколько километров и забравшись на вершину соседнего холма, утопавшего в густом лесу, они остановились передохнуть.

Напрягая зрение, Алексей смотрел в бинокль в сторону покинутой деревни, и в голове у него билась однаединственная мысль: все ли крестьяне успели бежать в лес, как им советовали партизаны?..

Более четверти века минуло с тех пор, как проходили описываемые здесь события, а Алексею Батяну

и Михаилу Минаеву и другим партизанам их отряда, да и самому автору очень хочется знать: «Где вы, друзья,— и комендант Сташувского обвода БХ, и проводник, почти сутки деливший смертельную опасность с нашими товарищами на берегу Вислы, и тот старик, что не побоялся днем принести советским партизанам продукты, и та мать, что не остановилась перед опасностью потерять своего семилетнего сына и погибнуть сама ради спасения советских партизан от гитлеровских карателей, и жители той деревни, что за свои хлеб и соль для защитников из Советского Союза поплатились своим жильем, а кое-кто, возможно, и жизнью, и тот самый маленький патриот, уже понимавший тогда, что такое зло и как надо поступать, когда друзьям угрожает смертельная опасность?

Жаль, конечно, что партизаны не имели возможности тогда узнать ваши имена и поэтому на этих страницах вы проходите безвестными героями. Но от этого ни сама историческая правда, ни глубокое уважение к вам не пострадают. Где же вы, друзья? Отзовитесь».

ОПАСНЫЙ РИСК

На пути отряда встала железнодорожная магистраль Катовицы — Краков — Жешув — Львов. Гитлеровское командование придавало ей первостепенное значение и поэтому усиленно охраняло.

Неожиданное появление на подступах к ней советских партизан серьезно всполошило местные военные власти.

Учитывая это, Алексей остановился с отрядом в нескольких километрах от железной дороги в глухом, густо поросшем хвойным лесном овраге. А Михаил вместе с Васей Толочко и Юзеком Вронским решили сами отправиться в разведку.

Стояла солнечная ветреная погода. Вокруг бурно, как море в штормовую погоду, волновался от ветра лес. А впереди, на юге, начиная от железной дороги и до самого горизонта, громоздились горы. Редкие и невысокие, чуть больше обыкновенных холмов, они чем дальше, тем становились выше, заполняли собой все видимое пространство на юге, востоке, западе. Повыше-

ние их к горизонту создавало впечатление, будто какая-то неведомая сила взялась за край всхолмленной земли, как за тисненый переплет гигантской книги, приподняла ее на десятки градусов да так и оставила, позабыв опустить.

Глядя впервые в жизни на такое нагромождение гор, Вася Толочко долго не мог оторвать глаз.

— Какие же они красивые! Прямо как нарисованные,— воскликнул он с восхищением.

— Да... Издалека-то они красивые, да только пока заберешься на такую «красавицу», десять потов прольешь,— с грустью заметил Михаил.

Он сокрушенно покачал головой и взялся за бинокль. Холм, на котором стоял Михаил, оказался в самом центре Румницкого хвойного леса. Где-то недалеко впереди должна была быть железнодорожная линия. Но с вершины холма, если смотреть прямо на юг по маршруту, она не проглядывалась. Зато слева, у восточной опушки леса, Михаил увидел железнодорожную станцию Чарна, поселок, костел. На станции слонялось несколько немецких солдат.

— Пошли,— сказал Михаил, опуская бинокль.

Минуло около часу. Ветер немного утих. Воздух нагрелся, в лесу стало душно.

Осторожно добрались они до кромки обрыва и залегли. Внизу, за пологим спуском, поросшим густым кустарником, чуть слышно пошумливала речка Чарна. От нее круто карабкался вверх противоположный берег. Недалеко от него параллельно тянулась неширокая полоска леса. За ней в просветах между деревьями проглядывала вершина насыпи, поблескивали нитки рельсов. Несколько минут назад по ним влево, в сторону станции Чарна, промчался воинский эшелон. Теперь же там стояла безмолвная тишина.

Но так ли было на самом деле? Не притаилась ли вон за теми кустами у опушки вражеская засада? Ведь не могло же быть, чтобы гитлеровцы оставили бы этот очень удобный для перехода участок железной дороги без наблюдения.

— Сидите здесь и смотрите в оба,— промолвил Михаил, собираясь спуститься вниз.— Если с той стороны по мне откроют огонь, не спешите вступать в бой. Помните: стоит нам только произвести хотя бы один выстрел, как немцы сразу же насторожаться. А это

значит, что через железку нам здесь уже не перебраться. Ясно?

— Ясно-то ясно, но если фрицы станут вас преследовать, мы молчать не будем,— твердо заявил Толочко.

— И все-таки не торопитесь.

Михаил отполз немного вправо, выбрал небольшой овражек, прикрытый со стороны противоположного берега разросшимся кустарником, и стал спускаться вниз.

Речка оказалась неглубокой, и Михаил быстро перешел ее вброд.

Остановился, посмотрел назад, туда, где притаились его друзья, помахал им рукой. Потом повернулся и полез в гору. Лавируя между осинками, чудом лепившимися вдоль крутого обрыва, он внимательно следил за тем, чтобы не качнулась, по его неосторожности, ни одна ветка, не треснул под ногой сучок.

Но надо же было так случиться! Выбираясь на откос, он стал всей своей тяжестью на прогнившую плеть корневища, вместе с нею сорвался и еле успел ухватиться за тонкий ствол осинки, чтобы удержаться и не шлепнуться в воду. Осинка буйно закачалась, шумно затрепыхала ее листва. В тот же миг Михаила не столько напугала, сколько оглушила внезапно раздавшаяся где-то совсем рядом длинная очередь из немецкого пулемета. Над головой промчался рой смертоносных пуль. Некоторые из них натолкнулись на ветки злополучной осинки и взорвались, осыпав Михаила листвой.

«Засада! Надо скорее уносить ноги!» — током пронеслось в голове.

Михаил разжал руку, которой до этого держался за ствол осинки, и полетел вниз.

Когда он очутился в воде, стрельба оборвалась и откуда-то сверху невидимый немец заорал громко и повелительно:

— Хальт! Хенде хох!

Михаил бежал через речку, не оглядываясь, потом ринулся в густой кустарник. Но не успел он сделать и двух шагов, как за его спиной снова заработал тот же вражеский пулемет, застрекотали автоматы. Пули гулко взрывались пистолетными выстрелами то впереди Михаила, то по бокам, то позади.

«Скорее! Скорее!» — гулкой скороговоркой, будто

кнутом, подстегивал Михаила внутренний голос. Он добежал до изгиба речки и под прикрытием выступа добрался до своих товарищей.

Два часа бродили разведчики вдоль магистрали, то удаляясь от станции Чарна на запад, то возвращаясь к ней. Пять раз подползали к железнодорожной насыпи. Но всюду натыкались на потревоженных охранников, начинавших всякий раз с остервенением палить из всех видов оружия, не жалея патронов.

— А что, если мы рискнем подползти к самой станции, а?— неожиданно осенило Михаила.

— Я так само мыслил,— сознался Вронский, охочий, как и Алексей, до острых, наполненных опасностью ситуаций.

И они пошли к железнодорожной магистрали в шестой раз, подвергаясь еще большей опасности, чем прежде. Чтобы подкрасться к станции как можно ближе, им пришлось несколько сот метров ползти по открытому полю, усеянному редкими кустами. Пробираясь от одного шаровидного куста тальника к другому, они добрались до небольшого перелеска, расположенного неподалеку от пристанционного хозяйства, и против входных стрелок залегли. Солнце к тому времени было уже за горизонтом, и по перелеску начали стлаться сумеречные тени. На открытой же местности было еще светло. Разведчикам это было на руку: немцы не могли заметить их, лежавших в тени лесочка, а они немцев видели как на ладони.

Внимательно присматривался Михаил к поведению вражеских солдат на станции, изучал подходы к линии. «Лучше всего переходить ее возле входных стрелок»,— прикидывал он мысленно.

...А в отряде в это время никто не находил себе места. Они забеспокоились сразу же, как только со стороны железной дороги услыхали звуки отдаленной пулеметной стрельбы.

— Ой боже, неужели це по нашим шпарять, проклыти нимцы? — первым стал беспокоиться Никифор Касянчик.

— Никак не определю: то ли фрицы по нашим стреляют, то ли с кем другим ведут бой? Как думаешь, Алеша? — спросил Ярославцев командира.

Тот неопределенно пожал плечами.

— А может, это наши ребята нарочно дразнят их,

чтобы выяснить места засад и вообще систему охраны,— проронил он неуверенно и, немного помолчав, добавил: — Ничего, скоро вернутся.

Но время шло, а разведчики все не появлялись. Многие из партизан приуныли, не стало слышно ни привычного смеха, ни оживленного разговора. Если и говорили, то только об одном: почему так долго нет разведчиков.

— Что ж, Алеша, придется, очевидно, отправляться всем отрядом на розыски ребят,— подсказал Ярославцев.

Его слова подхлестнули Алексея. Он порывисто поднялся.

— Да, да, надо выходить.

Услышав команду, партизаны ожили, задвигались, снова послышались бодрые голоса. За суетой никто не заметил, как подошли разведчики.

— Куда это вы собрались? — громко окликнул Михаил.

На его голос все мигом сбежались.

— Миша, друг,— только и сумел вымолвить Алексей, крепко обнимая своего заместителя.

— Это что, по вас палили фрицы?

— Никто из вас не ранен?

— Где ж вы, черти полосатые, так долго пропадали? — раздавались в темноте вопросы.

Как разведчики ни устали, они отказались от отдыха и вскоре уже шагали в голове отряда, растянувшегося привычной цепочкой.

Дорогой Михаил подробно рассказал Алексею о всех своих злоключениях, пережитых за день, и о том, в каком именно месте он решил проскочить через железную дорогу.

— А ты думаешь, возле станции все обойдется благополучно?

— Надеюсь,— последовал ответ.

Ночь. Тихо лежали, припав к земле, партизаны. Позади, в нескольких шагах река, а впереди, примерно в двухстах метрах, станция. На стрелках, на семафорах мигали огоньки, желтые, зеленые, красные. Изредка на перроне светились лучи карманных фонариков, раскачиваемые в такт быстрых шагов, да периодически вспыхивали огоньки горящих сигарет.

— Ну, что, Миша, может быть, пододвинемся еще

метров на сто? — шепотом спросил Алексей у Михаила.

— Да, пожалуй, можно,— согласился тот.

Он приподнялся и, не разгибая спины, по-медвежьи пошел впереди, по направлению к входным стрелкам.

За ним, повторяя его движения, потянулись партизаны. Шли они крадучись, готовые к любой неожиданности.

Когда расстояние между ними и полотном дороги сократилось вдвое, на станции внезапно прогремел одиночный винтовочный выстрел, и тотчас же там, где разведчики днем нарывались на засаду, в небо метнулась яркая осветительная ракета.

Партизаны мгновенно бросились на землю и застыли.

— Вот, гады,— чуть слышно, выругался Алексей.

Ракета погасла. Все вокруг потонуло в непроглядной тьме. Михаил собрался уже было двигаться дальше, но тут вспыхнула другая ракета, за ней третья, и он замер.

Наблюдая по светящемуся циферблату наручных часов, Михаил установил, что время темноты от одной вспышки до другой длилось одну минуту. «Ну что ж, надо и это использовать»,— отметил он про себя. И каждый раз, как только ракета гасла, Михаил, не оглядываясь, двигался дальше. За ним следовали Толочко и Вронский, ни на шаг не отставали остальные. Как только разведчики припадали к земле, партизаны мгновенно повторяли их движения, и тотчас же в небо взвивалась очередная ракета.

Когда потухла последняя ракета и наступил долгожданный мрак, Михаил заметил, что красный глазок светофора со стороны Тарнува сменился зеленым.

«Ах, вот почему они волнуются, освещают линию — эшелон поджидают. Надо торопиться, а то мало ли кого и куда он везет. Вполне возможно, что притащит карателей против нас».

Михаил оторвался руками от земли и все в том же полусогнутом положении поспешил к полотну железной дороги. Отряд последовал за ним.

Но вдруг, когда они уже подошли к штабелям шпал, лежавшим рядом с линией, на станции послышался звучный топот большого количества ног, донесся неясный шум голосов, какой обычно возникает возле

казармы, когда из нее выбегают по тревоге солдаты. Мигнули карманные фонарики.

Михаил привалился к земле. К нему быстро подполз Алексей.

— Ты уверен, что вечером они вас не засекли? — прошелестел над ухом его шепот.

— Да, — твердо произнес Михаил.— А ты что, думаешь, это против нас они готовятся?

— Кто их знает, может, и так.

Умолкли, напряженно вслушиваясь в шум на станции.

— Да-а, что-то неспроста они взбулгачились,— шепнул Михаил.

В его словах и в самом тоне Алексей уловил нотки непривычной для Михаила неуверенности.

— Ничего, пускай только сунутся,— угрожающе зашептал Алексей.— Дадим разок по мордасам, откатятся как миленькие. Отступать все равно не будем — поздно теперь об этом думать. Пошли дальше.

— Тссс,— вовремя остановил его Михаил.— Слышишь? Сюда прут, гады.

Топот невидимых в темноте солдат противника быстро приближался.

— Приготовить гранаты. Как только свернут в нашу сторону, забросаем и сразу же — на ту сторону,— шепотом приказал Алексей рядом лежавшим разведчикам.

— Только не торопитесь, ждите, когда повернут в нашу сторону,— предупредил Михаил своих товарищей.

В этот момент справа из-за леса донесся отдаленный грохот приближавшегося эшелона.

«Только тебя еще здесь не хватало, что б ты взорвался на стрелках,— выругался Алексей про себя.— А что, если с этим эшелоном на станцию прибывает подкрепление, вызванное охраной, да еще с овчарками?» — снова уколола в самое сердце непрошеная мысль. Но гулкий топот большого подразделения, приближавшегося со стороны станции, оторвал его от шума поезда.

А немцы подходили все ближе, ближе. Вот они уже поравнялись с лежавшими в нескольких метрах от них партизанами. Алексей взялся за кольцо гранаты, но... немцы прошли мимо. От сердца отлегло.

Справа показались огни паровоза. Надо было торопиться.

— Ходу! — скомандовал Алексей, и вместе с Михаилом и разведчиками они бросились к линии.

Пропустив всех товарищей, Василий и Юзеф последними бегом перемахнули через линию, буквально перед самым паровозом. Их заметили и со станции и с эшелона. Воздух разрезали автоматные очереди. Отозвался откуда-то пулемет, за ним другой.

Но для партизан все это уже было не страшным. Они вырвались на стратегический простор, и теперь у них чесались руки дать короткий бой. Однако Алексей решил этого не делать: сохранив в такой трудной дороге всех людей, он не хотел их терять на подступах к Карпатам.

Той же ночью они перешли автостраду Краков — Перемышль и к утру втянулись в предгорья Бескидов.

ПРЕКРАЩЕНИЕ РАДИОСВЯЗИ

Медленно поднимались они на первую, сравнительно невысокую гору. От продолжительной ходьбы на носках — иначе подниматься в гору невозможно — у них с каждым шагом все острее ломило в ступнях, икрах, все ощутимее подрагивали от непривычки колени.

— Ой боже! Та чи скоро буде той проклятый перевал? — со стоном вырвалось из уст Касянчика.

Вместительный мешок, по-прежнему набитый доверху, закрывал его щуплую фигуру и, казалось, вот-вот раздавит ее или опрокинет. Чуть ли не касаясь лбом круто уходящего в гору подъема, а подбородком неразгибаемых колен, Никифор цепко хватался за каменные выступы, за ветки растущих на пути кустов или деревьев, подтягивался шага на два, останавливался перевести дыхание и снова пускался в путь.

Заметив издали, как трудно Никифору было подниматься на перевал, Михаил остановился, подождал, когда он приблизится.

— Давай мне свой сидор,— потянулся он было к мешку Касянчика.

Тому, конечно, очень хотелось освободиться от тяжкой ноши, чтобы вздохнуть свободнее! Но этому поме-

шало и его партизанское самолюбие и близкое соседство Савченко.

Минер нарочно, как думалось Никифору, шагал замедленным темпом, словно выжидал, когда Касянчик допустит какую-либо оплошку, чтобы развеселить товарищей очередной шуткой.

— Спасибо, Михайло Павлович, за ласку. Але я сам якось дотяну до перевала,— мужественно отказался Никифор от помощи.

Савченко все это слышал. Но в мыслях у него было не то, что подозревал Никифор. Подождав, когда Михаил уйдет вперед, он спустился Касянчику навстречу, протянул ему конец длинной палки, на которую опирался в пути.

— На, цепляйся, только держись покрепче,— неожиданно предложил он своему сопернику в спорах.

— Отстань, не до шуток,— с напускной суровостью отвечал Касянчик.

— Ты что! Я же серьезно хочу тебе помочь. Бери, не ломайся, вдвоем легче будет топать, вот увидишь.

«Шутит чи не шутит? — гадал Никифор, незаметно заглядывая Иосифу в глаза.— Нет, кажется, серьезно говорит». Тем не менее все же решил еще раз проверить.

— Та якый с тебя буксировщик. Сам небось еле топаешь.

— Да нет, чувствую я себя что надо. Цепляйся смело. Оно же и тебе полегчает, и мне за компанию веселее будет.

— Ну, разве що за компанию,— схитрил Касянчик.

И кто его знает, может быть, он и не очень-то злоупотреблял силою минера, однако шагалось ему гораздо легче.

А когда добрались до перевала, Никифор остановился, вытер тыльной стороною руки запотевшее лицо, набрал полные легкие воздуха и с облегчением выдохнул.

— Ну, спасибо тоби, Ёсыпе, за помощь,— сказал и отпустил палку.

— А ты не спеши, не спеши — вниз ведь тоже нелегко спускаться одному,— запротивился было Савченко.

Но на этот раз Никифор отказался наотрез.

— Не беспокойся, вниз я в два счета спущусь,

И действительно, не успел он сделать и нескольких шагов, как, увлекаемый тяжестью, сорвался и с такой силой помчался вниз, что еле успевал перебирать ногами. К счастью, на его пути очень скоро попался мощный куст, который и прервал его бешеный бег, грозивший серьезными последствиями. После этого Никифор стал спускаться только на четвереньках и задом, чем тотчас же вызвал у товарищей немало насмешек.

— Гляньте, хлопцы, чудо! — воскликнул все тот же Иосиф.

— Где?

— Какое чудо?

— А вон вверху, видите: мешок на человечьих ногах спускается.

— Чудак человек, мешок это только маскировка. А под ним, видишь, какая гаубица ползет? — поддержал Ярославцев шутку, чтобы немного расшевелить присмиревших товарищей.

— Верно, верно. Чья же это, интересно знать? — вмешался Полищук Коля.

— Как чья? — переспросил Иосиф и тут же ответил: — Нашего казначея, Никифора Григорьевича, вот чья. О, смотрите, смотрите! На открытую позицию выкатывает свою гаубицу. Не иначе фрица заметил, берегитесь — сейчас шарахнет прямой наводкой...

Партизаны развеселились и на следующую гору поднимались уже резвее. То в одном конце, то в другом слышались веселые голоса, короткие смешки.

— Передать по цепочке — прекратить разговорчики,— приказал Алексей. А когда вскоре отряд остановился на передышку, серьезно предупредил всех: — Нельзя, товарищи, забывать, что во время перехода железной дороги нас заметили немцы. Так что вести себя надо поосторожнее.

Лица партизан стали серьезными, и всю дорогу, до большого привала, они шли тихо.

На дневку остановились неподалеку от небольшого хутора, в живописном буковом лесу, рядом с горным ручейком.

Опасаясь, как бы немцы не застигли отряд врасплох, Алексей выдвинул наружные посты подальше от бивуака. Этого ему почему-то показалось мало, и он решил бодрствовать.

Заканчивался теплый майский день. Партизаны перекусили и стали уже собираться в дорогу, когда к ним внезапно примчался польский крестьянин с хутора.

— Утекайте, панове, бо до вас жандармы идут! — крикнул он испуганным срывающимся голосом.

— А откуда они идут? — спросил Алексей.

— С тей стороны,— показал поляк.

— Ну, спасибо, друг, что вовремя предупредил. Да, как тебя хоть звать, скажи?

Крестьянин пожал плечами, глянул почему-то на свой хутор, потом с подчеркнутой гордостью заявил:

— Я естем поляк, пане. То мое назвысь-ко.

Сказав это, он поспешил уйти.

Партизаны тоже не стали задерживаться. Пройдя для отвода глаз стометровую тропу в одном направлении, они резко повернули влево и, продвигаясь по ложу высохшего дождевого стока, быстро поднялись на вершину соседней горы. Там они передохнули и отправились дальше, по своему маршруту.

На другой день в сумерки партизаны благополучно перешли самую южную в Польше железную дорогу, идущую из Силезии через Освенцим, Новый Сонч, Ясло и далее к линии фронта. Между железной дорогой и параллельно бегущим шоссе они наткнулись на кладбище русских воинов. Оно раскинулось на холме, за поседевшей от времени кирпичной оградой. В годы первой империалистической войны там были захоронены руские солдаты, участники героического Брусиловского прорыва. Вокруг братских могил выстроились бессменной стражей молчаливые ели.

Много лет прошло, постарели и покосились кресты. Но судя по свежевытоптанным дорожкам, по ухоженным могилам, они не осиротели, не остались забытыми. Об этих могилах заботились жители ближайших сел и деревень Лемковщизны[1].

[1] Прикарпатская Русь. Население — потомки выходцев с Украины, осевших много веков назад в северо-восточной части современной Словакии и юго-восточной части Польши, в частности на территории Саноцкого. Ясельского. Кросценского и Горлицкого повятов Жешувского воеводства и в Новосандецком повяте Краковского воеводства. Эту часть Польши поляки называют Лемковщизна, а жителей — лемками. Сами же лемки, сохранив передаваемую из поколения в поколение самобытность своих предков, с гордостью называют себя русинами, а свой край — Прикарпатской Русью.

Несколько минут стояли на этом кладбище советские партизаны с обнаженными головами.

— Спите спокойно, наши славные герои. Мы отомстим врагу и за вас! — клятвенно промолвил Алексей дрогнувшим от волнения голосом.

...Ранним воскресным утром 4 июня они остановились на отдых в небольшой деревне Ропа, расположенной на территории Горлицкого повята Жешувского воеводства, в 25 километрах от соседнего повятового города Новы Сонч.

Во второй половине дня к Алексею привели двух задержанных молодых парней, одетых в простую крестьянскую одежду.

— Русины мы, лемки мы, из соседней деревни,— представился один из них на каком-то сильно ополяченном украинском языке.

Поначалу они чувствовали себя скованно, напряженно. Но когда узнали, что попали к советским партизанам, очень обрадовались, стали настойчиво приглашать к себе в деревню. Вскоре партизаны были гостями русинов, принимавших их как родных братьев. А один из них упросил всех советских партизан зайти к нему на семейное торжество — крестины и выпить по небольшой чарке сливовицы за новорожденного.

В домах многих русинов партизаны видели одну и ту же картину: на окнах вышитые украинские рушники, на стене, на самом видном месте, портрет Тараса Шевченко, а на столике-угольнике под образами или рядом с ними на полке — зачитанный томик знаменитого «Кобзаря».

Но жили русины крайне бедно. Об этом можно судить по следующему эпизоду.

Как-то партизаны, мокрые, продрогшие и усталые, наткнулись в темноте на изгородь крайнего двора какого-то населенного пункта.

— Петро,— окликнул Алексей Ярославцева,— зайди узнай, какое это село, нет ли поблизости немцев и где тут у них можно подсушиться и передохнуть.

— Петька! Бочкарев! — кликнул в свою очередь Ярославцев командира отделения.— Пошли со мной.

Ярославцев вместе с Бочкаревым вошли во двор, толкнулись было в дверь. Но она оказалась запертой изнутри. Подошли к окнам. Постучались. За стеной послышался неясный шум. Но ни света в окне, ни звука

в ответ. Постучали громче, настойчивее. И на этот раз из дома никто не откликнулся.

Собираясь уходить, Ярославцев громко выругался, и вдруг, не успел он сделать и шага, как из-за стены до его слуха долетели слова:

— Старуха, Васыль, Стефа, не бойтесь, то же наши, русски! Запали, стара, лампу, а я зараз!

Заскрежетал засов. Широко распахнулась дверь. На пороге показался высокий старик в одних лишь кальсонах.

— Заходьте, будь ласка, заходьте, братове,— гостеприимно пригласил он партизан.

Те вошли в дом и оторопели: при свете зажженной лампы они увидели всю семью старика совершенно голой.

На вопрос Ярославцева, почему они все в таком виде, старик тяжело вздохнул:

— От злыдней, брате, от бедности проклятой.

Оказалось, что многие русины из-за недостатков ложились спать в чем мать родила.

— Старуха, Стешка! — воскликнул старик.— Готовьте яешню, ставьте на стол все, що у нас имеется. А ты, Васыль, сбегай до Федора Хованца и попроси у него пляшку сливовицы,— приказывал домашним обрадованный хозяин.

С того дня и сам он — житель деревни Ростока Мала Петро Руснак и его взрослые дети Василь и Стефа, а также их сосед Федор Хованец стали верными помощниками и друзьями советских партизан. Хорошо относились к ним и остальные жители деревни Ростока Мала, вплоть до солтыса — старосты. Правда, вначале тот побаивался партизан и на всякий случай прятался. Но потом осмелел и рискнул встретиться.

— Я не ворог вам, братове, але я не маю права не донести о вашем появлении немецким властям,— откровенно признался он. Очень скоро он оказал советским партизанам большую услугу.

А случилось это так. Чтобы не подводить своих друзей, на день партизаны уходили в горы и возвращались в деревню только с наступлением сумерек. Но как они ни остерегались, как ни оберегали их русины от постороннего глаза, шеф гестапо и командование гарнизона в Новом Сонче дознались о появлении советских партизан в районе Ростоки Малой. Дознались и взбелени-

лись. Пять лет стараниями вермахта наводился «Европейский порядок» на территории «Генералгубернементе»[1], сам генерал-губернатор Ганс Франк еще прошлым летом охотился в окрестных лесах, принадлежавших графу Стадницкому. И вдруг там объявились «советише бандитен!»

Всю ночь лил дождь и перестал только к утру. Партизаны задержались в деревне дольше обычного. Алексей, Михаил и радисты сидели в доме Руснаков за завтраком.

— Шось, братове, случилось,— глянув в окно, сказал Василь.— Якийсь поляк из Складистого бежить в нашу деревню. О, прямо в наш двор завернув.

Партизаны вскочили с мест, приблизились к окнам. К дому, не разбирая дороги, спешил тяжело дышавший человек.

— Утекайте, панове, до гуры. Бо немцы скоро сюда приедут! — крикнул он с порога и тут же подался назад.

Через несколько минут в дом к Руснаку примчался и солтыс. Он сказал, чтобы Василь поскорее увел партизан, а немцев он пообещал увести в другую сторону.

Когда партизаны ушли, староста, чтобы отвести от деревни угрозу расправы, помчался навстречу гитлеровцам «с донесением». На вопрос командира гитлеровской части, где находятся партизаны и что они делали в деревне, ответил:

— Бандиты просили у наших людей хлеба. Но никто им ничего не дал. Тогда они пошли на гору — я вам покажу, куда именно.

Партизаны видели, как снизу, со стороны Ростоки Малой, двигалась немецкая часть на соседнюю гору с поэтическим названием Галя Писанная. Впереди важно шагал сам пан солтыс, за ним разведчики и далее колонна, завершавшаяся четверкой, запряженной в легкий фаэтон. На мягком кожаном сиденье восседал пан лейтенант. Подъем был крутой, земля, расквашенная дождем, была скользкой, и немцы карабкались медленно, часто падали.

---

[1] Генерал-губернаторства. Лишив Польшу государственности, гитлеровская клика присоединила к Германии наиболее богатые воеводства: Познаньское, Поморское, Варшавское, Силезию, а остальную часть объявила протекторатом под названием Генералгубернементе.

Часа через полтора гитлеровцы добрались до высокогорной поляны и открыли по опушке ураганный пулеметно-автоматный огонь.

— Вот дают фрицы! Палят в божий свет, как в копеечку! — громко воскликнул второй номер моховского пулеметного расчета Колька-свист.

Более часа немцы стреляли из всех видов оружия, перебегая от одного куста к другому.

— Честно отрабатывают свой солдатский хлеб,— заметил Ярославцев.

— Надо же о чем-то докладывать начальству, вот и стараются на всю железку,— поддержал его Михаил.

Стрельба на Гале Писанной оборвалась. Немцы вернулись в село, уселись на машины и отправились восвояси. А партизаны спустились вниз, перешли ущелье и поднялись на Галю Писанную, где до появления гитлеровцев они провели уже несколько дневок. Настроение у всех было приподнятое, веселое, только дождь немного портил его.

Коля Новаторов развернул свою «белку» и стал передавать на Большую землю очередное радиодонесение. И вдруг на самой середине передачи случилось несчастье: полетели зубья на шестеренке генератора, и передатчик остался без питания.

Когда Николай доложил о случившемся Алексею, тот напустился было на него.

— Как же ты допустил до этого? Кто работал на крутилке?

— Касянчик.

— Он что, сонный был, что ли? Рывками, наверное, рвал колесо?

— Да нет, работал нормально, как обычно...

— Выходит, зубья сами виноваты, что полетели?— не унимался Алексей.

Зная его вспыльчивый характер, Михаил вмешался:

— Тут никто не виноват. Просто на заводе плохо зацементировали, вот зубья и не выдержали долгой нагрузки. Я давно уже замечал, что они быстро изнашиваются.

— Нам-то от этого не легче,— немного притушил Алексей свою горячность.— Ты лучше скажи: что будем делать? Неужели так и останемся без связи с Москвой?

Михаил пожал плечами.

— Надо попытаться найти местных партизан, может, они помогут.

— Ну что ж, давайте будем искать польских партизан,— прервал Алексей размышления Михаила.— Все равно ведь, кроме поляков, нам никто не поможет.

Да, нелегкое это дело — оказаться без радиосвязи с Большой землей небольшому отряду, так далеко забравшемуся в глубь вражеского тыла, да еще на территории чужой страны.

«Случись это с нами там, на Украине,— думал Алексей,— в любое время нам помогли бы соседи, командиры других партизанских отрядов. А смогут ли выручить поляки? Судя по тому, как об этом говорил Антек — Ратусинский, в лесах на юге Краковского воеводства считают себя хозяевами аковцы. Какими они здесь окажутся? Не такими ли, каким показал себя поручик Барабаш?»

Каждый раз, когда Алексей начинал думать о предстоящих встречах с аковцами, он тотчас вспоминал встречу с Барабашем. Но удивительное дело: злости почему-то он не ощущал. «Ничего, жизнь тебя обломает и поправит. Ты же не из барчуков, и с реакционной верхушкой АК тебе не по пути»,— продолжал он мысленный спор с Барабашем, даже не подозревая, что эти слова его подсознательной надежды окажутся пророческими: поручик Мариан Солтысек—Барабаш позднее найдет в себе благоразумие и мужество вырваться изпод влияния реакции и встать на службу новой, народной, социалистической Польши.

Но об этом и Алексей и автор этих строк узнали много лет спустя. А тогда, во второй половине 1944 года, само слово Барабаш ассоциировалось с реакционно настроенными офицерами АК.

ПОЛЬСКИЕ ДРУЗЬЯ ПРИХОДЯТ НА ПОМОЩЬ

Вечерело. Дождь не прекращался ни на минуту. Он шумно барабанил по лапчатым буковым листьям и, срываясь с их кончиков, всю ночь плевался на партизан крупными раздражающими каплями. Они пропитывали влагою одежду на плечах, на спине, коленях, непри-

ятными струйками сползали за ворот, вызывая нервную дрожь во всем теле. В довершение к этому, с вершины медленно, словно ощупью, сплошным разливом стекала дождевая хлюпень. Она проникала сквозь брюки и холодила тело снизу, забиралась в сапоги. Хотелось подняться, чтобы избавиться и от этого разлива и от липкой грязи. Но встать — это, в их положении, означало бы лишиться последнего тепла, которое им, хотя и скупо, но все же отдавала ими же согретая земля. И партизаны продолжали кто сидеть, а кто и лежать. Настроение было отвратительное. Перед налетом немецкой роты на Ростоку Малу только немногие успели позавтракать. Никто впопыхах не успел захватить продуктов с собой, и теперь голодные, мокрые и продрогшие они злились и на гитлеровцев, и на этот противный дождь.

Алексей Батян и прислонившийся к нему спиной к спине Михаил Минаев сидели молча. Утром на поиски польских партизан отправились начальник штаба Ярославцев и разведчики Толочко, Вронский, Шалико и Кита Имерлишвили.

День уже клонился к вечеру, а их все не было. Алексей стал тревожиться:

— Не случилось ли чего с ними?

— Придут. А что опаздывают, не удивительно, потому как по такой грязюке не очень-то быстро что на гору взбираться, что спускаться вниз,— попытался Михаил успокоить Алексея, хотя у самого на душе было неспокойно. Вскоре Ярославцев и разведчики вернулись.

Ярославцев доложил, что польские партизаны изредка заходят к бацам-пастухам, живущим на соседней горе Гале Лабовской.

— Там их и можно встретить. Кстати, и бацувка[1] у этих пастухов большая, светлая и с хорошим обогревом. Немцы туда не ходят. Так что есть смысл перебраться нам туда,— заключил Петр.

— Ну что ж, поднимай отряд.

Пастухи на Гале Лабовской оказались людьми сообразительными. Несмотря на то что Ярославцев и его спутники не сказали ни одного лишнего слова, а, покидая бацувку, сделали вид, что расстаются навсегда, те

[1] Бацувка — закрытая, добротно построенная овчарня с капитальной пристройкой для пастухов.

сразу догадались, что это были советские партизаны из того самого отряда, молва о котором уже ходила от бацувки до гаювки[1] и от села до деревни.

И когда утром ввалились к ним тридцать шесть советских партизан, в том числе уже знакомые разведчики, пастухи встретили их как долгожданных друзей. Быстро приготовили завтрак, правда, небогатый, состоявший из одного свежего сыра да жамтицы — сыворотки с черным хлебом,— зато от чистого сердца, по принципу: чем богаты, тем и рады.

Подкрепившись, партизаны с удовольствием расселись на полу вокруг жарко натопленных печек и стали сушиться.

А в это время на опушке показался невысокий, сухощавый юноша, одетый в поношенную форму польской лесной стражи, с винтовкой в руках. На вид ему было не более шестнадцати.

Внимательно осмотрев поляну, юноша задержался взглядом на бацувке и на некоторое время замер. Потом он как бы враздумье перевалился с ноги на ногу, потоптался, почесал в затылке, решительно взмахнув рукой, забросил винтовку за спину, вышел из укрытия и смело направился к бацувке.

— Не бойтесе, панове, я есть польски партизанта Стефан,— произнес он, входя в бацувку, и, словно в подтверждение своих благих намерений, неторопливо снял из-за спины винтовку и так же неспеша прислонил ее к стене.

Эта наивная мальчишеская фраза и забавный жест с винтовкой так развеселили партизан, что они не выдержали и дружно взорвались смехом.

Чтобы как-то скрыть свое замешательство, Стефан попытался придать своему скуластому юному лицу серьезное строгое выражение. Но это ему плохо удавалось, и Стефан сам захохотал по-юношески звонко, заразительно, на высоких нотах.

Очень скоро Стефан освоился и стал вести себя просто и непринужденно. На все вопросы отвечал бойко, откровенно, обстоятельно. Не прошло и часу, как Алексей, Михаил и те, что были поблизости, уже знали всю его жизнь.

---

[1] Гаювка — лесная сторожка, слово, производное от гаёвый — лесник.

Родился Стефан в селе Рытро, расположенном в нескольких километрах к западу от Гали Лабовской, между бурной рекой Попрад и железнодорожной линией, связывающей словацкий город Прешов с Новым Сончем и далее с Варшавой.

Отец Стефана был рабочим, принимал участие в движении Сопротивления. В первые годы немецкой оккупации он умер.

Их небогатая усадьба с небольшим убогим домом стояла на отшибе, у самого леса, сбегавшего с горы.

После окончания восьмилетней школы в течение трех лет Стефан работал в местной лесной фирме, сперва сторожем барака рубщиков, потом лесорубом, а с начала 1942 года, когда ему пошел восемнадцатый,— в Рытро, на лесозаводе.

Общаясь со взрослыми рабочими, он всегда с увлечением слушал их рассказы о боевых делах польских партизан и сам стал втихомолку готовиться к уходу в лес, к партизанам. Однажды ночью он подкрался к уснувшему на посту немецкому охраннику и утащил у него винтовку. В другой раз таким же образом Стефан раздобыл патроны, но уже не у заводских охранников, а у захмелевшего проезжего эсэсовца.

Почувствовав себя в боевой готовности, Стефан стал прислушиваться к разговорам рабочих завода, надеясь найти среди них человека, знавшего дорогу в ближайший отряд. Но произошедший с ним эпизод отдалил осуществление этой затеи.

Случилось это в конце 1943 года. Как-то Стефан отрезал на заводе от выбракованного приводного ремня кусок кожи себе на подметки и, уходя домой, спрятал за пазуху. Но охранник на проходной оказался дотошным. Обнаружив кожу, он с размаху ударил Стефана по лицу.

Тот закачался и, потеряв выдержку, ответил на удар доброй сдачей. Набежали другие охранники и так избили Стефана, что домой его доставили без памяти.

Целый месяц провалялся он в постели. За время болезни гитлеровцы схватили его брата и угнали в Германию на каторгу. Такая же участь нависла и над Стефаном. Немцы только ждали, когда он встанет на ноги. Но до этого дело не дошло. Однажды к нему на дом пришел пожилой десятник лесозавода Генрих Мусиа-

лович, в прошлом ротмистр русской царской армии, а потом капитан польской армии.

— Как ты, можешь самостоятельно передвигаться? — спросил он Стефана.

— Та, вроде могу. А что?

— Тогда не задерживайся здесь ни одного дня — уходи в лес к нашим партизанам. А то тебя немцы хотят угнать в Германию.

Мусиалович рассказал, где находятся партизаны, назвал пароль, по которому его должны были принять в группу, и ушел.

Стефан быстро собрался, но прежде чем уйти в отряд, дождался ночи, прокрался на завод и порезал на куски все ремни, трансмиссии. Делал он это с таким увлечением и такой яростью, что не услышал, как в цех вошел инженер завода Франтишек Сташкевич. А когда тот слегка коснулся его плеча, в испуге отпрянул в сторону, готовый наброситься на него с ножом.

Инженер по-приятельски улыбнулся.

— Не бойся — мы с моим зятем Мусиаловичем вместе состоим в движении Сопротивления, и это я ему сказал, что немцы решили тебя схватить, и посоветовал поскорее отправить в лес, на плацувку[1] Лонка[2]. Но мы думали, что ты уже ушел, а ты вон что натворил. Не подумал о том, что после всего этого,— показал пальцем на порезанные ремни,— может ожидать всех наших рабочих.

Стефан виновато опустил голову, тяжело вздохнул.

— Ну, что сделано, то сделано,— примирительно промолвил Сташкевич.— А теперь скорее уходи на плацувку Лонка. Только не вздумай заходить домой, потому что через два часа после твоего ухода я подниму тревогу — надо же как-то выкручиваться, отводить от рабочих угрозу ареста. На всякий случай старайся идти по ручьям и потокам, чтобы в случае погони овчарки не нашли твоего следа.

Очутившись за пределами завода, Стефан подался в лес к своему тайнику, взял винтовку, патроны и, не заходя домой, отправился в партизанскую группу. К восходу солнца он уже был на плацувке Лонка.

---

[1] Плацувка — сторожевой пост. У польских партизан — место базирования небольшого подразделения.

[2] Лонка — луг. В данном случае условное название пристанища партизан.

Она ютилась в семи километрах к юго-востоку от Рытро, неподалеку от крупного села Ломница, в трех километрах от польско-чехословацкой границы, в горных лесных угодьях лесопромышленника Бургера.

Командиром плацувки был подофицер польской армии Ян Полянский, скрывавшийся, как было принято у польских партизан, под псевдонимом Лис[1]. Заместителем у него было Донб[2] — Ян Панек, рабочий из курортного местечка Криница, расположенного в живописном уголке юго-восточной части Новосончского повята.

Капитан Мусиалович присылал в боевую группу Лиса все новых и новых подпольщиков, скрывавшихся от преследования гитлеровцев и жаждавших бороться с оружием в руках.

Среди других партизан группы Лиса выделялся своей удивительной судьбой молодой рабочий Новосончского вагонопаровозоремонтного завода Владислав Стендера, переживший незадолго до появления на плацувке страшную трагедию. Вместе с другими активными подпольщиками города он был схвачен гестапо и после длительных допросов, сопровождавшихся мучительными истязаниями, приговорен к расстрелу. Жители Нового Сонча узнали об этом из официального сообщения полицайфюрера Дитриха, подписанного им 3 мая 1944 года и расклеенного для устрашения по всему городу. Перечислив имена 18 подследственных, в том числе Владислава Стендери, полицайфюрер доводил до сведения населения города, что все эти «опасные коммунистические элементы» осуждены на смертную казнь.

Приговор был приведен в исполнение, однако среди расстрелянных Владислава Стендери и еще двух смертников не оказалось — накануне с помощью польского патриота — стражника им удалось бежать.

На этом Стефан и закончил свой рассказ о себе и своих товарищах по движению Сопротивления.

Партизаны задвигались, закурили.

— Ты к нам случайно попал, или тебя кто прислал? — осведомился у Стефана Алексей.

---

[1] Лис — лиса.
[2] Донб — дуб.

— Не, не сам. Мне капитан Галя послал до вас навязать контакт.

— А кто такой капитан Галя? Как его имя, фамилия?

— Так то же пан Мусиалович и есть капитан Галя,— весело воскликнул Стефан.— То ж он послав мне до вас, кеды познал, цо вы хцели навязать контакт с польскими партизанами.

— Вот теперь все понятно.

— Так цо я мам сказать пану капитану Галя? — спросил он у Алексея.

— Скажи, что мы с радостью встретимся с ним, и чем скорее, тем лучше.

Встреча состоялась в тот же день вечером, недалеко от Гали Лабовской. Разговор между капитаном Галя и советскими партизанами проходил на русском языке. Оказалось, что Генрих Мусиалович — капитан Галя с малых лет жил и учился в белорусском городе Витебске. Окончил там реальное училище, потом военное. В чине ротмистра русской армии воевал против немцев в годы первой мировой войны. В 1918 году, вскоре после того, как Польша отделилась от России и стала самостоятельным государством, он выехал к себе на родину.

Вспомнив свою офицерскую молодость, Мусиалович с улыбкой заметил, что был тогда статен и щегольски подтянут, с буйной шевелюрой.

Теперь же перед Алексеем и Михаилом стоял высокий пожилой человек, с бритой головой и усталым взглядом. В его походке, в движениях, в свободно болтавшемся на нем штатском костюме ничего от его былой офицерской выправки не осталось.

Он охотно познакомил советских друзей с обстановкой, существовавшей тогда в средней и южной частях Новосончского повята. Рассказал, где располагаются немецкие гарнизоны, перечислил отряды АК, дал характеристику их командирам. Особо выделил Мусиалович поручика резерва Татара — Юлиана Зубека, довоенного учителя.

— Я этого Татара уважаю за его самостоятельность, за то, что не торопится подчиняться штабу 1-го полка подгалянских стрельцов Армии Краевой. И правильно делает, потому что из затеи командования АК все равно ничего не получится. Историю назад не повернешь,

и Польша уже никогда не будет такой, какой она была до тридцать девятого года,— раздумчиво говорил капитан Галя. Лицо его в этот момент было серьезным, хмурым.

— Так какая же у вас, хлопцы, беда. Чем я могу вам помочь?

Алексей рассказал о выходе из строя радиопитания, о шестеренке.

— Новую шестеренку смогут отлить только в Новом Сонче, в вагонопаровозоремонтных мастерских. Но вся беда в том, что они работают на немцев и все начальство там, вплоть до мастеров, из немцев. А главное, что вход на завод и выход очень сильно охраняются гитлеровскими охранниками... Впрочем, мой шурин Франек Сташкевич, работающий инженером на Рытренском лесозаводе, имеет в городе много хороших друзей. Возможно, что ему удастся как-нибудь провернуть это дело. Словом, попытаемся. У вас шестеренка при себе?

— Да, конечно. Она у моего ординарца,— показал Алексей на Петю Коваленко, оживленно разговаривавшего со Стефаном чуть поодаль.

Посмотрев на них, капитан Галя заулыбался.

— Чем это вы так приворожили нашего Стефана, что он всю дорогу, пока шли сюда, упрашивал помочь ему перейти к вам в отряд. Он что, нужен вам?

Алексей утвердительно кивнул.

— Очень. Он ведь хорошо знает все здешние леса и горы. А для нас такой человек крайне необходим. Так что мы с радостью возьмем его к себе, если вы его отпустите,— подтвердил Алексей словами.

— Я-то лично возражать не стану. Но дело в том, что он же зачислен в отряд поручика Татара. Впрочем, Татар — человек покладистый, думаю, я его уговорю. Теперь насчет радиобатарей,— вспомнил капитан о второй беде советских коллег.— В магазинах, как вы сами понимаете, их не продают. И достать их можно только на немецких радиостанциях и в специальных войсках. А людей своих мы там, к сожалению, не имеем...

— Так мы на радиобатареи и не претендуем,— вмешался в разговор Михаил. — Нам хотя бы сотни две батареек к карманному фонарику достать. Радисты соединили бы их все вместе и провели несколько сеансов.

— Это другой разговор, такие батарейки мы вам достанем.

Взяв шестеренку, капитан Галя передал ее в руки невысокого молодого польского партизана.

— Если Стефан перейдет к вам, связь будем поддерживать через Леха — Тадеуша Плехту,— похлопал он по плечу этого парня.

Получив от капитана шестеренку, Лех отправился с ней в Рытро, на квартиру к Сташкевичу.

Тот с первым же утренним поездом отправил свою жену Вацлаву с поломанной шестеренкой в Новый Сонч к знакомым городским подпольщикам.

Они связались со своими коллегами, работавшими в вагонопаровозоремонтных мастерских, и тем за дорогую плату удалось уговорить мастера-немца отлить по образцу поломанной новую шестеренку. Немец соблазнился крупным заработком и в тот же день к вечеру шестеренку сделал.

Через два дня капитан Галя и Лех принесли ее советским партизанам. Алексей и Михаил не поверили своим глазам.

— Как, уже?! — воскликнул от удивления Михаил.

— Братцы! Когда же вы успели?! — обрадовался Алексей.

А когда узнали, чьими руками была сделана шестеренка, они от души рассмеялись.

— Если бы пан мастер узнал, для кого он ее отлил, наверное, глаза полезли бы на лоб,— смеясь говорил Алексей.

К сожалению, пан мастер не знал, какую нагрузку придется выдерживать шестеренке и не стал возиться с ее цементированием. В результате на первом же радиосеансе зубья на ней сработались.

Алексей снова, но уже без особой надежды на успех, послал Стефана к Мусиаловичу с просьбой заказать в Новом Сонче новую шестеренку.

— Только смотри не забудь сказать, чтобы ее обязательно отцементировали,— наказывал он своему новому партизану.

Получив крупную сумму денег, немец мастер и на этот раз не стал ломать голову, кому и для какой цели нужна шестеренка. И хотя ему была заказана одна, он уже по своей инициативе сделал их две и обе отлично отцементировал.

С одной из шестеренок «крутилка» (ручной генератор) наших радистов проработала восемь месяцев,

вплоть до прихода на Подгале войск 4-го Украинского фронта.

Что же касается батареек к карманному фонарику, то польские друзья снабжали ими радистов отряда Батяна в неограниченном количестве. Капитану Гале их доставляла пани Вацлава. Эта невысокая, уже не молодая, но удивительно подвижная, выносливая и смелая женщина, нагрузившись сотнями батареек, несла их через высокий перевал, на явочный пункт, в лесничувку Вроневичей. А уже оттуда капитан Галя или Лех доставляли их в отряд Алеши.

Так возникла боевая дружба между советскими партизанами и польскими подпольщиками.

Как же обрадовались радисты Коля и Галя, когда после трехнедельного перерыва они снова восстановили радиосвязь с Москвой. Там с облегчением вздохнули и генерал Павел Анатольевич, и командир ОМСБОНа полковник М. Ф. Орлов.

В течение недели шел оживленный обмен радиограммами между командиром отряда Алексеем и Павлом Анатольевичем. Первый передавал ему собранные за три недели разведданные о дислокации, количественном составе и вооружении немецких гарнизонов на территории Новосончского и Горлинцкого повятов, Краковского воеводства. Второй запрашивал о здоровье личного состава и нуждах отряда, об отношении к нему польских партизан и местного населения, о возможностях к развертыванию активных боевых и разведывательно-диверсионных действий; ставились новые задачи.

Радиомост между Москвой и небольшой группой советских партизан, забравшихся по приказу Родины на юг Польши, был восстановлен.

СИРОТСКОЕ СЧАСТЬЕ

После нескольких погожих дней погода с утра испортилась. На весь день зарядил дождь.

Партизаны, окружив Алексея, терпеливо ожидали прихода капитана Гали, чтобы проститься с ним.

Одежда на них совсем промокла, но они давно уже привыкли к подобным неудобствам и были в приподнятом настроении. Один только Коля Полищук был ску-

чен. Он весь горел от высокой температуры, его знобило, кружилась голова. Ему хотелось лечь даже на мокрую траву, расслабить мышцы и хоть на несколько минут забыться, чтобы не ощущать этого противного озноба, не гореть, как на верхней полке в парной.

Но об этом нечего было и мечтать. Отряд вот-вот покинет Лабовскую Галю и уйдет на запад, в междуречье Дунаец — Попрад, в район своего назначения. И отстать от него Николай ни за что бы не согласился. Поэтому, чтобы скрыть от всех свое состояние, он отошел шага на три в сторону, опустился на корточки, уперся спиной в ствол молодой березки, а локтями в колени, спрятал пылавшее жаром лицо в ладонях.

— Не захотив пан капитан мокнуть на дождю, от и не пришел,— с трудом расслышал он из-за болезненного шума в голове слова Касянчика.

— Не, слово польского офицера, тем более нашего партизанта, твердое — прийде,— возразил тому Юзеф Вронский.

И капитан Галя вместе с Лехом действительно вскоре появился. В последний раз их спутником был Стефан. Через полчаса, самое позднее через час, он простится с ними и уйдет за Попрад с отрядом советских партизан.

Поприветствовав Леха, Алексей оставил его и Стефана возле партизан, а сам вместе с Михаилом, Петром Ярославцевым и капитаном Галей отошел в сторону.

— Трудно сейчас сказать, как там за Попрадом сложатся наши дела. Но думаю, в этих краях мы еще побываем не раз и повстречаемся с вами,— сказал Алексей.

— Дай-то бог,— с радостной надеждой отозвался капитан.

— Во всяком случае наши разведчики наверняка будут наведываться сюда,— заметил Михаил.

Тревожась за дальнейшую судьбу советских друзей, капитан Галя подробно познакомил их с обстановкой в междуречье Дунаец — Попрад, сообщил, что начиная с 1939 года там действует аковский отряд под командованием поручика Завиши — Кристина Венцковского. При этом заметил, что Завиша предан лондонскому эмигрантскому правительству и командованию АК. Так что не исключена возможность, что советских партизан он встретит без особого энтузиазма.

Алеша сердечно поблагодарил капитана Галю за дружескую помощь, за добрые советы.

— Ну что ж, давайте будем прощаться. Нам пора.

Услышав команду строиться, Николай оторвался от березы, через силу поднялся и, с трудом преодолевая острые боли в груди при вздохе и невероятное головокружение, добрался до шеренги и занял свое привычное место.

С него ни на минуту не спускал глаз Юзеф Вронский. Проводив его взглядом до цепочки, Юзеф приблизился вплотную к Михаилу.

— С Колей недобре,— зашептал он.— Я пуйду до него.

— Ладно, иди. В случае чего, сразу доложи мне.

Юзеф приблизился к Николаю и пошел рядом с ним.

— Цо, Коля, захворив?

Полищук виновато улыбнулся, слегка развел руками.

— Кажется, воспаление легких схватил. Только ты пока — никому.

— Добже, але давай мне свой плесак,— решительно потянулся Юзеф за вещевым мешком Николая.

Тот начал было упрямиться, но Вронский настоял на своем.

— Для чего сам? Ты есть хворы, а я — здровы,— говорил он, снимая с Николая вещмешок.

Это не осталось незамеченным, и по цепочке в оба конца прокатилась неприятная новость: «Коля Полищук заболел, еле идет». Алексей тотчас же подошел к Николаю. Бросились к нему и его дружки минеры Савченко, Усенко и Колбасов.

— Как ты, Коля, сможешь сам идти, или понести тебя на носилках? — спросил Алексей.

— Что вы, товарищ командир, зачем носилки, я сам,— наотрез отказался Полищук.

— Иван Иванович, Вася,— обратился Алексей к Колбасову и Усенко,— идите рядом с ним и, в случае чего, поддержите, чтобы не упал.

Вечерело. Дождь постепенно ослабевал, мельчал и, наконец, перешел в изморось. Ветер также приутих, идти стало легче, дышать — свободнее.

Партизаны преодолели последний спуск и, ошеломленные увиденным, замерли в тревожном оцепенении.

Переполненный обильными дождевыми потоками с гор, Попрад вырвался из своих берегов и превратился в грозную сатанинскую стремнину. Со страхом думая о том, что им предстояло вступить в единоборство с этим мощным потоком воды, партизаны невольно поеживались. А Коля Полищук и вовсе приуныл.

«Кажется, моя песенка спета — ни за что не перейти через эту бешеную коловерть»,— горевал он, поглядывая с опаской на проносившуюся в нескольких шагах от него неукротимую водную стихию.

Растерялся и Алексей.

— Что будем делать? Рискнем или пошлем разведчиков поискать мост? — спрашивал он своих помощников.

— Мосты наверняка охраняются,— заметил Михаил.

Подозвали Стефана.

Он обвел их задорным взглядом, улыбнулся, рубанул воздух рукой.

— Пшеправимся, панове и ту, матка бозка видзе, пшеправимся! — решительно заверил он.— Вы почекайте ту, а я вшистске пшиспособье.

Он до половины разделся и, оставаясь только в трусах, рубахе и куртке, направился к воде.

У самой кромки остановился, внимательно пригляделся к разнокалиберным камням, торчавшим из воды поперек речки, передвинулся на несколько шагов вправо и смело вошел в мутную холодную воду.

Разговор, возникший было среди партизан, оборвался, и все они, затаив дыхание, стали следить за его движением.

Вот он сделал один шаг, второй, третий, вода поднялась ему до колен, потом выше, выше. Когда до первого камня, к которому он держал направление, оставались считанные шаги, вода подобралась ему уже до пояса. В этот момент, казалось, он сорвался с брода, и упругая стремнина втянула было его так, что только одна голова была видна.

— Ой! — вскрикнула перепуганная Галя и так уцепилась за локоть стоявшего рядом Алексея, будто это ее вода пыталась утащить в омут.

Но Стефан все же удержался.

Мгновение передохнув, он то перескакивал с камня на камень в тех местах, где они торчали из воды, то

вслепую нащупывал брод ногами и медленно, но уверенно приближался к противоположному берегу.

— Есть! Перешел! — радостно возвестила Галя.

Выйдя из воды, Стефан быстро вскарабкался на скалу и тут же скрылся за ее выступом. А когда через некоторое время показался, в руках у него была большая бухта троса. Укрепив один его конец за большой валун, с бухтой в руках он стал переправляться обратно.

И снова партизаны напряженно следили за ним. Но на этот раз тревога была напрасной. Стефан возвращался, уже не вслепую, а по хорошо проверенному перекату, который, собственно говоря, и служил бродом.

— У едного рыбака взял,— показал он Михаилу на бухту.

При помощи троса отряд переправился на другую сторону реки без особых осложнений.

— Да, плох наш Коля,— тихо сказал Алексей Михаилу, кивнув в сторону Полищука.— Думал, что устроимся в лесу, на склоне Радзиевой, а из-за него придется забираться в какую-нибудь деревню. Ты как думаешь?

— Давайте дойдем до хутора Немцово, а там посмотрим, куда дальше двинемся,— предложил Михаил.

И отряд отправился по направлению к Немцовой. Метрах в двухстах от Попрада партизаны благополучно перешли через линию железной дороги, охранявшейся подвижными немецкими патрулями, и шоссе, бежавшее рядом с ней от Нового Сонча в Чехословакию. Когда они поднялись на гору, им на пути попалась лесничувка, и они решили остановиться до утра в ней.

— Прошу, панове, прошу, драги госци, до мешканя,— с неподдельным радушием приглашал партизан в свой добротный дом крепкого сложения человек средних лет. И пока все они не вошли, продолжал стоять под проливным дождем в одной рубахе с непокрытой головой.

Его жена оказалась такой же гостеприимной и приветливой. Она тотчас же бросилась готовить горячий ужин для партизан.

Пока она возилась у печки, Алексей и Михаил стали расспрашивать хозяина об обстановке в этой пограничной зоне. Тот сообщил им, что за последнее время гитлеровцы из соседнего села Пивнична стали чаще

наведываться в лес к нему и расспрашивать, не появлялись ли на его участке советские партизаны.

— И часто они у вас бывают? — уточнял Алексей.

— Не, еден раз на тыдень.

— Один раз в неделю? Учтем. А когда были последний раз?

— Вчерай.

— Какое же задание они вам дали?

— Жебы я сразу же дал им знаць, кеды вы прийдете,— ничуть не смущаясь, откровенно признался лесник.

Партизаны переглянулись.

— Ну и как, пойдете сообщать им о нашем прибытии?— в упор спросил Алексей и в ожидании ответа затаил дыхание.

Хозяин аж вздрогнул от нанесенной ему обиды.

— Для чего, пан, так мовить? Я есть — поляк, а не подлы предатель. Немцы, пся крев, есть враги люду польского, як и люду радецкого...

Алексей вздохнул с облегчением, стал извиняться, оправдываясь тем, что не хотел обидеть его.

— А польские партизаны есть тут поблизости? — перевел Михаил разговор на менее щепетильную тему.

Лесник выразительно пожал плечами.

В это время хозяйка пригласила к столу.

Коля Полищук от ужина отказался. В жарко натопленной комнате он совсем расклеился. А когда измерили ему температуру, у него оказалось 40 градусов.

— Матка бозка! Езус Мария! — запричитала хозяйка.

Она тут же уложила Колю на свою постель, дала какие-то порошки, приложила к голове холодный компресс. Потом всю ночь заботилась, чтобы он не перегревался. А утром, чуть только в окне забрезжило, сбегала за свежими продолговатыми листьями какого-то горного растения и обложила ими всю грудь и бока Николая. На вопрос Гали, какое целебное свойство оказывают эти листья, ответила: жаропонижающее.

И действительно, вскоре температура снизилась до 38 градусов. Коля почувствовал значительное облегчение и смог даже без посторонней помощи отправиться с отрядом в недалекий хутор Немцову.

Там их поджидал уже начальник штаба Ярославцев. Он еще ночью побывал с группой разведчиков в гар-

низоне Пивнична, в поисках врача или человека, который помог бы устроить Полищука у кого-либо из поляков до выздоровления.

— Врача найти не смогли, а подходящего поляка привели. Парень разбитной, хорошо знает не только свою округу, а и многие приграничные села в Словакии. Пообещал и Колю пристроить и проводником нашим быть,— отрекомендовал он высокого, сравнительно молодого еще здоровяка с полным лицом и рыжинкой в волосах.

— Янек Подставский, прошу пана,— представился тот Алексею, учтиво кланяясь.

Подставский тут же без обиняков заявил, что люто ненавидит гитлеровцев, признался, что с некоторых пор поддерживает тесные связи с небольшой вооруженной группой, скрывавшейся от немцев в одном из глухих ущелий неподалеку от хутора Немцова, на хорошо замаскированной мелине[1]. Комендантом ее был его земляк Ян Рейхерт. Кроме Яна, в группу входили его родной брат Тадеуш, или Тадек, их земляк из Пивничной Юзек, исполнявший роль повара, и пожилой человек из Немцовой Ян Волоха. Все вооружение группы состояло из старой немецкой винтовки и допотопной системы пистолета — личного оружия пана коменданта.

— Мыслем, цо вашего хворего партизана можна отпровадить на мелину Рейхертов,— сказал в заключение Подставский.

— А как бы нам поговорить с этим самым паном комендантом? — спросил Алексей.

— То я пуйду запрошу его — ту блиско.

— Ну что ж, сходите, позовите.

Вскоре перед Алексеем предстал человек средних лет, еще выше ростом и крепче сбитый, чем Подставский.

Вначале Янек Рейхерт повел себя несколько развязно. Но когда присмотрелся и увидел обилие автоматов и ручных пулеметов, а также гранаты, пистолеты и другое первоклассное оснащение партизан, как-то сразу подтянулся и стал более сдержан. Рейхерт сразу же согласился поместить у себя на мелине больного Колю Полищука до его выздоровления, пообещал теплое жилье, питание, уход.

[1] Мелина — укрытие, потайное место.

Вечером Николай Полищук и комендант мелины Ян Рейхерт покинули советских партизан и отправились в дорогу.

На самой высокой точке подъема они вышли на туристский шлях, бежавший из Рытро до вершины горы Радзиевой и далее на Прегибу. В нескольких метрах от шляха вправо, в сторону Пивничной и Немцовой, зияла глубокая трещина шириною в несколько метров. Над ней нависали почти отвесные скалы. Вдоль одной из них от шляха тянулся неширокий карниз. Неискушенный человек никогда бы не подумал, что по нему можно было пройти. На эту тропинку-карниз они и свернули. Боясь, как бы его подопечный не свалился, Ян Рейхерт заботливо поддерживал его за пояс со стороны обрыва.

Тропинка-карниз стала постепенно расширяться, превращаясь в неширокую площадку, поросшую густым ельником вперемежку с кустарником.

Из ельника навстречу им вышли двое. Когда сошлись, один из них, высокий, молодой, с открытым беззаботным лицом, оказался Тадеком, другой, пониже, уже в летах — Юзефом.

— Ну, пойдемо,— подал Янек команду.

Вскоре площадка уперлась в отвесную скалу, в которую была искусно вделана дверь. Переступив порог, Николай очутился в просторной комнате, чем-то напоминавшей общежитие: добротный деревянный пол, стол, табуретки, три двухъярусные кровати, заправленные по-солдатски, и еще не остывшая печка с плитой.

Их встретил четвертый член группы Яна Рейхерта Ян Волоха, человек, как Николай очень вскоре убедился, добродушный, безропотный.

— То твое лужко,— показал комендант на нижний ярус кровати рядом с печкой.

— Спасибо,— поблагодарил Николай, мгновенно повалился на кровать и сразу же уснул. К утру ему стало значительно хуже, температура снова подскочила до сорока, усилились боли в груди, дававшие себя знать при каждом вздохе, нестерпимо раскалывалась голова. Временами он впадал в полное беспамятство, бредил. Требовался врач, какие-то лекарства, но ни того, ни другого не было. Все чаще рождалась в больном мозгу Николая навязчивая страшная мысль о неизбежной об-

реченности. Но он гнал ее прочь, потому что надеялся: товарищи его без помощи не оставят.

Из всей группы братьев Рейхертов наиболее отзывчивым и сердечным оказался старик Волоха. Он заботился о Николае, издалека приносил холодную воду для головных компрессов, то и дело поил его, поправлял постель, вытирал пот на лице, уговаривал Николая хотя бы немного покушать.

Но тот ничего не мог взять в рот, кроме воды или чая.

Двое суток провалялся он в бреду с высокой температурой.

На третий день случилось такое, что в его положении было страшнее смерти. На хутор Немцово и в соседние селения внезапно нагрянули эсэсовцы и жандармы.

Как только звуки автоматно-пулеметной стрельбы и приглушенные расстоянием крики людей долетели до мелины, братья Рейхерты и Юзек с такой стремительностью выскочили в дверь, словно их ветром выдуло из комнаты.

И только один старик Ян Волоха не оставил Николая беспомощного одного, хотя там, в Немцовой, находилась его жена-старуха.

Николай понял, какие муки переживал ради него этот старик.

— Что, батя, домой, к жене тянет? — спросил он, а сам подумал: «Сейчас уйдет, и я останусь совсем один в этом каменном мешке».

— Я тильке на едну ноць мыслел пойти, а ютро рано з повротем.

— Ну что ж, раз такое дело, иди. Иди, иди, отец.

Растроганный Волоха с благодарностью посмотрел Коле в глаза, потом подошел, взял осторожно его руку, неумело погладил.

— До видзення, сынек, чекай мне ютро рано,— немного подумал и повторил: — Почекай, драги сынек,— затем осторожно приподнял руку и вдруг поцеловал, бережно возвратил ее на место и, уже не глядя на Николая, торопливо вышел.

Затихли за окном его шаги, воцарилась гробовая тишина. А Николай все никак не мог успокоиться — так разволновался он от слова «сынек».

Да, великие это слова: мать, отец, сын! И счастлив

тот, кого они согревают добрую половину, а то и всю жизнь. Николай же этим счастьем был обойден чуть ли не с самого своего рождения. Отец и мать его умерли от тифа, когда Николаю не исполнилось и года. А его, круглого сиротинку, подобрала бабушка, старая, одинокая, с трудом доживавшая свой век шахтерская вдова. Тяжело, ох как тяжело ей приходилось с ним, хилым и болезненным, в трудные годы гражданской войны, а потом — разрухи, голода, блокады. Часто ей не во что было его одеть, обуть, нечем накормить. И когда Коля, уже в девятилетнем возрасте, узнал, что бабушка сутками сидела голодная, отдавая все, что удавалось ей раздобыть, ему, он тут же бежал из дому.

И потянулись безрадостные дни и ночи жизни беспризорника. Несколько месяцев он скитался по железнодорожным станциям и городам Украины, центральной части России, пока однажды в зимний студеный вечер его, полураздетого и замерзающего, не подобрали милиционеры на железнодорожной станции Свердловск и не отправили на север Урала, в Сосьву, в детский дом.

Какое ни трудное было время, но в детдоме им, вчерашним беспризорникам, жилось хорошо. А главное, к ним, сиротам, там относились бережно и тепло. И постепенно стали оттаивать очерствевшие детские сердца. Четыре года жизни в этих условиях остались в памяти Николая как что-то светлое, радостное. Он окончил семилетку, потом ФЗУ металлургического завода в уральском городе Серове и в течение нескольких лет работал лаборантом-термистом. Собрался было жениться, но тут подоспела пора идти на военную службу, и он так и уехал в армию, как он сам говорил о себе, один — без рода и без племени.

Через месяц после начала Великой Отечественной войны Николай уже был на фронте и полтора года провоевал в составе 22-го Отдельного батальона минеров, в отделении старшего сержанта Иосифа Савченко. Не одну сотню мин и фугасок поставил он на участках Волоколамска, Селижарова, Клина, Торопца, Андриаполя, Старицы, Великих Лук, Медного. Немало гитлеровцев подорвалось на этих минах.

В начале сорок третьего он и Савченко попали в число 120 лучших минеров тогда уже Отдельной гвардейской 9-й бригады. Они были переданы в московскую бригаду особого назначения — ОМСБОН полковника

Орлова. После специальной подготовки оба с Иосифом были зачислены в отряд Ефима Ободовского и вместе с ним выброшены летом 1943 года в тыл врага, на базу партизанского соединения, действовавшего в лесах под Овручем.

Так началась для Николая и его боевого друга Иосифа Савченко партизанская жизнь. Вместе они пускали под откос воинские эшелоны гитлеровцев, взрывали автомашины на шоссейных дорогах, участвовали в многочисленных боях. Вместе охотно согласились воевать на территории Польши. А теперь вот Иосиф где-то действовал, а он лежал, прикованный к постели, один, в чужом краю...

Настало утро, а старик Волоха все не возвращался. Где-то вдали снова затрещали пулеметные очереди, немецкие автоматы, донесся заливистый лай собак. Часы уже показывали 12 часов. Прошло еще немного времени, и вдруг стрельба стала приближаться. Она раздавалась все ближе, ближе, все звонче лаяли овчарки.

«Неужели они схватили старика, и тот ведет их сюда? — с ужасом подумал Николай.— Ну что ж, живым я в руки не дамся!»

Он положил рядом на подушку гранату, приготовил пистолет.

Но стрельба, погрохотав где-то совсем рядом, стала удаляться. Все тише строчили автоматы и пулеметы, а потом и вовсе заглохли.

В сумерки пришел Волоха. Оказалось, что немцы чуть было не застали его во дворе и он еле успел спрятаться в погребе. Там он и просидел весь день. А когда эсэсовцы отошли, помчался со всех ног на мелину. Нервными движениями открыл старик дверь и, когда увидел Николая живым и невредимым, от радости прослезился.

Каратели, как он рассказал, забрали у него всех кур, гусей, убили собаку, избили жену. То же самое они учинили в других дворах. Оказалось, что он видел, как немцы направились было в сторону их мелины. Но, видимо, побоялись идти карнизом-тропкой или, может, просто не думали, что по ней могли пройти люди. Во всяком случае они прошли рядом с мелиной, пробираясь чуть выше, по горбу скал.

Ночью у Николая снова поднялась температура. Он плохо спал, плохо соображал. Но вот сквозь пелену бес-

памятства до него пробились знакомые, родные голоса. Он приоткрыл глаза и чуть не задохнулся от радости: перед ним стояли Петр Иванович Ярославцев, Иосиф Савченко, Петр Бочкарев, Иван Иванович Колбасов.

— Что ж это ты, Коля, так расклеился? — нагнулся к нему Иосиф.— Сколько дней и ночей мы провели с тобой и на передовой и в партизанке под проливнями и в снежные бураны, сколько раз купались в ледяной воде, и ни разу ты не простужался. А тут на тебе, расхворался.

— Ничего, Осип, раз вы меня не забыли, всем чертям назло выдюжу,— тихо, но твердо заявил Николай.

ОТРЯД НАЧАЛ ДЕЙСТВОВАТЬ

Теперь вернемся к отряду.

Проводив больного Полищука и его опекуна Рейхерта до опушки леса, Алексей уселся на бревнах, сложенных у сарая, положил на колени планшет и набросал текст радиограммы. Потом подозвал своего заместителя и начальника штаба, усадил их рядом с собой.

— Слушайте, что я написал в Москву: «Сегодня, четырнадцатого июня, прибыли на место тчк Находимся трех километрах восточнее вершины Радзиевой возле хутора Невцова тчк Приступаем изучению обстановки возможности базирования соединения тчк Результатах сообщим ближайшие дни тчк Алексей».

Кончив читать, Алексей вопросительно посмотрел на своих слушателей.

— Ну как?

— Все правильно — посылай,— за двоих ответил Михаил.

Алексей подозвал Колю Новаторова.

— Зашифруйте и сегодня же передайте.

Радист ушел. Алексей снова повернулся к своим помощникам.

— Ты, Петя, займись поисками врача, чтобы он осмотрел Николая и назначил лечение. А ты, Миша, отправляйся с Юзеком в Щавницу на установление связи с его братом Болеславом. Подробно расспросите его, какая обстановка в Новотаргском повяте, а если согласится помогать нам, дайте задание съездить и узнать,

как там дела в Кракове. Думаю, суток трое вам на это хватит. На всякий случай прибавим еще одни сутки на плохую погоду, и, таким образом, вы должны вернуться через четверо суток. Встретимся с вами не здесь — сюда немцы стали часто наведываться, а на вершине горы Радзиевой,— показал Алексей по карте точку.

В тот же день Михаил со своей группой отправился в путь. Кроме Юзефа Вронского, с ним пошли Вася Толочко, Володя Белкания, Петя Бондаренко. По своей выносливости все они были под стать Михаилу. И хотя им пришлось прошагать через весь район междуречья Дунаец — Попрад, преодолеть по грязи пять высоких, крутых перевалов, к месту назначения они пришли сравнительно быстро и чувствовали себя бодро.

Щавница — пограничное курортное местечко, знаменитое своими богатыми минеральными источниками. Оно приютилось в самом углу юго-восточной части Новотаргского повята, упираясь своей западной окраиной в изгиб Дунайца. В местечке стояли немцы. Чтобы не наскочить на них, Михаил со своими товарищами остановился немного не доходя до Щавницы, на опушке густого хвойного леса, в доме небогатого польского крестьянина.

Пожилой хозяин встретил их настороженно. А когда увидел, что один из пришельцев, назвавшийся поляком, вдруг начал о чем-то подозрительно, как ему показалось, шептаться со своим старшим, у него почему-то екнуло сердце. «Не против нас ли со старухой замышляют что-то?» — шевельнулось у него в сознании.

Выпив кружку молока, Юзеф вылез из-за стола и направился к выходу. У порога он остановился и попросил Михаила выйти с ним во двор.

Там, наедине, они договорились о поведении Юзефа в Щавнице, назначили время его возвращения и место встречи.

У хозяина же их неожиданное уединение вызвало еще большую тревогу. Она тут же передалась его жене.

Когда Михаил вошел и увидел бледные лица хозяев, он понял, в чем дело. «За полицаев нас приняли, не иначе»,— подумал он. Ему стало жаль хозяев, и он уже было заколебался: «Может, сказать им, кто мы такие, чтобы успокоить стариков?» Но вспомнив, куда на целые сутки ушел Юзеф, рисковать не стал. Вместо этого

он вежливо попросил у хозяина разрешения провести их группе ночь в сарае, на сеновале.

— Мы только до рассвета побудем, утром на весь день уйдем в лес, чтобы вас не беспокоить,— закончил он.

Хозяин, с трудом сохраняя выдержку, проронил:

— Проше, панове, проше.

С полночи снова зарядил дождь. Он не прекращался и утром, навевая на партизан грустное настроение. Им так не хотелось покидать уютного сеновала, защищенного и от дождя и от ветра. Однако делать было нечего, и они стали собираться на целый день в лес, под ливень, на холод, в грязь. Но не успели еще партизаны спуститься вниз, как навстречу им по лестнице поднялся хозяин. Одной рукой он прижимал к себе кастрюлю с дымившейся картошкой, в другой держал кувшин с простоквашей.

Пока они завтракали, хозяин, пересилив чувство неловкости, откровенно признался, что, приняв их накануне за полицаев, всю ночь дрожал от страха, ожидая с минуты на минуту появления гитлеровских карателей. Теперь же, когда он понял, что они за люди, стал упрашивать, чтобы в лес под проливной дождь они не ходили, а оставались до вечера у него на сеновале. А в случае какой-либо опасности обещал спрятать в таком месте, где не только немцы, но и овчарки не смогут найти.

Партизаны поблагодарили за горячую картошку, за обещание охранять их и остались на сеновале.

В сумерки вернулся Юзеф вместе с братом Болеславом Вронским.

Болеслав порывисто загребал каждого из советских партизан в свои объятия и дрожавшим от волнения голосом приговаривал:

— Витам, драги товажишу! Витам сердечно, драги пшиятелю!

Его возбуждение невольно передалось партизанам, и они ответили ему той же сердечностью.

Когда бурное проявление радости улеглось, заговорили о деле. Болеслав сообщил Михаилу, в каких селах стояли немцы, а также о том, что на территории Новотаргского повята было два польских отряда: аковский, под командованием капитана Лямпарда — в районе села Охотницы, и беховский во главе с Огнем — на

Турбаче. Оба эти отряда не нападали на немецкие гарнизоны и засад на шоссейных дорогах не устраивали. А если кто-нибудь из вражеских солдат и попадал им в руки, они только обезоруживали его и тут же, не тронув пальцем, отпускали.

Поэтому немцы вели себя в окружающих селах спокойно, уверенно, нахально.

На прямой вопрос Михаила, не согласится ли он сотрудничать с советскими партизанами, стать их разведчиком, Болеслав твердо и уверенно ответил:

— Для меня, коммуниста, предложение быть вашим бойцом — великая честь. Готов выполнить любое ваше задание, а если прикажете, пойду к вам в отряд и буду воевать плечом к плечу с вами.

— Вы давно были в Кракове? — спросил Михаил.

— Месяца два тому назад. Но, если надо, могу в любое время поехать снова.

Михаил сразу же за это ухватился.

— Тогда съездите туда как можно быстрее, выясните, в каких местах располагаются главные штабы немцев, добудьте для нас за несколько дней газеты, изданные на польском языке. И, скажем, в воскресенье, к обеду приходите к нам на встречу. Куда? Давайте договоримся.

Болеслав остановил свой выбор на пустовавшей горной туристической базе, ютившейся неподалеку от вершины Прегибы—соседки Радзиевой. От Щавницы туда пролегала хорошо знакомая ему туристическая дорога. Правда, она все время тянулась в гору, но зато без крутых перепадов. Да и партизанам туда было значительно ближе, чем до Щавницы.

На этом они расстались. Болеслав ушел домой, а партизаны — на Радзиеву, к месту встречи с отрядом. Прибыли они туда утром, на третий день после своего выхода из Немцовой. Но ни отряда, ни связных там пока еще не было.

«Где же они сейчас находятся?» — озабоченно думал Михаил. Но особой тревоги он не ощущал, потому что в их запасе оставались еще целые сутки до обусловленной встречи. Более того, договорились с Алексеем, что если после истечения четырех суток они не встретятся, должны ожидать на Радзиевой друг друга еще трое суток. Надо было только раздобыть еду.

Внимательно изучая район Радзиевой по карте-ки-

лометровке, Михаил обратил внимание на маленький черный квадратик, одиноко темневший где-то в конце северного склона горы, примерно в трех километрах от вершины Радзиевой и в километре от Прегибы.

На светлом поле, охваченном опушкой соснового леса, стояло название: «Поляна Конечная». Туда они в сумерках отправились, в надежде набрести на обитаемую бацувку. Им повезло: на Поляне Конечной действительно находилась бацувка, в которой хозяйничали пастухи —дед и внук. Они оказались людьми гостеприимными и доверчивыми, накормили партизан молоком, сыром, разделили с ними краюху хлеба.

С тех пор они в течение нескольких суток, с рассвета и до захода солнца дежурили на Радзиевой, а на ночь спускались на Поляну Конечную, к своим друзьям бацам. На второй день они пришли к ним не с пустыми руками, а с подстреленной Васей Толочко косулей. Пастухи освежевали ее и закоптили, мясо поделили пополам.

На третий день группу Михаила застал на поляне местный лесничий — гаевый, назвавшийся Рудольфом Хованцем. Узнав, что встретился с советскими партизанами, он кинулся к ним знакомиться, низко отвешивал поклоны, заискивал. Сказал, что о появлении в их округе крупного советского отряда партизан уже известно во всех селах, и с дотошной назойливостью стал допытываться, где, в каком именно месте подопечного ему леса остановился отряд, обещал, в случае если оно окажется неудачным, подсказать другое.

— Михало Павлич,— зашептал Юзеф на ухо Минаеву.— Мне зараз стары баца поведзял, же Хованец есть недобры чловек, може донесць о нас немцам.

— То-то я гляжу, что он очень уж увивается вокруг нас,— заметил Михаил.

Он подозвал Хованца и самым серьезнейшим тоном предупредил, чтобы тот никому не говорил о встрече с советскими партизанами.

— Матка бозка видзе, же я ниц не кому не поведзю о том,— начал клясться лесничий.

— Чем клясться на словах, пускай лучше на бумаге поклянется,— сказал Юзефу Михаил.

Выслушав перевод Вронского, гаевый вздрогнул, побледнел, руки у него задрожали. Но подписку стал писать беспрекословно и как будто даже с большой охо-

той. И только в тот момент, когда Юзеф продиктовал ему концовку: «Если же я выдам партизан немцам, пусть меня настигнет кара вплоть до смерти, как изменника и предателя народа польского и наших союзников по совместной борьбе с гитлеровскими захватчиками», он как-то вмиг, рывком прижался к бумаге, словно его сверху ударили тяжелым предметом. А когда подписался и протянул подписку Михаилу, стал выказывать ему кровную обиду за недоверие и так разволновался, что даже прослезился.

Чтобы немного смягчить этот инцидент, Михаил раздобрился и подарил ему шкуру с освежованной косули, как признак того, что он ему «поверил».

После ухода Хованца Михаил стал расспрашивать у партизан, не проговорились ли они о месте прежней стоянки отряда, в Немцовой.

— Что вы, Михаил Павлович! — за всех отвечал Толочко.— Мы же сразу раскусили этого хлюста. И даже решили попросить у вас разрешения догнать его в темном лесу и пристукнуть, чтобы не вонял на белом свете.

— Нельзя, товарищи, мы же еще не уверены, что он немецкий лазутчик. И потом дело с расстрелом поляков — очень щепетильное. Вот когда убедимся, что он действительно гад, доложим польским партизанам, и пускай они сами судят его своим судом! А сейчас нам надо немедленно смываться отсюда, своих разыскивать.

И они взяли направление на Немцову, к тому поляку, во дворе которого они расстались с командиром отряда и другими своими товарищами. Из опасения наскочить на гитлеровцев, к хутору приблизились на заре. Осмотрелись, прислушались, потом уже направились в тот двор, где могли быть свои товарищи.

Поляк их встретил сухо. На вопрос, где находятся советские партизаны, он в недоумении широко раскрыл глаза.

— Я не видзел и не знам неяких партизантов,— беспомощно развел он руками. Потом внимательно присмотрелся сквозь узкую прорезь хитровато сощуренных глаз и вдруг оживился.

— О, я вас познав, пан! — воскликнул он.

Глаза его снова распахнулись. На лице засияла добродушная улыбка.

— Вы почекайте ту в лясу, а я пуйду за вашими

товажишами,— и тут же, словно боясь, что Михаил со своими друзьями пойдет не туда, куда надо, сам лично отвел их метров за двести от своего двора в небольшой, но плотно закрытый кустарником овраг.

— Ту чекайте.

Михаил поблагодарил его и распорядился, чтобы партизаны легли отдыхать. А когда поляк ушел, из предосторожности увел свою группу в другое место.

Через несколько часов Михаила разбудил дежуривший Володя Белкания.

— Слышите? Кажется, наш поляк подает голосом сигналы,— сказал он.

Михаил протер глаза, прислушался, уловил негромкий окрик, доносившийся с того самого места, куда их пристраивал было поляк на период ожидания.

— Юзек — со мной, остальные на всякий случай приготовьтесь, чтобы прикрыть наш отход,— распорядился он и вдвоем с Вронским пошел на голос.

Когда до оврага оставались считанные метры, навстречу им показались Петр Бочкарев с двумя автоматчиками из их отряда. А еще через час все они уже находились на базе своего отряда, располагавшегося в то время неподалеку от Немцовой, в сотне метров от мелины братьев Рейхертов.

— А я только собрался было отправлять группу Пети Бочкарева за вами на Радзиеву,— радостно встретил Михаила Алексей.— Вы уж не обижайтесь, друзья, что мы малость запоздали с высылкой связных, так уж сложились обстоятельства.

Выслушав Михаила о выполнении его группой задания, Алексей рассказал ему, чем в эти дни занимался отряд.

Отправив Михаила с группой разведчиков в Щавницу, Алексей и Ярославцев начали с поисков продовольствия. Им на выручку пришли братья Рейхерты. С их помощью Петр Ярославцев устроил коммерческую сделку с пекарями немецкой пекарни в Пивничной. В результате старшина Андрианов и подружившийся с ним Кита Имерлишвили через день приносили в отряд по мешку свежеиспеченного хлеба. За это они щедро вознаграждали трофейными злотыми из отрядной казны, которую носил за своей спиной Касянчик, и пекарей, и братьев Рейхертов, не менее охочих до хорошего заработка.

Но когда дело с хлебом наладилось, им этого показалось мало, и они, по принципу «не хлебом единым», задались целью раздобыть мяса. И не столько для себя, сколько для начавшего поправляться Коли Полищука. Когда спросили у Яна Подставского, где бы им достать мяса, тот сразу же подсказал:

— Треба розбить стражницу пограничну.

Он предложил напасть на пограничную заставу, но не на польской стороне, откуда до места расположения партизан было рукой подать и потому небезопасно, а на словацкой — подальше от своего убежища.

Его предложение пришлось по душе и Алексею, и особенно Петру Ярославцеву, у которого давно уже чесались руки до боевых схваток с гитлеровцами.

В темные дождливые сумерки отряд Алеши, ведомый Яном Подставским, оказавшимся опытным и смелым проводником, обошел с запада горную пограничную деревню Сухая Долина и, пробираясь по трудной высокогорной тропе, перешел границу, спустился на несколько километров в долину словацкого села Литманова и с ходу напал на погранзаставу.

Пограничники оказали упорное сопротивление, и бой был нелегким. Закончился он тем, что враг потерял несколько человек убитыми и ранеными. У партизан погиб смертью храбрых Иван Курчалов — парень из Московской области, бежавший из немецкого плена и только накануне вступивший в отряд.

На рассвете отряд с двумя трофейными быками вернулся на свою базу.

— А вчера,— продолжал рассказ Алексей,— пришлось повоевать и с фрицами из Пивничной. Они же, гады, так тут обнаглели, что ходят сюда как к теще в гости. А когда пронюхали, что мы сюда перебрались из-за Попрада, то так и полезли. Ну ничего, мы их застукали здесь неподалеку возле одной лесничувки и так всыпали, что вряд ли теперь осмелятся свободно разгуливать в этих краях.

Но ты не волнуйся, своих мы ни одного человека не потеряли. А они, в общей сложности, десятка два не досчитались. Ну, да черт с ними, с этими фрицами, давай рассказывай, чем вы занимались на Радзиевой, в ожидании нас.

Михаил обстоятельно доложил о своих блужданиях по склонам Радзиевой, о гостеприимных бацах на По-

ляне Конечной и, наконец, о встрече с Хованцем. Показал отобранную у него подписку.

— Та-ак, значит, они и туда послали своих шпиков,— глядя куда-то в сторону, вслух ответил Алексей своим мыслям. Потом повернулся к Михаилу.— Ты знаешь, что здесь произошло на второй день после вашего ухода в Щавницу? Пронюхав о нашем появлении, фрицы из Пивничной бросились было с собаками в Немцову. Шли смело, уверенные в том, что застигнут нас врасплох. Одного только они не учли, что им помогала какая-то одна гнида-предатель, а к нам бросилось сразу несколько польских крестьян, чтобы предупредить о надвигавшейся опасности. И хотя мы успели отойти в горы, факт остается фактом: район этот насыщен немецкими шпиками, с продовольствием тяжело, и действовать тут крупными силами будет трудно. Обо всем этом надо немедленно поставить в известность Большую землю.

Не встретив со стороны Михаила возражений, Алексей тут же составил радиограмму, передал ее Коле Новаторову. Потом вместе с Михаилом занялся картой в поисках нового места для базирования.

— Надо уходить в глубь гор,— заметил Михаил.

— А куда именно, думал? — спросил Алексей.

— Да хотя бы на северный склон Радзиевой, поближе к Поляне Конечной, к нашим друзьям бацам. Оттуда и до схрониско на вершине Прегибы, облюбованной Болеславом для следующей встречи с нами, недалеко. Мы там уже приметили несколько подходящих местечек.

— Ну что ж, как стемнеет, так и отправимся. А до этого сходим на мелину, предупредим Колю, чтобы зря не волновался. Заодно и продуктов подкинем туда, чтоб не голодал.

— Как он себя там чувствует? — заинтересовался Михаил.

— Стал поправляться. Но пока еще очень слаб.

До вечера Алексей с группой партизан побывал у Полищука. А когда темень окутала все вокруг, отряд снялся с места и взял направление в гору, на перевал, к северу. И утро партизаны встретили уже на новом месте. Больше других этому радовался Стефан, и потому, что бегло, как свою улицу, знал там все горные разломы и тропинки, и потому, что появилась реальная

возможность вместе с советскими товарищами напасть на лесозавод в Рытре, чтобы и отряду кое-чем разжиться и, заодно, немецким охранникам отомстить за то, что они чуть было не прибили его до смерти.

На это он сразу же стал подбивать Алексея.

— Там дужи склады живносци, я знам,— соблазнял он его.

За это предложение сразу же ухватился Ярославцев, а вслед за ним и старшина Саша Андрианов, охочий до жарких схваток с врагом не меньше, чем начальник штаба. За эту его удаль, за веселый нрав и за вечное беспокойство о том, как бы получше накормить своих боевых друзей, партизаны и любили его, уважительно наделив дружескими прозвищами: Сашей-усиками — за его жиганские усики, и Сашей-баком — за такие же бачки на висках. Старшина отличался также своим крепким сложением, удивительной подвижностью и завидной физической выносливостью, к нему льнули многие партизаны. Но особенно подружили с ним Кита Имерлишвили, Шалико и москвич Николай Егоров. Все чаще можно было видеть в их кругу и Юзефа Вронского. Они всегда горячо поддерживали друг друга. Так получилось и на этот раз, когда Саша Андрианов с жаром стал настаивать на принятии предложения Стефана.

— Прежде чем соваться туда, надо сначала разведать все как следует,— резонно заметил Михаил.

— Вот ты, как зам по разведке, и займись этим. Думаю, суток за трое твои разведчики справятся с этим делом,— сказал Алексей.

К вечеру Михаил направил группу разведчиков в Рытро, которую повел Стефан, задыхавшийся от счастья, что его предложение было принято.

На второй день Алексей получил от командира располагавшегося неподалеку отряда Армии Краевой поручика Завиши — Кристина Венцковского предложение о встрече. Алексей принял его, и, после предварительного согласования, они сошлись в субботний день на Поляне Конечной.

Завиша, как и капитан Галя — Мусиалович, был кадровым офицером польской армии. Но, в отличие от гражданского одеяния Гали, он был одет в новый офицерский костюм. На голове—форменная пилотка с белым орлом. На ногах горные ботинки. Его подтянутую

фигуру туго перехватывал офицерский ремень, на котором, кроме пистолета, висели гранаты, фляга, полевая сумка, планшет и даже маленькая подушечка. На погонах серебром поблескивали две звездочки. На левом рукаве — широкая, в ладонь, повязка цвета национального флага, а на ней две буквы: А. К.

Алексей представил ему своего заместителя Минаева и начальника штаба Ярославцева.

После процедуры знакомства, которую Завиша рассматривал как один из важных атрибутов офицерского этикета, он несколько было замялся, потом осмелел, извинился и попросил Михаила и Петра оставить его наедине с Алексеем.

В отличие от поручика Барабаша Завиша оказался более выдержанным. Он не прибегал к бранным словам, не возвышал голоса. Однако заговорил с Алексеем сухо, обвинив его, «истинного поляка», в измене и переходе на сторону Советов в самое тяжелое время для Польской Отчизны. Упрекал его за то, что, вернувшись из Советского Союза, до сих пор не встал в ряды Армии Краевой — «единственной армии» польского народа. Но когда Алексей, разговаривавший с улыбкой на лице, сказал, что он не поляк, а белорус, Завиша попросил извинения и вдруг предложил Алексею совместную «работу»: совершить налет на одного фольксдойтча и увести у него двух коров — по одной на отряд.

Алексей подозвал Михаила и Петра, и разговор стал общим, дружеским.

Михаил рассказал Завише о леснике Хованце.

Поручик искренне стал доказывать, что пан советский поручик Миша неправильно информирован, что лесника Рудольфа Хованца он знает как вполне порядочного человека, не способного на подлость и предательство.

Выслушав его, Ярославцев хотел было вступить с ним в спор, надеясь разоблачить поручика в неискренности или в недальновидности, но, заметив знаки Алексея, сдержался. Однако со своим страстным желанием хотя бы чем-нибудь досадить поручику АК, которого он сразу же невзлюбил, поставить его в неловкое положение, он справиться не смог.

— Скажите, пан поручик, с какого года вы со своим отрядом действуете против немцев? — спросил он, сощурив глаза.

— С 1939-го,— последовал лаконичный ответ.

— Ого! Порядочно, почти втрое больше нашего,— показал Петр на себя, Алексея и Михаила.— Ну, а сколько же немецких солдат и офицеров ваш отряд за эти пять лет уничтожил?

Завишу, как Ярославцев и ожидал, застал этот вопрос врасплох. Он смутился, потом, выкраивая время на обдумывание ответа, сделал вид, что не понял и переспросил.

Алексей, улыбаясь одними глазами, повторил вопрос Петра по-польски.

К этому времени Завиша окончательно овладел собой. Он придал своему голосу независимый и даже несколько бравурный тон, когда стал отвечать Петру.

А сказал он буквально следующее: «Мы немцев не бьем, а только разоружаем. Бьем же только гестаповцев и полицейских, если они идут в лес с облавою или грабят наших людей. А солдат и офицеров полевых немецких войск должны убивать русские на фронте».

Партизаны в спор с ним вступать не стали.

Расстались они по-приятельски, предварительно условившись, что будут встречаться еще не раз и, возможно, еще повоюют плечом к плечу против общего врага.

— О чем же он с тобой разговаривал, когда вы остались вдвоем? — поинтересовался у Алексея Михаил.

— Да все о том же. Почему я, «истинный поляк», оказался в советском партизанском отряде, а не в АК.

— То, что он строго придерживается указаний вышестоящего начальства и не нападает на фрицев, это как-то еще можно понять, хотя для нас, советских людей, это кажется несусветной дикостью,— пустился Михаил в рассуждение, что с ним бывало крайне редко.— А вот то, что за пять лет, пусть пассивной, но все же партизанской жизни он до сих пор не научился распознавать вражеских шпиков в таких людях, как этот скользкий Хованец, это уже непростительно. Чувствует мое сердце, что этот хлюст наделает еще дел и нам и аковцам.

В воскресенье во второй половине дня неподалеку от схрониско на Прегибе Михаил и Юзек, охраняемые теми же автоматчиками, что сопровождали их в Щавницу, встретились с Болеславом Вронским.

Тот доложил, что, выполняя задание Михаила, побывал в Кракове, встретился там со своими знакомыми

и с их помощью узнал, на каких улицах размещаются главные органы оккупационных властей и штабы немецких войск. Привез оттуда газеты, издававшиеся на польском языке, из которых партизаны впервые узнали об открытии союзниками второго фронта.

Перед тем как расстаться, братья молча обменялись легким понимающим кивком, потом крепко на прощание обнялись и разошлись: Юзеф пошел с советскими партизанами в свой отряд, чтобы с оружием в руках продолжать борьбу за свободу Польши, а Болеслав — к себе в Щавницу, с новым заданием заместителя командира отряда по разведке Михаила Павловича Минаева, ставшего ему добрым другом.

Двое суток после этой встречи Галя и Николай передавали на Большую землю информацию о военных объектах противника в Кракове, о настроении польского населения этого города и другие важные сведения.

ТРАГЕДИЯ, РАЗЫГРАВШАЯСЯ НА ПОЛЯНЕ КОНЕЧНОЙ

Разведчики, посланные в Рытро, вернулись через двое суток. Им удалось там с помощью инженера Сташкевича и Стефана составить план расположения цехов, конторы, завода, продовольственного и вещевого складов, немецкой казармы и наметить наиболее выгодные подходы к ним. Они также установили, что гарнизон противника малочислен и поэтому не сумеет оказать упорного сопротивления их отряду.

Темной пасмурной ночью разведчики неслышно подвели отряд к селу. В условленном месте их поджидал инженер Сташкевич.

— Все как было. Никаких изменений,— доложил он.

В точно назначенное время ударная группа во главе с Ярославцевым бросилась на штурм казармы охранников, остальные ринулись на завод. Нападение было таким внезапным и напористым, что гитлеровцы растерялись и никакого сопротивления не оказали. Партизаны очень быстро разгромили контору завода, вывели из строя основные станки, опустошили небольшой продовольственный и вещевой склады.

Больше других радовался своему трофею — новым ботинкам — Колька-свист. Но ботинки оказались не по его размеру и никак не налезали. Николай с досады плюнул, стянул с ног единственные свои дырявые носки, швырнул их в сторону и с трудом втиснул босые ноги в ботинки.

— Ничего, на ходу раздадутся,— успокаивал он не столько себя, сколько своих товарищей, переживавших за него.

В лагерь возвращались в приподнятом настроении. Даже тяжесть мешков на плечах, прижимавшая к земле, особенно на подъемах, казалась не такой ощутимой. И только когда на Поляне Конечной отряд остановился на отдых, старшина решил освободить своих товарищей от тяжелого груза.

— Разрешите, товарищ командир, оставить мешки с мукой здесь у пастухов. Все равно же завтра надо тащить муку в село на выпечку. Отсюда-то ближе,— обратился он с просьбой к Алексею.

— Правильно, Саша, зачем впустую надрываться,— согласился тот.

К утру распогодилось, и день обещал быть солнечным. Старшина выбрал в помощь себе Юзефа Вронского и Киту Имерлишвили и вместе с ними тут же отправился на Поляну Конечную за мукой.

Высокогорная Поляна Конечная покато спускалась по косогору в северо-восточном направлении. Вверху почти у самой опушки стоял обнесенный невысокой загородкой из жердей загон для овец. В сотне шагов от него ближе к середине поляны приютилась приземистая, в одну комнату, бацувка, а еще шагов на полтораста книзу ее перегородили небольшие каменные глыбы, рассыпавшиеся до самой нижней опушки.

Утро выдалось тихое, солнечное. Саша, Кита и Юзек вышли на Поляну со стороны запада. Остановились, осмотрелись. Справа от них, в загоне, находилось около сотни овец. Возле бацувки и на поляне—ни души. Весело переговариваясь, партизаны стали спускаться к бацувке. Когда до нее оставалось несколько десятков метров, дверь внезапно распахнулась и на пороге показался бледный старый пастух, тот самый, что совсем недавно предупреждал Юзефа и Михаила о связях лесника Хованца с немцами. Не покидая порога, он приставил ладони рупором ко рту и негромким перепуган-

ным голосом крикнул: «Утекайте — эсэсманы»,— и мигом юркнул в бацувку. Стук закрываемой двери потонул в гулком грохоте пулеметных и автоматных очередей гитлеровских карателей, внезапно открывших по партизанам огонь снизу из-за каменных глыб.

Не успел Саша Андрианов опомниться, как Имерлишвили метнулся к нему и, закрыв своим телом, принял вражеские пули на себя.

— Ложись!!! — что было сил закричал Андрианов.

Партизаны залегли, вступили в перестрелку. Но слишком неравны были силы: три автомата против десятка ручных пулеметов и большого количества автоматов и винтовок.

— Ползком отступать назад!!! — стараясь перекричать гул боя, скомандовал старшина.

Когда, отстреливаясь, они отползли от бацувки метров на пятьдесят, Андрианов увидел, что Имерлишвили ткнулся лицом в землю и замер. На оклик он уже не отозвался.

В это время человек тридцать гитлеровцев выскочили из-за камней и опрометью кинулись вверх, рассчитывая, по-видимому, захватить партизан живьем.

— Врете, гады, не возьмете! — прошептал со злостью старшина.— Юзек!

— Я тут! — последовал ответ.

— Подпустим поближе. Потом ударим. А сейчас — молчок.

Не ожидая со стороны партизан сопротивления, немцы прибавили шагу. Казалось, вот-вот они настигнут партизан.

Но не тут-то было: путь гитлеровцам неожиданно преградили партизанские автоматы, заговорившие длинными очередями. Несколько немцев упало, остальные кто повернул назад, а кто залег и открыл по партизанам огонь с близкого расстояния.

Неожиданно Вронский заметил среди немцев лесника Хованца.

— О, подлы здрайсца! Хованец з немцами,— крикнул Юзек Андрианову.

Они оба были уже ранены, истекали кровью и, хорошо понимая, что никакой надежды на спасение нет, сосредоточены были на единственном: как можно подороже взять с гитлеровских карателей за свою жизнь.

— Юзек! — окликнул его Андрианов.— Я буду при-

крывать, а ты скорее ползи к нашим, предупреди их о предательстве Хованца.

— Не, брате драги, Саша,— впервые Юзеф назвал старшину так просто по имени.— Не пуйду. Кеди загинать, так разем с тобой.

— Приказываю немедленно отползти до опушки к нашим,— закричал старшина.— Если мы не предупредим их, предатель выдаст весь отряд.

Юзеф медлил. Но тут случилось такое, что оба они не поверили своим глазам. Безжизненное тело Имерлишвили вдруг ожило, зашевелилось. Пошарив вокруг себя, Имерлишвили нащупал автомат, слегка приподнял голову, но тут же обронил ее. Потом он снова напрягся, один-два метра прополз вверх.

— Юзек, выполняй приказ старшины! Мы вдвоем будем прикрывать тебя,— каким-то не своим голосом закричал Имерлишвили.

Потом он выдвинул автомат в сторону противника и нажал на спусковой крючок.

Андрианов видел, как Кита после короткой очереди снова сник, руки вместе с автоматом упали на землю и застыли. «Готов»,— отметил про себя старшина.

Истекая кровью, Юзеф из последних сил полз вверх. До опушки было уже совсем близко. Он остановился, оглянулся на своих товарищей и вздрогнул от того, что увидел: оба его боевых друга лежали бездыханными. А немцы уже добежали до бацувка и были от него всего лишь в сотне шагов. Надо скорее добираться до леса, скорее, скорее, там, может быть, ему удастся спастись, а потом добраться до своих. Но почему глаза стала застилать какая-то серая сетка, почему пляшут перед ними желтые, зеленые, фиолетовые круги? И почему так плохо слушаются руки и ноги?

— Нет, я еще жив,— твердил он с какой-то небывалой злостью и снова заставлял себя двигаться, приближаясь к перевалу, до которого оставались уже считанные шаги.

А что же было в это время в партизанском лагере? Когда там услышали стрельбу немецких пулеметов, все как один схватились за оружие и, не сговариваясь, подбежали к Алексею.

— В той стороне, куда наши пошли! — воскликнул Михаил.

— Слышу. Отделение Бочкарева остается с радиста-

ми. Остальные — за мной! — подал команду Алексей и первым подался в гору.

Вслед за отрядом увязался и босой Колька-свист.

— Ты куда босиком?! — попытался остановить его Виктор Прокошев.

Но Егоров только махнул рукой и ускорил бег.

Крутой подъем и раскисшая от дождей почва затрудняли движение. Но ни один из партизан ни разу не остановился, чтобы перевести дух. Все они как бы обрели второе дыхание и без остановки мчались к своим товарищам на выручку.

Карабкаясь вверх, Алексей внимательно прислушивался, стараясь по звукам определить, из какого оружия стреляют. Гулкие очереди, доносившиеся из-за косогора, принадлежали, по его безошибочному определению, немецким ручным пулеметам, сухую трескучую скороговорку в более высоком тоне производили вражеские автоматы, а солидным низковатым многоточием строчили наши советские ППШ. Они отзывались все реже, их очереди становились все короче. И это Алексея встревожило.

Но вот стрельба из пулеметов оборвалась, зато усилился треск немецких автоматов-обрубков. Их было такое множество, что они заглушили обычно легко различимый стрекот ППШ. Алексей все свое внимание сосредоточил на слухе, чтобы в общем хаосе автоматной трескотни уловить родные звуки. Но, увы, он их не обнаруживал. «Неужели погибли?!» «Неужели опоздали?!»

Перевалив через горб косогора, партизаны добрались до опушки, упиравшейся в Поляну Конечную в ее верхней, юго-западной части, и остановились, чтобы осмотреться. Своих на поляне они не обнаружили, а вместо них увидели около полуроты гитлеровцев, толпившихся на середине поляны возле бацувки. И хотя немцев было раза в два-три больше, распалившиеся партизаны все же решили ударить по ним. Не в лоб, конечно, а с тыла, со стороны камней.

Но немцы, обнаружив партизан, засуетились, открыли огонь и, стреляя на ходу, стали пятиться вниз, к камням.

Партизаны, прикрываясь кустарником, взяли их под перекрестный пулеметно-автоматный огонь с близкого расстояния. Это окончательно деморализовало гитле-

ровцев, и они, беспорядочно отстреливаясь, бросились наутек, вниз, где их поджидали грузовые машины.

Партизаны кинулись было им вдогонку, но страх перед возмездием придал подлым палачам столько прыти, что, когда партизаны добежали до шляха, их уже и след простыл.

Партизаны вернулись на поляну и направились к бацувке.

Наперерез им со стороны загона кинулся пастух-подросток. Лицо его было бледным и испуганным.

— То не дзядек, то гаевый Хованец препровадзил тутай немцув! — еще не добежав до партизан, закричал он резким дребезжащим голосом.

На его крик из бацувки вышел трясущийся, перепуганный насмерть старый баца.

— То так, панове, то гаевый Рудольф Хованец привел их сюда. Он приходзил до мне в бацувку ютро рано, кеди фашисты стояли там,— показал он вниз, в сторону каменных глыб.

— Об этом, отец, потом поговорим,— остановил его Алексей.— А сейчас скажите, где наши товарищи.

— Вон лежат,— вмешался немного пришедший в себя юный баца.

Метрах в семидесяти от бацувки на открытом месте лежали три их товарища, обезоруженные, босые, раздетые. Двое рядом, третий чуть дальше их, поближе к опушке.

— Их фашисты страшне забили,— проронил дрожащим голосом пастушонок.

Оказалось, что с появлением гитлеровских карателей подросток, по совету деда, забрался в середину отары, залег и пролежал между овцами до тех пор, пока немцы не отступили. На его глазах Саша, Кита и Юзек мужественно отбивались от наседавших гитлеровцев. Израненные и окровавленные, они продолжали отстреливаться, уползая вверх, к опушке. Немало немцев погибло от их пуль. Юный пастух видел, как озверевшие гитлеровцы в упор строчили по бездыханным телам партизан из автоматов разрывными пулями...

— Вот их следы,— показал Михаил на дорожки, по которым можно было легко определить, что наши товарищи отступали ползком.

Партизаны пошли по этим следам. С ними увязался

и старый баца. По дороге он рассказал, как произошла вся эта трагедия.

Проследив путь отхода партизан из Рытро, лесник Рудольф гаевый привел на рассвете на Поляну Конечную отряд немецких карателей. Они остались внизу, возле камней, а он один направился в бацувку. Вошел, глянул по сторонам, увидел два мешка муки.

— Это что, партизаны оставили? — спросил он, повернувшись к старому баце.

Тот, хотя еще не видел немцев, тем не менее замялся, не зная, что ответить.

— Они. Я же видел, как отряд зашел к тебе — чего скрываешь? Когда они обещали прийти за мукой?

Пастух в растерянности пожал плечами.

— Они ничего мне не мовили,— только и нашелся старый баца, чем отговориться.

— Ладно, мы их подождем. Только ты сиди тут и не вздумай куда-нибудь уйти. Видишь,— подвел к окну и показал на немцев,— сколько нас? Если что, сразу пулю в спину, и конец.

Когда Хованец ушел к гитлеровцам, старик не находил себе места. Он хотел послать своего внука к советским партизанам, но, где они находились, не знал. И потом боялся, что немцы сразу же, как только паренек станет подниматься к опушке, убьют его. И он, молясь про себя, чтобы советские партизаны не приходили, посоветовал внуку спрятаться меж овец.

Увидев трех партизан, приближавшихся к его бацувке, он попытался было предупредить их об опасности, но было уже поздно.

Так погибли мужественный польский коммунист Юзеф Вронский, бесстрашный воин из Грузии Кита Имерлишвили и русский парень с Урала Александр Андрианов.

Мучительно тяжело было хоронить боевых друзей, которых все партизаны успели полюбить, как родных братьев.

Отдав им свой воинский долг троекратным салютом, они в последний раз посмотрели на выросший бугорок и молча пошли назад в свой лагерь. Оттуда они вместе с остальными товарищами отправились на один из южных склонов Радзиевой.

От Прегибы до Радзиевой отряд шел туристическим

шляхом, потом свернул немного к западу и стал спускаться в сторону польско-чехословацкой границы. Возле одного из многочисленных горных ручьев они случайно набрели на лагерь аковского отряда поручика Завиша.

Тот сам вышел им навстречу и, видимо, опасаясь, как бы советские партизаны не повели среди его рядовых аковцев пагубную, в его представлении, агитацию против неоправданной и, прямо скажем, далеко не патриотической, выжидательной политики Армии Краевой «с винтовкой у ноги», порекомендовал Алексею перебраться на другой берег потока.

Алексей не стал возражать и отправил свой отряд во главе с начальником штаба на другой берег. Сам же вместе с Михаилом немного задержался, чтобы рассказать поручику о пережитой накануне трагедии.

Выслушав их, Завиша поспешил заверить советских командиров о своем искреннем соболезновании.

— Помните, пан поручик, мы говорили, что гаевый Рудольф Хованец немецкий агент? Так вот немцев привел на Поляну Конечную он,— сказал Михаил.

Поручик густо покраснел, нахмурился.

— Ежели то ваша правда, мы вынесем ему вырок смерти,— суровым тоном проговорил Завиша.

Алексей стал расспрашивать его о ближайших немецких гарнизонах.

Поручик, подробно отвечая на вопросы, познакомил своих новых соседей с обстановкой. Говоря о самом близком от них гарнизоне в пограничном селе Чарна Вода, он заметил, что немцы там больше из числа «тотальных», мало обстрелянных.

Алексей тотчас же стал предлагать поручику совершить совместный налет на «тотальных» немцев.

Завиша колебался, чувствовалось, что ему и хотелось схватиться с гитлеровскими оккупантами, и в то же время он опасался, как бы ему не нагорело от штаба полка за своеволие.

Алексей и Михаил понимали причину его сомнений и, чтобы окончательно склонить на свою сторону, заявили: все боевые трофеи согласны уступить ему.

Услышав это, Завиша сразу оживился и после некоторого колебания согласился. Больше того, предложил, чтобы нападение на казарму немцев было возложено на его отряд, а советские партизаны должны были обеспе-

чить надежные заслоны на шоссе, чтобы не допустить к осажденному гарнизону подкрепления.

Алексей посоветовался с Михаилом и согласился.

В сумерках оба отряда выступили в сторону Чарной Воды. В пути поручик Завиша выпросил у Алексея группу автоматчиков, чтобы усилить наступательный порыв.

Прибыв на место, отряд Алексея разделился и с обеих сторон села перекрыл шоссе. А отряд Завиши вместе с приданными ему советскими автоматчиками занял исходную позицию и стал готовиться к штурму.

И вдруг за несколько минут до начала боя у кого-то из аковцев не выдержали нервы, и он без команды открыл преждевременную стрельбу. Этому примеру последовали другие, и не успел поручик опомниться, как весь его отряд стрелял по немецкой казарме с дальней дистанции.

Вспугнутые гитлеровцы сообщили о нападении партизан в соседние гарнизоны и, заняв круговую оборону, открыли заградительный огонь, чтобы не допустить к себе нападавших.

Таким образом, из-за неосторожности одного человека партизаны лишились главного своего преимущества: внезапности нападения, захвата противника врасплох, стремительного боя накоротке, в выгодных для себя условиях.

Вскоре с двух сторон к селу почти одновременно стали приближаться большегрузные немецкие машины с подкреплением, спешившим к осажденному гарнизону на выручку. Недалеко от села путь им преградили советские партизаны. Вспыхнуло еще два очага боевой схватки.

Когда же стало очевидным, что ход боя складывается в пользу гитлеровцев, Алексей и поручик Завиша отдали приказ об отступлении.

Оба они были очень огорчены, что вражеский гарнизон так и остался не разгромленным, а они возвращались без трофейного оружия. Невелики были потери противника в живой силе. Советские же партизаны потеряли двоих убитыми, а один аковец был легко ранен в лицо.

И тем не менее, сам факт первого на Подгале совместного нападения польских и советских партизан на немецкий гарнизон вызвал у немецкого командования

бурное негодование. В гарнизоны пограничной зоны полетело строгое указание: изловить и поголовно уничтожить всех партизан — зачинщиков дерзких нападений.

А на мирное население окрестных польских сел, наоборот, это смелое нападение партизан на гитлеровский гарнизон подействовало ободряюще, как добрая весть начала решительной борьбы с захватчиками.

Утром Алексей разбудил Михаила, спавшего рядом с ним, подозвал Петра.

— Пока гитлеровцы еще не очухались и не бросились нам вдогонку, надо смываться отсюда назад, за Попрад.

Михаил и Петр единодушно поддержали его предложение.

К вечеру отряд Алексея стал собираться в дорогу. Перед уходом Алексей, Михаил и Петр пошли к Завише прощаться. Выслушав опасения Алексея и его совет скрыться на время, тот неопределенно качнул головой. Весь его независимый, с оттенком собственного превосходства вид говорил о том, что он отнюдь не разделяет тревоги Алексея.

— И куда ж вы, панове, пуйдете? — поинтересовался он.

— Пока за перевал,— показал Алексей вверх на крутой подъем.— А там посмотрим.

В сумерки советские партизаны добрались до хутора Немцово, и, пока отряд отдыхал на опушке леса, Алексей, Петр и группа минеров отправились на мелину Рейхертов — узнать о здоровье Коли Полищука.

Тот встретил их очень радостно. Выглядел он еще, правда, слабым, но уже был на ногах.

Алексей поблагодарил братьев Рейхертов за то, что они выходили Николая, и увел его с собой.

Той же ночью отряд, который уверенно вел Стефан, благополучно пересек шоссейную и железную дороги, переправился через угомонившийся к тому времени Попрад и взял направление на Галю Писанную. Преодолевая крутые подъемы, партизаны даже не подозревали, какая смертельная опасность обрушилась бы на их головы, задержись они еще на сутки на берегу потока, по соседству с отрядом Завиши.

Утром, как только рассвело, предатель Хованец и его непосредственный руководитель агент гестапо

фольксдойтч Ричард Лонгин — довоенный подофицер польской пограничной службы, а с приходом немцев военнослужащий немецкой железнодорожной охраны — привели по еле заметным следам, проложенным советскими партизанами, крупный отряд гитлеровских карателей. Однако вместо того чтобы накрыть советских партизан, они привели карателей, миновав посты, прямо в расположение отряда Завиши.

Застигнутые врасплох, аковцы еле спаслись, оставив на месте схватки двоих убитых и все свое продовольствие, так трудно достававшееся в горных условиях.

А в это время советские партизаны продолжали свой путь по хребту Восточных Бескид, в сторону Гали Писанной. Слева от них тянулись до самого горизонта леса старого графа Стадницкого, отсиживавшегося в десяти километрах от них к северу, в своем родовом имении Новоева. Справа, до самой словацкой границы, простирались лесные угодья лесозаводчика фольксдойтча Бургера, проживавшего в крайнем доме у самого леса села Ломница Здруй. Двое его сыновей — инженер и врач — отказались принимать подданство гитлеровской Германии и поддерживали контакты с польскими партизанами.

Об этом Алексей узнал немного позже, когда партизанская судьба свела его и с самим лесозаводчиком Бургером и с его сыновьями. Тогда же, на одном из привалов, он стал советоваться со своими товарищами: продолжать ли им двигаться дальше, все более удаляясь от Радзиевой, куда вот-вот могло подойти их партизанское соединение, или же поискать подходящее место где-нибудь в районе Гали Писанной или Лабовской?

Михаил развернул карту, сориентировался по ней на местности, прикинул пройденное за ночь расстояние.

— Что же, километров двадцать с гаком отмахали,— оторвался он от карты.— Думаю, вполне достаточно для того, чтобы остановиться. Тем более что места здесь для стоянки богатейшие, наш Стефан излазил их вдоль и поперек, и с его помощью мы найдем такое ущелье или пещеру, что ни один черт не увидит, если даже пройдет мимо. А чтобы сбить с толку и немцев, и кое-кого из реакционно настроенных аковцев, упорно считающих тебя поляком, переметнувшимся на нашу сторону, тебе необходимо на некоторое время исчезнуть

с горизонта, другим исловами, пересидеть с недельку—полторы в убежище. А мы с Петром уведем на это время отряд под Ростоку Малу, оттуда пошлем Петра Бочкарева с минерами на железку рвануть эшелон, возможно, проведем еще какую-нибудь боевую операцию и, скажем, через недельку потихоньку вернемся к вам.

После обстоятельного обмена мнениями, Алексей решил обосноваться на южной стороне горного хребта Явожина, в лесах Бургера, в предложенной Стефаном просторной выемке в скале. Она оказалась наглухо закрытой со всех сторон дремучими зарослями, а сверху — каменным навесом.

Алексей вместе с радистами и несколькими автоматчиками остались там, а остальные партизаны ушли с Михаилом за перевал.

РАСПЛАТА

В район Ростоки Малой отряд добрался в сумерки и остановился на опушке леса, неподалеку от деревни. Оттуда группа Бочкарева и Усенко отправилась на север, к железной дороге, а Михаил в сопровождении разведчиков пробрался в деревню на квартиру к Петру Руснаку, чтобы выяснить обстановку. Вся семья Руснака была дома. Партизан встретили как дорогих гостей. За ужином Руснак-старший сообщил Михаилу, что в нескольких километрах от них, в деревне Угрынь недавно остановились немецкие прихлебатели, сбежавшие из Советского Союза вместе с немцами при их отступлении.

Узнав, что в Угрыне немцев нет, Михаил на второй день рано утром отправился туда с боевой группой. Лемки охотно показали ему, в каких домах остановились «беженцы».

И вот перед Михаилом и его товарищами в светлой просторной комнате предстал тучный лысый мужчина лет сорока с лишним. Он оказался до пояса раздетым, в добротных сапогах и обширных галифе. К появлению вооруженных людей отнесся спокойно, явно приняв их за бандеровцев.

— Куда и откуда вы, господин, следуете?

— На запад, сынок, от них, трижды проклятых большевиков, пришлось убежать,— охотно откровенни-

чал предатель.— Был большим человеком — начальником полиции города Киева. А теперь, вишь, приходится доживать век где-то за границей.

— Плохо вы, папаша, бегаете от большевиков,— заметил ему Михаил, с трудом сдерживая закипавшее в душе возмущение.

— Как это плохо бегаю? — удивился жирный экс-начальник полиции и внимательно посмотрел Михаилу в глаза.

— А так, что большевики вас обогнали. Полтора месяца мы вас дожидались здесь, в Карпатах, и вот дождались...

Словом, не доехал бывший «большой человек» до заграницы. Не доехали и другие предатели Родины.

...За ночь группа Бочкарева—Усенко миновала немецкий гарнизон в селе Лабова, расположившемся на асфальтированной шоссейной дороге Новый Сонч — курорт Криница, перевалила через горы Черщлу, Явожу, Поставне и к утру стала приближаться к цели. Перед рассветом, во время короткой передышки Бочкарев, подсвечивая карманным фонариком, посмотрел на карту.

— Как, Вася, думаешь, успеем до рассвета проскочить эту долину? — показал на карту.— Или дальше пойдем в обход?

— Давай рискнем, авось успеем,— загорелся Усенко.

И они стали спускаться вниз, в долину. Но в действительности она оказалась гораздо большей, чем на карте, и восход солнца застал их на середине обширного ржаного поля. Вокруг виднелись хутора, деревни. В них могли оказаться немцы, полицейские участки, и продолжать путь у них на виду было небезопасно.

Весь день пролежали партизаны во ржи на июльском солнцепеке, почти без движения, без еды и, что особенно было мучительным, без воды.

Вечером, как только опустились сумерки, они поднялись и бодро зашагали по маршруту. Через полчаса постучали в окошко небольшой халупы, приткнувшейся к подножию горы.

На стук вышел поляк среднего возраста. Узнав, кто к нему пожаловал, он поначалу растерялся, но очень быстро пришел в себя, засуетился, пригласил в дом.

Бочкарев и Усенко вошли, с удовольствием приняли

предложение гостеприимной хозяйки перекусить, утолить голод.

— До Пташково далеко от вас? — осведомился Бочкарев у хозяина.

— Километра тши-чтери, мыслем, бенде,— последовал ответ.

— Три-четыре? — переспросил Бочкарев.— А до линии железной дороги?

— О, до колеи ту близко, за пулгодины можно дойти.

— А вы проводите нас до нее?

— А, холера ясна, пуйдем, панове,— не без колебания согласился хозяин.

Расспросив поляка подробнее о местности, по которой проходила железнодорожная линия, партизаны решили заложить мину на крутом изгибе, обегающем гору, у моста.

Пока Василий и Бочкарев копали под рельсом ямку, закладывали заряд, а потом приспосабливали к нему «лягушку» — автоматический взрыватель нажимного действия, поляк несколько раз порывался помогать им.

Кончив минирование, они спустились в овраг, пересекли его и стали взбираться на ближайшую полукилометровой высоты гору. Когда поднялись метров на сто, где-то за соседней горой раздался гудок паровоза, а спустя несколько секунд — второго.

— О, тяжелый, с толкачом идет,— обрадовался Бочкарев.

— Скорее, товарищи, скорее бежим отсюда, а то, если в вагонах окажутся снаряды, они могут накрыть нас осколками,— торопил Усенко своих товарищей, впервые участвовавших в минировании.

Однако желание увидеть взрыв с близкого расстояния заглушало чувство предосторожности, и минеры не особенно спешили. Когда паровоз стал приближаться к заминированному месту, они только одолели половину подъема и там замерли в ожидании. Вскоре ночную тьму разорвала яркая, как молния, вспышка, и одновременно громыхнул взрыв! Гулкий, охающий, раскалывающий, покатившийся по увалам тяжелым надсадным эхом. Он еще не растаял, а окрест уже понеслись другие устрашающие звуки: звонкий стонущий скрежет металла, стреляющий треск сухих досок и какой-то невнятный, но леденивший душу грохот. Взрывная вол-

на упруго толкнулась им в грудь, пахнула теплом в лицо, шумно со свистом стеганула по листьям деревьев.

— Все! — воскликнул Усенко.— А теперь скорее удирать, пока не появились фрицы.

На третьи сутки они добрались до отряда. А вскоре вместе они отправились на новую стоянку, где оставили своего командира Алексея Батяна.

Через несколько дней, когда разведчики вместе со Стефаном побывали в Рытро у инженера Сташкевича, тот уже знал из надежных новосончских источников, что на партизанской мине возле Пташковой подорвался эшелон с танками, мчавшийся к фронту. Во время взрыва был опрокинут и основательно поврежден головной паровоз, разбиты два классных вагона, из-под обломков которых немцы извлекли семнадцать убитых и несколько десятков покалеченных танкистов, и, чему особенно обрадовались минеры и командование отряда, восемнадцать танков сорвались с платформы в глубокий овраг и получили такие повреждения, что гитлеровцы вынуждены были отправить их в обратном направлении, в Силезию, на капитальный ремонт.

Узнав от Сташкевича о возвращении в район Гали Лабовской советских партизан, капитан Галя очень обрадовался и тут же направил к Алексею своего связного Леха с предложением о встрече с ним на мелине Лонка.

— А далеко до нее отсюда? — спросил Алексей у Леха.

Но того опередил Стефан:

— Не, ту близко, я знаю.

Вместе с Михаилом и группой автоматчиков Алеша в сопровождении Стефана и Леха отправились на мелину Лонка.

Встреча друзей была радостной, сердечной.

После того как советские партизаны познакомились с командиром польской партизанской группы Лисом и его заместителем Донбом, сразу же перешли к деловому разговору. Алексей рассказал польским товарищам о трагедии на Поляне Конечной, а капитан Галя о том, как Рудольф Хованец и его напарник Ричард Лонгин рыскали вместе с отрядом гитлеровцев по горам в поисках отряда Алеши и как они по ошибке привели немцев в лагерь Завиши.

— А вы знаете, товарищ капитан, во всем этом ви-

новат сам поручик Завиша,— сказал Михаил.— Мы же ему несколько раз говорили, что Хованец немецкий агент. Так он вместо того, чтобы принять меры по обезвреживанию этого выродка, настойчиво убеждал нас, что тот человек честный. Интересно, что он теперь скажет об этом Хованце?

— О, Завиша уже вынес смертельный приговор и Хованцу, и Лонгину за измену и предательство. Об этом сообщили и нам с просьбой принять меры по поимке их и приведению приговора в исполнение. Наша группа Лиса уже готовится к этому. Надеюсь, что и ваш отряд примет участие.

— Безусловно. Таких выродков, как эти два негодяя, надо беспощадно уничтожать,— решительно заявил Алексей.— И чем скорее мы их прикончим, тем будет лучше, потому что каждый прожитый ими день может обернуться новыми жертвами как среди польских патриотов, так и среди советских партизан.

— Весьма польщен, пан поручик, что мое мнение по этому вопросу полностью совпадает с вашим,— с удовлетворением заметил Мусиалович.

Обменявшись мнениями, они сошлись на том, что захват Хованца и Лонгина надо провести одновременно, в течение одной ночи. Первого должна была выкрасть и доставить в отряд Алеши группа Лиса, второго, как человека более опасного, способного оказать вооруженное сопротивление, а тем более проживающего в нескольких сотнях метров от немецкой казармы,— ударная группа советских партизан под командованием Петра Бочкарева.

О времени проведения операции решили договориться после того, как будет проделана предварительная тщательная подготовка с таким расчетом, чтобы всякая случайность, могущая привести к неудаче, была бы исключена.

После возвращения на свою базу Алексей поручил Михаилу немедленно приступить к подготовке к операции. И тот в качестве первого шага отправил Прокошева с группой разведчиков в Рытро, к Сташкевичу с заданием:

а) срочно предупредить всех польских патриотов, что лесник Хованец и Ричард Лонгин—агенты гестапо;

б) установить, где ночуют эти два предателя: у себя дома или в другом месте? В каком именно.

Инженер Сташкевич сразу понял, с какой целью партизаны заинтересовались местом ночевки предателей. Но из чувства такта распространяться на эту тему не стал и только промолвил:

— С Хованцем будет проще. А Лонгин — человек опасный. Он в случае чего и стрельбу может открыть, чтобы вызвать на выручку своих немецких дружков из железнодорожной охраны. Кстати, они живут недалеко от его дома.

— Ничего, доберемся и до него и до его дружков. Не уберегут они ни воинских эшелонов, ни своих голов,— заверил Сташкевича Виктор Прокошев.

— Хорошо, мы проследим за Хованцем и Лонгиным,— пообещал инженер.— Вы когда придете в следующий раз?

— Через двое суток.

— Постараюсь к этому времени все сделать. Так что приходите, буду ждать.

Но обернулось все совсем по-иному.

Проводив их за калитку и подождав, пока они скроются в темноте, он прислонился к забору и стал мысленно отсчитывать время, когда разведчики выберутся из села и доберутся до ближайших зарослей. Потом медленно направился к дому. Когда он стал подниматься на крыльцо, сзади, со стороны утопавшего в темноте сарая, до его слуха долетел какой-то подозрительный шорох. Он повернулся и стал напряженно всматриваться в черноту затененного сарая. Когда пригляделся, ясно различил человеческий силуэт. Вот он качнулся и замер.

Подавив в себе испуг, Сташкевич шагнул в сторону сарая.

— Кто там? — окликнул он еще издали.

Вместо ответа от сарая метнулся какой-то человек. Он мгновенно добежал до забора, перемахнул через него и, пропечатав несколько торопливых шажков, канул в ночную темень.

В промелькнувшей фигуре человека Сташкевич вдруг узнал Хованца. И его взяла оторопь. «Неужели это он? Неужели опередил нас?» — жгуче ужалила в самое сердце догадка. Не помня себя, он вбежал в дом, рассказал жене о только что случившемся, стал уверять ее, что во дворе у них был он, предатель Хованец.

— Ой! — воскликнула Вацлава Иосифовна и ухва-

тилась за стол, чтобы не свалиться.— Надо, Франеку, сейчас же бежать. Чует мое сердце, что если мы задержимся, случится что-то плохое, страшное...

Захватив с собой маленький чемоданчик, они, не задумываясь, оставили свой дом. Он порывался было сам обежать квартиры своих товарищей по подполью, чтобы предупредить их о нависшей угрозе.

Но Вацлава Иосифовна решительно запротестовала:

— Тебе ни в коем случае нельзя теперь показываться в селе. Присядь вон у того куста и жди, пока я сбегаю к товарищам и попрошу, чтобы они передали о случившемся остальным.

Через час они вдвоем вышли из села, поднялись в горы и, с трудом разыскав известную только им да еще кое-кому из подпольщиков пещеру, расположились в ней до получения вестей из села.

Весь день прошел в мучительном ожидании. Вечером к ним прокрался товарищ с лесозавода и рассказал, что творилось в Рытро после их ухода.

Утром из Нового Сонча на двух автомашинах примчались гестаповцы с командой СС. Они с ходу направились на лесозавод, спросили, где инженер Сташкевич и десятник Мусиалович. Им ответили, что инженер еще не приходил, а его родич Мусиалович давно уже выехал из села. Гестаповцы метнулись к инженеру на дом. Застав опустевший дом под замком, они бесцеремонно взломали его, ворвались в комнаты и со злобной яростью перевернули там все вверх дном. Потом бросились по домам других членов организации движения Сопротивления, выданных предателями. Но всюду, в какой бы дом они ни забегали, их ожидало одно и то же: вовремя предупрежденные подпольщики успели скрыться. И только один оказался их жертвой — Войцех Винк, которого товарищи не успели предупредить. Доставленный в Новый Сонч, он был заключен в застенок гестапо и после продолжительных пыток расстрелян вместе с другими антифашистами.

После ухода товарища чета Сташкевичей рассталась. Он подался лесными тропами на запад, под местечко Живец, к своим родственникам, чтобы пересидеть у них опасное время. А Вацлава Иосифовна поспешила на восток, за перевал, в лесничувку Вроневича, в которой жили ее родной брат Генрих Мусиалович — капитан Галя с женой и Тадеуш Плехта — Лех.

До лесничувки Вацлава Иосифовна добралась только к рассвету и очень обрадовалась, что всех троих застала дома.

Выслушав ее, капитан Галя тут же отправил Леха в отряд Алексея.

— Сообщи ему, что произошло в Рытро, и скажи, чтобы ни туда — в дом Сташкевича, ни сюда, в эту лесничувку, никто из них больше не приходил, чтобы не напороться на возможную засаду гестаповцев. Передай поручику Алеше мою просьбу: пусть придет сегодня ко мне на плацувку Лонка — мы со Станиславой сейчас туда переберемся.

Как только за Лехом закрылась дверь, Вацлава Иосифовна тут же отправилась догонять мужа, а Генрих Мусиалович с женой Станиславой — на свою партизанскую базу — плацувку Лонка.

А спустя несколько часов к Вроневичу примчались гестаповцы и, обозленные неудачей, взяли было за грудки хозяина.

— Куда своих бандитов спрятал?! — заорал на него один из гестаповцев.

— Что они бандиты, я не знал. Меня попросили на лесозаводе, чтобы я пустил на постой новых рабочих, и я согласился,— начал отбояриваться от него Вроневич.— А что касается того, где они в данное время, так они еще вчера вечером, как только пришли с лесозавода, сразу же захватили свои вещички и подались в Рытро. Так что там их ищите, если только они не обманули меня.

Гестаповцы оставили в его лесничувке засаду и уехали.

В тот же день, еще засветло, Алексей и Михаил встретились на плацувке Лонка с капитаном Галей и комендантом Лисом. Они обменялись мнениями и решили, что дальше тянуть с операцией по захвату Лонгина и Хованца нет смысла. Предложенная Михаилом дата проведения ее — в ночь на 21 июля — была принята.

И вот наступили сумерки 20 июля. Они застали сводные силы партизан на походе. Впереди шла небольшая группа польских партизан, возглавляемая заместителем коменданта плацувки Лонка Яном Полачеком — Донбом. За ней двигалось отделение Петра Бочкарева, усиленное автоматчиками. Замыкала движение

группа минеров, включенная в сводный отряд по предложению Ярославцева.

Возглавлял группу минеров опытный разведчик, один из самых близких боевых друзей покойного Юзека Вронского, Вася Толочко. Главным исполнителем боевого задания назначили минера Иосифа Савченко. Кроме них в группу входили Шалико Гогебашвили и Давид Курашвили. Все они должны были в полуторадвух километрах к югу от станции Рытро пустить под откос полночный воинский эшелон и выманить взрывом к месту катастрофы всех немцев из села. Если бы это произошло, отделение Бочкарева могло действовать неподалеку от немецкой казармы более уверенно.

...Время приближалось к полуночи. Партизаны отделения Бочкарева лежали неподвижно в нескольких десятках метров от двора Лонгина. В доме долгое время светилась лампа, по двору кто-то ходил. Но начинать операцию до взрыва на железной дороге Бочкарев не хотел. С одной стороны рядом с ним лежал Виктор Прокошев, с другой — Стефан. Остальных в темноте не было видно.

Где-то вдали справа коротко прострочил немецкий автомат. И снова над селом воцарилась сторожкая тишина.

— Идет,— чуть слышно шепнул Виктор в самое ухо Бочкарева.

Петр прислушался. И верно, откуда-то издалека справа доносился шум поезда. Вот показались огоньки его узких, далеко ощупывающих фар. Приближаясь к станции, поезд немного замедлил бег, но не остановился и проследовал дальше, в сторону Пивничной. Да только не дойдет он туда, нет, не дойдет — Иосиф Савченко, советский партизан, остановит его бег, это уже как пить дать, остановит. Думая об этом, Бочкарев то задерживал свой взгляд на светящихся стрелках наручных часов, то напряженно до рези в глазах и до звона в ушах всматривался в ту сторону, куда умчался эшелон. Прошло уже пять минут, десять... «Чего же они там молчат? Пора бы уж»,— начал он уже тревожиться.

Но в этот миг вдали слева из-за горы зарницей метнулся в черное небо отсвет невидимой вспышки. А спустя некоторое время докатился гул мощного громового взрыва. К нему примешались какие-то неясные метал-

лические звуки и что-то, напоминающее грохот развалившейся гигантской поленницы дров.

— Есьць, холера ясна! — не удержался Стефан, выражая свое радостное чувство вслух.

— Тс-сс! — осадил его Бочкарев.

На железнодорожной станции прозвучали один за другим три винтовочных выстрела. Вслед за ними вспыхнули ракеты: одна белая — в зенит, две красные — в сторону докатившегося взрыва. Тотчас же со стороны недалекой казармы донеслись возбужденные голоса, беспорядочный топот множества ног.

— Пора, товарищи, пошли,— поднялся Бочкарев и, уже не пригибаясь, первым направился во двор Лонгина.

Его опередил Стефан, как бы прикрывая командира своим телом.

Подошли к крыльцу. Постучали. В доме было тихо. Постучали громче, настойчивее. Только после этого за дверью послышался заспанный голос:

— Кто там, прошу пана?

Голос был мужской с хрипотцой, видимо, со сна.

— Отвожи, мы партизанчи,— по-польски пояснил Стефан.

За дверью было тихо.

— Ну то цо? Для чего не отвожишь? — повторил Стефан.

— За ниц не отвожу[1],— бросил хозяин дрожавшим голосом в ответ и затопотал на рысях в комнату.

Не успели партизаны опомниться, как он начал стрелять с чердака из пистолета.

— Вот гад, думает, гитлеровцы придут ему на помощь,— обозлился Виктор Прокошев.— Разреши, Петр Зиновеевич, пульнуть гранатой в окно?

— Давай, Витя, действуй,— благословил его Бочкарев.— Ложись, товарищи! — крикнул он партизанам.

Виктор вырвал с гранаты Ф-1 кольцо и запустил ею в окно. Легко проломив стекла, граната взорвалась в комнате. Взрывной волной сильно встряхнуло дом, со звоном высадило стекла в остальных окнах. Партизаны бросились в проемы.

И снова всех опередил Стефан. Он опрометью метнулся по лестнице — на чердак.

---

[1] Ни за что не открою.

Увлеченный стрельбой, Лонгин не заметил, как тот оказался на чердаке в нескольких шагах от него.

— Руцай пистолет! Капитулуй! — скомандовал Стефан.

В ответ, вместо того чтобы бросить пистолет и сдаться, Ричард Лонгин начал стрелять в том направлении, откуда донесся голос Стефана. Но просчитался. Ему на темном фоне задней глухой переборки фронтона Стефан был не виден, зато сам он, на сероватом проеме окна хорошо вырисовывался. Поняв свое преимущество, Стефан прицелился и нажал на курок.

Грохнул винтовочный выстрел. Это был последний звук, который услышал предатель. Метким выстрелом Стефан сразил его наповал. Потом подбежал к нему, забрал пистолет, вытащил из всех карманов содержимое.

— Стефан! Ты где?! — раздался тревожный оклик Бочкарева, показавшегося на верхней ступеньке лестницы. Луч карманного фонаря заметался по чердаку.

— Тутай я! — звонко отозвался Стефан.

Бочкарев забрался на чердак, подошел, нагнулся.

— Что, сам застрелился?

— Нет, то я его. Я ему крикнел, жебы здався, а он начал по мне стшелять. Я и...

— Ну и правильно, молодец. А то я боялся, как бы этот матерый волк не перехитрил тебя. Пошли. Больше нам в этом доме делать нечего. Да и наши минеры, наверное, уже дожидаются в условном месте.

Группа Толочко действительно уже дожидалась их. Вскоре они встретились, рассказали друг другу, как справились с заданием.

— Спасибо, братцы, вовремя подмогнули, фрицы как услышали взрыв, сопровождающийся грохотом разбитых вагонов, так все до единого шуганули в ту сторону,— благодарил Бочкарев. Потом уже на ходу сказал: — Слышали ваш «музыкальный момент». Как, не успели узнать о размерах катастрофы?

— Когда же? Нам лейтенант сказал, чтобы мы не дожидались, не рисковали. Ну, мы и подались сюда. Ты же сам просил, чтобы мы сразу пришли на место встречи, как только рванем.

К их приходу в отряд польская группа Донба вместе с Рудольфом Хованцем была уже там. Застигнутый

врасплох, тот не успел оказать сопротивления, и польские партизаны обошлись без перестрелки.

На допросе Рудольф Хованец признался, что по рекомендации Ричарда Лонгина он стал осведомителем СД. Выполняя требования гестаповцев, он, как и Лонгин, следил за советскими партизанами. Признался, что это он привел немцев на Поляну Конечную, а потом вместе с Лонгиным повел карательный отряд по следам советских партизан, но по ошибке попал в расположение отряда Завиши.

Капитан Галя объявил ему о приговоре, вынесенном судом АК, предложил помолиться богу. Затем прозвучал одиночный выстрел Бочкарева, и второго предателя, повинного в гибели советских и польских партизан и подпольщиков, не стало.

Возмездие восторжествовало: кровь — за кровь!

ВСТРЕЧИ НА МАРШЕ

На мине Иосифа Савченко, как потом выяснилось, подорвался эшелон с немецкой воинской частью, мчавшейся в Словакию на борьбу с активизировавшимися партизанами.

Генрих Гамман, шеф новосончского филиала гестапо, и Георг Веснер, шеф секретной агентуры, узнав об этом, а также о том, что схвачены оба их агента, пришли в неистовство.

Вместе с карательным отрядом они примчались в Рытро в надежде напасть на следы партизан. Но, пошастав в окрестных лесах впустую, отбыли восвояси не солоно хлебавши.

На второй день после удачной операции по уничтожению агентов гестапо Алексей получил из Москвы радиограмму следующего содержания: «В районе Нового Тарга у горы Турбач находится тяжелом положении группа Таранченко. Свяжитесь, окажите возможную помощь».

У партизан эта радиограмма вызвала противоречивые чувства. С одной стороны, они обрадовались, когда узнали, что неподалеку от них находятся их боевые друзья, с другой — их охватила тревога за судьбу товарищей, которые попали в такое тяжелое положение,

что даже Москва подняла тревогу и потребовала срочно прийти им на помощь. Беспокоило и другое. В радиограмме говорилось только о появлении группы Таранченко и ни слова о судьбе всего партизанского соединения, прихода которого они ждали со дня на день. И потом, почему Таранченко, этот прославленный командир батальона, вдруг появился только с небольшой группой? А где же весь его боевой батальон?

Больше всех волновался Алексей. Иван Максимович Таранченко был его однокашником по высшему военному училищу, сослуживцем по чекистской работе. Оба они были ровесниками Великой Октябрьской социалистической революции, оба — коммунисты. В один день и час они добровольно ушли в тыл гитлеровских войск и полтора года плечом к плечу сражались в партизанском соединении. За это время они крепко сдружились, стали партизанскими братьями.

Посоветовавшись со своими товарищами, Алексей решил, что сниматься всем отрядом не следует. И он направил к Таранченко ударную группу автоматчиков во главе с начальником штаба Петром Ивановичем Ярославцевым.

— Посмотрите там с Иваном Максимовичем,— напутствовал Алексей Петра,— если в районе Турбача обстановка очень тяжелая, приходите все вместе сюда. А если увидите, что там лучше, чем здесь, пришлете кого-нибудь за нами.

В тот же вечер группа отправилась в путь. Кроме Ярославцева в нее вошли пулеметчик Володя Мохов со своим вторым номером Егоровым — Колькой-свистом, автоматчики Виктор Прокошев, Володя Белкания и другие, всего десять человек. За ночь они форсировали Попрад, перешли железную и шоссейную дороги, поднялись на Прегибу. Оттуда повернули на юг, в сторону словацкой границы, намереваясь переправиться через Дунаец возле Щавницы. Этот путь до Дунайца хорошо запомнил Володя Белкания, когда ходил с Минаевым и Юзефом Вронским на встречу с его братом Болеславом.

Спускаясь туристским шляхом вниз по одному из склонов, они миновали Поляну Пепёнзну и только было начали обходить вершину вставшей на пути безымянной горы с отметкой 976, как нос к носу повстречались с группой аковцев из отряда Завиши.

— О, пан Петро! Я вас одразу познав! — радостно воскликнул один из них.

— А-а, Юзек. Так, кажется, тебя звать? — в тон ему отозвался Ярославцев.

— Так, так — Юзек я, Венглаш из Щавницы.

Партизаны сошлись, тепло поздоровались друг с другом, присели. Закурили. Разговорились.

Аковцы внимательно рассматривали советские автоматы, прикладывали их к плечу, целились и, возвращая, сокрушенно покачивали головами. Сами-то они были вооружены винтовками.

— А почему вы не добудете себе немецкие автоматы? — резонно спросил Ярославцев.— Разгромили бы один, другой пост или небольшой гарнизончик, вот и были бы с автоматами.

Аковцы молчали, выжидательно поглядывая на Венглаша.

Тот почесался в затылке, тяжело вздохнул.

— Та есть ту в деревне Шляхтовой небольшая погранична команда. Але едни мы з такой броней,— показал на винтовки,— не одужим. Если б з вами, о, то инна справа...

Ярославцева так и подмывало ухватиться за возможность разгромить вражеский гарнизон. Но в распоряжении его группы были одни лишь сутки на то, чтобы добраться до Дунайца и переправиться на левый берег. Об этом он и сказал Юзеку.

— Для чего вам на то цалы сутки? Мы за едну ноць и немцув зможем разброить и вас спровадить за Дунаец,— загорелся Юзек.

— Слыхали, что сказал Юзек. Так как, поможем им разгромить немцев? — обратился Ярославцев к своим партизанам.

Все они единодушно выразили свое согласие.

Ярославцев развернул карту и стал уточнять с Венглашем, где расположилась пограничная застава в Шляхтове. Оказалось, что эта деревня и погранзастава находились в трех-четырех километрах от места их встречи внизу, на шоссе между Щавницей и Чарной Водой. Договариваясь о нападении, Венглаш заверил Ярославцева, что сумеет подвести сводный отряд так, что немцы окажутся застигнутыми врасплох. Но поставил одно условие: рядовых солдат не трогать, а только обезоружить.

Когда стемнело, десять советских и двенадцать польских партизан неслышно подкрались к немецкой казарме и так стремительно ворвались внутрь, что ни о каком сопротивлении со стороны немецких пограничников не могло быть и речи. Только один комендант попытался было пустить в ход свой пистолет, но его опередили партизаны.

Нагруженные трофейным оружием и продовольственными припасами, боевые друзья покинули казарму, оставив немецких солдат в недоумении: почему «бандиты» их не тронули?

Удача так раззадорила аковцев, что стоило Ярославцеву завести речь о проведении еще одной совместной боевой операции — устроить засаду против немцев из Щавницы, которые вот-вот поспешат к обезоруженным коллегам на помощь, как Венглаш и его товарищи сразу же согласились.

Местом засады избрали небольшой шоссейный мост, перекинутый через речку Грайцарек — приток Дунайца между Щавницей и Шляхтовой.

Расстояние в один километр, отделявший мост через Грайцарек от Шляхтовой, партизаны прошли очень быстро. Осмотрелись, уточнили, кто где занимает позицию, и залегли, одни за камнями в нескольких шагах от шоссе, а другие прямо в придорожном кювете.

Ждать пришлось недолго. Со стороны Щавницы, как Ярославцев и предполагал, показались две автомашины. Впереди легковая, за ней, на некотором расстоянии, грузовая.

«Успели!» — обрадовался Ярославцев.

Подпустив машины на расстояние выстрела, партизаны открыли по ним дружный огонь. Длинной очередью из пулемета Мохов сразу же угодил в мотор передней штабной машины, и она, вильнув в сторону, завизжала тормозами и уткнулась в кювет. Шофер и сидевший рядом с ним майор были убиты. Задняя, грузовая машина затормозила, не доехав, и стала пятиться. Соскочившие с кузова немцы пошли было в наступление, но выдержать решительный натиск партизан не смогли и, потеряв пять солдат убитыми и несколько ранеными стали отступать. А когда вскоре вернулись с более крепким подкреплением — партизан уже и след простыл.

В ту же ночь партизаны группы Ярославцева с по-

мощью аковцев переправились на другой берег Дунайца, перешли шоссейную дорогу, бежавшую вдоль реки из Нового Тарга в Новый Сонч, поднялись в горы и, выбрав место поглуше, усталые улеглись часа на два поспать поочередно, смеияясь иа дежурстве.

Проснулись, когда солице уже поднялось иад лесом, и со свежими силами стали подниматься на гору Любань, вставшую иа их пути. Недалеко от вершины, на живописной поляне они увидели схрониско — туристический дом. Петр, оставив своих товарищей в кустах, направился к дому.

На пороге его встретил высокий мужчина средних лет в штатском, хотя в нем легко угадывалась офицерская выправка. Рядом с иим стояла миловидная женщииа.

Он представился Петру капитаном запаса, пенсионером Эрнестом Дуркальцем, она — его женой Геленой.

— А я — советский партизан,— не стал таиться Ярославцев.

— Милости просим к нам в гости,— почти без акцента сказала Гелена по-русски.

— Я не один, со мной девять товарищей.

— Так где же они? Зовите, угостим всех. Не обеднеем,— заворковала гостеприимная гуралька.

Забегая вперед, скажем, что капитан Дуркалец был истинным польским патриотом. Родной сын его Болеслав до весны 1944 года был подхорунжим в отряде Завиши. А в марте, в одной из боевых стычек с немцами, погиб. Родители стойко перенесли эту утрату и стали помогать аковцам; с тех пор они по мере сил принимают участие в борьбе с гитлеровцами. К ним запросто заходили передохиуть, перекусить, встретиться с подпольщиками из окрестных деревень и сел офицеры Армии Краевой, в том числе командир полка майор Боровый. По его просьбе чета Дуркальцев с готовностью уступила часть своих комнат под аковский госпиталь.

Их частыми и желанными гостями вскоре стали и советские партизаиы, особенно Петр Иванович Ярославцев, который расположил их к себе с первого дня знакомства. Особеиио приветливо встречала советских партизан пани Гелеиа. В любое время, когда бы наши товарищи не зашли к ней, по пути ли на задание или возвращаясь в отряд, для иих у иее всегда находились

еда, а также силы выполнить любое поручение. Партизаны отвечали ей глубоким уважением и, что особенно ее трогало, полным доверием. Были случаи, когда Ярославцев оставлял у пани Гелены даже взрывчатку.

Но все это происходило гораздо позже. А тогда, накормив группу Ярославцева сытным завтраком, Эрнест и Гелена Дуркальцы подробно рассказали, как лучше пройти к Турбачу, и даже немного их проводили.

Теперь предоставим Ярославцеву и его товарищам продолжать свой путь дальше, а сами вернемся в отряд Алеши.

На третий день после ухода Ярославцева снова заявился капитан Галя. Разыскав Алексея и Михаила, он сказал им следующее:

— На этот раз я пришел к вам по просьбе хозяина этих лесов пана Бургера, который пожелал видеть у себя в гостях своих лесных квартирантов — вас, пан поручик,— кивнул капитан Галя Алексею,— и вас, Михайло Павлович. Да, да, не удивляйтесь. О том, где стоит ваш отряд, он давно уже знает, как знает и о месте расположения нашей плацувки Лонка.

— Знает, и не выдал немцам?— удивился Михаил.

— Не выдал и не выдаст, потому что он не политик, а делец, причем дальновидный и предприимчивый. Он давно ведь не верит в мощь гитлеровской Германии и ждет прихода советских войск. А раз так, значит, есть прямой резон познакомиться с их представителями. Ясно? Словом, я вам советую не отказываться. А то, что в Ломнице стоят немцы, ничего не значит. Я сам пойду с вами.

И вот Алексей, Михаил и капитан Галя в Ломнице, во дворе лесопромышленника, немца по происхождению, фольксдойтча Бургера. Заметив их в окно, он выскочил на крыльцо с довольной улыбкой во все лицо. В доме партизан поджидали его жена — дородная, подвижная и шумливая особа веселого нрава, два взрослых сына — один врач, другой инженер, дочь, приехавшая из Нового Сонча, и главный инженер лесозавода.

Пока гостеприимная хозяйка накрывала на стол, хозяин пан Бургер занял гостей расспросами об их самочувствии, поинтересовался, как у них обстояло дело с продовольствием, спросил не нуждаются ли они в помощи. А когда все уселись за стол, наполнил маленькие, величиною с наперсток рюмочки и произнес тост,

Начал он с того, что заверил советских представителей — он так их и величал — в своей готовности прийти к ним на помощь во всем, в чем они будут нуждаться. Потом сказал, что в его жилах тоже течет славянская кровь и что фольксдойтчем он стал только ради того, чтобы избежать преследования со стороны гитлеровских оккупантов. И заключил свой тост неожиданным для него призывом:

— К оружию, братья славяне!

К концу застолья он обратился к Алексею и Михаилу с «маленькой» просьбой: с приходом советских войск хотя бы одним словом обмолвиться о его бескорыстной помощи советским партизанам. И тут же сообщил, что приготовил для отряда корову и мешок хлеба.

— То только для начала,— пояснил он.

Алексей от души поблагодарил за великодушную помощь. Пообещал не остаться в долгу.

Обрадованный пан Бургер так разошелся, что решил послать вместе с партизанами своих сынов, чтобы они помогли подобрать для стоянки отряда наиболее укромное место из всех известных им в отцовских лесных владениях.

Но от услуг панычей Алексей деликатно отказался.

На обратном пути Алексей, Михаил и сопровождавшие их автоматчики встретили трех усталых, обросших щетиной и голодных советских людей, бежавших из немецкой неволи.

Узнав, кто перед ними, те с распростертыми объятиями бросились к партизанам.

— Наши! Свои!

— Товарищи дорогие! Мы же вас пятые сутки разыскиваем всюду в этих чужих незнакомых горах!

Новички оказались грузинами.

Один из них — коренастый, атлетически сложенный, вооруженный немецким автоматом,— назвался Михаилом Моралишвили. Другой — выше среднего роста, худощавый, с целой охапкой разметавшихся во все стороны жгуче черных непокорных кудрей, вооруженный таким же автоматом, как и Михаил,— Георгием Мдзинарашвили. Третий — чуть пониже Георгия, но такой же сухопарый и с такой же массивной шевелюрой, зато переплюнувший его своим длинным носом,— Акакием Папиашвили.

— Примите, товарищ командир, нас в отряд,— за всех попросил Георгий.

Прежде чем дать ответ, Алексей уселся рядом с ними и стал расспрашивать, когда они попали в плен, в каких лагерях находились, откуда бежали.

— Гоги, расскажи ты,— попросил своего товарища Моралишвили.

На разных участках фронта попали они в плен. Папиашвили и Моралишвили — в 1942 году, Мдзинарашвили — в 1943-м. Встретились они весной 1944 года в Винницком лагере, где их свели в одну рабочую команду и отправили в Драгобычский лагерь для работы в оружейных мастерских.

Через два месяца их вместе с ремонтной оружейной мастерской перебросили в польский город Ясло, в добротную, стоявшую на отшибе усадьбу с поместительными строениями, отведенными под мастерские, и одноэтажным домом — под казарму. Немецких специалистов разместили в нескольких комнатах, выходивших окнами на улицу. А их, четырех грузин — четвертым был Лежава,— вместе со всеми военнопленными поселили в одной — с окнами во двор, окруженным высоким кирпичным забором. Из усадьбы их никуда не выпускали. Днем они работали под присмотром немецких мастеров и часового, а ночью их охраняли два часовых.

Встречаясь с поляками, приходившими в лагерь по делам снабжения топливом и продовольствием, они узнали, что в соседнем воеводстве действуют советские партизаны, и решили во что бы то ни стало бежать к ним.

Побег наметили на 25 июля 1944 года. И вот этот долгожданный день настал. После ужина и немецкие мастера и военнопленные очень быстро уснули. К полуночи во всем доме бодрствовало только шестеро: их четверо да двое часовых. Чем ближе было к полуночи, тем они все сильнее волновались: удастся ли им прикончить часовых, не вызвав тревоги? Прислушиваясь к малейшим звукам, они услышали, как у их двери сошлись оба часовые. Заговорив о чем-то, они уселись. Через дверь донесся звук наливаемой во что-то жидкости, кряканье, молчаливое чавканье. После первой порции немцы выпили по другой, потом по третьей. Наконец разошлись, и вскоре все затихло.

— Ну, я пошел,— прошептал Мишо, приготовив нож.

Каково же было удивление, когда, выйдя за порог, он чуть было не наступил на голову часового, уснувшего на полу возле двери крепким пьяным сном. Перешагнув через него, Моралишвили остановился, посмотрел при тусклом свете коридорной лампочки на безмятежно сопевшего немца, снял с него автомат, приоткрыл дверь и, шепнув друзьям: «Этот спит. Я пошел, выходите по одному за мной»,— направился ко второму часовому, которого надлежало обезвредить. Приближаясь к выходной двери, он взял автомат в левую руку, нож — покрепче в правую. Но когда открыл наружную дверь и шагнул вниз со ступенек крыльца, до него вместо оклика донесся свирепый, с переливами и присвистыванием храп.

Зная, что за ним следом вот-вот покажутся товарищи, Мишо не стал задерживаться и заторопился на обусловленное место сбора.

— Как только прошла, после ухода Мишо, минута, я сказал товарищам: «Пора, идите»,— продолжал свой рассказ Мдзинарашвили.— Первым вышел Гоги Лежава, за ним, через определенное время, Акакий. Прождав немного, отправился и я, открыл наружную дверь, шагнул за порог, секунд пять постоял, привыкая к темноте. Когда глаза присмотрелись, увидел на ступеньках спящего часового. Нагнулся, заметил на шее ремень автомата. Хотел было сдернуть, но раздумал, достал из кармана бритву, перерезал в двух местах ремень, взял осторожно автомат и подался на улицу.

На месте сбора Георгий Мдзинарашвили застал только одного Акакия Папиашвили.

— А где Мишо, Гоги?— осведомился у него.

— Не знаю. Я их не видел.

Тщетно прождав полчаса, дольше, чем договаривались, они отправились вдвоем.

Пятеро суток блуждали они в горах и лесах, в надежде повстречаться со своими товарищами — перед побегом они решили пробиваться в юго-западном направлении, в сторону Нового Сонча.

— И только вчера совершенно неожиданно повстречали его,— кивнул Мдзинарашвили на Мишо Моралишвили.— А четвертого нашего товарища — Лежавы

ни он, ни мы не видели и, что сталось с ним, не знаем.

Всех троих приняли в отряд.

Четверо суток они отдыхали, набирались сил. На пятые Георгия вызвал к себе командир отряда.

— Отдохнул? Можешь отправляться на выполнение боевого задания? — осведомился он у Мдзинарашвили.

— Так точно, товарищ командир, готов на любые задания, — последовал ответ.

— Тогда готовься. Сегодня вечером пойдешь с диверсионной группой. Старший группы Савченко скажет, когда выступать.

И вот они в пути. Вместе с Иосифом Савченко и Георгием шагали Вася Толочко и Шалико Гогебашвили. Преодолевая в темноте крутые спуски и подъемы, они шли всю ночь. На рассвете, не рискуя двигаться в дневное время по незнакомой местности, они выбрали глухое ущелье и весь день провели в его кустарниковых зарослях. Только с наступлением сумерек они отправились дальше. В полночь на их пути встала небольшая деревня.

— До железки уже недалеко. Надо захватить проводника, — подсказал опытный разведчик Толочко.

Они подошли к небольшой крайней избе, постучали в окно.

На пороге показался молодой, лет двадцати, хозяин. Разглядев у крыльца людей с оружием, он молча раскрыл перед ними дверь и жестом пригласил в дом.

Партизаны зашли. В комнате оказался другой парень, старший брат первого.

Когда ночные гости заговорили по-русски, расспрашивая, далеко ли до железной дороги и как туда пройти, братья сразу поняли, с кем имеют дело, и многозначительно переглянулись. Недели три тому назад, вот также ночью зашла небольшая группа советских партизан в соседнее село, прихватила с собой местного жителя и с его помощью подкралась к линии железной дороги. А через некоторое время в том месте полетел под откос немецкий эшелон с танками. Гитлеровские каратели целую неделю рыскали всюду по деревням и лесам в поисках партизан. Но те бесследно исчезли. Узнав об этом, братья восхищались смелостью советских партизан и жаждали хотя бы издали взглянуть на них. И вот они сами заявились к ним.

Знакомыми тропками братья провели партизан

к высокой железнодорожной насыпи. Проводники остались дожидаться возвращения минеров на опушке леса, в нескольких сотнях метров от линии. А партизаны отправились на дело.

Когда минирование уже подходило к концу, со стороны Нового Сонча послышался шум приближавшегося эшелона. Времени не хватало, и минер, вставив в тол капсюль, соединенный с взрывателем, подал сигнал к отходу.

Савченко и Георгий спустились вниз в тот момент, когда из-за поворота совсем уже близко показался паровоз. Это придало им сил, и они опрометью помчались через небольшое поле, перемахнули через речку. И тут за их спиной вспыхнуло пламя и грохнул взрыв. Рядом застучали камни и обломки досок. Паровоз звучно засвистал, исходя паром. Что-то рушилось, грохотало, скрежетало. Донеслись громкие немецкие голоса.

Иосиф и Георг прибавили шагу и вскоре были возле спасительного леса.

На опушке их поджидали Толочко, Шалико, проводники.

Простившись с польскими патриотами, партизаны заторопились на базу своего отряда. А когда добрались туда, Алексей, получивший в их отсутствии приказ — вместе с группой Таранченко отправиться в Словакию на базу своего соединения, сразу же послал в Москву для передачи Карасеву радиодонесение: «Сегодня, 13 августа, отправляемся за группой Таранченко».

И почти полуторамесячное пребывание в гостеприимном лесу пана Бургера, который — надо отдать ему должное — все это время регулярно снабжал отряд Алексея мясом, хлебом и другими продуктами, подошло к концу. Перед тем как покинуть обжитый лес, Алексей, Михаил и Стефан, в сопровождении группы автоматчиков, сходили на плацувку Лиса, по-братски простились с ним, с капитаном Галей и с другими польскими партизанами, с которыми крепко сдружились.

Когда они вернулись, начальник штаба уже подготовил отряд к выходу. Партизаны стояли вдоль главной своей «аллеи», за шесть недель основательно утрамбованной, и громко, пожалуй, громче и веселее, чем обычно, разговаривали, стараясь скрыть грустинку от расставания с хорошо обжитым убежищем. Больше других было грусти в глазах у Алексея и Гали. Для них

оставляемое убежище стало более дорогим, чем просто обжитое место. Здесь, в первые дни и особенно в тревожные бессонные ночи, наступившие после того, как отряд во главе с Михаилом ушел за перевал, к Ростоке Малой, а они семеро остались обживать эту, поначалу мрачную и несколько пугавшую глухомань, им обоим пришлось многое передумать, пересказать друг другу, здесь они стали мужем и женою.

Прошли сутки. Позади остались гостеприимный лес Бургера, река Попрад, железная и шоссейная дороги. Отряд Алеши поднялся на Прегибу и недалеко от ее вершины встретился с группой советских военнопленных, сбежавших из гитлеровских лагерей смерти.

Увидев издалека приближавшихся вооруженных людей, они из опасения спрятались было в густых зарослях. Но когда отряд подошел ближе и стали видны родные советские ППШ и дегтяревские пулеметы, бывшие узники выскочили из укрытия и, приветливо помахивая руками, бросились навстречу.

Первым к партизанам подбежал высокий, худой, скуластый человек, одетый в полинявшую гимнастерку нового образца, со стоячим воротником и вооруженный немецким автоматом.

— Отряд лейтенанта Алеши? — с ходу спросил он глуховатым тенорком подростка у подвернувшегося ему под руки Васи Толочко.

Тот посмотрел на него с подозрением, потом перевел глаза на Алексея, стоявшего рядом, как бы спрашивая, как отвечать.

— Я — Алеша,— опередил его Батян и сделал шаг вперед.— А вы кто такие?

Незнакомец вытянулся перед Алексеем по стойке «смирно!», лихо подкинув к виску руку лодочкой.

— Товарищ лейтенант! Группа советских военнослужащих, сбежавших из немецко-фашистских концентрационных лагерей, в количестве двадцати человек желает вступить к вам в отряд для продолжения боевой службы. Докладывает бывший командир батальона 385-го полка 112-й стрелковой дивизии старший лейтенант Тулешов! — четко отрапортовал он и замер в ожидании.

— Откуда же вы узнали о нашем отряде? — поинтересовался Алексей.

— От аковцев из отряда Мака и от польских кре-

стьян. О вашем отряде и о вас лично, товарищ лейтенант, здесь в горах всюду говорят.

Алексей качнул головой, усмехнулся.

— Слыхали, братцы? — обратился к своим помощникам. Потом отдал команду «на привал», уселся вместе с Михаилом и Петром на траве. Пригласил сесть возле себя и Тулешова.

— Расскажите нам, кто вы, откуда родом и так далее.

— Я казах, из-под Алма-Аты. Сирота, воспитанник Саратовского детдома. Учился в Семипалатинском рабфаке, потом два курса Московского горного института, а в 1939 году попал в военно-пехотное училище. Три года провоевал на Северо-Западном, Калининском и Первом Украинском фронтах. В середине мая 1944 года под Львовом попал в плен. А через полтора месяца бежал из рабочего лагеря, расположенного на стыке Польши, Чехословакии и Германии, в селе Звардонь. Продвигаясь на восток, узнал от поляков, что недалеко от Нового Сонча действуют советские партизаны, и решил примкнуть к ним.

Много дней и ночей провел он в горах в поисках партизан. Наконец уже в начале июля ему повезло. Где-то между Новым Сончем и Грыбовым Тулешов случайно наткнулся в лесу на двух молодых вооруженных поляков. Ими оказались аковцы из отряда поручика Мака Виктор Минусинский, псевдоним Протазы и Мариан Варминьский — Гарвазы. Вместе с ними он добрался до их отряда, встретился с Маком.

Прожив в отряде Мака несколько дней, Тулешов вместе с шестью советскими людьми, сбежавшими, как и он, из немецкой неволи и примкнувшими к аковцам, ушел на юг, в сторону Прегибы. Целый месяц они искали отряд Алеши по ущельям и горным увалам Бескид, излазили все лесные заросли и овраги. За это время к ним постепенно примыкали все новые и новые беглецы из концлагерей. Они сделали несколько удачных вылазок на шоссейную дорогу Новый Сонч — Пивнична и, нападая на небольшие группы немцев, раздобыли несколько винтовок и автомат.

Саша Тулешов произвел на Алексея и его товарищей хорошее впечатление. И если бы он пришел один или с двумя-тремя людьми, Алексей сразу принял бы их не колеблясь. Но когда встал вопрос о приеме в от-

ряд сразу целого взвода, к тому же наполовину безоружного, он призадумался.

— И знаешь, что нас гонит к тебе в отряд? — сам того не замечая, Тулешов перешел на «ты». — Вот эти штуки, — показал он на рации, висевшие на плечах у Гали и Коли. — Без них, сам знаешь, как тяжело воевать, тем более в такой дали от Родины. Схватишь, скажем, крупного «языка», добудешь от него ценные данные о планах гитлеровского командования, а передать за линию фронта своим так и не сможешь. И вообще, можно провоевать здесь до конца войны, а дома никто и не узнает. Голову сложишь в бою с оружием в руках, а там подумают, что загнулся в концлагере.

Сказано это было с такой горечью, что сердце у Алексея дрогнуло.

— Хорошо, примем. Только не сейчас, а после того, как разыщем за Дунайцем своих людей и вместе с ними этой же дорогой пойдем в Словакию. Так что давай так с тобой условимся, — перешел он тоже на короткую ногу, — пока мы будем ходить за своими товарищами, постарайтесь добыть у немцев оружие для всей группы.

— Оружие-то мы достанем, — живо заверил его Тулешов. — Важно, чтобы на обратном пути вы не пошли другой дорогой и не оставили нас тут одних.

Алексей заверил его, что этого не получится.

— Правда, может и так произойти, что пока мы будем добираться до Турбача, с Большой земли поступит новое указание, отменяющее наш уход в Словакию. Словом, если в течение двух недель мы не придем, значит, считай, что мы остались возле Турбача и сам приходи со своими людьми к нам. Примем всех.

На том и договорились.

Продолжая путь на высокогорной поляне Млаки, расположенной в двух километрах от Прегибы, советские партизаны неожиданно набрели на стоянку отряда поручика Татара. До этого они много хорошего слышали о нем от капитана Гали. Теперь же лично встретились с ним.

Татар — Юлиан Зубек оказался тридцатилетним светловолосым человеком среднего роста, худощавым, с хорошо развитой мускулатурой. Слегка расставив ноги, он так прочно стоял на земле, что казалось, никакая сила не могла сдвинуть его с места. И только руки, запеленутые в бинты не первой свежести, он держал

немного скованными, избегая резких движений и неожиданных толчков.

Рядом с ним стояли его помощники: очень подвижной с озорными карими глазами Ксавер — Ян Фрайзлер, бывший конторщик железнодорожной станции Новый Сонч, и смуглый черноволосый, одного роста с командиром Михал — Эдвард Семирадзский, инженер железнодорожных мастерских Нового Сонча.

Представляя Семирадзского, Татар сообщил Алексею, что это он, Михал, по просьбе инженера Сташкевича заказывал в Новом Сонче на паровозоремонтном заводе шестеренку для радистов, советских партизан.

Алексей поблагодарил Семирадзского за эту очень ценную услугу.

Покидая поляну Млаки, советские партизаны расстались с польскими товарищами как самые задушевные друзья.

Благополучно переправившись через Дунаец, советские партизаны поднялись на гору Любань, и когда, перевалив через его вершину, стали спускаться, им пришлось встретиться еще с одними польскими воинами. Это были командир 1-го полка подгалянских стрельцов Армии Краевой майор Боровый — Адам Страбрава и командир 4-го батальона этого полка капитан Лямпард — Юлиан Запала.

Тогда-то и состоялся между ними диалог, с которым читатель уже знаком из вступления к этой книге.

Перед тем как расстаться, майор Боровый сообщил Алексею, что, поднимаясь на Любань, они обогнали группу советских партизан во главе с паном Петром.

— Пан Петро мовил, цо его дружина есть из вашего оддзяла,— пояснил командир полка.

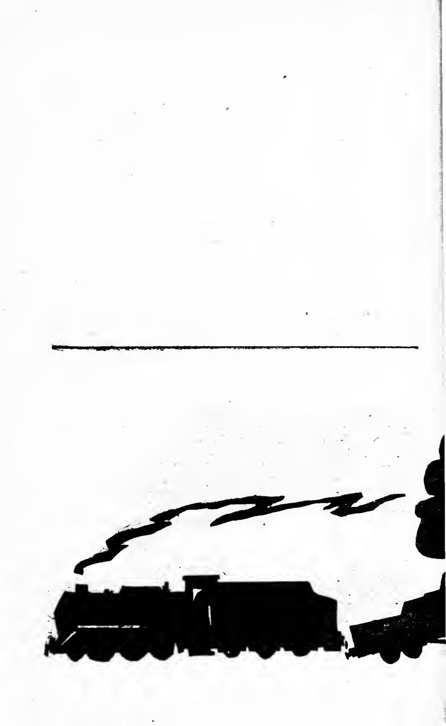
— Неужели Ярославцев? — оживился Алексей, когда аковцы ушли.

— Похоже, что он. Как бы нам его не прозевать,— забеспокоился Михаил.

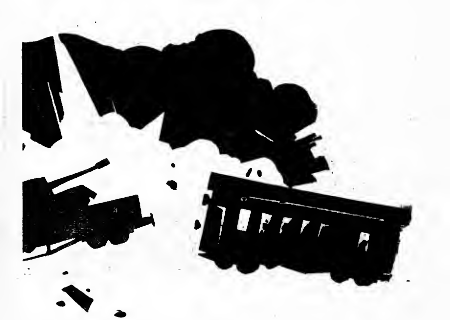
Часом позже они еще издали узнали в группе людей, поднимавшихся им навстречу, Ярославцева и Васю Толочко.

В тот же день, уже в сумерки, они были на базе группы Ивана Максимовича Таранченко.

Всю ночь до утра просидели они, слушая его рассказ о трагедии, пережитой Иваном Максимовичем и его отрядом.

Часть вторая

В ОПАСНОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ

3 июня 1944 года в первом часу ночи отряд Ивана Максимовича Таранченко в сопровождении начальника разведки соединения Станислава Матвеевича Вронского приближался к Сану. Позади остался длинный тяжелый переход, партизаны притомились. Но времени было в обрез, и они спешили, чтобы затемно переправиться на левый берег, пересечь шоссейную и железнодорожную дороги, контролируемые немецко-фашистскими войсками, и к рассвету затеряться в глубине Мелецкого леса. Сделать это было нелегко. Во всех крупных населенных пунктах на левобережье стояли немцы. В нескольких километрах вправо от того места, куда партизаны собирались переправиться, в местечке Сталева Воля располагался крупный гарнизон, тщательно охранявший подступы к действовавшим там на полную мощность польским военным заводам. На таком же расстоянии влево немцы находились в повятовом — уездном местечке Ниско, а почти прямо по маршруту партизан — в небольшом пристанционном поселке. Он как бы венчал собою треугольник, основанием которому служила река, а сторонами — шоссейная дорога, бегущая от поселка к Сану, и железная — к Сталевой Воле. Лес в этом большом треугольнике и далее, в глубь Мелецкой, некогда глухой пущи, был прорежен, очищен от низкорослой поросли и высокого травостоя и легко просматривался. В этих условиях пройти в дневное время отряду в сто с лишним человек скрытно от посторонних глаз, спрятаться, в случае необходимости, было почти невозможно.

Узкая звериная тропа вывела партизан к прибрежному кустарнику и вдруг круто оборвалась, упав передним концом куда-то вниз. Дохнуло сыростью.

Путь преградил глубокий, курящийся ночным туманом Сан.

— Сюда, товарищи, правее берите,— раздался в темноте голос заместителя командира отряда по разведке чекиста Константина Пича — чеха по национальности, родившегося на Украине.

Партизаны прошли немного по гребню обрыва и один за другим спустились к реке.

— Ну как, много вы тут с моими ребятами раздобыли лодок?— спросил у Пича начальник разведки Вронский.

— Порядочно, Станислав Матвеевич, целую флотилию.

— А точнее?— вмешался Таранченко.

— Четыре маленькие лодки.

— Не густо. Ну що ж, веди, показуй свою «флотилию».

В сопровождении Пича Таранченко и Вронский обогнули свисавший к самой воде ракитник и сквозь редкую пелену тумана различили очертания покачивавшихся на воде лодок.

Таранченко замедлил шаги, прислушался. «Здесь-то ты булькаешь тихо, мирно, а яка ты там, на середине?» — с тревогой подумал он. Потом повернулся к Пичу.

— Сами будем переправляться или...

— Нет, рыбаки помогут. Вон они стоят.

Иван Максимович напряг зрение, увидел группу людей и направился к ним. Вронский и Пич пошли следом.

— Здравствуйте, товарищи. Я — командир отряда,— сказал Таранченко.— А это начальник разведки нашего главного штаба,— представил он Вронского.

— Сердечно витам вас, панове,— сказал один из поляков и учтиво поклонился.

— По скольку же человек вы будете брать в каждую лодку за один заплыв?— осведомился Иван Максимович.

— Мыслем, два партизанта и еднего перевозника.

— А сколько времени будет уходить на каждый рейс?

— Хвилин тридцать, прошу пана.

— Что-о?! Полчаса на каждый рейс? Это же выходит: по два на лодку, восемь за рейс, шестнадцать че-

ловек за час,— вслух прикидывал Иван Максимович.— Шесть с половиной часов на всю переправу!— воскликнул он, приходя в ужас.— А ведь до пробуждения немцев осталось максимум три-четыре часа!

— Может, будем грузить по три партизана и быстрее поворачиваться,— с надеждой обратился к старику Вронский сперва по-русски, а потом по-польски.

— То нияк не можно, вшистке потопнем,— раздался в группе рыбаков неустоявшийся юношеский басок.

— Постой, хлопак,— осадил его старший.

Он подошел к своим товарищам, посоветовался с ними и тут же вернулся.

— Добже, панове. Ветра нема, будем по тши партизанта брать и быстрейше ехать.

Чтобы не терять драгоценного времени, Иван Максимович отдал команду, и первые двенадцать человек во главе с Костей Пичем погрузились в лодки. Под их тяжестью лодки так осели, что от бортов до воды оставалось не более семи-восьми сантиметров. Тут уж сиди, не двигайся, иначе лодка качнется, зачерпнет воды, и тогда...

Поляки, конечно, отлично знали, что их ожидало в случае, если бы гитлеровцы застали их за перевозкой советских партизан. Тем не менее они пошли на этот риск. Еще в самом начале переговоров с лейтенантом Пичем в ответ на его предупреждение, что переправлять на другой берег партизан опасно, их пожилой вожак заявил в ответ:

— Кеди товажиши партизанты радецки пришли до нас воевать за нашу Польску, то мы не мам права думать о себе.

И эту свою решимость, желание любой ценой помочь друзьям из Советского Союза они доказывали нелегким физическим трудом. С каждым новым рейсом лодки двигались все проворнее. К рассвету должна была отчалить последняя лодка.

— Ну, Ваня, счастливого вам пути, до скорой встречи на Подгале возле Турбача,— сказал Вронский, обнимая своего боевого друга, одного из прославленных комбатов партизанского соединения имени Александра Невского, когда тот отправлялся с последним рейсом.

В лодке вместе с Таранченко плыли старший радист Иван Николаевич Панфилов и радистка Панна Безух — оба москвичи. Когда «флотилия» достигла середины

реки, где-то в стороне Сталевой Воли разразился длинной очередью немецкий пулемет. От неожиданности перевозчик качнулся, и лодка хватила добрую порцию воды. Панфилов, недолго думая, передал рацию Панке, а увесистое радиопитание протянул Ивану Максимовичу.

— Держите,— коротко сказал он им.

— Ты что задумал?— ие принимая радиопитания, спросил Таранченко.

— Потихоньку сползу в воду, чтобы немного облегчить лодку.

Сиди, не дергайся — обойдется.

И вот последняя лодка с шумом ткнулась в прибрежный песок. Потные, усталые, но довольные поляки тепло простились с советскими партизанами и, пожелав им боевых успехов, уплыли домой. А партизаны на быстром марше подались в лес. С ходу перемахнули они через шоссе, ио как ни спешили, проскочить опасную зону не успели. Где-то посредине треугольника их застал восход солнца. Со стороны недалекой станции донеслись гудки маневрового паровоза, перестук буферов, а позади, иа шоссе, заурчали первые автомашины.

— Опоздали-таки,— сердито проворчал Иван Максимович.

Он остановил отряд и посмотрел вокруг. Недалеко, в промежутках деревьев, виднелась окраина пристанционного поселка. Лес был редок, и укрыться в нем было невозможно. Только у самой проселочной дороги, идущей из поселка в глубину леса, прижался к земле небольшим низкорослым кругом молодой сосняк. Иван Максимович стал прикидывать, можно ли в этом сосняке разместить отряд. Однако раздумывать было некогда, и он отдал приказ осторожио перебраться под ершистые лапы-ветви. Таранченко, конечно, понимал, как опасно будет дневать под боком у противника, тем более, рядом с хорошо укатанной дорогой, но иного выхода из создавшегося положеиия не было.

Осторожно передвигались партизаны от дерева к дереву, пока не скрылись в густой зелени ненадежного убежища.

Мучительно медленно тянулось время. Под иизкими ветвями полутораметрового сосняка тесно лежали партизаны. Лежали уже много часов кряду. Нельзя было курить, громко разговаривать, передвигаться. Солнце

палило нещадно, наполняя бор духотою, сухим зноем. Нет воды, нечем даже смочить пересыхающие губы, рот, горло — переправляясь через речку, забыли наполнить фляги водой.

Иван Максимович слегка приподнялся, окинул усталым взглядом своих товарищей. Ближе других к нему лежал, разбросав ноги и подложив кулаки под голову, Борис Рыбаков — рослый паренек с растрепанными светлыми волосами. Вглядываясь в его худое, повзрослевшее за год лицо, Иван Максимович вспомнил, каким пришел Борис в отряд: по-юношески костлявый и нескладный, лицо угловатое, с редкими кустиками белесого пушка на бороде, не знавшей бритвы. Мартовский день выдался тогда солнечным, но холодным — только на днях оттаяла от зимней мерзлоты земля. А Борис стоял перед хорошо одетыми партизанами в легком летнем пиджачке и ситцевой рубашонке, в простых брюках из какой-то дерюги, к тому же коротких. Из-под них выглядывали худые разутые ноги. Оказалось, что на его ногу 45-го размера в селе не нашлось подходящей обуви. Долгое время не попадалась она и среди трофейных приобретений уже в отряде. И Борис долго еще ходил разутым. Выдержать это в условиях партизанского быта мог только человек исключительной выносливости, воли. В самом деле, ходить босоногим по болотам, а тем более, по горным каменистым тропам, усеянным мелкой ребристой щебенкой или по лесной целине, испещренной выпиравшими из земли грубыми узловатыми корневищами, было больно и мучительно. Но особенно доставалось ногам Бориса во время стремительного наступления или когда в составе небольшой группы разведчиков ему приходилось мчаться, уходя от преследования крупного немецкого подразделения, не разбирая дороги. После этого на его израненные кровоточащие ноги нельзя было спокойно смотреть.

Сам же Борис еще пытался шутить на эту тему.

— Ничо, они у меня привычные.

Так и мучился бы он, не попадись на его пути старик, умевший плести лапти.

Вспомнив об этом, Иван Максимович посмотрел на изношенные уже лапти, желтевшие на ногах Бориса, улыбнулся, прилег и попытался уснуть. Но ему помешал чей-то звучный шепот. Иван Максимович прислу-

шался. Разговаривали командир взвода Миша Секачев — человек храбрый в бою и весельчак в партизанском быту,— и старший радист Иван Николаевич Панфилов.

— Вань, а Вань, какой у нас сегодня день? Воскресенье, что ли?— спросил Секачев.

— А тебе не все равно, воскресенье или понедельник?

Мало кто в отряде помнил, когда и при каких обстоятельствах прибился к ним этот продолговатый парень Миша Секачев, у которого все подходило под определение «длинный» — рост, руки, пальцы, ноги, лицо, шея. Мало кто знал и о его далекой Туве, где он вырос, работал шофером. Но он так самозабвенно любил свой край, с таким увлечением рассказывал о его красотах, что многие партизаны над ним частенько подтрунивали: «Опять ты, Миша, про свой Тулу».— «Да не про Тулу, а про Туву, голова»,— кровно обижался он. Но тут же отходил и снова принимался за воспоминания.

Вот и теперь, полежав несколько минут молча, он повернулся лицом к Ивану Николаевичу.

— У нас по воскресеньям бабы шанежки пекут. Запасемся мы, бывало, с братом Иваном и его дружком Петром Мартыновым горяченькими прямо со сковородки, прихватим ружья, сети и другие причиндалы и на все воскресенье — в тайгу или же километров за семьдесят по Енисею. А места у нас привольные, столько всякой дичи, ягод, рыбы...

— Подожди, Миша,— прервал его Панфилов.— Паша Лукьянов из разведки вернулся. Видишь, как спешит, очевидно что-то серьезное случилось.

Командир взвода младший лейтенант Лукьянов добрался до Ивана Максимовича.

— Максимыч, на станцию прибыло около трех тысяч эсэсовцев, с боевой техникой. Выгружаются из вагонов и размещаются в близлежащих к станции домах и прямо во дворах, причем при полной боевой, вроде как бы собираются вскоре куда-то уходить,— доложил он командиру.

— Думаешь, против нас готовятся?— насторожился Иван Максимович.

— Та нет, не похоже. Если бы в гарнизоне пронюхали про нас, так спокойно фрицы не ходили бы.

И потом очень многие из местного гарнизона стали появляться на улице в трусах и майках, как будто собираются проводить соревнования.

— Что же, возвращайся назад и смотрите там в оба.

Лукьянов ушел, а у Таранченко на сердце стало тревожно. Сообщение о прибытии на станцию, расположенную рядом с их убежищем, крупной немецкой части лишило его покоя. Ведь стоило только кому-нибудь из гитлеровцев прогуляться по лесу и заглянуть в заросли сосняка, так манившего своею удивительной свежестью и яркой зеленью, тогда...

— Вань, а Вань, что, если я попрошу у Максимыча разрешения поохотиться на фрицев, а? — снова заговорил Секачев.

— То есть как это поохотиться? — не понял его старший радист.

— Очень просто, отползти отсюда в сторонку, залечь за корягу и щелкать их по одиночке, как мы с братаном и с Петькой Мартыновым козлов в тайге валили.

— Ты что! Хочешь, чтобы из-за твоей «охоты» мы костей не собрали? Там у себя, в тайге, вы одного козла убивали, а остальные в рассыпную бросались. А здесь стоит только подвалить какого-нибудь задрипанного фрицика, как целый полк бросится на проческу леса.

В этот момент снова примчался разведчик, на этот раз Семен Дубовой. Запыхавшийся, он добрался под низким навесом из веток хвои до Ивана Максимовича ползком и, нервничая, доложил:

— Около роты немцев вышли из поселка и двигаются в нашем направлении.

— Занять круговую оборону! Приготовиться к бою! — не дослушав его, отдал Таранченко команду.

Партизаны, все как один, словно бы и не спали, быстро, но бесшумно выполнили его приказание.

— Какое у них вооружение? — стал уточнять Таранченко.

— А они, товарищ командир, без оружия, — ответил разведчик. — Они в одних трусах и майках идут.

— Так що ж ты сразу не сказал об этом. Эх ты, зря только нам туману напустил, заставил понервничать... Отставить, товарищи. Отползти подальше от края.

На поляне, раскинувшейся в сотне метров от зеленого островка — убежища партизан, появились тощие,

голенастые солдаты фюрера в спортивной одежде и приступили к легкоатлетическим соревнованиям. Не подозревая о близком соседстве партизан, они чувствовали себя свободно, непринужденно. По лесу разносились их возбужденные голоса, подбадривающие крики, аплодисменты.

Так продолжалось около двух часов, с частыми перерывами на отдых. И все это время партизаны лежали, почти не двигаясь, готовые в любой момент вступить в бой. А когда под конец соревнований немцы стали бегать по проселку в нескольких шагах от притаившихся партизан, те с трудом сдерживали свое неодолимое желание выскочить из укрытия и открыть стрельбу.

— Шугануть бы сейчас по ним из автоматов, вот бы показали высокое время по блиц-драпу. В трусы наложить не успели бы от страха,— проговорил Миша Секачев.

Наконец немецкие солдаты закончили соревнования и не спеша отбыли в поселок. Настал долгожданный вечер. В лесу сгущались сумерки. Подождав возвращения разведчиков и тех, кто лежали в секретах, отряд выбрался из-под зеленого шатра и отправился по своему маршруту. Жара к тому времени спала, стало свежо, и партизаны зашагали бодро, легко. И только когда они приблизились к линии железной дороги, которую им надо было пересечь, настроение понизилось. Путь им преградил гигантский завал, высокий, густой, казалось, непроходимый. Сваленные когда-то давно вековые сосны, дубы, тополя успели засохнуть и угрожающе щетинились царапучими ветками и обломленными острыми суками.

— Да-а, через такое нагромождение ни пройти, ни проехать,— досадливо заметил обычно спокойный и выдержанный Павел Лукьянов.

— И все-таки надо продираться. Миша! Секачев!— позвал Иван Максимович.— Давай, сибиряк, покажи, как надо пробираться через такую хмеречь. В тайге не раз, наверное, приходилось преодолевать буреломы.

С большим трудом партизаны пробились через этот неожиданный и трудный рубеж. Однако их испытания не закончились. Прежде чем подняться на высокую насыпь, им пришлось брести по колено в затхлой воде, перебираясь через широкую заболоченную канаву. Но

и это еще не все. За насыпью они снова приняли неприятную ванну еще более широкого болотного разлива, а за ним — преодолели такой же завал, как и перед насыпью.

Но и рискованная переправа под носом у противника, и томительная пятнадцатичасовая дневка в опасном треугольнике, и преодоление завалов — все это осталось позади. Внизу под ногами глухо шуршала сочная трава. Сверху, в просветы меж шапок лесных великанов, пробивалась луна, весело подмигивали звезды. Сознание наступившей безопасности, ночная прохлада и терпкие бодрящие запахи леса придавали новые силы, и партизаны шли по польской земле так, будто не было перед этим ни бессонной ночи, ни тяжелых треволнений. Ничего, что продукты у них были на исходе, что за сутки они съели только по куску черствого хлеба и по одной холодной картофелине. Ничего, что больно саднили царапины, нажитые в трудном поединке с завалами, что ныло тело от усталости и все труднее было двигать отяжелевшими от длительного бессонья веками, ничего. Ноги идут, голова работает, в запасе еще немало сил, лишь бы только скорее добраться до цели и приступить к выполнению боевого задания.

Утром, когда взошло солнце, лес расступился, и партизанам открылось небольшое поле. За ним тесно жалась к противоположной опушке деревня.

Таранченко остановил отряд и в течение долгого времени рассматривал деревню в бинокль.

— Що за чертовщина? Солнце уже вон где, а в деревне никакого движения, як будто она вымерла,— удивлялся он.

— Действительно, ни тебе собачьего лая, ни крика петухов, ни дыма над трубами,— недоумевал и его заместитель Пич.

Иван Максимович подозвал Лукьянова, Рыбакова, Семена.

— Отправляйтесь в деревню. Только идите не через поле, а в обход, опушкой. Узнайте, что там и как. Если все будет благополучно, махните пилоткой. А в случае чего, мы прикроем вас отсюда.

Разведчики ушли. Партизаны присели, закурили.

— Сейчас, братва, подзаправимся,— мечтательно проговорил Секачев, кивая головой в сторону деревни.

Таранченко посмотрел на него, усмехнулся.

— Скажешь гоп, когда перескочишь,— бросил он Секачеву, и тут же погрузился в свои мысли.

Как всегда в минуты напряженного раздумья, Иван Максимович сложил пинцетом большой и указательный пальцы на левой руке, ткнул ими в середину верхней губы и, раздвигая их, стал поглаживать жиденькую полоску рыжеватых усов.

— Что-то не по душе мне эта тишина в деревне,— проронил он, ни к кому не обращаясь.

На краю деревни показались разведчики. Взмахом пилотки они подали знак, что все в порядке, можно идти.

Таранченко повел отряд не опушкой, а напрямик. Приближаясь к селению, партизаны повеселели. Но когда подошли вплотную, то увидели, что деревня безлюдна, окна и двери заколочены, дворы и улицы заросли бурьяном. Настроение сразу упало.

— Вот тебе и подзаправились,— печально сказал Таранченко Секачеву.

Двинулись дальше. И вскоре — новое открытие: квадраты делянок стали значительно меньше, а свежевырубленные просеки — чаще. И все это вдали от крупных населенных пунктов и шумных дорог.

«Что-то неладное кроется во всем этом. Не иначе, где-то поблизости находятся фрицы, факт. Надо ухо держать востро»,— думал про себя Иван Максимович.

НОЧНОЙ БОЙ

И командир отряда не обманулся в своих опасениях. К вечеру, миновав еще две пустынные деревни, отряд обнаружил на лесной дороге свежие следы от повозок, велосипедных колес, отпечатки немецких сапог. В нескольких местах эти следы сбегали с дороги, брели в глубь делянок и, поплутав немного, снова возвращались.

«Так и есть — они, проклятые, рыщут по лесу, словно ищут кого-то»,— забеспокоился Таранченко.

Тревога командира передалась партизанам. Понимая, какая перед ними нависла опасность, они подтянулись, стали более внимательны и осторожны, готовые

в любой миг пустить в ход оружие. Ступая легким пружинистым шагом, они вслушивались в лесные шорохи и еще издали обшаривали глазами затененные места.

Таранченко увел отряд километра на два в сторону от свежих следов на дороге и устроил привал. Когда партизаны расположились, он подозвал к себе Пича и начальника штаба Марка Ляпушкина и стал с ними советоваться.

— Прежде всего надо сориентироваться на местности и определить: куда ведут эти следы? — сказал он им.

Прикинули расстояние, отделявшее их от Дембицин.

— Даже по прямой километров около двадцати,— рассуждал Иван Максимович вслух.— Так что сомнительно, чтобы фрицы поперлись в такую даль из города. Нет, тут наверняка другие соседи находятся где-то поблизости.

Ляпушкин досадливо махнул рукой.

— Какое это имеет значение для нас, из Дембицы они или откуда-нибудь поближе? Во всех случаях надо поскорее подаваться на восток, в Братковицкий лес и уже оттуда повернуть на юг.

Иван Максимович ответил не сразу. Отправляясь из Яновского леса на юг Краковского воеводства, чтобы разыскать пропавшую группу Алеши Батяна[1], отряд должен был пройти как можно быстрее, а главное, по возможности скрытно от гитлеровцев. Поэтому решительное предложение начальника штаба склонило было чашу весов в пользу немедленного отступления. Но очень скоро мысль эта ему показалась неубедительной и зыбкой. Как только он подумал об этом, его сознанием тотчас же завладели другие, навеянные чекистским чутьем думы. «Не надо спешить с отходом. Ты же видишь, что гитлеровское командование превратило весь Мелецкий лес в строго засекреченную запретную зону. Не спроста же они выселили из всех лесных деревень население, а лес так расчистили, чтобы он издалека просматривался вдоль и поперек. Нет, неспроста. Тут

[1] После того как радиосвязь с отрядом Батяна прервалась, в штабе соединения забили тревогу, и 27 мая 1944 года на розыски его был снаряжен отряд Таранченко.

наверняка пахнет какими-то очень важными засекреченными военными объектами или линией обороны. И раз уж появились многочисленные следы солдатских сапог, свежие колеи от военных повозок и велосипедов, да еще в таком отдалении от крупных населенных пунктов и дорог, значит, эти объекты где-то близко. И наш долг найти их, засечь и сообщить координаты на Большую землю».

Окончательно утвердившись в своих соображениях, Иван Максимович тут же поделился ими с Ляпушкиным и Пичем.

— Правильно!— воскликнул Пич. Чувствовалось, что идея командира остро задела его чекистское самолюбие и разбудила желание действовать немедленно, активно.

Ляпушкин пожал плечами, усмехнулся.

— Ну что ж, раз два чекиста «за», мне делать нечего, сдаюсь,— сказал он, поднимая руки.

И снова они склонились над картой, разрабатывая план действия. А в это время группа разведчиков во главе с Павлом Лукьяновым отправилась в ближайшее село, чтобы разузнать, где находятся немцы и, если удастся, раздобыть хотя бы немного хлеба.

Разведчики вернулись в сумерки.

— В деревню не пошли — там стоят немцы,— докладывал Ивану Максимовичу Лукьянов.— Так что ничего из съестного достать не удалось. На обратном пути долгое время сидели у просеки с наезженной дорогой, в надежде схватить «языка». Но ни один немец так и не показался. Вместо фрицев подвернулся под руку молодой поляк на велосипеде. Эй, пан, подойди сюда,— окликнул он поляка.

Из-за спины партизан вышел слегка подталкиваемый Борисом Рыбаковым молодой, нарядно одетый поляк. Он со страхом поглядывал на наших. Еле передвигая ногами, поляк вел за руль свой велосипед. В нескольких шагах от Ивана Максимовича он остановился.

— К невесте, говорит, ехал, на свадьбу,— продолжал докладывать Лукьянов.— Так ли это или нет, мы допытываться не стали и привели его к вам. Черт его знает, может, немецкий шпион.

Слушая рапорт младшего лейтенанта, Таранченко внимательно присматривался к задержанному и по ка-

ким-то, только ему одному известным, признакам определил: никакой он не шпион. Простой деревенский парень. Кто знает, может, и в самом деле решил жениться.

Лицо командира осветилось добродушной улыбкой. Он спокойно подошел к оторопелому парню.

— Ну, пан, здорово! — и попросту пожал ему руку.— Что, испугался? Наверное, за бандитов нас принял, а? Признайся.

Поляк хотел что-то сказать, но слова застревали в горле и он только качнул головой.

Понимая состояние перепуганного парня, Таранченко подошел к нему вплотную, положил руку на плечо, по-дружески слегка встряхнул.

— Значит, жениться надумал?

Неподдельная доброта старшего командира вернула поляку способность разговаривать, и он торопливо подтвердил:

— Ага, так, так, пане поручнику, ожениться, ожениться...

Он осторожно обвел партизан повлажневшими глазами. Нет, говорили его глаза, так доброжелательно могут смотреть только друзья. Поняв это, он окончательно успокоился.

— Что, все никак не верится, что мы не бандиты? — улыбаясь, спросил Таранченко.

— Не, пане поручнику, я юж вем, цо вы есть партизанчи радецки.

— Ты смотри, какой догадливый,— обрадовался Иван Максимович.— Правильно, друг, угадал, действительно мы советские партизаны — ваши друзья. Так что не бойся нас.

В этот момент где-то недалеко грохнул такой силы взрыв, что задрожала земля. Вслед за взрывом лес наполнился громоподобным гулом. Исходивший от земли и быстро поднимавшийся к небу, гул мгновенно нарастал, ширился, оглушая партизан надсадным ревом.

— Вон, вон, туда смотрите! — крикнула возбужденная радистка Панка, показывая пальцем в небо.

Над головами партизан, на большой высоте стремительно пронеслось на восток нечто сигарообразное. Единственное, что было ясно видно, так это тянувшийся за ним стойкий белесоватый шлейф.

Ошеломленные партизаны некоторое время стояли молча.

— Оце так огурчик! — первым нарушил тишину командир отряда.— Ты, случаем, не знаешь, пан, що то за штука пролетела в небе? — спросил он поляка.

— Наши люди мовили же то есть ФАУ.

— А где их полигон? Откуда, спрашиваю, они стреляют?

— Докладне не вем, але не так далеко, под Дембицами.

Расспросив его подробно, Таранченко и Пич установили место расположения гитлеровского засекреченного полигона реактивной артиллерии ФАУ-2. И в тот же день Иван Николаевич передал его координаты на Большую землю.

— А теперь можно и уходить отсюда, товарищ начальник штаба,— хитровато сощурив глаза, сказал Иван Максимович Ляпушкину.— Готовь отряд к выходу. В сторону Братковицкого леса.

Перед тем как уйти, он обнял поляка, слегка привлек к себе.

— Как же тебя, хлопче, звать? — спросил тихим ласковым голосом.

— Сташек, Станислав,— расчувствовался жених.

— Так вот, Сташек. Мы сейчас отправляемся отсюда по своему маршруту. Ты как, поедешь сейчас к своей невесте или немного проводишь нас, чтобы показать, как нам выбраться незаметно для немцев?

— Пойду препроводжу вас, пане поручнику,— не раздумывая, согласился Станислав.

— А как же свадьба, невеста?

— Э, холера ясна, ютро рано пойду до невесты. А тераз — з вами.

Всю ночь провели они на ногах.

Утром, на привале Иван Максимович подсел к Станиславу. И только он собирался было заговорить с ним, как где-то недалеко послышался громкий окрик: «Стой! Стой!!!» — а немного погодя оттуда примчался партизан.

— Товарищ командир! Только что перед нашим носом через просеку прошмыгнул на велосипеде лесник,— захлебываясь одышкой, доложил он.— Мы приказали ему остановиться, но он нажал на педали и вмиг скрылся. Подозрительный какой-то.

— Как же вы его проморгали? Почему не преградили дорогу, когда он приближался? — строго упрекнул Иван Максимович.

— Так я ж говорю, что он как из-под земли вывернулся. Мы и глазом не успели моргнуть, как он уже промчался мимо...

Таранченко сердито махнул рукой, давая понять, что не желает дальше слушать. Потом повернулся к Сташеку:

— Спасибо тебе, друг, за помощь. Дальше мы и сами найдем дорогу. А ты давай скорее чеши к своей невесте. А то она, бедняжка, наверное, беспокоится.

Растроганный Станислав простился с партизанами, вскочил на велосипед и покатил своей дорогой.

Как только он скрылся, партизаны снялись с места и, соблюдая все меры предосторожности, отправились дальше.

День прошел в походе. К вечеру, выбрав делянку с более частыми деревьями, отряд втянулся в глубь ее и остановился на отдых. С трех сторон квадрат охватывали свежевырубленные просеки, с четвертой — поляна. На ней, под навесом жидковатого тумана, угадывалось болото.

Стемнело. Таранченко отдал уже было команду к походу. Но в это время на опушке, в том месте, где лежал партизанский секрет, раздался гулкий взрыв гранаты, несколько автоматных строчек. Таранченко послал туда разведчиков узнать, в чем дело, а остальных партизан расположил для круговой обороны.

Вернувшиеся разведчики доложили, что к секрету подкрался лесник и без предупреждения швырнул в партизан немецкую гранату. Но то ли он слишком волновался, то ли не умел бросать ее, граната взорвалась в стороне и вреда не принесла. Сам же лазутчик был настигнут автоматными очередями.

— Туда ему, собаке, и дорога, — со злостью процедил Таранченко. Он хотел добавить что-то еще, но ему помешали немцы. Вначале они пустили где-то за поляной одну за другой три сигнальные ракеты. Потом заработали станковые пулеметы, грохнули выстрелы из малокалиберной пушки, минометов. Лес наполнился интенсивной стрельбой.

Обстреляв квадрат, занятый партизанами, гитлеровцы умолкли.

Таранченко отвел отряд подальше от злополучного места и послал разведчиков в противоположном направлении. Но куда бы те ни бросались, их всюду обстреливали немцы. Они обложили квадрат делянки плотным кольцом.

Улучив затишье, Иван Максимович собрал к себе весь отряд.

— Положение наше тяжелое,— заговорил он без всяких вступлений.— До утра немцы нас трогать не будут. А как только рассветет, попытаются расстрелять нас в этой делянке. А она, как вы знаете, и невелика, и хорошо просматривается. Так что о маневрировании в дневное время нечего и думать. Надо прорываться сейчас.

Тихо ползли партизаны. С каждой секундой, с каждым метром все ближе они были к врагу. Панфилов полз как-то боком, охраняя от случайных ударов свою рацию. Он часто останавливался, ждал, пока подтянется к нему Панка, и снова полз дальше, боясь и сам отстать от своих товарищей и радистку потерять.

Опушка. Впереди на просеке видны силуэты вражеских солдат. Чувствуя себя хозяевами положения, они вели себя уверенно и, что партизанам было на руку, немного беспечно. Замерев в нескольких шагах от кромки леса, партизаны в ожидании команды перестали дышать.

— По фашистским гадам ого-о-онны!!!— покатился грозный клич по просеке, перешедший в оглушающее «Ура-а».

Первым на врага обрушился взвод Миши Секачева. Немцы, никак не ожидая такого внезапного, стремительного натиска, растерялись и расступились. Но, пропустив взвод секачевцев, они быстро опомнились и снова замкнули кольцо, захлопнув большую часть отряда в квадрате. Превратив ночь в день непрерывно пускаемыми в небо осветительными ракетами, гитлеровцы повели такой плотный огонь по лесной делянке с партизанами, что, казалось, ни один из них не должен был уцелеть.

Однако это было не так. Переждав ураганный обстрел, Иван Максимович снова повел отряд на прорыв. Но на этот раз немцы были наготове и, как только показались партизаны, бросились в контратаку. Положение для отряда создалось критическое. И вдруг позади

вражеской цепи выросла длинная, по-медвежьи могучая и страшная в призрачном освещении ракет фигура Миши Секачева. Размахивая пулеметом, как дубиною, он обрушивал всю его металлическую тяжесть на головы эсэсовцев. Рядом с ним так же самоотверженно дрались Костя Пич, Вася Каменный, Борис Рыбаков и другие. А на опушке громили противника, ободренные неожиданной помощью, Иван Максимович, Марк Ляпушкин, Павел Лукьянов, все партизаны.

И гитлеровцы не выдержали и бросились в стороны. В образовавшиеся ворота неудержимой лавиной ринулись партизаны. Через несколько минут они исчезли в темноте.

Всю ночь они торопливо уходили как можно дальше от злополучной делянки. И остановились на отдых только с восходом солнца.

День прошел спокойно. Но к вечеру снова появились эсэсовцы. Ряды их утроились. Вели они себя неторопливо. Оцепив квадрат с партизанами, они расположили свои огневые точки с таким расчетом, чтобы ни один партизан не выпал из-под обстрела. Чувствовалось, что, обладая позиционным преимуществом и значительным количественным перевесом в людях и вооружении, на этот раз немецкое командование было, судя по всему, уверено, что за ночь ни один партизан не сумеет выскочить из квадрата живым. А с восходом солнца все они до единого будут расстреляны.

И обмишурились. Нащупав на одной из просек слабое место в цепи врага, на что у партизанских разведчиков было развито особое чутье, отряд штурмом протаранил кольцо окружения и снова ускользнул.

И снова партизаны всю ночь и часть дня провели на марше, отмахав большое расстояние. Но к ночи снова их настигли преследователи, снова жаркая схватка, штурм, прорыв.

Видя, что так просто от немцев не отделаешься, Иван Максимович, скрепя сердце, пошел на хитрость: во время очередного сражения с гитлеровцами большая часть отряда под командованием начальника штаба Ляпушкина увела за собою немцев на восток, к Сану. А сам Таранченко и девятнадцать отобранных им боевых друзей прорвались на юг. В числе этой отважной двадцатки, помимо Таранченко, были все командиры взводов его отряда — Миша Секачев, Паша Лукьянов

и Степан Белайчук, а также Костя Пич, Вася Каменный, Саша Власенко, Борис Рыбаков, оба радиста и другие.

Они и отправились на юг Краковского воеводства выполнять боевое задание командования.

ИСПЫТАНИЯ В ПУТИ

Дважды группу Таранченко настигали гитлеровские карательные войска. Но партизаны отбивались, маневрировали и благополучно уходили от преследования. На третий день они разделили последний кусок хлеба, раскурили последнюю щепотку табака. С тех пор никто не развязывал на привалах вещевого мешка, не тряс кисетом. Освободившись от погони эсэсовцев, партизаны попали под удар нового, не менее опасного врага — голода, когда каждый новый день, час, километр пути все ощутимее подтачивал физические силы.

Больше других в этой обстановке доставалось Ивану Максимовичу. Для него не прошло даром то, что он при своих слабых легких и общем истощении еще задолго до наступления голода уступал то одному, то другому слабеющему на глазах партизану часть своей пайки. От быстро прогрессирующего малокровия у него появились такие адские головные боли, что порою на какие-то мгновения он терял и слух и зрение.

Так было и на этот раз. Чем ближе к утру подходило время, тем все чаще, все сильнее кружилась у него голова. От мучительной сухости в горле трудно было дышать.

А он все делал вид, что ничего с ним не происходит, и продолжал идти как ни в чем не бывало. Когда же усталость начинала валить его с ног, он крепко стискивал зубы, до боли в пальцах сжимал кулаки и сам себе приказывал: «Не сдавайся, Иван! Помни, что ты чекист, коммунист. Что за тобой шагают люди, за которых ты в ответе перед партией, Родиной, своей совестью. Они тоже выбиваются из последних сил. И все-таки идут, идут потому, что впереди идешь ты — их командир. Сдашь ты, мгновенно сникнут и они!»

Воюя сам с собой, Иван Максимович с беспокойством поглядывал на часы, напряженно вслушивался

в шорохи, долетавшие до его слуха из-за спины, и каким-то шестым чувством угадывал: идут, все идут.

Наконец наступил рассвет. Иван Максимович сказал Лукьянову, чтобы он вел цепочку, не останавливаясь, а сам сошел с тропинки и, пропуская партизан, подбадривал их:

— Подтянитесь, хлопцы, минут через десять сделаем привал.

Вскоре они вышли на укромную травянистую полянку, прятавшуюся в высоком бору, как в колодце.

— Вон там, на опушке, располагайтесь,— показал он рукой на противоположную сторону полянки.

Но сил на то, чтобы преодолеть оставшееся расстояние в каких-нибудь полсотню шагов, у его товарищей уже не хватило. Пока шли, они еще как-то держались. Но стоило им только услышать долгожданное слово: «Привал!», как их сознание как бы выключилось, ноги подкосились и они повалились на траву там, где их застигло это магическое слово.

— Товарищи! Товарищи! Что же вы? Давайте дойдем до опушки, тут же всего ничего пройти,— попытался было расшевелись их Костя Пич.

— Не трожь, пускай лежат. Место здесь глухое, ни один черт не увидит,— остановил его Иван Максимович.

Расставив посты, Таранченко вернулся, медленно, будто нехотя, опустился на траву, расслабил мышцы и сразу почувствовал, как ноги, плечи, поясницу — все тело разламывала тупая изнуряющая боль. Веки так отяжелели, что, казалось, никакая сила не была в состоянии разомкнуть их. Мысли замелькали, словно в калейдоскопе, и он не заметил, как уснул.

Проснулся Иван Максимович только в полдень. Никто из его товарищей уже не спал, но все они продолжали лежать, молча, не двигаясь, боясь вспугнуть притихшее было на время сна ощущение голода.

— Борис, не спишь? — потихоньку окликнул Иван Максимович Рыбакова.

— Не, а чо? — приподнялся тот на локти.

— Давай ко мне.

Борис приблизился, сел.

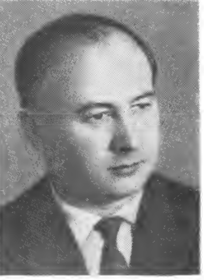
— Ты в детстве ел какие-нибудь лесные травы? — неожиданно спросил его Таранченко шепотом.

— Было такое дело, пробовал с ребятней и щавель,

Заместнтели командира партизанского соединения Золотаря:
С. Н. ПУШКОВ, П. Р. ПЕРМИНОВ, И. М. ТАРАНЧЕНКО, А. Н. БАТЯН.

Н. П. СУДОПЛАТОВ — врач, начальник санмедслужбы.
В. И. СПОДНЕВСКИЙ — заместитель начальника штаба партизанского соединения.
КАРОЛЬ ТКОЧ — польский коммунист, разведчик.
ЕЖИ ГРИТ — переводчик при штабе партизанского соединения.

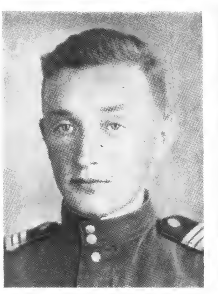

В. А. КАРАСЕВ — командир партизанского соединения им. Александра Невского.
МИХАИЛ МИНАЕВ — начальник разведки партизанского соединения. Золотаря.
П. И. ЯРОСЛАВЦЕВ — командир партизанского отряда.
ЮЗЕФ ВРОНСКИЙ — польский коммунист, разведчик

НИКОЛАЙ НОВАТОРОВ — радист.
ГАЛЯ — ЗИНА ЛИТВИНЕНКО — радистка.
НИКИФОР КАСЯНЧИК — повар при штабе соединения.
В. Р. УСЕНКО — пулеметчик, минер.

И. КОЛБАСОВ — минер, командир отделения.
Н. А. ПОЛИЩУК — минер.
В. Д. МОХОВ — пулеметчик взвода Михаила Секачева.
Н. С. ЕГОРОВ — Колька-свист, пулеметчик.

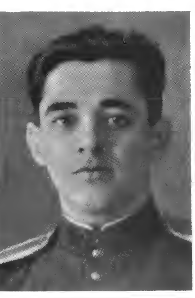

ШАЛИКО ГОГЕБАШВИЛИ — разведчик, пулеметчик.
ВОЛОДЯ БЕЛКАНИЯ — командир отделения разведки.
КИТА ИМЕРЛИШВИЛИ — автоматчик.

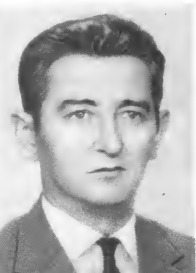
ИЛЬЯ СУРМАВА — «Сержант».
ДАВИД КУРАШВИЛИ — автоматчик.
Т. З. МДЗИНАРАШВИЛИ — разведчик.
ЮЛИАН ЗУБЕК — командир отряда Армии Краевой.

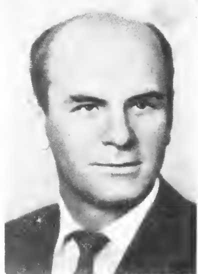
ВИКТОР ПРОКОШЕВ и ПЕТР БОНДАРЕНКО — разведчики при штабе соединения.
ПЕТР БОЧКАРЕВ — командир отделения разведки.

ГЕНРИХ МУСИАЛОВИЧ — капитан Галя.
ПАВЛИК СТЕФАН — польский партизан, разведчик соединения Золотаря.
ТАДЕУШ ПЛЕХТА — партизан отряда Татара.

САША ТУЛЕШОВ — начальник штаба партизанского соединения Золотаря.
ВИКТОР МИКУСИНСКИЙ — партизан аковского отряда Татара.

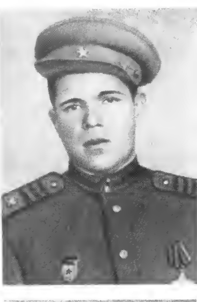

Г. В. БЛАЖКО — радист.
КОНСТАНТИН ПИЧ — командир отряда, разведчик.
ЛЕНА ПЕТРЕНКО (ШВАЧКО) — медсестра.
И. И. ПАНФИЛОВ — старший радист.

ПАНКА БЕЗУХ (АКИМОВА) — радистка.
МИХАИЛ СЕКАЧЕВ — командир взвода.
ПАВЕЛ ЛУКЬЯНОВ — командир взвода.
Б. Я. РЫБАКОВ (РЫБАК)— командир отделения разведки.

В. И. КАМЕННЫЙ — минер.
М. И. ПИНАЕВ— Мишка-моряк, командир взвода.
С. П. БЕЛАЙЧУК — командир комендантского взвода.
ПЕТР МАРТЫНОВ — пулеметчик, начальник штаба отряда.

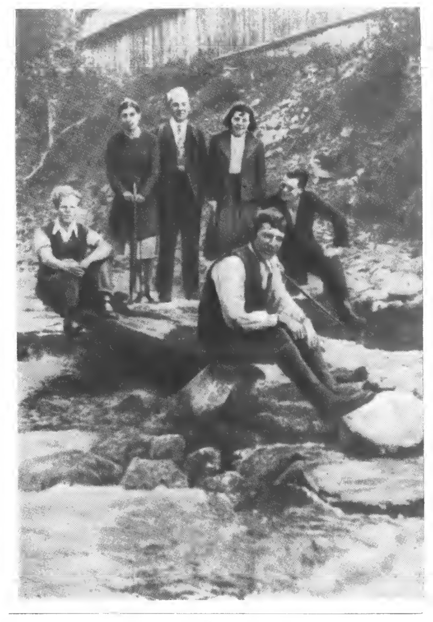
ЕТР ЮРЧЕНКО — Командир Второго отряда, врач Николай Судоплатов командир Первого отряда Иван Меняшкин *(слева направо);*

. И. КРЕМС — командир Третьего отряда.

ДВАРД ТРОЯНОВСКИЙ — Бартош, руководитель крестьянского движения Сопротивления в Лимановском повяте.

ЯНИНА САМОЛЫК — активная участница движения Сопротивления, разведчица.
ФЛОРИАН РУЖНАРЧИК — партизанский проводник, житель села Каменица.
БОЛЕСЛАВ ВРОНСКИЙ — разведчик партизанского соединения Золотаря.
А. Д. КОВАЛЕНКО — майор Белов, командир отдельного партизанского отряда.

На переднем плане НИКОЛАЙ КОСТКИН — лесник, хозяин конспиративной квартиры.

А. В. КИБИРОВ — старшина партизанского отряда.
Д. И. КУЛЕШОВ — автоматчик.
П. И. СОПИКОВ — автоматчик.
Б. Г. МАДЬЯРОВ — командир взвода.

П. Н. ЮРЧЕНКО и П. И. ЯРОСЛАВЦЕВ *(слева направо);* стоят — АЛЕКСЕЙ БАТЯН, И. Ф. ЗОЛОТАРЬ и И. Ф. МЕНЯШКИН.

И. Ф. МЕНЯШКИН, П. Н. ЮРЧЕНКО и Н. И. КРЕМС ***(слева направо, верхом на лошадях),*** **стоит зам. командира отряда Тани — ФЕДОРОВ. Радистка отряда А. Д. КОВАЛЕНКО — Саша, командир отряда А. Ф. ГЛАДИЛИН, радистка отряда Тани — НИНА (слева направо).**

Санитар **ФЕДОР ГАЛЬЧУК**, врач **НИКОЛАЙ СУДОПЛАТОВ** и военфельдшер **ГРИША ХАЙЛО** *(слева направо).*

ЮЛИУШ САДУЛЬСКИЙ — командир отряда беховцев.

А. Л. СИРОШ — разведчик при штабе соединения.

САВЕЛИЙ ЛЕСНИКОВСКИЙ— «Леонид», командир партизанского соединения.

ФЕДОР БОЛЬБАТ — командир 76-й Перекопской дивизии.

ВИТОЛЬД МЛЫНЕЦ — участник движения Сопротивления в Новом Сонче.

ВЛАДИМИР СТЕПАНОВ — начальник разведки Второго отряда.

СОТОВИЧ МИХАИЛ — ксендз села Охотницы Дольной.

Ягеллонский замок в Новом Сонче до взрыва.
Фрагмент восстановленной части Ягеллонского замка — 1960 г.

Командиры партизанских отрядов АФАНАСИЙ ГЛАДИЛИН и ЛЮДМИЛА ГОРДИЕНКО (ТАНЯ) и командир соединения ИВАН ЗОЛОТАРЬ *(в центре).*
Партизаны ИВАН ГУСЬКО, ВАСЯ КАМЕННЫЙ, КОЛЯ ПОЛИЩУК и БОРИС РЫБАКОВ *(слева направо).*

АРТУР ВЕРНЕР — доктор медицины и его жена АННА ВЕРНЕРОВА — инженер.

У памятника погибшим партизанам Юзефу Вронскому, Саше Андрианову и Ките Имерлишвили на Поляне Конечной *(слева направо):* **БОЛЕСЛАВ ВРОНСКИЙ, ЯДВИГА ВРОНСКАЯ, ПЕТР ВРОНСКИЙ, ШАЛИКО ГОГЕБАШВИЛИ.**

Встреча боевых друзей в Москве на площади Революции в 1958 году.
С. ТУЛЕШОВ, И. ЗОЛОТАРЬ, Э. ТРОЯНОВСКИЙ, П. ПЕРМИНОВ ***(слева направо).***

Советские партизаны в гостях у школьников с. Камеиицы. 1963 г.

Боевые друзья приехали поздравить бывшего командира И. Ф. ЗОЛОТАРЯ с шестидесятилетием (Москва, 1965 г.).

У подножия памятника польским и советским партизанам.
Справа налево: К. ВЕНГЛЯРСКИЙ, Ю. ЗУБЕК — «ТАТАР», И. ЗОЛОТАРЬ, мать Стефана — К. ЦИБУЛЯ. 1966 г.

Польские и советские партизаны в редакции газеты «Жице Радомске». 1967 г.

Волгоград, День Победы 9 мая 1968 г. Н. И. НОВАТОРОВ, П. И. ЯРОСЛАВЦЕВ, И. Ф. ЗОЛОТАРЬ и С. О. ТУЛЕШОВ *(слева направо).*

Встреча в деревне Вильчицы в 1969 г. ЛЕНА ПЕТРЕНКО и АННА ВЕНГЛАШ.

и сурепку, и заячью капустку, опять же ягоды всякие разные.

— Ну, ягоды сейчас еще только завязываются, зеленые, одним словом.

Поняв, куда гнет командир, Рыбаков оживился.

— Ничо, можно уже и зеленые есть. Я вчера еще пробовал, и ничо.

— Да? Ишь ты, а молчал... Словом, пошарь тут по опушке, в лес загляни, может, разыщешь что-нибудь подходящее. Только далеко не уходи.

Борис то на четвереньках, то гусиным шагом кочевал по опушке, раздвигал высокую траву, поднимал веточки какого-то низкорослого кустарника. Но никто из партизан пока не обращал на него внимания. Над бивуаком по-прежнему висела тишина, гнетущая, настороженная.

Иван Максимович посмотрел в сторону недалеко лежавшего Секачева.

— Миша,— окликнул он его и подождал, пока тот поднимет голову.— Может, затянем нашу, любимую, расшевелимся маленько? А? Потихоньку.

Секачев как будто того только и дожидался. Резким движением он встал на колени, окинул озорными глазами товарищей.

— А ну, братва, подсаживайтесь поближе, хватит вам, язви вас, хандрить,— и не дожидаясь, с чувством затянул:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

Худой, слегка сутуловатый, Миша размахивал руками в такт песни. Высушенное ветрами и голодом лицо его раскраснелось, карие с задоринкой глаза заискрились.

Первый куплет они пропели вдвоем с Иваном Максимовичем. Но постепенно к ним присоединялся то один, то другой, и уже начиная с третьего куплета пели все. Пели негромко, но так задушевно, что за сердце хватало, а кое у кого даже слезу выжимало.

Иван Максимович внимательно следил за своими боевыми друзьями и радовался. Обострившиеся лица их посветлели, движения стали более энергичными, взгляд решительнее.

И на Тихом океане
Свой закончили поход.

Повторив последний куплет, голоса умолкли.

— О, видали? На бедного Бориса так подействовала наша песня, что он, никак, на травку набросился,— заметил старший радист Панфилов.

Партизаны посмотрели в ту сторону, куда он показывал, и увидели Бориса. Тот по-прежнему передвигался на корточках, останавливался, срывал какие-то зеленые веточки, подносил ко рту и с увлечением обрабатывал их зубами.

— Эй, братка!— окликнул его Секачев.— Ты что там жуешь, язви тебя?

Вместо ответа Рыбаков взмахом руки пригласил его к себе. А когда прожевал очередную порцию зелени, весело воскликнул:

— Давайте все сюда.

Озадаченные партизаны переглянулись, пожали плечами, подошли.

— Ну, что ты тут за десерт приготовил для нас, показуй,— нагнулся к нему Иван Максимович и так, чтобы другие не видели, одобрительно подмигнул, как бы говоря: молодец, действуй и дальше так.

— Да вот, Максимыч, на ягодник случайно набрел. Подсаживайтесь, товарищи, тут на всех хватит,— как ни в чем не бывало гостеприимно предлагал Борис.

Партизаны некоторое время молча наблюдали за тем, как его проворные руки раздвигали заросли брусники, срывали небольшие веточки с зелеными бусинками ягод, величиною чуть покрупнее проса, потом сами принялись делать то же самое.

— Ну, нет, от такого «десерта» только дизентерию схватить можно,— отмахнулся Иван Панфилов.

На его скуластом рябоватом лице застыло кислое выражение. Но вот он тоже присел и сперва медленно, как бы ради интереса, а потом все быстрее стал искать веточки покрупнее, плодовитее. Обгладывая их, он поначалу плевался, потом привык и не только сам ел Борисов «десерт», но и Панку угощал.

Вскоре все партизаны, кривясь от горьковато-терпкого привкуса, ползали по лесу в поисках брусничных ягод-крупинок. Они так увлеклись, что не сразу заметили, как Борис уже стоял в стороне от них и, ловко орудуя финкой, очищал белую мякоть толстой березовой коры от верхнего жесткого покрова. Вот он прошелся финкой в последний раз, повертел очищенный

кусок в руке, прицеливаясь, с какой стороны начать, потом откусил и тут же выплюнул. Немного постояв, он откусил еще раз и, превозмогая отвращение, заработал зубами быстро, решительно, со злостью.

Это тотчас же увидел Секачев.

— Постой, постой, ты что там еще грызешь?

— Куриную ножку обгладываю,— последовал задорный ответ.

Секачев подошел, взял из его рук очищенную мякоть коры, внимательно осмотрел со всех сторон, зачем-то понюхал, чуточку откусил, скривился и возвратил.

— Ты бы еще корни начал грызть.

— А чо, припечет, и корни буду грызть, а голоду не поддамся,— с мальчишеским упорством отпарировал Рыбаков.

Пока партизаны наполняли зеленью свои желудки, незаметно наступил вечер. Небо затянуло тучами, и, когда отряд отправился в путь, пошел дождь, мелкий, густой, неприятный. Земля быстро раскисла, стала скользкой и липучей, ночь — непроглядной, ветви на деревьях — мокрыми, хлесткими.

Но чем тяжелее были испытания на походе, тем собраннее, напористее становились советские партизаны. Казалось, дождь, слякоть, кромешная темень и жесткие, царапавшие лицо и руки ветки разбудили у них скрытые в тайниках души резервы физических сил, выносливости, воли. И они с какой-то подвижнической стойкостью преодолевали встававшие на пути лишения и шли, шли вслед за своим командиром.

Настало утро. Ни на минуту не прекращаясь лил дождь. Вся одежда их промокла до последней нитки и давила своей тяжестью. Когда Таранченко скомандовал на привал, партизаны застыли в нерешительности, не зная, что предпринять. Усталость валила с ног, а как тут ляжешь, когда на земле, куда ни ступи, всюду хлюпало, чавкало.

— Может, передохнем немножко стоя и пойдем дальше? — тихо предложил Иван Максимович.

В ожидании ответа он цепко всматривался в лица партизан, совершенно не думая о себе. Те молчали. Полное изнеможение сковывало их движения, притупляло мысли. И для того чтобы вывести их из этого состояния, требовался более энергичный толчок, нежели такие слова.

— Что же вы молчите?! — резко прозвучал голос радистки Панки Безух. Она выпрямилась. Ее круглое миловидное лицо, густо запорошенное веснушками, выражало осуждение.

— Какой может быть разговор, конечно, пойдем дальше,— за всех решительно ответила она же.

— Верно, Панка, ляжешь в такое хлюпало, все свои конопушки замараешь. Нет, лучше ногами грязь месить, чем задом или пузом.Пошли,— смеясь, подхватил Секачев.

И лед тронулся. Громкие слова радистки, прозвучавшие как сигнал на побудку, вывели партизан из состояния оцепенения, а уместная шутка сибиряка стерла с помрачневших лиц безразличие. Люди зашевелились, заулыбались.

— Раз такое дело, пошли дальше,— весело возвестил командир отряда.

К вечеру они подошли к полю, изрезанному оврагами и зелеными полосками поднявшихся хлебов. Неподалеку ютилась деревня. Сквозь шум дождя оттуда пробивался истошный лай потревоженных кем-то собак.

— Наверняка там появывся кто-то чужой, и не один. Ишь, як собачия заливается,— вслух размышлял Иван Максимович на своем родном украинском языке, разбавляя его русскими словами.

Он немного постоял молча, потом глазами разыскал Лукьянова, поманил его пальцем к себе.

— Как только стемнеет, возьмешь с собой Рыбака и Семена и пойдешь с ними в деревню за харчами. Только будьте осторожнее, не нарвитесь на фрицев — возможно, що то они там. Мы будем дожидаться вас вон в том месте,— показал он на купу высоких сосен, заметно выделявшихся на общем фоне невысокого разнолесья.

Продолжая говорить, Иван Максимович взял Пашу Лукьянова под руку и направился с ним на бугорок, торчавший чуть поодаль, чтобы оттуда еще раз посмотреть, с какой стороны лучше всего подойти к деревне.

...Бесшумно подходили Павел, Семен и Борис к деревне. И чем она была ближе, тем все громче становился собачий переполох. Он то перекатывался с одного края деревни на другой, то рассыпался на отдельные островки неугомонного бреха, то снова вспыхивал по всей деревне.

— По дворам, гады, ходят,— выругался Лукьянов.

— Думаете, фрицы?— спросил его Семен.

— Факт! — вместо Павла ответил Борис.— Кто же, скажи на милость, кроме фашистов, способен поднимать такой собачий концерт? Наш брат партизан ходит, как ты знаешь, тихо и собак напрасно не тревожит...

— Хватит, Боря, потом доскажешь. Подходим,— прервал Павел его рассуждения.

У крайнего двора разведчики остановились, прислушались. В разноголосице бесновавшихся собак их натренированный слух улавливал отдаленный топот, скрип калиток, стук дверей, приглушенные расстоянием голоса. Все это раздавалось где-то метров за сто, а возле них на окраине было тихо.

Павел поднялся, глянул через забор. Там, в глубине его, смутно угадывался бревенчатый дом. Сквозь небольшую щелку в ставне маленьким светлячком пробивался комнатный свет.

— Пошли,— еле слышно шепнул Павел.

Продвигаясь вдоль забора, подошли к калитке, остановились.

— Ты, Сеня, оставайся здесь, а мы с Борисом войдем в дом. Только гляди в оба, чуть что, сразу дай знать.

Павел и Борис вошли во двор. Приблизившись к дому, Лукьянов в щелку увидел в комнате молодую женщину.

— Кажется, одна хозяйка дома, идем.

Поднялись по ступенькам на крылечко. Остановились. Еще раз внимательно прислушались. Осторожно постучали в дверь. За ней сразу же возник шорох. Звякнула щеколда, и открылась дверь.

— Прошу, панове,— робко сказала хозяйка.

Пропуская их в дом, она беспомощно прижалась к стене.

«Не иначе, фрицы ее напугали»,— мелькнуло у Павла в голове.

— Извините, мы на минутку,— учтиво промолвил Павел, переступая порог, и на всякий случай повторил свои извинения по-польски: — Пшепрашам, але мы на едну хвыльку до пани.

Женщина быстро подняла голову, в упор посмотрела на вошедших и вдруг ожила. Нетрудно было догадаться, что она ожидала одних, злых и ненавистных,

а пришли другие — человечные, пришли советские люди.

Пристально посмотрев еще раз на них, хозяйка, ничего не спрашивая, бросилась к шкафу, потом метнулась к печке. Но вот она опомнилась, остановилась.

— О, матка бозка! Езус Мария! — запричитала она, забегав по комнате.— Та утекайте, драги товажишу, бо зараз эсэсманы прийдуть. Их задуже много понаехало, партизанов радецких шукаюць.

Как бы в подтверждение ее беспокойства, во дворе грянул винтовочный выстрел, резкий, раскатистый.

— Бежим! — крикнул Павел.

Он машинально бросил на стол пачку злотых, схватил небольшой кусок хлеба, сунул на бегу в карман. распахнул с ходу дверь, перемахнул через ступеньки и, ослепленный после комнатного света темнотою ночи, лицом к лицу столкнулся с каким-то человеком.

— Сеня, ты?

— Хальт! — хриплым с перепугу голосом заорал гитлеровец. Раздался выстрел.

Но Павел успел уклониться, и пуля просвистела рядом с ухом.

— Ах ты ж, гад ползучий! — крикнул Борис и короткой очередью из автомата сразил гитлеровца.

Разведчики кинулись к калитке.

— Семен, где ты? — окликнул Лукьянов.

Ответа не последовало.

Тогда, рискуя навлечь на себя огонь противника, они включили карманные фонарики и быстро обшарили двор, посветили возле калитки, внутри двора и на улице.

В этот момент где-то недалеко от них раздался резкий хлопок, напоминающий щелчок бича, в небо метнулась яркая ракета. Ее свет выхватил из темноты хрустальную сетку дождя, двух разведчиков и до полуроты немецких солдат, мчавшихся рассыпанным строем по всей улице. Заметив партизан, они на бегу открыли по ним огонь из автоматов, винтовок, пистолетов.

Но партизанские разведчики не растерялись и послали навстречу гитлеровским воякам длинные строчки из автоматов.

И удивительное дело, вместо того чтобы усилить

ответный огонь, немцы почему-то вдруг прекратили стрельбу, и только осветительные ракеты по-прежнему вспыхивали в небе одна за другой, наполняя улицу ярким, почти не прекращающимся светом.

«Хитрят, ой хитрят, гады»,— подумал Лукьянов и тут же услышал крик.

— Хальт!

— Хенде хох!

— Русь, партизанен, сдавайсь!

Воспользовавшись короткой передышкой, Павел повел глазами по освещенной улице и вдали, за немецкой полуротой, увидел группу солдат, волочивших обессиленного человека. Несли они своего раненого или схваченного Семена, узнать на таком расстоянии было невозможно. Павел прикинул, сколько немцев приближалось — много, очень много. Вдвоем с ними никак не справиться. А они все ближе, ближе, вот передние уже перешли на шаг. Еще минута промедления, и возможность к отходу будет упущена. Пора.

— Боря, гранаты,— крикнул он.

Вместе с Борисом они швырнули по одной гранате и, перемахнув через изгородь, помчались прочь.

А в это время остальные партизаны не находили себе места. Правда, поначалу, когда в ответ на два одиночных винтовочных выстрела заработали советские автоматы, они оживились.

— О, слышите, слышите, как наши дают фрицам прикурить,— возвестил Секачев.

— Да, это наши ППШ,— согласился с ним Таранченко.

Но после того, как застрекотали десятки немецких автоматов, а в небо одна за другой стали взлетать осветительные ракеты, настроение у партизан сразу понизилось.

— Эх, нарвались-таки,— со стоном вырвалось у командира отряда.

— Ничего, они цепко отбиваются,— не смирялся минер Вася Каменный.

Но вот бой в деревне оборвался, и только ракеты по-прежнему взмывали вверх, заливая ярким светом и деревню и все вокруг.

Партизаны застыли в ожидании дальнейших событий.

— Что, наши погибли, да? Послушай, почему они

перестали стрелять? — спрашивала Панка то у одного, то у другого, будто те знали больше, чем она.

Шли минуты, а никто так и не появлялся. Вместо этого в деревне снова грянул бой, еще более ожесточенный. К звонкой трескотне автоматной скороговорки примешалась длинная клокочущая частота пулеметов. Толстые огненные космы трассирующих пуль проносились в одном направлении, справа налево, указывая, на каком конце деревни находились партизаны, а на каком — немцы.

— Иван Максимович, товарищ командир, разрешите мне с пулеметным расчетом и тремя-четырьмя автоматчиками податься на выручку ребят,— бросился Секачев к Таранченко.

А у того у самого вертелось в голове: «Надо выручать, надо кого-то послать. А может быть, всем туда податься?» Но тут же появлялись другие, противоречивые мысли: «Хочешь как можно больше людей угробить? Откуда ты знаешь, сколько там немцев и не обходят ли они в этот момент село с другой стороны, чтобы не дать выйти твоим хлопцам? Пойдешь и ребят не спасешь и всей группой в мешок, как в ловушку, влипнешь... Троим ведь легче ускользнуть, чем двадцати...»

— Товарищ командир, так как, идти? — напомнил Секачев.

— Не стоит, Миша. Паша Лукьянов не хуже нас с тобой разбирается в обстановке, выкрутится и без нас. А потом, куда ты пойдешь? Ведь он должен отходить по оврагу справа, как мы с ним договорились. А сейчас он может изменить маршрут и пойти неизвестной нам с тобой дорогой. Подождем.

— Ураа! Наши вырвались! Смотрите, смотрите, потеряли фрицы наших! — закричал что было сил Вася Каменный.

Трасса огненных пуль пролетала то вправо, то влево, то прямо в сторону опушки, где стояли партизаны. Метались из стороны в сторону и осветительные ракеты.

— Знать бы, какой стороной они возвращаются, можно было бы пойти навстречу, вдруг кого ранило,— забеспокоилась Лена Петренко, молодая киевлянка, выполнявшая роль медсестры.

— В том-то и дело, что они могут идти совсем не

там, куда мы пошлем тебя с ребятами,— ответил Иван Максимович.

И все-таки они возвращались той самой стороной, которая была заранее оговорена. Но вместо троих их оказалось только двое. Они так часто дышали, что сразу не могли выговорить и слова.

— Ничего, ничего, отдышитесь вначале,— приказал им Таранченко.

Мгновение спустя он, чуя недоброе, тихо спросил:

— Что Семен, того...

— Нет Семена, Иван Максимович, потеряли мы его,— чуть слышно промолвил Лукьянов. Он немного помолчал, потом продолжил было доклад, но Иван Максимович не дал ему говорить.

— Потом доскажешь. А сейчас надо скорее уходить отсюда, пока нас не застукали здесь.

Первое время, пока обходили злополучную деревню, они шли торопливо, настороженно, с оружием на изготовку. А когда деревня осталась далеко позади и все тише стал бесновавшийся гул пулеметно-минометной и автоматной стрельбы, перешли на привычный размеренный шаг.

Всю дорогу перед глазами Павла стояла освещенная деревенская улица и то немцы, бегущие рассыпанным строем, то группа людей в неясной дали. И обостренное воображение дорисовывало то, что не успели тогда разглядеть глаза.

Чем дальше, тем все больше утверждался он в том, что немцы тогда тащили Семена. В ушах вновь и вновь повторялись гулкие винтовочные выстрелы, треск немецких автоматов и эти противные крики: «Хальт! Хенде хох! Рус, сдавайс!»

Встряхнув головой, Павел как бы сбросил с себя тяжесть воспоминаний и тут же увидел, как шагавший впереди него Таранченко резко качнулся в сторону и вдруг стал оседать. Павел и оказавшийся рядом ординарец Ивана Максимовича Саша Власенко бросились на помощь. Вдвоем они подхватили Таранченко под руки, поставили на ноги.

— Что с вами? — встревожился Павел.

— Ничего, ничего, голова немножко закружилась... Только ты об этом — никому ни слова, понял?

Отказавшись от помощи, он уверенно зашагал дальше.

Саша Власенко и Лукьянов не отставали от него ни на шаг.

— Что это, Саша, с ним? — потихоньку спросил Павел.

— От голода обессилел, вот что. Он же знаешь какой, не то чтобы чего лишнего, а и свою, такую же, как и у всех нас, пайку и то редко когда съедал один, все с другими слабаками делился.

— А ты куда смотрел? Какой же ты в черта ординарец, если допустил, чтобы командир от голода стал в обморок падать? — напустился Павел на Сашу. Но вспомнив, как тот самоотверженно сражался и спасал командира от верной гибели, смутился и умолк.

Девятнадцатилетним юношей пришел Саша вместе со своей шестнадцатилетней сестрой Любой в партизанский отряд в начале июля 1943 года на Лысую гору под Овручем. Став ординарцем Таранченко, он дважды спасал его от вражеских мин и автоматных очередей.

Первый раз это приключилось в Цуманском лесу на Ровенщине. Потеряв партизан из виду, немцы подвергли лес ожесточенной бомбежке, а потом ураганному артиллерийскому обстрелу по квадратам. Находясь неотлучно возле своего командира, Саша Власенко внимательно следил за разрывами снарядов и мин. Вот одна мина разорвалась в ста метрах прямо против них, вторая — наполовину ближе, третья — «сейчас накроет Ивана Максимовича!» — током пронеслось в голове у Саши. Он, не раздумывая, бросился на Таранченко, сбил с ног и закрыл его своим телом в тот самый момент, когда мина взорвалась буквально рядом. Саша был ранен, зато Иван Максимович остался цел и невредим.

Два месяца провалялся тогда Власенко в походном партизанском госпитале, пока не встал на ноги.

Второй случай произошел весною 1944 года, уже в Польше. Во время одного ожесточенного боя с крупным соединением бандеровцев часть бандитов прорвалась в расположение батальона Таранченко. На глазах у Саши один рослый бандеровец с близкого расстояния стал целиться из автомата в Ивана Максимовича. Но в какую-то долю секунды Саша успел ударить бандита прикладом в голову, и, хотя тот все же успел нажать на спусковой крючок, пули пронеслись в стороне от Ивана Максимовича.

Вот почему Павел так смутился, после того как, обругав ординарца, вспомнил об этом.

— Только ты, Саша, не обижайся. Я ж ведь по-дружески,— попытался он оправдаться.

— А я и не обижаюсь. Может быть, я действительно не очень был настойчив, но ты же знаешь Ивана Максимовича, разве его уговоришь.

— Стой! — Павел хлопнул себя по лбу, вспомнив о краюшке хлеба, схваченной в последнюю секунду со стола полячки.— На, друг, отдай Ивану Максимовичу,— протянул он ее Саше.

— Не возьмет он у меня. Попробуй сам отдать ему.

Павел нагнал Ивана Максимовича, некоторое время шел рядом с ним, не зная, с чего начать. В это время отряд выбрался из густого леса на лужайку, и Таранченко приказал остановиться на отдых.

Павел подошел к нему, рассказал, как они вместе с Рыбаковым вошли в дом, как грохнул выстрел из винтовки, как, бросив на стол деньги, он успел схватить небольшой кусок хлеба, и о том, как развивались события на улице вплоть до ухода из деревни.

— Возьмите, Иван Максимович,— протянул он краюшку.— На всех тут все равно делить нечего. Так что съешьте сами, подкрепитесь немного.

При одной только мысли, что у него в руке хлеб, Иван Максимович ощутил прилив такого мучительного голода, что у него спазмами сковало горло, закружилась голова, потемнело в глазах. Но он тут же овладел собой и вернул хлеб Лукьянову.

— На. Раздели хоть по крошке, но на всех. Мне не надо,— отдал, повернулся и отошел на несколько шагов в сторону.

Легко сказать: дели на всех. А как можно разделить кусок весом не более трехсот граммов на двадцать человек?

Партизаны окружили Лукьянова плотной стеной и, еле сдерживая разыгравшийся аппетит, не спускали глаз с его рук. А он расстелил плащ-палатку, опустился на колени и, чтобы не потерять ни крошки, стал резать краюшку на белом платке из парашютного перкаля. Пич и Панфилов подсвечивали ему фонариками, хотя уже было светло и необходимости в этом не было.

Прикинув на глазок, Павел сперва разрезал краюху

на четыре куска, потом каждый из них еще на пять крохотных долек.

— Борис, отвернись, будешь называть, кому отдавать пайки,— распорядился Лукьянов.

— Кому?

— Панке.

— Кому?

— Лене.

Один за другим скрывались кусочки в руках партизан. И хотя они были так малы, что еле ощущались в ладони, каждый принимал свою «пайку», затаив дыхание.

А Павел все продолжал:

— Кому?

— Товарищу лейтенанту Пичу.

— Кому?

— Командиру, Ивану Максимовичу.

— И последняя, кому?

Борис пробежал глазами по партизанам.

— Кажется, все,— ответил он, повернувшись лицом к Павлу.

— Как все? А чья же двадцатая?

— Двадцатым, Паша, был Семен,— с грустью напомнил Борис.

Павел низко опустил голову, немного постоял, потом подошел к Пичу.

— Константин Иосифович, отдайте, пожалуйста, командиру. А то он отказался у меня брать,— протянул он три пайки.

— Постой. Ну эта — Ивана Максимовича, эта — Семена, а третья чья же?— спросил его Пич.

— Моя.

— Ты что! Хочешь командира обидеть? Верн, сам съешь.

— Да не могу я, Константин Иосифович... Как только подумаю о хлебе, так сразу Семен перед глазами встает... И все у меня внутри переворачивается... Ведь это же я не уберег его.

— Почему ты? Это с каждым из нас могло случиться. И потом, мало ли мы своих друзей теряли за это время... Однако их ничем уже не воскресишь. А нам, живым, надо и за себя и за них сражаться. Верн.

Пич сунул Павлу в руки его дольку, а с остальными подошел к Таранченко.

— Возьми, Максимыч, подразни немножко свой желудок,— протянул он ему две дольки.

Но Таранченко уже утвердился в своем решении и отвел его руку в сторону.

— Эти крошки меня все равно не насытят. Наоборот, только раздразнят аппетит. Нет, Костя, не возьму.— И уже громко, так, чтобы слышали другие, окликнул медсестру: — Лена! Возьми и отдай их более слабым товарищам.

Медсестра замялась, потом приблизилась вплотную к Ивану Максимовичу и потихоньку сказала:

— А у меня, Иван Максимович, самый слабый — вы.

— Товарищ Петренко! Выполняйте приказание,— строго прикрикнул на нее командир отряда.

— На заодно и мою,— протянул Костя свою долю.

Подождав, пока партизаны покончат со своими крохотными пайками, Иван Максимович подошел к ним.

— Ну как, отдохнули? — весело, как ни в чем не бывало, осведомился он.

— Отдохнули, товарищ командир.

— Подзаправились, Иван Максимович,— раздались голоса.

— Значит, пошли дальше,— сказал он и зашагал впереди.

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

Рассвет застал партизанский отряд в глубине Братковицкого леса, раскинувшегося на десятки квадратных километров к северо-западу от Жешува, возле одиннадцати тесно жавшихся друг к другу искусственных озер.

Стоя на опушке, Иван Максимович пытался разглядеть в бинокль озера, но за сеткой дождя они плохо просматривались. Он понимал, что все партизаны окончательно выбились из сил и необходимо скорее выбираться из этой проклятой засекреченной зоны.

Иван Максимович подозвал к себе Секачева.

— Видишь, от дороги к озеру тянутся тропинки? Так это рыбаки их протоптали. Значит, в любое время могут показаться мирные крестьяне. Надо связаться

с ними, потому як без помощи населения нам не обойтись, чуешь?

— Ясно, Иван Максимович, будет исполнено.

В течение нескольких часов пролежали Секачев и его товарищи возле дороги и своего дождались. В полдень по проселку к ним стал приближаться пожилой поляк с котомкой за плечами. Он шел спокойной стариковской развалкой, опираясь на клюку. Недалеко от места партизанской засады остановился, посмотрел по сторонам и свернул на тропинку, ведущую к озерам.

— Эй, отец, постойте! — окликнул его Секачев.

Старик испуганно заморгал глазами, стал пятиться.

— Не бойтесь, отец, мы — русские партизаны,— успокоил его Секачев.

Они сошлись, поздоровались. К ним присоединились разведчики, и все вместе они направились в лес, в расположение отряда.

Когда старик убедился, что попал к советским партизанам, он очень обрадовался, оказалось, что жил он недалеко от той деревни, где накануне Лукьянов и Борис потеряли Семена и вели бой с немцами. Старик знал уже, что одного партизана немцы схватили и увезли с собой. Среди поляков пошел слух, что немцы запросили подкрепления и якобы собирались прочесывать лес, примыкавший к той злополучной деревне.

— Ищи-свищи ветра в поле,— засмеялся Секачев.

Старик жаловался партизанам на тяжелую жизнь при немцах, на то, что даже за рыбой к озерам им приходилось ходить тайком. Разговаривая, он внимательно разглядывал партизан, их пустые мешки и все чаще вздыхал. Видимо изнуренный, высушенный голодом вид вызывал у него невеселые мысли.

— Отец, у вас не найдется, случаем, закурить? — подсел к нему поближе Секачев.

Старик с сожалением пожал плечами, вытащил из кармана пустую трубку, показал Михаилу.

— Ничего нема, товажышу.

Но Секачева это не обескуражило. Он взял из рук старика трубку, зажал чубук в зубах и стал втягивать воздух.

— О, никотинчику поднакопилось порядочно, счас потянем,— возвестил он товарищам.

С этими словами он достал спички, зажег одну из

них, вставил горящим концом в трубку и стал делать глубокие звучные затяжки. Толстый слой никотина, скопившегося на стенках трубки, обогащал спичечный дымок привкусом крутой табачной затяжки, кружил голову.

Все тотчас же окружили Михаила и по очереди стали сосать чубук. После двух-трех затяжек у них начиналось головокружение, подступала тошнота. Но это не останавливало их, и они снова и снова тянулись за очередной затяжкой.

Старик смотрел на них широко раскрытыми глазами и сокрушенно покачивал головой.

— Цо, давно не мате табаку? — спросил он у Ивана Максимовича.

— Табак для нас не проблема, вместо него мы привыкли березовые и разные другие листья курить. А вот хлебушко травкой в лесу не заменишь. Хлопцы уже пять суток ничего во рту не держали,— признался он.

— Да-а, выглёндають ваши партизанчи недобре,— согласился старик. Потом вдруг спохватился.— Вставайте, драги товажыши, пуйдем до вески,— показал он на юг, в противоположную сторону от своей деревни.— Там найдем и хлеба и ине продукты.

Партизаны с надеждой посмотрели на своего командира.

— А немцев тут нет поблизости? — осведомился тот.

— Не, неманиц, то там, в Мелецких лясах их задуже, а тут нема ниц.

— Слава богу, вышли, значит, из этой проклятой зоны! — обрадовался Таранченко.— Ну что ж, папаша, пошли.

К деревне подошли уже в сумерки. Старик сам развел партизан небольшими группами по дворам, наказав хозяевам, чтобы они не поскупились на добрый горячий обед.

При виде обильной пищи у партизан разбегались глаза. И трудно, ох как трудно им было удержаться, чтобы не наброситься на все, что хлебосольные хозяева ставили на стол. Но помня строгий наказ командира — не переполнять истощенные многодневным голодом желудки жирной тяжелой пищей, они мужественно отказывались от вкусных блюд и довольствовались лишь молоком с хлебом.

— Вы лучше нам с собой немного дайте. А сейчас нам вредно много кушать,— говорили они хозяевам.

За обедом Иван Максимович вспомнил о старике и послал за ним Сашу Власенко. Но оказалось, что, закончив свое благородное дело, старик сразу же ушел обратно.

— Ушел?! — воскликнул расстроенный командир отряда.— А вы хоть спросили: из какой он деревни и как фамилия?

Присутствовавшие пожали плечами.

— Нехорошо получилось, товарищи, человек сделал нам такую большую услугу, а мы, выходит, даже спасибо ему не сказали,— искренне сокрушался Иван Максимович.

— Да, старик оказался настоящим другом,— подтвердил Константин Пич.

Когда стемнело, отряд покинул деревню и в ту же ночь с помощью проводника Тадеуша, отказавшегося из-за скромности назвать свою фамилию, благополучно перебрался через железную и шоссейную магистрали, идущие из Кракова через Жешув к фронту, и стал втягиваться в предгорье Карпат. Хотя дождь к тому времени перестал, земля была очень скользкой и подниматься по ней, тем более в гору, было очень трудно. Партизаны часто останавливались, чтобы перевести дыхание. И снова шли дальше.

К вечеру, с гребня очередного перевала они увидели на соседней горе Хелм, отмеченной на карте высотою в 532 метра, небольшую деревню.

— То что за деревня, Тадек? — спросил Иван Максимович у проводника.

— Ящурово, пане поручнику.

— Немцев там нет?

— Не, нема ниц.

— Что, Костя, может, остановимся в ней на несколько часов, чтобы ребята немного поспали в тепле? — посоветовался Таранченко с Пичем.

— Что ж, это — идея. Давайте остановимся,— подхватил Костя.

Пока спустились вниз, а потом вскарабкались на Хелм, было уже около полуночи. Остановились у крайней избы, одиноко торчавшей на отшибе. Унимая одышку, Иван Максимович обошел с Лукьяновым деревню, присмотрелся к опушке леса, примыкавшего к ней,

к проселку, карабкавшемуся с западной стороны снизу вверх, и к оврагу, сбегавшему с горы в распадок. Потом свернл все, что увидел, с картой-километровкой и заметно повеселел. До ближайшего гитлеровского гарнизона, как сообщил хозяин, было далеко, а по раскисшему проселку ни машинами не проехать, ни пешком, казалось, не пройти. Значит, можно в деревне не только заночевать, но н задержаться на весь день, чтобы товарищи хоть один раз за полмесяца отдохнули в нормальных человеческих условиях.

«Хорошо бы разместить их человека по два,— думал Таранченко.— Но поскольку дом от дома стоят на большом расстоянии, распылять отряд на мелкие обособленные группки рискованно. Ведь мало ли что может в любую минуту случиться. Нет, меньше четырех партизан ставить в дом не стоит. Пускай немного поляков стесним, зато спокойнее»,— окончательно решил он.

Иван Максимович подозвал Лукьянова.

— Оставайся, Паша, со своей группой в этой хате, будешь охранять подход со стороны шоссе. Правда, до него отсюда более пяти километров и дорога непролазная, но чем черт не шутит. Пост выставь вон у того сарайчика,— показал на покосившееся строение за проселком.— Для усиления твоей группы оставляю пулеметный расчет Ванн Дыленка.

Сам Иван Максимович со своей «штабной группой», в состав которой кроме него входили ординарец Власенко, Костя Пич и медсестра Лена Петренко, занял избу, расположенную в самом углу поля, упиравшегося одной стороной в опушку леса, а другой — в овраг.

В соседнем доме справа, у самой опушкн, разместилась группа Миши Секачева, в которую, кроме него, входили Степан Белайчук, Константин Колос и Николай Оружейник.

В другом доме слева, ио уже вдоль оврага находилась группа радистов: Иван Николаевич Панфилов, Панка Безух и прикрепленные к нним для переноски тяжелых радиобатарей в походах москвич Валентин Кравченко и перебежавший из армии Власова Вася Колесов. Оба — автоматчики.

Ночь была светлой. До деревнн было несколько сот метров, до леса столько же. Перед ними тянулась голая, без единого кустика поляна, служившая деревне полем.

«Незавидная позиция. Если налетят немцы и отсе-

кут нас от леса, отступать почти некуда»,— отметил про себя Павел Лукьянов.

Он вернулся в дом. Все его товарищи, в ожидании горячего ужина, в изнеможении растянулись на полу.

— Ребята, все вы, конечно, очень устали, но кому-то из вас все-таки надо стать на пост. Кто из вас сам хочет пойти на дежурство первым? — спросил их Лукьянов.

— Давай, Паша, я пойду,— сразу же напросился снайпер Миша Пинаев, по прозвищу Мишка-моряк.

— Спасибо, Моряк.— Пошли, покажу место, где будешь стоять.

Они подошли вдвоем к сараю, выбрали место для поста.

— Следи, Миша, за дорогой и за лесной опушкой,— инструктировал Лукьянов постового.

— Есть следить за дорогой и за опушкой!— четко отчеканил тот. Затем уже по-дружески добавил: — Не беспокойся, Паша, все будет в порядке. Иди отдыхай.

Лукьянов вернулся во двор, очистил от грязи сапоги, открыл дверь в первую половину вместительной пятистенки. В нос ударил острый запах чего-то вкусного. Он повернул голову и увидел у плиты пожилую хозяйку. Она переворачивала на сковороде куски свиного сала, пересыпанного луком, а рядом кипело еще что-то в кастрюле.

Лукьянов прошел во вторую половину к партизанам и пригласил с собой хозяина.

— Далеко отсюда стоят немцы? — спросил Павел.

— В Дембицах, то за двудесьти[1] килуметров бенде. Але в ине дни германцы наизджают до нас и на тем плацу,— показал хозяин на поле за окном,— муштрой занимаютця. Але то тильке кеды суха погода.

— И часто они приезжают?

— Не, два-тши раза не тыдень.

— Два три раза в неделю? Когда сухо? — переспросил Павел.— А в грязь, в слякоть не приезжают? Я так и думал,— успокоился Павел, когда хозяин отрицательно покачал головой.

Увидев на столике рубль русской царской чеканки, он спросил, где хозяин раздобыл его.

— То еще в першу святову войну мне презентовал

[1] Двадцать.

еден дуже добрый русский жолнеж Иван на памёнтку.

Хозяин взял рубль в руки, склонился над ним и долгое время рассматривал, вспоминая, очевидно, прошлое. Потом выпрямился и протянул рубль Лукьянову.

— Проше пана взять у мне як символ нашей пшиязни, братерства нашего.

Павел было заколебался, но потом, чтобы не обидеть поляка, взял. Так всю войну и проносил он этот рубль в кармане, а потом привез его с собой в Куйбышев.

Вскоре хозяйка внесла кастрюлю с дымившейся паром вареной картошкой, потом притащила большую сковороду с жареным салом, хлеб, молоко и пригласила партизан к столу.

— Присаживайтесь и вы с нами,— в свою очередь пригласил Павел хозяйку и хозяина.

Но хозяйка отговорилась тем, что уже сыта, и ушла на кухню. А хозяин охотно присоединился к гостям.

Утолив голод, партизаны быстро улеглись спать. Наконец-то выпало редкое в их суровой жизни счастье — отдохнуть не в сыром лесу на раскрашенной ливнями земле, а в уютной жилой комнате на отмытом до блеска полу.

ПАРТИЗАНЫ НЕ СДАЮТСЯ

Коротка июньская ночь. Михаил Пинаев не простоял на посту и часу, а далеко внизу, там, откуда вилась дорога в деревню, уже появился утренний туман. Вначале он стлался узкой пеленой, потом на глазах стал шириться и вот уже затопил своей невесомой массой весь распадок, стал подкрадываться к покосившемуся сараю.

До боли в сердце знакомая Михаилу с детства картина. Сколько раз он, бывало, забирался со своими сверстниками на вершину крутолобого волжского берега и с замиранием следил за тем, как росистый утренний туман вот так же захлестывал все низкие места, подбирался вплотную к ним, босоногим, и своим влажным холодным прикосновением вызывал дрожь, будоражил богатое детское воображение.

Теперь же, когда он стоял на боевом посту, охраняя

покой товарищей, это чудесное явление природы его не радовало. Наоборот, он с тревогой поглядывал на то, как все ближе подкрадывался к нему туман, скрывая от него дорогу, по которой в любую минуту могли нагрянуть немцы.

Но вот подул ветерок, и туман стал рассеиваться. Дали раздвинулись. Михаил вздохнул с облегчением. Он расстегнул верхние пуговицы бушлата, обнажив треугольник тельняшки, прошелся рукавом по запотелому смуглому лицу, расчесал свалявшиеся в походе буйные кудри, поправил снаряжение. Все это он проделал не спуская глаз с дороги. Чувствовал он себя бодро, и хотя ночь провел на ногах, спать почему-то не хотелось. Невольно ожили в памяти яркие события, пережитые за три месяца партизанской жизни. Вспомнился весенний солнечный день 1944 года, когда он — девятнадцатилетний младший сержант, выпускник полковой школы снайперов — явился в штаб партизанского соединения имени Александра Невского. Всего лишь за несколько дней до его прихода оно соединилось с нашими войсками и перед тем, как снова уйти в тыл врага, на этот раз в Польшу, отдыхало в деревне Гончий Брод, под Ковелем, на Волыни.

Принял Пинаева командир соединения.

— Товарищ капитан, разрешите доложить! — обратился к нему Михаил, лихо приложив руку аккуратной лопаткой к виску и четко пристукнув каблуками.— Выпускник полковой школы снайперов младший сержант Пинаев прибыл в ваше распоряжение.

— Из рабочих? — спросил командир тоном, располагавшим к неофициальному разговору.

— Никак нет, товарищ капитан, колхозник.

— Из каких мест?

— Из Ульяновской области.

— Добре. Так, говоришь, снайпер?

— Так точно, товарищ капитан.

— Из какого же оружия ты метко стреляешь?

— Из винтовки, ручного пулемета, противотанкового ружья.

— Очень хорошо. Снайперы нам нужны. Только мы дадим тебе не винтовку, а пулемет.

С того дня Миша Пинаев стал партизанским пулеметчиком. Во всех жарких схватках он метко разил из своего пулемета вражеских солдат и офицеров.

Вспоминая обо всем этом, Михаил не забывал смотреть на дорогу. Но вот он обернулся и вдруг увидел, что позади него из леса цепью спускались к деревне немцы с оружием на изготовку. Шли они молча, неторопливо.

Михаил тотчас же сорвал с плеча автомат и приготовился было дать очередь, собираясь поднять тревогу. Но тут же передумал и, пользуясь тем, что к дому тянулась ложбинка, помчался по ней... Уже подбегая к дому, Михаил увидел Павла Лукьянова.

— Фрицы! — выпалил Михаил, приблизившись вплотную.

— Беги в дом, подними ребят и скорее выводи их. А я останусь прикрывать вас,— приказал Лукьянов.

Пинаев кинулся в дом. А Лукьянов, хотя и знал, что своей стрельбой наверняка навлечет на свою группу тяжелый удар гитлеровцев, которые легко могли отсечь их от других партизан, окружить на открытой местности и повести бой на уничтожение, все же запустил длинную очередь из автомата по наступавшим немцам. Сделал он это для того, чтобы предупредить других товарищей о появлении гитлеровцев.

Тотчас же в его сторону полетели огненные нити пуль. Павел перебежал под укрытие сарая, внимательно прислушиваясь: не заработают ли советские автоматы в других дворах деревни? И дождался — легко отличимая скороговорка родных ППШ вплелась в гул немецких автоматов. Павел выглянул из-за угла и оторопел: часть немцев бросилась обходить их двор со стороны деревни, отрезая им путь к отходу на юг, к своим; другая — с севера, со стороны проселка. Положение складывалось тяжелое. Надо было скорее вырываться.

Павел опрометью бросился в дом, вбежал в первую комнату и нос к носу столкнулся с друзьями, уже торопившимися к выходу.

— За мной! — закричал Павел и, круто повернув, поспешил к двери.

Но на пути у него вдруг выросла фигура хозяина. Загородив широко расставленными руками дверь, он стал наступать на Павла.

— Сюда юж не можно, панове,— ту задуже оккупантов,— потом быстро подбежал к задней стене с един-

ственным занавешанным окном, толчком раскрыл его.

Первым к распахнутому окну подлетел Михаил.

— Верно, Павлуша. Прыгайте все за мной и скорей — к потоку. Я вас прикрою,— крикнул и тут же выпрыгнул в окно, отбежал на несколько шагов в сторону, залег и открыл огонь по цепи гитлеровцев, подбегавших уж к берегу потока.

Партизаны один за другим выскакивали в окно и с ходу вступали в бой. Последним выпрыгнул молодой партизан Яша Мавзолевский. Но, не сделав и шагу, он как подкошенный рухнул на землю. К нему тотчас же подполз Павел, приложил ухо к груди. Сердце не билось.

— Пан!— крикнул Павел в раскрытое окно.— Спрячьте, пожалуйста, его куда-нибудь,— показал на труп товарища.— Мы потом зайдем за ним.

— Добже, скорей утикайте,— ответил тот, вылезая в окно.

Группа Лукьянова мигом подхватилась с земли и вместе с Михаилом бросилась в атаку. Своей дерзкой, отчаянной храбростью они внесли в ряды противника замешательство, отбросили его от оврага на поляну. А сами спустились с обрыва вниз и берегом потока поспешили на юг, вверх, на выручку к своим. Оттуда доносился жаркий поединок немецких и советских автоматов. Первых было во много раз больше.

— Скорей, ребята, нашим туго!— поторапливал Павел.

Впереди бежал Пинаев. За ним Павел, Борис и остальные. С тыла их прикрывал Вася Каменный. Подниматься, да еще бегом, круто в гору было тяжело. Партизаны обливались потом, задыхались. Но нервы были так напряжены, что никакая усталость не в состоянии была остановить их. Только один пулеметчик взмолился было:

— Паша, больше не могу, брошу пулемет.

Но в ответ услышал такое, что откуда у него и силы появились.

Когда они стали приближаться к тому месту, где наверху должен был находиться дом, занятый Иваном Максимовичем и Пичем, вместо своих увидели на берегу обрыва гитлеровских солдат. Те открыли огонь по семерке смелых.

Но партизаны и на этот раз не спасовали. Нахо-

дясь внизу у потока, как на ладони, каждый из них хорошо понимал, что только пренебрежение опасностью, только бесстрашие могли смутить противника. Поэтому они шли напролом, прокладывая себе путь к лесу гранатами и умелым маневром.

Наконец партизаны добрались до опушки, закрепились и уже спокойно стали обстреливать вражеских солдат, потерявших вдруг желание преследовать их в лесу.

Внимательно вслушиваясь в грохот продолжавшегося боя, Павел улавливал короткие строчки из ППШ, доносившиеся откуда-то с востока, принадлежавшие, очевидно, группе Секачева. «А где же Иван Максимович? Где радисты? Неужели погибли?» — распирали голову тревожные думы.

Но Иван Максимович был жив. С Константином Пичем и медсестрой Леной они отошли в глубь леса.

Когда в деревне послышалась очередь из автомата, первыми проснулись Иван Максимович и Саша. Расшевелив Костю и Лену, они кинулись к окну. Немцы быстро приближались к их дому.

— Радисты! Надо скорей выручать радистов, за мной! — закричал Иван Максимович.

Как только все четверо оказались во дворе, немцы сразу же увидели их и не медля открыли огонь. Четверка залегла.

— Ленка, отходи к оврагу и поглядывай за нами: мы подадимся вперед и ты параллельно ползи, мы назад — и ты в ту же сторону,— приказывал Иван Максимович медсестре.

Но та не терпящим возражения голосом сказала, как отрезала:

— Здесь мое место.

В это время к немцам подоспело подкрепление во главе с офицером. Вот он что-то крикнул и увлек солдат за собою, мчась прямо на четверку Ивана Максимовича.

В этот момент справа, от дома, занятого группой Миши Секачева, заработали советские автоматы. Они ударили в тыл тех немцев, что бросились в атаку против группы Таранченко. Несколько гитлеровцев свалилось. Остальные залегли. Часть немецкой группировки повернула свое оружие против секачевской группы.

Воспользовавшись неожиданной заминкой в стане врага, Иван Максимович поднялся, взмахнул рукой остальным, чтобы они следовали за ним, побежал. Но далеко им уйти не удалось. Гитлеровцы быстро сориентировались и разделились на две части: одна двинулась в сторону дома, занятого секачевской группой, другая — к группе Таранченко. Плотный огонь заставил Ивана Максимовича и остальных снова залечь.

— Попытаемся по-пластунки и короткими перебежками,— приказал командир отряда. И первый заработал локтями, коленками.

Саша Власенко двигался рядом, а Костя и Лена чуть в стороне от них.

Немцы разгадали замысел партизанской четверки и поспешили ей наперерез. Понимая, что уходит последняя надежда добраться до дома с радистами, Иван Максимович решительно вскочил на ноги, дал длинную очередь из автомата и только хотел было броситься бежать, как над ухом закричал Саша Власенко:

— Берегитесь!

Ординарец увидел, что один из гитлеровцев целился в командира из винтовки, и вовремя заслонил того своей грудью.

Падая, прижимаемый к земле тяжестью тела ординарца, Иван Максимович еще не успел как следует сообразить, что же произошло, как Саша Власенко, приняв на себя пули, посланные немцем в командира, был уже мертв.

Так не стало преданного Родине отважного комсомольца, всеобщего любимца отряда Саши.

В этот момент Иван Максимович совершенно забыл о собственной опасности и чуть было не поплатился за это.

— Ложись!— силою уложил его Костя Пич.— Ты что, не видишь, что нас окружают? Если мы еще немного промедлим, оставим отряд без командования,— быстро проговорил он в ухо Ивану Максимовичу.

Над Иваном Максимовичем, Пичем и Леной нависла реальная угроза оказаться в мешке, из которого уже невозможно было бы выскочить живыми.

На счастье, внизу заработали советские автоматы, заговорил дегтяревский пулемет. Немцы на обрыве залегли.

— Слышите?— обрадовался Иван Максимович.—

Пашка Лукьянов со своими хлопцами пробивается к нам на помощь.

Но радовался он раньше времени. Все туже затягивалось вокруг них полукольцо. Дорога была отрезана не только к радистам, но и к оврагу.

В самую критическую минуту один из немцев крикнул через разделявшее их расстояние:

— Эй, партизаны, ставайсь! А то путешь капут!

— Дурак!— не удержался Таранченко.— Партизаны не сдаются!

Он с размаху запустил в сторону кричавшего гранату. Пич последовал его примеру. Грохнули взрывы, послышались отчаянные крики раненых.

— А теперь — ходу, пора,— крикнул Иван Максимович и увлек за собой Пича и Лену в сторону леса.

Сделали они это вовремя. Через несколько минут к тому месту, где они находились, подошел противник.

— Слышишь, Секачев со своими хлопцами никак не вырвется, все в одном месте сражаются. Видимо, очень тяжело им,— Иван Максимович тяжело вздохнул и повалился в изнеможении возле толстой сосны на опушке.— И группа Пашки Лукьянова куда-то запропастилась. Вдвоем же мы с тобой выручить радистов не сможем,— добавил он с горечью.

Таранченко был недалек от истины. Действительно, как только немцы показались из леса, они сразу же уперлись в дом, занятый группой Миши Секачева, и обложили его со всех сторон. Спасло партизан от гибели лишь то, что легли они отдыхать обутые, одетые, готовые по первому сигналу броситься в бой. И когда Лукьянов дал очередь из ППШ, все четверо мгновенно оказались на ногах. Подбежав к окнам, они увидели, что окружены, но духом не пали.

— Спокойно, друзья, вырвемся, язви его, не в таких переплетах бывали,— хладнокровно сказал Секачев.

Его спокойствие передалось товарищам.

— Приготовьте гранаты, и как только я брошу, швыряйте и вы: ты, Степа,— в тех, ты, Костя, в ту группу, а ты, Николай, вон туда. Приготовились. Пошли.

Когда четверка партизан вышла, немцы задвигались, но по-прежнему оставались на местах и почему-то

не стреляли. Находясь шагах в двадцати от партизан, они держали их под прицелом и все чего-то ждали. Наконец один из них выступил вперед и на русском языке воскликнул:

— Партизаны! Вы окружены, спасения вам нет — сдавайтесь! Останетесь живы.

— Что?! Сдаваться? — переспросил Секачев и, не дожидаясь подтверждения, швырнул гранату.

Один за другим партизаны последовали его примеру. Не успели заглохнуть взрывы, как все четверо застрочили из автоматов. Среди немцев возникла паника.

— За Родину! Вперед! — громко и с какой-то особенной лихостью крикнул Секачев.

Дружным, неожиданным натиском они протаранили в цепи противника брешь и, пока тот приходил в себя, выскочили из кольца. А еще через несколько секунд они были уже на опушке. Однако дальше не пошли.

— Надо здесь держать оборону, чтобы фрицы все время чувствовали угрозу у себя на фланге. Не так нахально будут напирать, — пояснил Секачев товарищам.

— А не лучше ли нам перебраться к дому командира? Все-таки вместе веселее будет отбиваться, — высказал свое мнение Степан Белайчук.

— Нет, Степа, пока мы здесь будем отвлекать фрицев от наших товарищей на себя. А это очень важно. Слышишь, как Иван Максимович со своими дружно отбивается? Уверен, что они тоже слышат наши ППШ и чувствуют себя более уверенно.

Немецкое командование, как Секачев и предполагал, очень нервно реагировало на присутствие у себя в тылу партизанской группы и бросало против них немало людей, пытаясь ударом в лоб задавить партизан. Но каждый раз гитлеровцы нарывались на дружный веерный обстрел из автоматов и откатывались назад. Атаки чередовались с попытками обойти смельчаков с флангов. Однако куда бы немцы не бросались, они неизменно натыкались на расторопных партизан, умело маневрировавших в лесу.

И все-таки силы были слишком неравными. В одной из схваток погиб Николай Оружейник. Угроза повисла и над остальными. Но они продолжали неравную борьбу до тех пор, пока по звукам ППШ, принадлежавших

группе Ивана Максимовича, не убедились, что она отошла в лес.

— Вот теперь и нам пора уходить,— с облегчением сказал Секачев.

И они ушли в глубь леса, в том направлении, куда, по их предположению, отступила группа Таранченко.

ИХ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ТРИНАДЦАТЬ

Тяжелее всех пришлось радистам. Дом, в котором они остановились, выходил своим фасадом на обширную покатую поляну, а задней — к оврагу. Хозяйка встретила их вначале сухо, настороженно. Но когда всмотрелась в исхудалые землистые лица, в глубоко запавшие глаза и поняла, что это советские партизаны, преисполнилась к ним участия и бросилась готовить для них горячий ужин.

Плотно поев, партизаны встали из-за стола, расстелили на полу плащ-палатки, спокойно разулись и сразу же уснули.

Хозяйка знала, что в дождливую погоду немцы обычно не приезжают, и тем не менее решила не отлучаться. От одной только мысли, что в ее отсутствие на хутор могут нагрянуть немцы и, боже упаси, застигнуть партизан спящими, ее бросало в дрожь. И она стала караулить их сон.

Но как ни старалась, появление гитлеровцев она прозевала. Произошло это потому, что шли они не со стороны проселка, как обычно, а из лесу. Разразившаяся очередь из автомата, словно током, подкинула ее со стула, и она, не помня себя, бросилась будить партизан.

— Ой, матка бозка, езус Мария! Немцы! Вставайте, панове! Спасайтесь!

Партизаны мигом оказались на ногах. Первым сориентировался Валентин Кравченко.

— Скорее уходите с Панкой!— крикнул он Панфилову.— Мы вас прикроем. Вася, за мной!— и рванулся в дверь.

Когда они выбежали из дому, вражеская цепь была уже близко.

Чтобы отвлечь внимание гитлеровцев от дома, откуда должны были выскочить радисты, на себя, они отбе-

жали в сторону и вдвоем завязали встречный бой с многочисленной вражеской цепью.

Их дерзкая храбрость так подействовала на немцев, что они перестали стрелять. И лишь после того, как рядом свалилось несколько солдат, сраженных партизанскими смельчаками, гитлеровцы опомнились и взяли Василия и Валентина под перекрестный огонь.

Порываясь сделать перебежку, упал тяжело раненный Валя Кравченко.

Колесов бросился к нему.

— Ползи к потоку — я их задержу!

Его слова и длинная строчка из ППШ ободрили Валентина. Он шевельнулся, приподнял голову.

— Нет, Вася...— конец фразы Валентин заглушил очередью из автомата.

Обрадованный тем, что его друг жив и сражается, Колесов позабыл об осторожности, приподнялся и пустил веером строчку по немецкой цепи. Но тут же получил несколько пулевых ранений, свалился и замер. Затих и Кравченко.

Немцы решили, что оба партизана убиты и, прекратив стрельбу, направились к дому.

Но нет, они были еще живы. Когда немцы стали приближаться, первый очнулся от забытья Василий.

— Получайте ж, гады!— крикнул он и открыл огонь.

Немцы опешили. Залегли. Открыли ответный огонь по лежачим партизанам.

Валентин открыл глаза. Светило яркое июньское солнце. Воздух был чист, прозрачен и, казалось, даже сладок. Как хотелось жить!.. Но вот еще один раскалывающий удар в голову, и жизнь стала уходить.

— За Родину!..

Это было последнее слово, вырвавшееся из уст погибающего, но так и не побежденного комсомольца Валентина Кравченко.

А истекавший кровью друг его Василий все еще продолжал свой неравный поединок. Он отстреливался и, оставляя кровавые следы на дороге, полз вверк, к лесу, надеясь увлечь за собою гитлеровцев, чтобы открыть радистам путь к спасению. В перестрелке он ранил еще двух солдат. На большее у него не хватило сил. Сознание провалилось, и он умолк, умолк, казалось, навсегда. Но когда немцы осмелели и стали подходить

к нему, он зашевелился, открыл глаза, ухватился за автомат, но выстрелить уже не смог.

А как же в это время развивались события в доме?

Когда Валентин и Василий выбежали во двор, Иван Николаевич, спавший разутым, мгновенно натянул сапоги, нацепил снаряжение, рацию, потом подбежал к одному окну, к другому: немцы были рядом.

Иван Николаевич в растерянности остановился посреди комнаты. Пробиваться сквозь ряды ощерившихся стволами немцев с одним пистолетом было безнадежное дело. Как быть?

Но тут пришла на выручку хозяйка.

— Ой, матка бозка! Сюда! — крикнула она ему, потом вцепилась в рукав и силою потащила к задней стене, сдернула полог, закрывавший до этого окно, выходившее в сторону оврага, толчком раскрыла двустворчатую раму.

Иван Николаевич молча пожал ей руку, потом повернулся к Панне.

Та, нацепив вещевой мешок и рацию, взялась за увесистый комплект радиопитания — в походах их носили Василий и Валентин.

— Брось его и скорей выскакивай, а то ни себя, ни рации не спасем, — крикнул Панфилов и скрылся за окном.

Уверенный, что она следует за ним, он мчался к оврагу, не оглядываясь, с обнаженным пистолетом в руке. Неожиданно слева, из оврага, показались два немецких солдата. Не заметив партизана, они неторопливо прошли стороной к соседнему дому.

«Неужели они уже возле потока? — с тревогой подумал Панфилов. — Ну что ж, повоюем!» — и, все еще думая, что прикрывает своею спиной Панку, решительно подался вниз.

Но радистка замешкалась в доме. Она все же решила половину комплекта — восемь килограммов веса — прихватить с собой.

Когда Панка приблизилась к раскрытому окну, было уже поздно. В двух-трех метрах от окна она увидела гитлеровцев.

Не долго думая, Панка выстрелила в того, что был поближе, и, не опуская пистолета, кинулась в кухню, оттуда — на улицу. Первое, что ей бросилось в глаза, это юный сухопарый немец, с продолговатым бледным

лицом, с застывшими в нервном возбуждении серыми округлыми глазами. Увидев партизанку с пистолетом в руке, он ринулся было бежать, но тут же остановился, поднял винтовку и стал целиться в радистку.

Но та опередила, ранив его в руку.

Круто повернувшись, Панка вдруг увидела Валентина Кравченко. Окровавленный, он застыл на земле в такой позе, будто вот-вот собирался оттолкнуться и броситься на врага. Панка подбежала, наклонилась, стала тормошить.

— Валя! Валентин! Вставай, побежим вместе, я помогу.

Но Валентин был уже мертв. Убедившись в этом, радистка бросилась прочь, по дороге вверх, к лесу, туда, где проселок у самой опушки сходился с потоком. Оттуда доносились очереди из ППШ, значит, где-то должны быть свои.

Но в это время ее заметили немцы, торопливо переходившие от одного дома к другому. Взять живьем радиста у них считалось верхом боевой удачи. Поэтому всей группой они устремились к ней.

— Эй, фрау, партизанен, ставайсь!

«Врете, гады, живой меня не возьмете»,— твердила Панка про себя.

Но как же трудно было бежать! Казалось, и груз не очень велик, всего не более двенадцати-пятнадцати килограммов, а как сильно он тянет к земле, мешает дыханию. И почему перестали стрелять советские автоматы? Неужели она осталась одна, совсем-совсем одна! Неужели нет больше ворчливого, а на самом деле доброго ее начальника — Ивана Николаевича, вернее, любимого Вани.

Немцы увидели, что партизанка вот-вот скроется в лесу, и открыли огонь. Пули засвистели у Панки над головой. Она шлепнулась на землю, поползла, остановилась перевести дыхание, вскочила, пробежала несколько шагов и снова повалилась, прижатая грузом к земле с такой силой, что, казалось, уже не в состоянии будет встать. Панка ползла, потом вскакивала, делала короткую перебежку и валилась, не чуя ног, рук, самое себя. И снова восьмикилограммовая сумка с питанием к рации прижимала к земле. «Брось его и скорей выскакивай вслед за мной, а то ни себя, ни рации не спасем»,— вспомнила она наказ Ивана Нико-

лаевича. «Да-да, надо бросить, может, тогда доберусь до опушки, в крайнем случае, хотя бы вон до того мыска над обрывом. Там же должны меня встретить наши, обязательно встретят»,— торопливо проносились мысли. И все-таки она не бросила сумку с батареями.

А гитлеровцы все ближе.

Панка несколько раз выстрелила так, с маху, не целясь, чтобы хотя бы на несколько мгновений сдержать их пыл. И вдруг кончились патроны.

И Панка решилась: достала гранату, но... воспользоваться ею не успела.

Недалеко справа, со стороны леса, застрочили советские автоматы. Гитлеровцев, увязавшихся за радисткой, было немного, неожиданный удар с фланга быстро отрезвил их, и они, отстреливаясь, стали пятиться к домам.

Еще не совсем осознав, что произошло, Панка некоторое время продолжала ползти. Потом не выдержала, вскочила на ноги и только было сделала рывок в сторону оврага, как увидела Ивана Николаевича, Ваню, живого и невредимого. Стреляя на бегу из пистолета в сторону немцев, он мчался к ней навстречу.

Не веря еще своим глазам, Панка замерла, посмотрела назад и увидела, что ее преследователи отступают. Значит, она спасена! Нервное напряжение спало, и она вдруг почувствовала такую слабость, что не смогла устоять на ногах и опустилась на землю.

— Ты что, ранена?! — бросился к ней Панфилов.

— Нет, просто я очень устала.— Из глаз катились крупные слезинки, но она не обращала на них внимание, а лишь счастливо улыбалась.

Иван Николаевич помог ей встать, быстро переложил весь груз на себя, и они пошли в сторону леса, подальше от вражеского огня. Шагая рядом с ней, он вспоминал все, что произошло в эти полчаса, а может, и того меньше, и ему стало стыдно. Нет, он сделал все, что мог. Поняв с самого начала, что спастись можно было только бегством, что в гору с большим грузом не побежишь, он и сам не стал перегружаться радиопитанием, и Панке запретил. Он первым выскочил в окно, чтобы, в случае обстрела, принять огонь на себя, прикрыть ее своей грудью. А когда увидел, что ее нет, не раздумывая кинулся было назад. Но опоздал: гитлеровцы окружили дом. Раздираемый мучительными ду-

мами, он рвался туда, к ней. Но против бессмысленного риска решительно восстал рассудок: «И ее не спасешь, и последнюю рацию вместе с жизнью отдашь немцам. Лучше спеши к своим за помощью!»

И он заторопился к лесу в надежде найти там своих товарищей. С тех пор как он покинул дом, прошли считанные минуты, а ему они казались долгими часами. Он спотыкался, падал, задыхался, наконец, потеряв всякую надежду встретить кого-нибудь из партизан, поспешил обратно. И если бы к этому времени не подоспели автоматчики, он бросился бы один на выручку к Панке.

— Я же думал, что ты бежишь следом за мной,— начал он оправдываться перед Панкой.

Но она, не дав договорить, прикрыла ему рот ладонью.

— Не надо, Ваня. Я сама во всем виновата.

— Тссс,— прервал ее Иван Николаевич.

Неподалеку подозрительно зашуршали ветки, хрустнул валежник. Радисты выхватили пистолеты, замерли в ожидании.

— Панка! Где ты?! — услышали они громкий голос Михаила Секачева.

— Здесь, здесь я, Мишенька, здесь!— обрадованно откликнулась Панка.

Вскоре из-за деревьев вышли Секачев, Белайчук и Костя Колос. Радисты кинулись к ним.

— Так это вы, значит, меня спасли от фрицев?— спросила радистка, и лицо ее осветилось привычной для партизан улыбкой, по-детски светлой, милой, добродушной.

— Ты ему скажи спасибо, Косте,— кивнул Секачев на Колоса.— Если бы не он, могли бы и опоздать. А в общем, дали немножко прикурить этим задрипанным фрицикам.

— Постойте, с вами же был Николай. Где он?— спросила Панка.

— Коля погиб,— сдавленным голосом проговорил Секачев.— Очень трудно нам досталось. Окружили ведь нас, гады. Еле вырвались.

С молчаливого согласия товарищей Секачев принял на себя роль старшего.

— Пойдем искать своих,— распорядился он.

До самого вечера блуждали они по лесу в поисках

товарищей. А когда смерклось, спустились вниз, в Ящурово. Там их уже поджидали Иван Максимович, Костя Пич, Лена. А немного погодя подошла и группа Лукьянова. Вместе они разыскали трупы Яши Мавзолевского, припрятанного хозяином дома, Коли Оружейника, Саши Власенко и Вали Кравченко и стали рыть в лесу на пригорке, под сенью берез, братскую могилу. Партизанам молча помогали крестьяне. С их слов партизаны узнали, что раненого Васю Колесова немцы утащили с собой. Когда возник разговор о том, кто привел немцев, один из крестьян сказал: «Солтыс»,— и добавил, что люди видели, как он выскочил в окно и скрылся в лесу сразу же, как только подошли партизаны.

— Солтыс ли выдал нас или кто другой, мы сейчас разбираться не будем. Это вы сделаете без нас, сами,— закончил разговор Иван Максимович.

Тяжело было партизанам хоронить своих боевых друзей: Яшу Мавзолевского, Сашу Власенко, Колю Оружейника и Валю Кравченко.

Двигаясь по маршруту дальше, они теперь обходили населенные пункты стороной. И только одни разведчики пробирались по ночам в попутные селения, чтобы узнать от поляков расположение вражеских гарнизонов, лежавших на их пути, да разживиться продуктами. Один из таких походов за продуктами закончился трагедией.

На этот раз в разведку отправились Павел Лукьянов и самый юный среди них, бывший ученик ремесленного училища Петя Гавриленко. Немцы выследили их и устроили засаду. В тяжелом неравном бою Петя погиб. Еле вырвался и сам Лукьянов.

Так что до места, до горы Турбач на Подгале, их дошло только тринадцать из двадцати.

БЕГЛЕЦЫ

Из Верхней Силезии в сторону Западных Карпат пробирались двое. Шли они только по ночам, держась как можно дальше от населенных пунктов и людных дорог. А на день прятались в лесных зарослях или залегали в нескошенных хлебах. На одном — сильно потрепанный, весь в заплатах зипун; на другом — невообрази-

мая хламида из мешковины. На ногах у обоих деревянные колодки. Лица изможденные, небритые, почерневшие, с бескровными губами и запавшими, беспокойно бегавшими глазами.

Михаил Секачев, окажись он рядом, вряд ли узнал бы в одном из этих полуживых людей своего кряжистого земляка, искусного таежного охотника Петра Мартынова, о котором так часто вспоминал в разговорах с Панфиловым.

Петр Мартынов ушел добровольно на фронт в начале войны. На берегу Дона, когда его часть отходила на новый рубеж, он получил осколочное ранение в голову, потерял сознание. А когда очнулся, вокруг были немцы.

«Бежать! Бежать во что бы то ни стало!» — решил он сразу же, как только осознал свою печальную участь. Эта мысль не оставляла его ни на минуту, хотя он понимал, что это почти нереально. На ночь лагерь обносили колючей проволокой, охраняли их специально натасканные сторожевые собаки. В пути им не давали ни есть, ни пить, и только лишь на пятый день, перед посадкой в товарный вагон, Мартынов получил миску баланды из отрубей.

В вагоне с ним было шестьдесят человек. Дверь и окна наглухо закрыты. Негде было сесть, нечем дышать. На одной из станций вагоны очистили от мертвецов, отобрали из оставшихся в живых здоровых и поместили их в отдельный вагон. Среди них был и Мартынов.

И снова законопаченный вагон, снова станции, на которых выбрасывали свежие трупы. И так везли их и везли неизвестно куда.

Мартынов обнаружил в полу вагона небольшую щель, и это спасло жизнь и ему и многим его товарищам, поочередно приникавшим к щели, чтобы вдохнуть несколько глотков чистого воздуха.

Привезли их в Германию в небольшой городок Вольштейн. Прежде чем поместить в лагерь, каждого из них заставляли по шею погрузиться в мутный от ржавчины керосин, налитый в железные баки, а потом окатывали струей холодной воды. Вся эта процедура означала, что военнопленные прошли «сверхъевропейскую» санитарную обработку.

Ему повесили на грудь бирку с номером, сфотографировали, и стал он с той поры человеком без имени

и фамилии — просто номером восемь тысяч девятьсот первым.

Потянулись страшные дни фашистской неволи. По воскресным дням на потеху именитым арийцам, приезжавшим в лагерь позабавиться жутким зрелищем, нацистские садисты устраивали над военнопленными массовые пытки: в одном белье выгоняли на холод, выстраивали в шеренгу и длительное время окатывали мощной струей воды, вылетавшей под большим напором из брандспойтов. На тех, кто по неосторожности или по бессилию раскрывал рот, мгновенно налетал удар воды, и он захлебывался, часто насмерть. Но горе было и тому, кто не выдерживал напора воды и падал. К нему тотчас же подбегали лагерные палачи-эсэсовцы, вооруженные дубинками, и безжалостно избивали до тех пор, пока тот не умирал. А оставшихся в живых еще ожесточеннее окатывали из брандспойтов.

Оглушенные треском налетавшей без конца воды, пленные с трудом удерживались на ногах, страшно дрожало тело. О, эта мучительная, никогда не забываемая дрожь! Дрожали руки, ноги, тряслась голова, неистово стучали зубы, дергались щеки, шейные позвонки, сотрясалось все тело, подпрыгивала, казалось, сама земля...

А рядом с этим кромешным адом стояли представители «высшей расы», созидатели нового «европейского порядка». Глядя на то, как корчились в судорогах сотни истязуемых людей, как десятки умирали, не выдержав пытки, нацистские садисты закатывались смехом. Несмотря на эти мучительные неимоверные истязания, мысль о побеге не оставляла Мартынова.

Вскоре их снова перевели, на этот раз недалеко, в Верхнюю Силезию.

Через несколько дней Мартынов оказался за колючей проволокой на окраине шахтерского города Кнуров. Это был один из тех многочисленных гитлеровских лагерей уничтожения, где людей не травили в газовых камерах, не сжигали в печах и не стреляли ни в затылок, ни в лицо. Нет, там их обрекали на медленную мучительную смерть от непосильного каторжного труда, голода, беспощадных избиений.

С раннего утра и до позднего вечера, а то и всю ночь напролет Мартынов работал в сырой загазованной шахте, получая в сутки двести граммов эрзац-хлеба:

опилки, кое-как склеенные черной мукой сомнительного качества, да миску супа, сваренного из сушеной брюквы. Как ни крепко был он скроен, как ни закален с детства здоровым крестьянским трудом и охотничьим промыслом в суровой сибирской тайге, нечеловеческий труд под землей и полуголодное существование быстро подтачивали его силы.

И все-таки страшнее всего этого для него было рабство.

Его сосед по нарам, украинец Григорий Мельниченко с такой же страстью ненавидел фашистских палачей. Высокий, весь высохший от недоедания, избиений и хронической простуды, с землисто болезненным лицом, он страдал от надрывного кашля, особенно по ночам. Когда у него начинались приступы кашля, Мартынов теснее прижимался к нему, чтобы своим теплом согреть стынувшего от холода товарища и хоть немного облегчить его муки.

В редкие минуты, когда они могли поговорить, Мельниченко вспоминал свою родную Украину, ее широкие степи, цветущие сады, величавый Днепр, Киев, в котором до войны работал шофером. Мартынов, в свою очередь, рассказывал другу о вольных сибирских просторах, о таежных звериных тропах, о могучем, то растекающемся на десятки проток, то стремительно мчащемся через пороги среди неприступных скал Енисее. Такие разговоры сближали их и все сильнее укрепляли каждого в решимости бежать вдвоем.

Первым осмелился заговорить об этом Мартынов.

— Как думаешь, Гриша, долго мы еще будем гнить здесь на корню?

— До тех пор, пока сами того будем желать,— последовал ответ.

— Рискнем?— еле слышно выдавил Мартынов.

— Давай, Петя,— так же тихо прошептал Григорий.

Они улыбнулись друг другу, и у каждого на душе стало чуть-чуть теплее.

С той поры друзья начали готовиться к побегу. Изучая порядок охраны лагеря, они подметили, что по ночам часовые на вышках то включали минут на десять прожекторы, освещавшие колючую проволоку, то выключали, и тогда ограда на такое же время погружалась в темноту.

Ежедневно в одиннадцатом часу вечера, когда на землю опускались густые сумерки, с шахты возвращалась дневная смена. Пока ее впускали в лагерь, у ворот стоял продолжительный неумолчный шум. На помощь охране с ближайшей вышки спускался к воротам часовой, и, пока он там был занят, прожектор на этой вышке не зажигался.

В течение нескольких суток заговорщики следили за поведением часовых на вышке, уточняя, на какое время они отлучались к воротам. В шахте через вольнонаемных поляков, сочувственно относившихся к советским военнопленным, они достали кусачки и пассатижи. От голодного пайка урывали крохи на дорогу. А чтобы приучить администрацию и дежурных по бараку к их отлучкам на двор по вечерам, Мельниченко симулировал острое расстройство желудка. В таких случаях Мартынов водил своего друга под руку в туалет. А накануне побега инсценировал болезнь и Мартынов, чтобы не пойти на работу с ночной сменой.

Наконец все приготовления были закончены. Час побега настал.

Спустились сумерки. Мельниченко и Мартынов, улучив подходящий момент, незаметно выбрались из барака, прижались к глухой стене, стали дожидаться возвращения дневной смены. Ох, как трудно им было ждать!..

Но вот за воротами послышался топот, резкие окрики немецких охранников. Кинжальный луч прожектора в последний раз прорезал сумрак и погас. Две неразличимые в наступившей темноте фигуры опрометью бросились к ограде, залегли и с лихорадочной быстротою начали действовать. Сколько раз они мысленно резали уже эту ненавистную проволоку! С какой скрупулезностью заранее рассчитывали время, необходимое на то, чтобы проложить дыру и выбраться за ограду.

Куски отрезаемой проволоки пружинили, цеплялись за одежду, рвали ее, до крови царапали руки, лицо, попадали под коленки, больно впиваясь в тело. Но Мельниченко и Мартынов не обращали на это внимания, все их действия были сосредоточены лишь на одном: скорей, скорей — на волю! Щелчки перекусываемой проволоки тонули в шуме, доносившемся от ворот, но Мартынову и Мельниченко они казались выстрела-

ми; работа спорилась, а им казалось, что они катастрофически запаздывают, что вот-вот закроются ворота, поднимется на вышку часовой, включит прожектор — и тогда все пропало. Нет, лучше не думать об этом.

Наконец последние усилия — и лаз в ограде готов. Обливаясь потом, первым полез Григорий, за ним Петр. В спешке он зацепился бедром на колючий шип и, как ножом, разрезал брюки вместе с кожей тела.

Не останавливаясь, беглецы во весь дух помчались по заранее намеченному маршруту, в сторону видневшихся вдали горных отрогов, покрытых лесами. Сознание обретенной свободы придавало им сил, и к утру они ушли от лагеря далеко на восток. На пути им часто попадались небольшие деревни, ютившиеся на берегах речек или у дорог, но из осторожности они обходили их стороной. Только на шестой день беглецы неожиданно столкнулись лицом к лицу с польским крестьянином. Узнав, что перед ним советские воины, бежавшие из немецкого плена, тот притащил из дому старенький зипун и простой крестьянский мешок, посоветовал им прикрыть свою военную форму, наделил их запасом продуктов и указал дорогу.

Зипун достался Грише, а из мешка Мартынов смастерил себе некое подобие куртки. Так они могли сойти за польских батраков, странствующих по Силезии в поисках работы.

Шли они медленно, не более пяти-семи километров в сутки. Но каждый новый переход придавал им надежды на скорую встречу со своими.

На восемнадцатые сутки беглецы добрались до Западных Бескид и, выбрав у подножия первой высокой горы траву погуще, залегли на дневку. Перед ними была большая цветущая долина, рассекаемая неширокой извилистой речкой. У берегов ее ютились польские хутора. Недалеко от них бродили коровы. А вдали отчетливо вырисовывались вершины гор, покрытые хвойным лесом.

— Глянь, Петро, у каждого хутора — сад, прямо як у нас на Украине,— мечтательно проговорил Григорий.

— А я горами любуюсь. Гляжу на них и вижу перед глазами родные Саяны.

Вдруг где-то поблизости послышался звучный шорох, напоминавший шарканье косы. Беглецы перегля-

нулись, насторожились, стали прислушиваться. Так и есть: кто-то недалеко косил траву. Надо было поскорее сматываться — от греха подальше. Но голод взял верх над предусмотрительностью, и они поползли на звуки. Вскоре они увидели двух молодых полячек, ловко орудовавших косами. Вот они присели отдохнуть и, не подозревая о присутствии чужих, заговорили о своих мужьях, угнанных немцами на каторгу, о том, что в деревне у них из мужиков остался только «еден Яношка», что скоро, слыхать, прийдет Червена Армия и тогда — конец войне.

— О, да они, кажется, бабочки сознательные,— шепнул Мартынов.

— Встанем и подойдем, поговорим малость. Может, хлебушком разживемся.

— А не испугаются, не закричат, увидев нас такими?— усомнился было Мельниченко. Однако мысль о хлебе заставила согласиться.

Они поднялись из травы и направились к женщинам.

— Не бойтеше, мы есть советски, радецки, по-вашему, вояци,— стараясь говорить по-польски, предупредил их еще издали Григорий.

Но женщины все же перепугались: уж очень страшен вид был у этих двух, словно из земли выросших, людей. И до тех пор, пока они не подошли вплотную и не признались, кто такие и куда направляются, польки стояли в немом оцепенении. Потом ожили, заговорили.

— Далеко отсюда немцы?— спросил у них Мартынов.

— Там,— махнула одна из женщин рукой.

Мартынов и Мельниченко проследили за движением руки и увидели вдали на склоне горы небольшое селение.

— А там кто живет?— показал Григорий на усадьбу, о которой совсем недавно разговаривал с Петром.

— Там жие фольксдойтча, фашиста, пся крев,— со злостью сказала другая, чуть постарше.— Задуже предал немцам и ваших, радецких людей, и наших, поляков.

Мартынов многозначительно посмотрел на Мельниченко.

— Вы тут про Червону Армию что-то мовили. Ин-

тересно, далеко она сейчас находится, не знаете? — спросил он у женщин.

Смущенные тем, что их подслушали, женщины вначале растерялись, но быстро пришли в себя и заговорили наперебой. По их словам выходило, что Советская Армия находилась уже на востоке Польши, возле Вислы, что польский народ с большой радостью ждет ее со дня на день.

Поделив с беглецами свои скудные припасы продуктов, женщины приступили к своей работе. А друзья спустились к речке, выбрали место поукромнее и расположились на дневку.

— Знаешь, Гриша, о чем я сейчас думаю? О том фольксдойтче, что полячка рассказывала. Вот ведь какой гад, и наших выдает немцам и своих же, поляков, тоже. Добраться бы до него и кокнуть. Как ты, согласен на это? — Мартынов в упор посмотрел на Григория.

— Что за вопрос? Конечно. С тобой, Петя, я на все готов.

Стемнело. Осторожно подкрались они к усадьбе. Немного постояли у забора, напряженно прислушиваясь к звукам во дворе. Но кроме пофыркивания лошадей, да звучной жвачки коров никаких шорохов не было слышно.

Друзья перелезли через забор, подошли к курятнику, открыли дверцу и, чтобы выманить хозяина из дому, вспугнули кур. Те всполошились, закудахтали. За забором, отделявшим хозяйственную часть двора от усадьбы, залились неистовым лаем собаки.

Мельниченко и Мартынов отбежали от курятника и притаились в тени сарая, трясясь от нервного возбуждения. Хозяин не заставил себя долго ждать. Но появился он не из дома, как беглецы ожидали, а откуда-то из глубины сада, с ружьем наизготовку. Петр и Григорий вначале было растерялись. Но тут же овладели собой и вышли из тени навстречу толстому гестаповскому служке.

— Хальт! — заорал перепуганный фольксдойтч.

— Получай, гад! Это тебе за наших товарищей, и за тех поляков, которых ты предал! — сурово произнес Григорий и ударом ножа в сердце прикончил подлого изменника.

— Бежим! — заторопил Мартынов, услышав на

другой половине двора какой-то подозрительный шум.

Они перемахнули через забор и бегом подались в горы. И только преодолев большое расстояние, уже на рассвете остановились они в зарослях леса на отдых.

— Давай, Гриша, заранее договоримся, что в случае, если нас внезапно накроют гитлеровцы, будем разбегаться в разные стороны. А когда все утихомирится, снова возвратимся на то место, откуда нас вспугнут. Если же кто-нибудь из нас не явится, другой будет ждать до трех суток. Только после этого срока каждый из нас может идти дальше один, куда захочет.

— Спасибо тебе, Петя, за то, что не собираешься бросать меня, доходягу, одного,— сказал сдавленным голосом Мельниченко.— Если говорить правду, без тебя, Петя, я бы так долго не вытянул...

— А разве ты не так бы поступил со мною?

Друзья отправились дальше. Всю ночь были они на ногах, на рассвете натолкнулись на картофельное поле, раскинувшееся на большой лесной поляне.

— Может, накопаем картошки, да хоть сырой поедим?— загорелся Григорий.

— Что же, пойдем нароем,— как-то не особенно охотно проронил Мартынов.

Не успели они покинуть опушку, как в нескольких шагах от них раздался неожиданный окрик:

— Хальт! Хенде хох!

Они обернулись и увидели рослого эсэсовца. Не обронив ни слова, они, как и уговорились, мгновенно ринулись в разные стороны. Стремительно убегая, Мартынов слышал позади автоматные очереди, а вокруг — хлопки разрывных пуль. Не обращая на них внимания, Петр продолжал бежать до тех пор, пока у него не хватило воздуха и он, как подкошенный, свалился на траву. Потом тотчас же приподнялся, прислушался. Стрельбы слышно уже не было и вокруг стояла гробовая тишина. Даже лес замер в оцепенении. Петр поднялся. Но куда идти? Голос разума подсказывал: «Уходи как можно дальше от этого злополучного места». А сердце протестовало: «Уйти? Оставить больного товарища одного? А что, если он лежит сейчас, истекая кровью, одинокий и беспомощный и ждет появления друга!» При одной этой мысли Петр Мартынов решительно пошел назад, туда, где гитлеровец спугнул их своим внезапным криком.

Уже совсем рассвело, когда он приблизился к поляне и стал крадучись, озираясь по сторонам, шаг за шагом обследовать опушку. Петр остановился, потихоньку свистнул, немного подождал — никакого ответа. Он уже было отчаялся, как вдруг в конце поляны мелькнул знакомый зипун Гриши. Не рассуждая, Мартынов бросился на поляну, намереваясь догнать товарища. Но в этот момент ему наперерез выскочил из леса поляк.

— Тикай, пан, бо тебя эсэсманы ищут,— предупредил он Мартынова и тут же исчез в зарослях.

Мартынов какое-то мгновение колебался, потом резко повернул в обратную сторону и в считанные секунды добежал до леса.

— Хальт!— услышал он совсем рядом.

«Что же делать? Бежать! Поздно. Неужели сдаваться? Эх, будь, что будет — ходу!» — он шарахнулся в сторону. Но его тут же настиг тяжелый удар прикладом в голову. Петр, как подрубленное дерево, рухнул на землю, теряя сознание.

На окраине небольшого польского местечка, куда его привели, он увидел мрачные, так хорошо знакомые бараки, обнесенные колючей проволокой. «Лагерь,— с болью отозвалось в голове. Он вздрогнул, поежился.— Снова проклятая фашистская каторга...»

На допросе его спрашивали: не он ли зарезал фольксдойтча? Он в ответ не проронил ни слова, за что был избит до такого состояния, что его дважды отливали водой. А потом окровавленного и вконец обессилевшего его потащили под руки в отдельный барак с решетками на окнах.

У дверей одной из камер, мимо которой его волокли, он успел заметить старенький, весь залитый кровью зипун друга.

«Эх, Гриша, друг, выдержишь ли ты пытки?»

В ГОСТЯХ У СМЕРТИ

...Медленно, рывками возвращалось к нему сознание, словно он то просыпался, то вновь погружался в бездну тяжелого непробудного сна. С трудом преодолевая свинцовую тяжесть в голове и адскую боль во

всем теле, он приподнялся на локти, раскрыл отекшие глаза, осмотрелся и увидел, что в метре от него в луже крови неподвижно на животе лежит человек. Мартынов отпрянул к стенке и замер в оцепенении.

Но это длилось недолго. Он медленно подполз к лежащему, повернул его, глянул в лицо — опухшее, окровавленное, и вскрикнул:

— Гриша!

Да, это был он, его друг по несчастью, Григорий Мельниченко. Петр ухватил его руку и попытался нащупать пульс, потом приложился ухом к груди: сердце Гриши медленно, неуверенно, но все же шевелилось.

— Жив! Гриша, друг! — закричал Петр и стал растирать ему виски, грудь, делать искусственное дыхание.

Григорий медленно приходил в себя.

— Гриша! Ты меня слышишь, Гриша? — чуть не плача от радости, осторожно тормошил Мартынов друга, когда тот застонал и открыл глаза.

Но только к полудню Мельниченко окончательно пришел в сознание.

— О чем тебя спрашивали?

— Та все про того проклятого дойтча. Спрашувалы, хто из нас его заризав.

— Ну и что ж ты им ответил? — Петр внимательно посмотрел Григорию в глаза.

— Як що? Конечно, сказав, що ничего не знаю и никакого дойтча в глаза не видел.

— А что ты сказал о ноже? Ведь он у тебя, наверное, в крови был?

— В том-то и дело, що никакого ножа со мною не было. Я ж его сразу, як только побежал тогда на опушке от немца, бросил в кусты.

— Молодец, что догадался, фу-у... прямо гора с плеч. Мне же этот нож ни минуты не давал покоя. Думал, раз они его у тебя найдут, трудно будет отпереться. А без ножа у них же никаких улик нет. Так что мы смело можем отрицать свою вину. Только давай, Гриша, держаться до конца, что б они с нами не делали.

— За меня не беспокойся, умру, не признаюсь. Иначе — труба нам обоим. Я же это прекрасно понимаю.

— А видать, крупного фашистика мы с тобою кокнули, раз гестаповцы не находят себе месте,— заметил Мартынов, и на его рябоватом лице, испачканном кровью, появилось подобие улыбки.

Вечером в камеру вошли офицер в форме гестапо и два эсэсовца. Офицер был крупного сложения и, судя по бицепсам, выпиравшим сквозь мундир, обладал большой физической силой.

— Вставайт,— сказал он густым хрипловатым басом.

Мартынов и Мельниченко продолжали неподвижно сидеть на полу.

— Вставайт!!! — взорвался гестаповец, переходя с баса на оглушительный баритон.

Видя, что и это не действует, он подал знак эсэсовцам. Те подбежали к узникам, сорвали с них одежду и, награждая тяжелыми, со всего размаха пинками кованых сапог, заставили подняться.

— Помни, Гриша, уговор,— шепнул Мартынов.

— Помню, Петя,— ответил Мельниченко.

Чтобы устоять на ногах, он прислонился к Петру, а потом поднял голову и пронизал гестаповца таким гневным взглядом, что тот мгновенно подбежал к Григорию и нанес ему тяжелый удар ногой в пах.

— Ммм,— глухо простонал Григорий сквозь намертво стиснутые зубы и в изнеможении опустился на корточки.

Мартынов сделал рывок в сторону гестаповца. Но тот опередил его ударом увесистого кулака. Потом сбил Мартынова с ног и с остервенением стал наносить удары ногами то по нему, то по Мельниченко, норовя каждый раз угодить в лицо. И только тогда остановился, когда сам выбился из сил. Отдуваясь, он устало добрался до косяка двери и привалился к нему с сознанием исполненного долга. А после того, как немного отдышался, отдал эсэсовцам новое приказание. Те, не торопясь, усадили Мартынова и Мельниченко спиной к спине, накинули общую веревочную петлю им на шеи, и один палач стал стягивать концы, а другой в это время избивал их резиновой дубинкой. За экзекуцией внимательно наблюдал офицер, и когда находил, что еще момент и оба узника будут удушены насмерть, он давал знак, и один палач в эсэсовской форме отпускал петлю, другой — переставал избивать.

— Путешь говорить? — громко спрашивал гестаповец. Нервы его немного улеглись, и он, покуривая сигарету, держал себя уже более спокойно.

Ответом было молчание.

— Кто резайт наш фольксдойтч? — снова забасил офицер, ткнув пальцем в сторону Петра: — Ты? — потом к Григорию: — Ты?

Не глядя на него, оба, и Петр и Григорий, через силу отрицательно покачали головами.

И снова и снова палачи повторяли свои пытки.

Наконец терпению офицера пришел конец. Он вскочил, крикнул что-то эсэсовцам, показав кивком на Григория, и с криком: «Я вам показайт, русси швайн!» — выбежал за дверь.

Эсэсовцы схватили Григория под мышки и поволокли вслед за ним.

Петр остался в камере один — голый, окровавленный, полуживой. Неожиданно раздался скрип двери. Петр вздрогнул, вяло повернул голову. Из-за двери показалась взлохмаченная голова заросшего бородой худого изможденного человека.

— Из какого лагеря, браток, бежал? — тихо окликнул он его.

Не успел Мартынов ответить, как кто-то невидимый схватил взлохмаченную голову за волосы и с силой рванул за дверь.

— А-а-а! — раздался за нею душераздирающий крик.

— А-а-а... — снова, но уже с другой стороны, очевидно, из соседней камеры.

Петр вздрогнул. Ему показалось, что на этот раз закричал Григорий. Затаив дыхание, Мартынов снова прислушался, приложив ухо к стене.

— Не-е-ет! — донеслось оттуда.

Сомнений больше не было — кричал его друг Гриша. «Значит, его снова пытают»... — мысль о новых истязаниях бросила его в озноб. Ему стало невыносимо холодно, во рту пересохло, еще больше запылала жаром голова, заныло все тело.

Но вот минутная слабость сменилась властным желанием бороться за жизнь. «Только бы не умереть, только бы выжить, вырваться на свободу!»

Вскоре отворилась дверь. и эсэсовцы втащили в камеру бесчувственное тело Григория. На правой руке

у него на запястье болтался обрывок солдатской обмотки.

Свалив Григория на пол, солдаты подошли к Мартынову.

— Ком! — приказали они ему.

Мартынов продолжал сидеть. Эсэсовцы заторопились, подцепили его под мышки и потащили в соседнюю камеру без окон, освещенную только единственной лампочкой под потолком. В глубине камеры на стуле восседал все тот же офицер гестапо, весь утопавший в табачном дыму.

— Начинайт говорить: ты резаль наш фольксдойтч? — старательно выговаривал он слова, обращаясь к Мартынову как можно более спокойнее.

Мартынов хотел было не отвечать, но передумал.

— Никого мы не резали, и зря вы нас мучаете. Сколько бы ни били нас, другого мы ничего сказать не можем, потому что ни в чем не виноваты.

Прежде чем отреагировать на сказанное, офицер молчал некоторое время, шевеля губами, очевидно, повторяя слова Мартынова, старался уловить в них смысл.

— Ты враль! Твой коллег сказайт эта... ты резаль наш немец, — нашелся наконец он что сказать, и его бас снова стал переходить на баритон.

«Врешь, негодяй, не спровоцируешь, Гриша этого не скажет», — про себя ответил Мартынов офицеру и посмотрел ему в глаза с нескрываемой насмешкой.

Поняв, что провокация не удалась, офицер взорвался. Снова заорал на всю камеру неприятным козлетоном:

— Отвечайт, пандит!.. Ковори!

Мартынов отлично понимал, что навлекает своим поведением новые страдания, но не смог отказать себе в удовольствии хоть чем-то подчеркнуть свое моральное превосходство: он продолжал смотреть на офицера с издевкой, вызывающе.

Офицер не стал дальше разыгрывать комедию допроса. Он кивнул своим подручным. Те подвели Мартынова к дальней стене, к тому месту, где с потолка до полу свешивалась длинная, продетая в толстое кольцо, обмотка, привязали ее конец на запястье левой руки Мартынова. И тот понял: сейчас будут подтягивать к потолку. Он прижал переплетенные в пальцах руки

к груди, напружинил мышцы и, когда эсэсовцы подтянули его на обмотке вверх, некоторое время держался на силовой подтяжке.

Но вот один из эсэсовцев со всего маху ударил резиновой дубиной по рукам. Они от боли разжались, и тело Петра всей тяжестью рванулось вниз, повиснув на одной вытянутой руке. Мартынов услышал, как что-то хрустнуло в плече и острая, не изведанная еще им боль так пронизала все тело, будто кто-то рассек его сверху донизу острым топором. С каждым новым мгновением эта боль становилась все нестерпимее, рука, казалось, медленно отделялась от плеча, и безрукое тело вот-вот рухнет на пол. Стиснув зубы, Петр обливался потом, стараясь сдержаться, чтобы не застонать, не запросить пощады. Пусть лучше смерть, чем унижение перед подлыми инквизиторами.

«Путешь коворить, кто резаль фольксдойтч Франка?» — орал возле него гестаповец.

Но Петр уже ничего не слышал. Очнулся он только в камере, в объятии своего верного друга. Было сыро, холодно. Чтобы согреться, им надо было двигаться. Но адские боли лишали их возможности ходить, размахивать руками. Голые, избитые, они поочередно втискивались друг другу в объятия и только так согревались, унимая хотя бы на время страшный лихорадочный озноб.

— Ох, хоть бы скорее расстреляли, проклятые фашисты,— сорвалось с губ у Мельниченко.— Сил больше нет...

— Что ты, Гриша! Не падай духом,— стал его уговаривать Петр.

— Та я ж и так терплю, разве ж ты не бачишь? Если б я был один, то давно б загнулся.

— Надо, надо, Гриша, выдержать. Мы еще повоюем, вот увидишь...

В течение трех суток палачи подвергали их нечеловеческим изуверствам, изощряясь каждый раз по-новому. Но ничего от них так и не добились.

На четвертые сутки на допрос их не вызвали. Не взяли из камеры и ночью. А наутро к ним вошел пожилой охранник и приказал собраться с вещами таким тоном, будто у них действительно были какие-то вещи.

— Неужели на расстрел? — вырвалось у Григория.

— Нет, не думаю.

Охранник вывел их в коридор, показал на груду ветхих вещей и деревянные колодки, сваленные в кучу.

— Выпирай, отевайсь,— предложил он.

Одетые в рванину, в деревянных колодках на ногах, они вышли во двор. У порога их поджидал эсэсовец. Он сцепил их одним наручником и велел охраннику вести по назначению.

За всю дорогу охранник ни разу не крикнул на них, не толкнул прикладом. А главное, смотрел на арестованных скорее с сожалением, чем со злобой.

И Мартынов отважился заговорить.

— Геносе, куда вы нас гоните?

Немец долгое время шел молча, словно бы и не слышал его вопроса. Потом, не поднимая головы, потихоньку обронил:

— На станцию. Тругой лягерь вас, на суд.

Солдат умолк и продолжительное время шел, понурив голову.

— Татут по тватцать пять плеток, чтоп не пегали,— снова процедил он сквозь зубы и замолчал уже до конца пути.

— Слышал, Гриша, на суд нас повезут, плетками отстегают, и все.

— Слышал,— повеселел Григорий.

Их втолкнули в полутемное купе арестантского вагона и заперли. Поезд вскоре тронулся и, набирая скорость, помчался навстречу новым испытаниям, новой судьбе. Что она сулила им?

На второй день к вечеру поезд остановился. Узников вывели из вагона. На фасаде станции Мартынов успел прочесть: Лансдорф. В нескольких километрах от станции располагался знаменитый дурной славой Лансдорфский лагерь, выстроенный еще в первую империалистическую войну. К юго-востоку от него сохранилось гигантское кладбище, на котором были захоронены десятки тысяч русских солдат, замученных голодом, непосильной работой. Территорию лагеря гитлеровцы увеличили в несколько раз для военнопленных второй мировой войны.

Прежде чем попасть в зону лагеря, Мартынов и Мельниченко прошли под конвоем через двое ворот. Справа, за колючей проволокой, высилось здание лагерной тюрьмы, куда их и повели. Начальник тюрьмы немец лично записал их в книгу регистрации. Марты-

нов успел прочесть против своего имени и фамилии порядковый номер: 8600-й. «Неужели здесь столько неудачников, таких, как и мы?» — мелькнула мысль.

Зарегистрировав их, начальник отдал команду, и их повели по коридору. Около каждой двери, ведущей в камеру, стояли деревянные колодки.

Мартынова и Мельниченко поместили в камеру номер двадцать семь. Вечером им дали по соломенному матрацу и байковому одеялу. Это показалось роскошью: все-таки не на холодном полу валяться.

Через несколько дней вызвали на суд. Судья спросил у них и четырех таких же горе-беглецов, вызванных вместе с ними на суд, фамилии, имена, отчество и что заставило бежать из лагеря.

— Я больной, кормили плохо, избивали, вот я и решил бежать к себе на Украину, в Киев,— ответил Мельниченко.

— А я сибиряк,— не без гордости заявил Мартынов.— Бежал потому, что в шахте часто избивали и плохо кормили. Чтобы не умереть от голода, решил бежать куда глаза глядят.

Примерно такие же показания давали и остальные.

Выслушав всех их, судья — шестидесятилетний сухопарый старик встал.

— За совершение побега из концентрационных лагерей вы приговариваетесь на трое суток строгого карцера, а после его отбытия поселению в блоке «Д»,— бесстрастным голосом объявил он решение.

Перед тем как посадить в камеру строгого режима, их пропустили через «санобработку» в кирпичном здании бани. Начало процедуры было таким же, как и в лагере в Вольштейне, их погружали в бак с керосином, потом загоняли в большую железную кадку, наполненную холодной водой, давали каждому какой-то раствор, отдаленно напоминавший мыло, и заставляли растереть его по всему телу. В завершение их завели в небольшую комнату, окатили из шайки теплой водой, так и не смыв ни грязи, ни керосина, ни мыльного раствора.

После этого рассадили по камерам-одиночкам, раздев предварительно донага и не дав никаких постельных принадлежностей.

Камера, в которой оказался Мартынов, была без окон, сырой. Ни на минуту он не мог уснуть,

не мог сидеть на месте, прыгал, делал энергичные движения, наподобие гимнастических упражнений. Но организм его так был обессилен, что ничего не помогало, всю ночь он так и пропрыгал, сотрясаясь от холода и дрожи.

На следующий день ему дали только сто граммов «хлеба», испеченного из свеклы, и стакан холодной воды. И так все дни заточения. На третьи сутки Мартынов так ослаб, что, когда его позвали к начальнику тюрьмы, он уже не мог идти, и ему на месте объявили, что срок его заключения в карцере кончился.

На улицу заключенных вывели под руки. Блок «Д» оказался в самом конце лагеря, за высоким забором из многорядных секций колючей проволоки.

В зоне блока «Д» их разлучили: одного поселили в одну секцию, другого — в соседнюю, изолированную от первой.

Подгоняемые полицаем, друзья торопливо прижались друг к другу и разошлись.

И потянулись страшные будни беглеца-неудачника, заточенного в блок «Д». За малейшее опоздание его, как и других штрафников, били палками; за нечеткое выполнение требований коменданта или полицаев стегали нагайками, у которых вместо кожаных наконечников висели кисти из электропроводов; избивали даже без причины: не так посмотрел на полицая или на коменданта секции, блока, не так повернулся, не так стал.

Но жизнь впроголодь и свирепый режим действовали на Петра не так убийственно, как полный крах его надеждам на побег.

Но вот наступила осень 1943 года. Штрафников стали посылать в рабочие команды. Отбирали туда только крепких арестантов, способных к тяжелому физическому труду. Мартынов же был слабаком. Однако все же попытался втиснуться в шеренгу отобранных.

— Куда прешь, доходяга? А ну, марш из строя,— закричал на него комендант.

— Я выдержу, дайте только немного поработать, и я очень скоро окрепну,— пытался он упрашивать.

— Вот когда окрепнешь, тогда и приходи.

Наконец он был включен в число двухсот, отобранных для медосмотра. Всю ночь он провел в беспокойстве, боясь, как бы его снова не забраковали.

— Опять ты затесался? — крикнул было на него комендант блока.

Но тут за Мартынова вступился врач.

— Ничего, господин комендант, у него кость широкая, сибирская. Такие скоро становятся на ноги — вытянет, так что вполне можно посылать.

— Ну черт с тобой, становись, все равно скоро загнешься,— сдался комендант.

И в тот же день Петр шагал в составе рабочей команды на восток.

ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ НА ТУРБАЧЕ

Их было человек пятьдесят. И у всех за плечами неудачные побеги, истязания, пытки, карцеры, продолжительное заточение в блоке «Д» Ландсдорфского лагеря. Это, естественно, сближало, вызывало чувства взаимного доверия.

За четверо суток, проведенных в пути, Мартынов познакомился со всеми своими новыми товарищами. Расспрашивая, откуда родом, чем занимался до войны, из какого лагеря бежал, он внимательно присматривался к каждому из них, надеясь заранее выявить смельчаков, способных составить ему компанию.

Более других расположил его к себе и вызвал доверие уроженец села Лобаново Акмолинской области Иван Богунов. Мартынов решил поделиться с ним своим намерением. Богунов согласился с ним, но сказал:

— Зимой бежать — гиблое дело. Надо дождаться лета, когда каждый кустик переночевать пустит.

На пятый день они прибыли в польский город Цешин, расположенный на юго-западной границе Силезии, рядом с чешским Тешином; разделяла эти два города лишь река Ольза. Разместили пленных в двухэтажном здании мебельной фабрики, приспособленной под рабочую казарму. Двор мебельной фабрики был невелик, обнесен колючей проволокой. Но изгородь сделали невысокую, и перебраться через нее не составляло большого труда. Вообще режим содержания рабочей команды был значительно легче, чем в обычных лагерях.

На городской железнодорожной станции они разгружали вагоны с углем, камнем, картофелем, в окрестных поселках грузили металлолом, а в чешском Тешине — металлическую стружку.

Чтобы предупредить ночные побеги, окна на втором этаже, где они спали, охранники заделали решетками. На ночь у них отбирали обувь и верхнюю одежду и прятали под замок. Входную дверь запирали висячим замком снаружи.

С наступлением тепла Мартынов стал думать, как запастись отмычками, с помощью которых можно было бы открыть шкаф с одеждой и висячий замок с наружной стороны входной двери, к которому можно подобраться через небольшое окошечко. На помощь ему неожиданно пришел сапожник, как и он, штрафник. Будучи искусным слесарем, сапожник пообещал сделать ключи для одного запора и для другого.

Помог ему и другой пленный — Анатолий Петров. Зная о том, что Мартынов собирался бежать, он раздобыл у какого-то поляка карту юга Польши и сумел пронести ее в казарму.

— На — пригодится. Только спрячь ее как следует,— предупредил Анатолий Мартынова.

Тот поблагодарил и спросил: почему Петров сам не хочет бежать, с ним вместе?

— Рада бы душа в рай, да грехи не пускают,— загадочно ответил Анатолий. Потом подсел к Петру поближе.— Я на побеги невезучий. Трижды бежал, и каждый раз ловили. И так избивали, что... А в последний раз строго предупредили, что если еще раз попытаюсь бежать, расстреляют без всякого суда и следствия. Из-за меня и мои напарники страдали. Вот почему я не хочу связывать вам руки. Поживу, присмотрюсь, может, и дам деру. Только скорее всего, один.

Мартынов спрятал карту в свой матрац.

Наступило долгожданное лето 1944 года. Все было готово к побегу. И вдруг случилось такое, что чуть было весь план их не сорвался. Однажды, когда команда находилась на работе, немецкая охрана учинила повальный обыск в казарме и обнаружила карту. В связи с этим всех пленных раньше времени отозвали с работы. У ворот стояло очень много охранников. Каждого они тщательно обыскивали, причем делали это очень грубо, чего раньше не наблюдалось. Когда работяги

поднялись к себе на второй этаж, они увидели, что все матрацы и подушки распороты.

Комендант приказал каждому стать у своей койки.

У Мартынова от этой команды потемнело в глазах. Но делать было нечего, пришлось подчиниться. Когда Петр подошел к своей койке, начальник лагеря тут же подозвал к себе Ивана Ивановича Богунова, работавшего переводчиком — того самого, с которым Петр готовился к побегу! — вместе с ним приблизился вплотную к Мартынову и стал допрашивать.

— Кто тебе дал эту карту?

Мартынов сделал вид, что не понял вопроса, и попросил повторить.

Богунов повторил.

— Никакой карты я ни у кого не брал и вообще ее впервые вижу,— ответил Мартынов. Потом подумал и добавил: — Я же неграмотный.

Это прозвучало так наивно, что Богунов не удержался и захохотал. Перевел немцу. Тот тоже рассмеялся. В бараке поднялся общий смех. Многие кричали:

— Он же неграмотный! Он даже расписывается как курица лапой.

Когда смех прекратился, комендант спросил: как же, в таком случае, карта очутилась в его матраце?

Вопрос адресовался Мартынову, но Богунов, опасавшийся, как бы Петр не попал впросак, поспешил на помощь.

— Извините, господин обер-лейтенант, но вы же сами видите, что во многих матрацах много бумажной макулатуры: обрывки книг, журналов, газет...

Немец посмотрел на другие матрацы, пожал плечами, немного поразмыслил и как будто успокоился. Тем не менее он все же решил проучить так, для общей острастки военнопленного впрок. Взяв из рук охранника тесак, комендант со всего маху ударил плашмя по голове Мартынова.

— За что? Я ж ни в чем не виноват! — закричал Мартынов и от боли ухватился за голову.

Богунов стал торопливо переводить его слова офицеру. Но тот уже ничего не хотел слышать. Восприняв крик Мартынова за оскорбление, комендант обозлился и стал избивать Петра тесаком по голове, по лицу, по рукам. Окровавленный Мартынов свалился на пол, надеясь на то, что шеф лагеря прекратит расправу. Но

тот, бросив тесак охраннику, несколько раз ударил Мартынова ногами в грудь, в спину, под бока. Потом заставил подняться, сунул в руки карту, заставил изорвать и бросить в пылавшую рядом голландскую печку.

Пересиливая боль, Петр разорвал карту надвое, смял и направился к печке.

— Хальт! — заорал офицер. А когда Мартынов обернулся, потребовал, чтобы тот изорвал карту на клочки.

Выполняя приказания, Мартынов все же ухитрился зажать в ладони ту часть карты, где была нанесена так хорошо изученная Силезия, а остальное разорвал помельче и швырнул в печку. Когда немцы ушли, Петр бросился к печке, выхватил из огня пылавшие клочья карты и, обрадованный тем, что необходимая часть сохранилась, спрятал ее во дворе под застреху уборной.

К утру у него распухло лицо, голова налилась свинцовой тяжестью, ныло все тело, и на работу он не пошел.

— Ну ты как, готов? — в тот же день спросил Мартынов Богунова. — Я больше ждать не могу.

— Готов.

Они условились бежать в полночь 15 августа 1944 года. До этого срока у них оставалось еще несколько дней на окончательную подготовку. Мартынов торопил сапожника с ключами, и тот не подвел. Накануне побега Петр получил готовые ключи, незаметно попробовал их в действии и засиял от радости: ключи были сделаны мастерски, они очень легко отпирали и шкаф и замок на двери.

Настала решающая ночь. В бараке стояла тишина, но многие не спали, зная, что двое их товарищей должны совершить побег.

В полночь, когда все, казалось, уснули, беглецы спустились на первый этаж, открыли шкаф, обулись, оделись, подошли к выходной двери. Мартынов потихоньку нажал на дверцу окошечка, достал замок, вставил ключ, повернул...

На улице и во дворе было тихо. Они взяли у стены деревянную скамейку, положили ее на колючую изгородь, перемахнули через нее и бросились в придорожный кювет.

Две недели пробирались они на восток, уходя все дальше и дальше от фашистской неволи. Питались пре-

имущественно дарами августовского леса и огородов, лишь изредка обращаясь за помощью к польским крестьянам попутных селений.

Однажды утром, усталые и голодные, беглецы набрели на картофельное поле и решили накопать свежей картошки. Только было приступили они к делу, как неподалеку показался человек. Он смело направлялся в их сторону.

Они испугались и бросились к лесу.

— Алло! Слухайте, панове! Не майте страху — я есть польский партизанта,— закричал им вслед незнакомец.

Они остановились, посмотрели вокруг и, не заметив ничего подозрительного, стали дожидаться незнакомца, приготовив на всякий случай свои длинные дубины. Когда же поляк подошел и они увидели на его пилотке красно-белую ленточку, а на его мужественном загорелом лице дружескую улыбку, успокоились.

Поляк назвался партизанским псевдонимом Стах, они — своими настоящими именами. Разговорились. Узнав, что они беглецы и пробираются к линии фронта, Стах удивился.

— До фронту? Для чего так далеко? Кеды ту недалеко есть ваши радецки партизанты?

Мартынов и Богунов не поверили своим ушам, забросали его вопросами.

Стах рассказал, что советские партизаны действуют неподалеку в горах, сообщил о последних событиях на фронте, о действиях польских партизан, о поголовном антифашистском настроении польского населения. Мартынову хотелось поскорее добраться до советских партизан, и он стал расспрашивать, как к ним попасть.

— То юж пуздно. Ноцуйте в тей копе,— показал Стах на копну сена.— А рано ютро пуйдите на ту гору,— показал рукой.— Там — наши. Они ведаюць, де есть ваши партизанты. А ту немцув нема ниц.

Поляк закурил, угостил сигаретками беглецов, пожелал им успехов и зашагал своей дорогой.

Как только он скрылся с глаз, беглецы, перебивая друг друга, заговорили.

— Как думаешь, можно ему верить? — спросил Мартынов.

— Кто его знает,— пожал плечами Богунов.— Что-то уж больно легко он расправляется с немцами. И во-

обще все ему нипочем, как будто бы здесь хозяева не фашисты, а они, поляки. Не верится что-то.

— А разве мы не так повели бы себя, будь у себя на Родине, в партизанском отряде? Нет, по-моему, он честный малый, но, как говорится, береженого бог бережет: отойдем подальше, переночуем, а утром осторожно вернемся сюда. Коли немцев не обнаружим, значит, он не врал, и смело пойдем на указанную им гору.

Так и сделали. Отошли метров на триста в сторону, замаскировались в лесных зарослях, переночевали. А утром вернулись и тщательно обследовали опушку, окаймлявшую картофельное поле.

— Никого. Я ж говорил, что парень порядочный,— уверенно сказал Мартынов и с облегчением вздохнул.

— Выходит, что так.

Они отправились на гору. Встретив на пути деревню, рискнули зайти. Продвигаясь улицей, где-то на середине деревни увидели группу военных, шагавших навстречу. Беглецы перепугались, юркнули за угол дома и притаились. Когда же военные поравнялись, на их головных уборах стали видны красно-белые ленты. Тогда беглецы вышли и стали подниматься в гору.

На одном из поворотов лесной тропы их остановили трое польских партизан, стоявших на посту. Они расспросили беглецов, кто они, откуда и куда следуют, и, когда узнали, зачем те пожаловали, один из дежурных повел их в штаб отряда.

Вскоре Мартынов и Богунов стояли перед молодым польским офицером. Попыхивая сигаретой, тот начал было расспрашивать их по-польски. А когда убедился, что они его плохо понимают, заговорил по-русски.

Оказалось, что в этом отряде собралось уже несколько советских солдат, бежавших, как и они, из плена. Среди них Богунов нашел своего земляка из Акмолинска. Мартынов — сибиряка лейтенанта Михаила, с которым они сдружились.

Поляки показали, в каком месте находятся советские партизаны, и прибившиеся было к ним беглецы все вместе отправились в том направлении. Но, проплутав двое суток, разошлись в своих планах. Большинство, в том числе и Богунов, решили пробираться на восток, к линии фронта, а Мартынов и его новый друг Миша — в отряд советских партизан.

Наступило утро 4 сентября 1944 года. Петр и Миха-

ил медленно стали спускаться с Турбача. И вдруг услышали родной русский окрик.

— Стой! Кто идет?

— Мы, товарищ, свои, из плена бежали, советских партизан ищем,—воскликнул обрадованный Мартынов,

— А-а, ну тогда к нам.

Из кустов вышел высокий светловолосый молодой партизан с советским автоматом на плече. Мартынов как увидел его, так и заплакал.

— Что, видать, здорово тебе досталось в плену? — понимающе спросил партизан.

— Ой, и не говори...

— Вы, наверно, очень голодны. Но, к сожалению, могу только дать закурить. Из продуктов ничего не осталось. Но вы не горюйте, походите вокруг, здесь очень много спелой голубики и брусники. Попаситесь немного. А когда придет смена, пойдем в отряд. Кстати, меня зовут Борисом Рыбаковым. А вас?

Петр и Михаил представились.

— Ладно, закуривайте и валяйте, привыкайте к партизанскому подножному корму.

Вечером, уже в сумерки, Борис Рыбаков привел их в отряд. Принял их начальник штаба старший лейтенант Евтюнин. Когда Мартынов сказал, что он из Кызыла, Евтюнин широко раскрыл глаза.

— Из Кызыла?— переспросил он.— У нас в отряде уже есть один оттуда.

— Кто? Как его имя, фамилия? — обрадовался Петр.

— Михаил Антонович Секачев.

— Кто?! — не поверил Мартынов своим ушам.— Мишка? Секачев?

— А вы что, знаете его?

— Ну как же! Он же у моей жены в школе учился. А его старший брат Иван мой лучший друг, вместе на охоту ездили. Да и Мишка много раз увязывался за нами.

— Ну и как, здорово охотился он в тайге?

— Ого, еще как. Боевой хлопец был.

— Он и здесь такой, все рвется в бой.

— А где он сейчас?

— На задании. Дня через три вернется.

Начальник штаба внимательно посмотрел на одного и другого.

— Что же, ребята, на боевые дела вы пока не годитесь — слабаки. Будете несколько дней пасти коров, доить их и питаться молоком, сил набираться.

Двое суток они пасли коров вдвоем, потом к ним прибавился третий новичок — Георгий Шишкин из Кузбасса. На нем была кожаная фуражка, которую они приспособили вместо ведра: пили из нее молоко.

На четвертые сутки вернулся с задания Секачев. Начальник штаба сообщил ему о появлении земляка, назвал его по имени и фамилии.

Не успел он докончить, как Михаил сорвался с места и стремглав подался на поляну, где новички пасли коров.

— Петр Леонтьевич! Дорогой ты мой землячок! — еще издали закричал он.

Они сошлись и несколько мгновений стояли молча. Мартынов, не стесняясь, плакал от радости. Потом вытер мокрые глаза, высморкался, немного отодвинулся, посмотрел на Михаила оценивающим взглядом.

— Как же ты, Миша, вырос за это время. Я бы, наверное, и не узнал бы тебя сразу, если бы встретился в лесу, а тем более здесь, в Польше.

— А я бы тебя сразу узнал. Правда, от тебя только половина осталась, но по твоему рябоватому лицу, по глазам, по всему можно узнать.

А спустя немного времени Михаил примчался к Ивану Николаевичу Панфилову.

— Вань, что я тебе сейчас скажу! Ахнешь. Только что обнимался со своим землячком, тем самым Петькой Мартыновым, о котором тебе много раз рассказывал, помнишь? Так вот он теперь у нас, в отряде. Из плена сбежал и к нам случайно прибился. Вот ведь как случается.

Об этом он, конечно, рассказал и Ивану Максимовичу.

— Можно включить его в мою группу, как поправится? — спросил Секачев Таранченко.

— Конечно, можно. А он что, хорошо стреляет, что ты так уцепился за него, или просто печешься о своем земляке?

— Откровенно говоря, и то и другое. А что касается того, как он стреляет, так будьте уверены, Петр Леонтьевич промаху не даст. Он у нас в Кызыле был лучшим охотником, много коз и другой дичины с моим

братаном Ванькой положил в тайге. Он и фрицев будет щелкать таким же образом, вот увидите.

В своих предсказаниях Михаил не ошибся. Но об этом разговор пойдет дальше.

А сейчас о том, как сложилась дальнейшая судьба отряда Батяна и Таранченко.

За сутки до того, как им отправиться за Дунаец, прихватить по пути группу старшего лейтенанта Тулешова и вместе проследовать в Словакию на соединение с другими отрядами, из Москвы получили радиограмму: «Уход в Словакию отменяется. Остаетесь на месте. Приступайте к разведывательным и боевым действиям самостоятельно. Дополнительные указания дадим».

Для Таранченко и Батяна это явилось неожиданностью.

В штабе Павла Анатольевича к тому времени было решено, как читатель уже знает, создать на юге Краковского воеводства самостоятельное партизанское соединение. Основным костяком его и должны были стать отряды Батяна и Таранченко.

Пока мы готовили в Москве с командиром ОМСБОНа полковником Орловым для будущего соединения вооружение, боеприпасы, взрывчатку, радиопитание, пока авиадесантники тренировались в прыжках с парашютом, отряды Ивана Максимовича и Алеши совершили несколько ударов по вражеским транспортам на шоссейных дорогах, пустили под откос два эшелона. Не обошлось и без новых жертв.

Однажды, во время очередного минирования шоссейной дороги Иосиф Савченко увидел в просвете между веток, что к месту закладки мины приближалась большегрузная машина с эсэсовцами на борту. А он опаздывал. Времени на раздумье не было, и отважный советский партизан подорвал машину вместе с собой. Случилось это 16 сентября 1944 года.

Обо всем, что рассказано на страницах этих двух частей, и поведали мне их герои у партизанских костров, после моего неудачного приземления с парашютом.

А о том, как воевали они, мои боевые друзья, уже после появления среди них нашей московской авиадесантной группы, читатели узнают из третьей, заключительной части.

Часть третья

С РАСПРАВЛЕННЫМИ КРЫЛЬЯМИ

На восточном склоне горы Кудлонь, почти на километровой высоте примостилась живописная Солтысова[1] поляна, сохранившая даже к началу октября ярко-зеленую свежесть альпийского луга. С трех сторон ее теснила опушка смешанного леса, с четвертой — горная туристическая дорога, пробегавшая по краю отвесного обрыва в сторону Турбача. В юго-западном углу поляны, у обочины дороги ютилась длинная, выстроенная в канун войны да так и не обжитая капитальная бацувка с двухкомнатной, хорошо отделанной мансардой. Поместительный низ предназначался для загона скота в ненастную погоду, мансарда — для пастухов. В сравнении с легкими шалашами из веток с пожухлыми листьями, пропускавшими, как сито, и дожди и ветры, бацувка сулила партизанам надежное укрытие и от осенних ливней и уже недалекой зимней стужи. Кроме того, к «Орлиному гнезду» — месту нашей прежней стоянки — вела только одна крутая и неудобная тропинка. Это означало, что в случае внезапного нападения гитлеровцев, мы могли бы оказаться зажатыми в мешке. Здесь же, на Солтысовой поляне, было большое поле для маневрирования. Поэтому мы без особого сожаления оставили «Орлиное гнездо» и перекочевали на Солтысову поляну. Разведчики, радисты и комендантский взвод оккупировали низ, мы — штабисты — мансарду, прозванную с легкой руки Володи Сподневского Бельведером, а отряды разместились в двух сараях-мазанках, вытянувшихся в ряд на противоположной опушке.

— Наконец-то расправили крылья, вырвались, можно сказать, на стратегический простор,— радовался замполит Иван Максимович.

[1] Солтыс — сельский староста.

Мы стали с ним на верхней площадке, перед входом в мансарду и, облокотясь на перила, зачарованно смотрели на пестроту осеннего леса.

Но долго любоваться природой нам не пришлось. Из-за угла бацувки показались начальник штаба старший лейтенант Евтюнин и командир первого отряда Меняшкин. Они были поглощены каким-то серьезным разговором и нас не замечали. Мы подождали, пока они поднимутся по лестнице, и все вместе вошли в штаб.

Увидев через раскрытую настежь дверь лежавшего во второй комнате капитана Пушкова, Меняшкин прошел к нему, поздоровался, спросил о самочувствии.

— Все, Вань, в порядке, скоро барыню буду отплясывать,— с напускной веселостью ответил Пушков.— А ты, говорят, на боевое задание собираешься?

— Да, товарищ капитан, собираюсь,— ответил Меняшкин.

— Ну что ж, успеха тебе, Ваня,— от души пожелал ему Пушков.

Прежде чем покинуть его, Меняшкин стал заботливо поправлять на нем одеяло, сшитое из мешка. Но поймав себя на том, что руки его действуют грубо и неумело, почувствовал себя неловко и от напряжения даже взмок. Вообще осторожные мягкие движения и нежность никак не вязались с его богатырским видом, о котором в народе говорят: и в плечах косая сажень, и грудь колоколом, и кулаки-пудовики. Под стать его фигуре и крепко посаженная голова. Лицо сильное, выразительное, с жестким и резким взглядом. Казалось, попади такому под горячую руку, живым не вырвешься.

— Ладно, иди докладывай, что вы там с нашим начальником штаба надумали,— выручил я его, пригласив в первую, штабную комнату.

— Решили разгромить гарнизон в Яблонке,— просто, как о чем-то обыденном, начал он.

— Что? Гарнизон в Яблонке разгромить?— переспросил его озадаченный Иван Максимович.— А ты знаешь, сколько в том гарнизоне немцев и какие там укрепления?

— Знаю. Фрицев около полуроты и укрепления подходящие.

— А у тебя сколько людей?

— Пока шестьдесят пять.

— И с таким количеством ты хочешь осилить этот гарнизон?

Меняшкин опустил голову, насупился.

Мы с начальником штаба в разговор не вмешивались: он — из деликатности, я — из желания получше присмотреться к замполиту, а заодно проверить, как себя поведет мой старый боевой друг по белорусским партизанским тропам и мой двойной тезка Иван Федорович Меняшкин. В успехе задуманной им операции я не сомневался, потому что знал за ним одно очень важное для партизанского командира качество: не браться за дело, которое тебе не по зубам. У нас в Белоруссии Иван Федорович поначалу был минометчиком, метким, ловким, отважным. Десятки гитлеровцев нашли смерть или были покалечены его минами. Потом он был переведен в оперативную разведку, 12 раз пробирался с двумя своими напарниками в оккупированный город Борисов. Много важных и рискованных боевых операций провели они там, схватили и доставили к нам за 45 километров офицера абвера, ведавшего заброской разведчиков в тыл нашей армии. А с января 1944 года и до прихода советских войск Меняшкин командовал ударным взводом в нашем Феликсовском отряде, и у него было столько же партизан, как и в его теперешнем Первом отряде. И если там, в Белоруссии, он однажды сумел с таким же количеством людей двое суток сражаться с целым эсэсовским батальоном и при этом уничтожить четыре танка, десятки гитлеровцев и не потерять ни одного своего бойца, то тут вполне мог справиться с вражеской полуротой.

— Я, товарищ комиссар,— заговорил он наконецто приглушенным от обиды голосом, — не привык бросаться словами на ветер... И, пожалуйста, не думайте, что я один разрабатывал этот план — вместе с вашими же хлопцами мозговали. И все они, да и товарищ старший лейтенант,— кивок в сторону начальника штаба Евтюнина,— убеждены, что фрицев в Яблонке мы потрепаем как следует. Один только вы не верите...

— Да нет, дорогой друг, я тоже верю,— неожиданно выпалил Иван Максимович.— Верю, потому что у тебя же в отряде такие орлы, как Миша Секачев, Миша Пинаев и много других, с которыми лично я на

батальон пошел бы, не то что на какую-то задрипанную полуроту.

— Так чего ж вы тогда... Фу-у,— с облегчением стал отдуваться Меняшкин.

— А то, что хотел узнать, уверен ли ты сам в успехе задуманной операции. Но вижу, что мы не ошиблись, назначив тебя командиром нашего ведущего отряда.

Напряжение спало. Воспользовавшись паузой, я стал уточнять у начальника штаба, хорошо ли он ознакомился с планом.

Евтюнин ответил утвердительно.

— Гарнизон там небольшой и партизанами еще не пуганный,— продолжал старший лейтенант.— Подходы к нему хорошие, вот посмотрите,— показал он по карте-километровке.

— А далеко там от казармы до крестьянских домов? Не пострадает население во время боя?

— Не думаю. Казарма там на отшибе.

На протяжении всего нашего разговора Пушков несколько раз приподнимал голову и порывался что-то сказать, но тут же передумывал, опускался на подушку и напряженно слушал дальше.

— А как ты, Семен Николаевич, смотришь на эту операцию?— попытался я втянуть его в обсуждение плана.

— Дело это очень заманчивое. Но все-таки...

— Что «все-таки»?— перебил его вспыхнувший Меняшкин.— Почему вы сами ничего не скажите,— резко повернулся он в мою сторону.

— А ты не очень-то торопи,— осадил я его.— Тебе бы только поскорее боевой счет отряда открыть, а о том, видно, не подумал, что это наша первая серьезная заявка на боеспособность. Что от ее исхода будет зависеть, как нас расценят поляки, как людей серьезных, боевых, на которых они смело могут положиться, или посчитают нас авантюристами, способными и себя подвести и население поставить в тяжелое положение.

— Вот и я об этом же хотел сказать,— поддержал меня Пушков.

Обстоятельно изучив план и расспросив командира отряда, как прошла подготовка к операции, все сошлись на том, что отряд подготовился к ней основательно.

Когда обсуждение плана подходило к концу, заявился врач Судоплатов. Узнав, в чем дело, он загорелся желанием пойти вместе с отрядом.

— Не знаю, как решит командир, а я бы вас не пустил,— охладил его Иван Максимович.

— Но позвольте! Люди идут в бой, любой из них может быть ранен, и врач им будет необходим, как воздух,— горячо возразил Николай Павлович.

— В бою раненым нужны санитары, а не хирурги. А когда их доставят к вам в санчасть, тогда вам и карты в руки,— не сдавался замполит.

Судоплатов вступил с ним в спор, старался переубедить его, добиться согласия. Но Иван Максимович был неумолим.

Тогда Николай Павлович кинулся ко мне, надеясь, что я окажусь более покладистым. Он смотрел на меня с такой надеждой, что я чуть было не сдался. Однако мы не имели права рисковать единственным врачом, тем более вдали от Родины. Поэтому и я не поддержал Николая Павловича.

В сумерки отряд Меняшкина покинул Солтысову поляну и, прошагав за сутки около сорока километров по нелегкому горному бездорожью, в полночь стал приближаться к Яблонке. Партизаны спускались по ложу высохшего ручья, над которым то и дело нависали ветви густых зарослей. Ручей всю дорогу петлял, упирался в каменные глыбы, встававшие на пути, обрывисто падал вниз. Чтобы не споткнуться о камни и узловатые корневища, выпиравшие на каждом шагу, не сорваться и не грохнуть вниз на обрывистых изломах, партизанам надо было ступать очень осторожно, ощупывая дно ручья ногами. От напряжения всем становилось жарко, ломило в плечах и локтях, подрагивали колени, рябило в глазах.

Первым двигался взвод Миши Секачева. Сам он шел впереди, вслед за разведчиками Костей Мурашовым, Коканом Карабаевым и Петром Сопиковым.

Ручей стал постепенно выравниваться, раздаваться вширь. Вот он обежал с двух сторон большой валун и мягко скатился в горную речку Чарна Острава.

Разведчики свернули вправо и вскоре вывели отряд на опушку небольшого разнолесья. Цепочка замерла. Меняшкин прошел в голову колонны.

— Пришли, товарищ командир,— стал ему докла-

дывать разведчик Мурашов.— Рядом — шоссе, по нему до моста не более двухсот метров.

Меняшкин и Секачев в сопровождении разведчиков подошли к шоссе, осмотрелись, немного прошли вперед к мосту, остановились, прислушались и вернулись назад. По команде командира отряда партизаны расположились вдоль шоссе на отдых. Угадывалась близость реки по долетавшей снизу сырости и по каким-то другим неуловимым признакам. А за ней где-то неподалеку прятались в темноте Яблонка, вражеский военный городок.

Близилось утро, становилось светлее. Предутренний сумрак стал постепенно переходить в рассвет.

Меняшкин посмотрел на часы — пора.

— Давай, Миша, время. Только смотри не зарывайся. Помни наказ командования: внезапным ударом нанести как можно больший урон противнику, уничтожить всех, кто подвернется под руку, взять трофеи и — назад. Я буду со вторым взводом на левом фланге, со стороны реки. Если вам придется отступать с боем, мы ударим по немцам с боку и с тыла. Общий отход — зеленая ракета.

— Ясно, товарищ командир, все будет в порядке,— хриповатым от волнения голосом ответил Секачев. Потом по привычке поплевал на руки, передвинул автомат из-за спины на грудь, лихо примял шапку-финку и зашагал по обочине шоссе к мосту.

Партизаны его взвода последовали за ним. Шли крадучись, низко пригнувшись к земле, чтобы не вспугнуть часовых на мосту, за которым уже можно было различить смутные очертания вражеской казармы и других построек. Но когда до моста остались десятки метров, зоркий часовой разглядел в нерассеявшемся еще как следует сумраке приближавшиеся серые тени и поднял тревогу.

Секачев мгновенно выпрямился, крикнул своим резким голосом «За мной!» и, несмотря на то что навстречу стреляли немецкие охранники, застрочил в ответ из автомата и смело бросился на мост.

Партизаны мчались за своим командиром рассыпанным строем и палили из всех видов оружия. Немецкие охранники не выдержали и бросились наутек, но спастись уже не смогли — партизанские пули настигли их на полпути к казарме.

С ходу перемахнув через мост, партизаны пробежали еще немного и на расстоянии сотни метров от казармы врага залегли цепью.

— Моряк! Бей из своей салатуры между окон и по сараям! Мохов, Хлуднев! Короткими очередями — по окнам! Всем остальным — по выбегающим фрицам,— с большим подъемом выкрикивал Секачев.

Миша Пинаев несколькими выстрелами из противотанкового ружья — «салатуры» поджег деревянное строение, стоявшее рядом с казармой. Оно запылало. Пулеметчики Володя Мохов и Яша Хлуднев первыми же очередями высадили стекла во всех окнах, а потом вместе с автоматчиками и теми, кто стрелял из винтовок, стали ловить на мушку выбегавших из казармы в одном нижнем белье гитлеровцев. Подсвечиваемые пламенем пожара, они были отличной мишенью и то один, то другой валились на землю, сраженные партизанскими пулями.

Но вот паника среди немцев прекратилась. Дружно заработали их станковые и ручные пулеметы. Под их прикрытием из ворот выбежало около взвода гитлеровцев, и, ударив залпом в сторону невидимых в траве партизан, они бросились круто в сторону, к реке, с явным намерением отрезать секачевцам отход к мосту.

Но в это время с близкого расстояния ударили партизаны второго взвода, где находился Меняшкин. Гитлеровцы, минуя свой городок, бросая убитых и раненых, стали отползать к селу. Из ворот вырвалась тройка резвых лошадей, запряженных в тачанку. Один из гитлеровцев стоя настегивал лошадей, другой стрелял в сторону партизан из ручного пулемета «Универсал», человека четыре — из автоматов.

Партизаны тотчас же перенесли огонь на тачанку.

— Стой!!! Прекратить огонь,— что было сил закричал Секачев. Он первым увидел, как буквально из-под копыт у лошадей выскочили разведчики и каким-то образом очутившийся там москвич Колька-свист. К ним быстро присоединились командир отделения Иван Иванович Колбасов, петеэровец Пинаев и другие партизаны. Они перебили всех немцев, сбросили их с тачанки, и кое-кто из наиболее горячих поворачивал уже лошадей в погоню за теми гитлеровцами, что мчались к селу.

Но в это время за рекой взвилась зеленая ракета —

сигнал к отходу. Партизаны захватили два ручных пулемета, несколько автоматов и винтовок и без единой потери отошли на восток, в горы.

Тачанку сожгли — на ней по узким горным тропам нельзя было проехать, а лошадей увели с собой и в пути оставили одному поляку, ютившемуся со своей семьей в бедной хате, где-то между Турбачем и соседней горой Буковина.

— Если сумеешь сохранить до прихода нашей армии, скажем спасибо. А пока можешь смело пользоваться ими. Только поосторожнее, чтобы немцы не дознались,— сказал командир отряда.

— Добже, пане довудца, вшистке бенде добже,— заверил обрадованный гураль.

Возвращение отряда с победой вызвало у всех нас большую радость. Мы вдруг почувствовали уверенность в своих силах. Появилась реальная надежда на успехи в будущих сражениях с гитлеровцами.

ПЕРЕГОВОРЫ В ЖЕКАХ

Первые дни октября выдались тихие, солнечные, теплые. По утрам, когда трудно было усидеть в стенах нашего Бельведера, мы выходили на верхнюю лестничную площадку, садились на ступеньки и, неторопливо посасывая самокрутки, принимались обсуждать злободневные партизанские дела.

Так было и в то памятное утро после боя в Яблонке. Петр Романович еще накануне отправился с группой разведчиков под Новый Тарг с заданием: узнать, как гитлеровское командование восприняло наш первый разгром одного из его гарнизонов на юге Краковского воеводства и что в отместку замышляло против нас. Штабисты Евтюнин и Сподневский находились в отрядах, Семен Николаевич Пушков по-прежнему лежал в своей комнате у распахнутого окна. А мы — Ваня Таранченко, Алеша Батян и я — расположились на площадке и завели разговор о наших взаимоотношениях с аковским командованием.

Первым заговорил Алеша. Он сперва посетовал на то, что из-за его отличной польской речи поляки всюду принимали его за своего чистокровного соотечественни-

ка. И если это происходило в кругу партизан-аэловцев, беховцев или же в общении с мирными жителями, то, кроме взаимной пользы, ничего не приносило. Но когда на его пути вставали командиры аковских отрядов, встречи кое с кем из них нередко выливались в неприятные стычки.

— А как относятся к нам рядовые аковцы? — поинтересовался я.

— Рядовые-то смотрят на нас правильно, как на своих боевых друзей, тянутся к общению с нами, о многом хотят порасспросить. Да только их очень крепко держат в руках офицеры, не дают общаться с нами. Боятся, наверное, господа поручики и вышестоящие, что своей советской правдой мы многим простым солдатам глаза откроем, а то еще, чего доброго, переманим к себе в отряды, — оживился Алеша.

— А что вы думаете, — продолжал он, — если бы не эти запреты аковского командования и не агитация все еще влиятельных графов, князей и помещиков, то немало поляков пошло бы к нам. И знаете почему? Потому что, как и мы, они жаждут воевать с немцами по-настоящему, а не прозябать в лесах или же обезоруживать и тут же милосердно отпускать подвернувшихся им под руку немецких солдат. Иначе говоря, хотят действовать так же, как это происходит в лесах Люблинского, Варшавского и других воеводств, где рядом с советскими партизанами сражаются многочисленные отряды Армии Людовой, Батальонов Хлопских, а в отдельных случаях и некоторые отряды АК.

Здесь же, на юге Краковского воеводства, командир полка подгалянских стрельцов Армии Краевой и своих солдат удерживал от активной наступательной борьбы с оккупантами и, пользуясь положением «хозяина» подгалянского подполья, пытался ограничить боевые действия отрядов Алеши и Таранченко. И вот теперь после того, как отряд Меняшкина основательно потрепал гитлеровский гарнизон в Яблонке, мы, сидя на лестничной площадке, не столько беспокоились об ответных мерах против нас со стороны гитлеровского командования, сколько ломали головы над тем, как отнесется к этому нашему первому удару по врагу в населенном пункте пан командир полка Боровый.

— Кому-кому, а ему явно будет не по душе. И вряд

ли он так легко смирится с этим,— с грустью в голосе сказал Алеша.

— А что он может с нами сделать?— спокойно спросил Иван Максимович.— Заявить нам протест? Прислать ультиматум? Или, как Барабаш, потребовать, чтобы мы «покинули их терены»? А может, думаешь, он отважится на более крутые меры? Так сейчас не такое время, чтобы очертя голову обострять с нами отношения...

Дальнейшие рассуждения Ивана Максимовича прервал приход командира Второго отряда Кости Пича. Вместе с ним вернулись Евтюнин и Сподиевский.

— Новость,— объявил Пич.— Командир полка Боровый прислал вам приглашение пожаловать к нему на встречу,— подал он мне записку, написанную по-польски.

Я передал ее Алеше. Тот пробежал глазами, заулыбался.

— Вот вам и развязка нашего спора,— сказал он,— пан майоже Боровый приглашает вас,— кивнул Алеша в мою сторону,— в деревню Жеки на переговоры. В случае согласия просит назначить время встречи.

— Кто принес?— осведомился я у лейтенанта Пича.

— Связной капитана Лямпарда. Он сперва подался было на «Орлиное гнездо», а когда нас не нашел там, стал рыскать по окрестным увалам. Случайно повстречался с моими разведчиками и теперь сидит у нас, дожидается ответа.

Прежде чем решиться на эту встречу, я стал советоваться со своими товарищами. К тому времени вернулся подполковник Перминов, и весь наш штаб оказался в сборе. Мы обменялись мнениями и пришли к заключению, что не столько наш бой в Яблонке, сколько прибытие авиадесантной группы, в составе которой оказалось четыре старших офицера Советской Армии, серьезно всполошило командование полка Армии Краевой, а может быть, и кого-нибудь повыше. Только поэтому сперва командир батальона капитан Лямпард, а теперь и сам командир полка Боровый стали жаждать вдруг встреч, которых до этого так упорно избегали. Некоторые отговаривали меня от этой встречи.

— Не знаю, как вы, а я бы не пошел в Жеки,— за-

явил Иван Максимович.— Во-первых, я нисколько не верю в их искренность, а во-вторых, пусть сам сюда пожалует. Пусть не воображает, что командир соединения советских партизанских отрядов по первому его кивку помчится к нему представляться. Нам надо и о своей гордости подумать...

И все-таки приглашение пришлось принять. Отказываться от переговоров с хозяином, как говорится, здешних мест, а тем более ставить ему какие-то условия, было бы по меньшей мере нетактично.

Вместе со мной на встречу отправились Алеша Батян, Володя Сподневский (он, как и Алексей, выходец из Западной Белоруссии и также неплохо говорил по-польски), командир отряда Иван Меняшкин и два ординарца: Петр Юрченко и Петя Коваленко.

Село Жеки ютилось в узкой долине у северной подошвы горы Кудлонь. Примерно на расстоянии в пять-шесть километров. Туристская дорога, бежавшая от Солтысовой поляны к деревне Жеки, местами была размыта дождевыми стоками, но все время шла вниз, и шагать по ней было сравнительно легко.

На околице деревни нас уже поджидал капитан Лямпард. Заметив нас еще издали, он поспешил навстречу и, когда мы подошли, стал благодарить за то, что мы не подвели его, инициатора приглашения нас в Жеки, хотя кое-кто из аковских штабных офицеров не верил, что мы примем предложение Борового и явимся в Жеки на переговоры.

Лямпард привел нас в центр деревни, в светлую комнату просторного бревенчатого дома. Большое место в ней занимал длинный стол, покрытый клеенкой. По обеим сторонам его и вдоль стен выстроились скамейки, стулья. Другой мебели в комнате не было, и это создавало обстановку официальности.

Первый, кому представил нас капитан Лямпард, был командир первого полка подгалянских стрельцов Армии Краевой, он же инспектор новосончского мобилизационного округа АК «Нива» майор артиллерии Адам Стабрава, или Боровый. Он выглядел стройным крепышом с бледным малоподвижным волевым лицом и строгим, несколько усталым взглядом.

— Сердечно приветствую пана командира отрядов партизантов радецких,— промолвил Боровый сочным баритоном.

— Пан Профессор,— представил капитан Лямпард следующего аковца.

Ко мне подошел, мягко ступая, пожилой человек с неторопливыми уверенными движениями и выхоленным, чисто выбритым лицом, над которым уже изрядно поработало время. Он удостоил меня почтительным кивком, деликатным рукопожатием и на несколько мгновений задержал на мне проницательный взгляд.

Не успели мы с ним обменяться любезностями, как Лямпард уже торопил:

— Еще еден пан Профессор.

«Ого, сколько здесь ученых мужей, прямо университетская кафедра, а не штаб полка»,— подумал я про себя и насторожился.

Но как мы потом узнали, настоящим профессором был только один, пожилой Ян Чуй — профессор Варшавского университета, доктор теологии, полковник, ксендз, капеллан полка. Так что слово «профессор» служило ему и званием н псевдоннмом (у аковцев было принято скрывать свое нмя под псевдонимом).

У другого же — только псевдонимом, за которым скрывался заместитель командира полка и шеф штаба ротмистр Михаил Войцеховскнй — человек сдержанный, тактичный, наблюдательный.

В отличие от него, второй заместитель командира полка, и тоже ротмистр, Подкова — Владимир Бударкевич, хорошо владевший руским языком, повел себя с нами шумно и несколько развязно. Знакомясь, он долго тряс нам руки н без умолку сыпал русской скороговоркой о том, что сам нз России, что у нас в Советском Союзе осталась его жена, тут же осведомлялся о здоровье, самочувствии, спрашивал, кто из нас из каких краев, наделял каждого прнятными до приторности эпитетами. Но мы сразу как-то усомнились в его искренности и предложенного тона не приняли.

Из других офицеров особенно запомнился высокий, атлетически сложенный адъютант командира полка капитан Мацей — Ян Цесляк.

Остальные аковцы, присутствовавшие на переговорах, как-то не сохранились в памяти. Единственное, что и сейчас еще живо встает перед глазами, так это общее их удивление при вида наших офицерских погонов, упраздненных у нас, как они знали, в годы гражданской войны и введенных снова уже в сорок третьем, о чем

они еще не слышали. Чувствовалось, что на них, воспитанных в духе преклонения перед офицерским мундиром, наши погоны произвели сильное впечатление.

Покончив с церемонией знакомства, все расселись за столом. По одну сторону окна примостился майор Боровый, рядом с собой он усадил меня, потом Алеша, Володя Сподневский, Ваня Меняшкин и наши ординарцы. По другую — польские офицеры. И удивительно, пока мы стояли, в комнате было шумно. Но как только уселись, все вдруг умолкли в ожидании переговоров.

— Як, прошу пана, вы устроились на Солтысовой поляне?—первым нарушил неловкое молчание профессор Чуй.

Он, конечно, сознательно заговорил на отвлеченную тему, чтобы немного разрядить скованность присутствовавших.

Его коллеги оживились. Посыпались вопросы:

— Яка, прошу пана, погода в Москве?

— Как сильно она пострадала от воздушных налетов?

— Яка справа с продовольствием в краю, в стране?

— Много заводов разрушено?

Завязалась непринужденная беседа. Этим не применул воспользоваться шеф штаба ротмистр Войцеховский.

— Когда же в наши края придет ваша армия?— спросил он и, в ожидании ответа, немного подался вперед, в мою сторону. Чисто выбритое лицо его застыло. На висках взбухли вены, выдававшие внутреннее напряжение.

Выжидательно смотрели на нас и остальные аковцы. Чувствовалось, что прибытие в их край группы советских офицеров из Москвы они связывали с особыми оперативными планами Ставки нашего Главного командования. И хотя мы ничего утешительного сказать не могли, даже если бы захотели, они отнеслись к этому без особой обиды, посчитав, что мы вполне оправданно не желали раньше времени раскрывать военных планов командования. Зато они, не стесняясь, допытывались, надолго ли мы прилетели из Москвы. В каких районах Подгаля намеревались действовать и какими методами? Будут ли еще десанты и как много? Знаем ли мы, как жестоко расправляются гитлеровцы с жителя-

ми тех сел и деревень, где партизаны убивают немецких солдат?

И чем дальше мы говорили, тем ощутимее обнажались разные подходы к методам партизанской борьбы. Мы были за активные наступательные действия, в том числе смелые удары по вражеским транспортам и гарнизонам. Они — сторонники ограниченной войны, а по существу пассивного выжидания. Почему? Это они вряд ли сами могли объяснить. Просто исправно выполняли строгие директивы эмигрантского польского правительства, действовавшего по указке своих лондонских покровителей, не вдаваясь в суть этой политики. О ней мы узнали много лет спустя из откровения отошедшего от политических дел Уинстона Черчилля. Речь идет о его тайной директиве, отданной на завершающем этапе войны: немцев обезоруживать, но не убивать, оружие складывать и хранить, чтобы в случае неблагоприятного для западных союзников исхода войны снова вооружить им гитлеровцев и вместе с ними повернуть его против Советской Армии.

Но тогда, во время наших переговоров в Жеках, об этом не знали не только мы, но и наши польские собеседники, аковцы. А если бы и знали, так не сказали. Даже о пассивном выжидании с винтовкой у ноги и то ни один из них прямо не сказал. Только весь ход переговоров, перемежаемых туманными репликами, недомолвками, аллегориями, выдавал их с головой. А майор Боровый даже попытался было повторить свой эксперимент, однажды уже им испробованный,— насчет исключения из тактики партизанской войны нападения на немцев вблизи населенных пунктов. Разница была лишь в том, что раньше с Алешей Батяном он говорил без обиняков, в неуважительной требовательной форме, здесь же он сперва гневно осудил гитлеровское командование, что за одного, даже плюгавого немецкого солдата, убитого в селе или поблизости, оно обрушивало страшные кары на все мирное население. Закончил же Боровый так:

— Все мы,— широким жестом обвел своих коллег,— мыслим, цо и вы — радецкие партизанты будете оберегать сельских обывателей,— сказал и в упор посмотрел мне в глаза.

— Да, конечно,— непроизвольно вырвалось у меня, застигнутого врасплох.

Поляки мгновенно переглянулись, заулыбались. Было видно, что они восприняли эту мою фразу как подтверждение того, что советские партизаны разделяют их тревоги и, как и они, будут воздерживаться от нападения на врага на близком расстоянии от сел и деревень.

— Барзо добре сознавать, цо пан так все понимает,— с большим удовлетворением заметил профессор Чуй. Он тут же подвел под рассуждение Борового логику: не дразни злого пса, а то еще сорвется с цепи и покалечит многих ни в чем не повинных.

Эту фразу он сказал чисто по-польски, и Володя Сподневский перевел ее на русский.

Я взглянул на Алексея. Тот сидел понурый, очевидно, огорченный неожиданным оборотом.

«Славный ты мой друг! Не спеши прежде времени нос вешать, выслушай сначала»,— мысленно подбадривал я его. И, чтобы долго он не мучился, сказал:

— Переводи,— потом повернулся к Боровому: — Да, господин майор, вы правы, оберегать мирное население от немецких карателей — наша с вами гражданская обязанность. А бить немецких фашистов — наш священный долг. И было бы наивно думать, что мы, советские партизаны, прибыли сюда, в такую даль от своей Родины, только для того, чтобы прогуляться по туристическим шляхам...

С каким подъемом Алеша переводил эти слова! Ощутив полное совпадение наших с ним настроений и желаний, он сразу же воспрянул духом. Нет-нет да и добавлял от себя более решительные фразы, которые сводились к одному: мы — советские партизаны — били, бьем и будем бить гитлеровцев всюду, где только их настигнем.

Я смотрел на своего, сравнительно молодого еще заместителя по строевой части и не узнавал его. Нет, я, конечно, уже знал, что по своему характеру он человек энергичный, горячий. Но чтобы он, неспособный, казалось, повысить голоса, так четко и уверенно выстреливал пулеметной скороговоркой на чистом польском языке, этого я за ним еще не замечал.

— Позвольте же и нам, в свою очередь, надеяться,— обратился я в заключение к Боровому,— что начиная с сегодняшнего дня ваши батальоны и роты будут вместе с нашими отрядами громить гарнизоны оккупантов, уничтожать их транспорты на дорогах.

И если готовы, можем уже сегодня договориться о конкретной боевой операции на ближайшие дни.

Такого исхода никто из аковцев не ожидал. Среди них наступило замешательство.

По глазам Борового и кое-кого из его коллег было видно, что у них тоже чесались руки до схваток с ненавистным врагом. Но их сдерживали запреты свыше, и они вынуждены были и сами больше отсиживаться в горах «с винтовкой у ноги», и у своих рядовых стрельцов сдерживать рвение к борьбе. Сказать же нам об этом они не могли — о таких наказах обычно пишут под грифом «секретно».

Майор Боровый, не зная, что ответить на мое предложение, чувствовал себя некоторое время неважно.

Но ему на помощь пришел командир нашего Первого отряда Иван Федорович Меняшкин.

— А может, нам лучше договариваться о совместных действиях с капитаном Лямпардом, нашим ближайшим соседом? — спросил он, поглядывая то на меня, то на Борового.

Тот посмотрел на него с благодарностью и тут же дал согласие.

— Добре, бендете умовляться с паном капитаном Лямпардом,— сказал было он, но, перехватив у кое-кого неодобрение на лицах, тут же свел на нет свое решение: — Але в батальоне пана Лямпарда мало брони для больших боев.

Мы не стали добиваться от него более четкого ответа. Вместо этого подняли вопрос о передаче нам всех советских людей, бежавших из немецких лагерей и еще до нашего прибытия вступивших в отряды аковского полка. За несколько дней до этих переговоров мы узнали, что кое-кого из наших соотечественников притесняли некоторые реакционно настроенные офицеры, командиры отрядов. Особенно доставалось тем из наших товарищей, которые, будучи по своей натуре общительными, с удовольствием удовлетворяли все запросы рядовых аковцев, интересовавшихся жизнью в нашей стране. Отвечая им, советские люди с большим увлечением рассказывали о нашей стране, о нашей довоенной жизни.

И Боровый, и Подкова, и другие офицеры штаба с большой готовностью согласились передать нам всех до единого советских людей, но при условии принять их без оружия.

Кончились наши переговоры неожиданным сюрпризом.

— Мы знаем, что вы нуждаетесь в продовольствии,— сказал майор Боровый и многозначительно посмотрел на капитана Лямпарда. Потом снова повернулся к нам и без околичностей пообещал: — Мы будем вам помогать.

И когда мы вышли на улицу, нас там уже поджидали два воза, нагруженные мукой, мясом, маслом, сахаром и куревом.

— Это на первый случай,— пояснил словоохотливый ротмистр Подкова.

Расстались мы по-приятельски, с уговором, что эта наша дружеская встреча не будет последней. Это, конечно, не означало, что мы нашли общий язык по всем принципиальным вопросам. Но, как мне казалось, мы развеяли у аковцев излишнюю подозрительность, добились права на свободное обращение к сельским жителям за помощью, без которой нечего было и думать об успехах в партизанской борьбе с гитлеровцами, тем более в чужой стране, а главное, развязали себе руки для активных боевых действий без каких-либо ограничений. Или, как метко определил Владимир Иванович Сподневский, поставили все точки над «и».

О ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ

Днем и ночью к нам прибывали советские люди. Одни переходили из польских отрядов, другие перебегали из немецких рабочих батальонов, сформированных из бывших военнопленных, третьи бежали из гитлеровских лагерей и добирались до нас глухими горными тропами. Шли и в одиночку и группами. А однажды к нам примкнул целый партизанский взвод во главе с Николаем Кремсом.

Боевой путь Николая начался в мае сорок третьего, в лесах белорусского Полесья в партизанском соединении генерала Сабурова. С ним он участвовал во многих боях, в том числе в разгроме вражеских гарнизонов в белорусских городах Давид-Городок, Осовец, а также в украинском городе Овруч. Потом Николай Кремс сражался в составе отряда Чижова на Львовщине и в лесах

Люблинского воеводства Польши. Майской ночью 1944 года в одном из ожесточенных сражений с наседавшими немецкими карателями Николай с двумя напарниками проскользнул сквозь цепи противника и по заданию командира отряда отправился в дальнюю разведку. А когда вернулся, своих уже не нашел — они с боями отошли в неизвестном направлении. После недельного пребывания в отряде местных беховцев Николай как-то набрел на заставу советских десантников, направлявшихся под командованием Бориса Кокунова в Чехию, и присоединился к ним. На польско-чехословацкой границе, в районе самой высокой в Силезии Бабьей горы, отряд был окружен крупными силами карателей и несколько дней вел с ними тяжелые кровопролитные бои. С небольшой группой Николай вырвался из окружения. После тщетных поисков своих он направился в Горцы. По пути к нему присоединялись другие советские люди, и на Солтысову поляну к нам явилось уже восемнадцать человек. В первом же боевом испытании все они показали себя смелыми и стойкими воинами, а сам Кремс — сметливым и решительным командиром. Мы выделили ему еще около тридцати новичков и на базе этой группы создали Третий партизанский отряд под его командованием.

Быстрый рост наших рядов радовал и в то же время настораживал. Радовал потому, что мы обретали силу, способную наносить более ощутимые удары по гитлеровцам сразу в нескольких направлениях. А настораживал потому, что, чем больше было у нас людей, тем все острее вставал вопрос с продовольствием.

Единственным источником добычи хлеба были вражеские автоколонны с провиантом на шоссейных дорогах и продовольственные склады в гарнизонах. Захват немецких транспортов на дорогах был менее опасным, чем нападение на гарнизонные склады, но зато менее надежным: боевые группы могли неделями сидеть у обочин в ожидании транспорта с продовольствием. И наоборот, нападение на склады в гарнизонах в случае удачи надолго обеспечивало нас хлебом и другими продуктами.

Среди «заготовителей» особенно отличался Миша Секачев. Там, где, по его мнению, можно было рассчитывать на успех, он шел на риск, не колеблясь. В тех же случаях, когда ввязываться в бой было опасно, пе-

реключался на изобретательные уловки. А бывало и так, что в течение суток он прибегал и к тому, и к другому.

Так случилось и 8 октября 1944 года. Получив накануне задание отправиться утром на заготовку продуктов для отряда, он, как только показалось солнце, выстроил свой взвод перед штабом соединения и поднялся к нам на Бельведер.

— Взвод к выходу на боевое задание построен! — отрапортовал он.

Не успели мы дать согласие, как в штаб вбежал запыхавшийся Петя Бочкарев.

— Сейчас в Каменице, расположенной по ту сторону, хозяйничают жандармы из Лимановой. Приказав старосте подготовить им угощение с водкой, они пошли по дворам и стали насильно забирать муку, мясо и другие продукты... Об этом нам сообщил беховец Ян Францик, посланный старостой. Он мчался к вам, на Солтысову, но я вернул его с полдороги назад, сказать старосте, чтобы тот как можно дольше задержал жандармов в Каменице. А сам — скорее сюда. Думал, наши ребята успеют перехватить этих гадов на шоссе,— скороговоркой доложил он, с трудом пересиливая одышку.

Похвалив его за находчивость, мы кинулись к карте, наметили приблизительное место для засады, прикинули расстояние и время на его преодоление.

— Ты куда со своим взводом собрался? — спросил я у Секачева.

— Сперва в Каменицу за проводником, потом до Забжежа на Дунайце, а дальше видно будет,— стараясь быть как можно спокойнее, ответил Секачев. Но по тому, как загорелись его глаза, как раскраснелось лицо, было ясно, что он уже понял, с какой целью его спрашивают о маршруте, и, распираемый радостным предчувствием, с трудом сдерживал свои порывы.

— Отставить и Каменицу и Забжеж. Надо пробраться на дорогу Лиманово — Каменица раньше, чем по ней поедут жандармы, дождаться их и навсегда отбить у них охоту соваться в нашу, партизанскую зону.

— Есть! — звонко отчеканил Секачев.

— Постарайтесь захватить весь обоз, чтобы не только нашему отряду и штабу соединения, а и другим отрядам хватило,— напутствовал его, в свою очередь, командир отряда Меняшкин.

— Сделаем, товарищ командир, и фрицев переколошматим и весь обоз сюда притащим.

— Нет, Миша,— возразил я.— Немцев можете колошматить сколько влезет, а все продовольствие вернете жителям Каменицы.

Услышав эти слова, Секачев и Меняшкин оторопели. Лица их вытянулись, глаза округлились.

— То есть как вернуть жителям?! Ведь наши хлопцы будут его добывать у фрицев с боем! Своих людей могут потерять.

Зачем же отбитое у жандармов продовольствие отдавать крестьянам, когда нам самим жрать нечего? Ведь взвод Секачева и собрался идти на заготовку продуктов!— прорвало вдруг Меняшкина. Он обвел взглядом всех офицеров, присутствующих в штабе, надеясь найти у них сочувствие.

Но те смотрели на него с укоризной. И только один начальник штаба встал на его сторону.

— Что верно, то верно, с питанием у нас катастрофично,— начал он издалека.

— И все-таки вам придется все, что отобьете, доставить в Каменицу. И это, товарищ Секачев, будет вашим главным боевым заданием,— перешел я на официальный тон.

— Правильно! — воскликнул в раскрытую дверь капитан Пушков.

— Как правильно? — не сдавался Меняшкин.

— А так, что в сложившихся обстоятельствах мы не можем поступить иначе,— ответил ему за Пушкова наш замполит.— Сам подумай: как только в село ворвались немцы и стали грабить крестьян, солтыс погнал к нам человека в поисках защиты от грабителей. А ты хочешь, чтобы твой взвод перехватил награбленное и вместо того, чтобы вернуть его пострадавшим, заграбастал себе. Вот и получится, что вор у вора дубинку украл. Этого ты хочешь?

Озадаченный командир отряда сокрушенно покачал головой, махнул рукой и усмехнулся.

— Все ясно. Разрешите отправляться! — заторопился Секачев.

Получив «добро», он ринулся в дверь, показал с площадки поджидавшим внизу товарищам большой палец и, перескакивая через две-три ступеньки, так загрохотал сапогами по лестнице, что задрожала вся мансар-

да. А когда вскоре мы вышли на площадку, ни его, ни взвода на поляне уже не было.

Через час они уже были в семи километрах от нашей базы, возле небольшого поселка Засадне, ютившегося в лесу, неподалеку от Каменицы. Взвод остался на опушке, а разведчики — коренастый крепыш из Казахстана Петр Сопиков и поджарый осетин Саша Кибиров — пробрались к Засадне, к знакомому польскому патриоту Яну Горчовскому и попросили его сходить в Каменицу и узнать, там ли еще находятся жандармы или выехали.

Горчовский в два счета смотался в село и вернулся оттуда с доброй вестью: жандармы загрузили продовольствием все свои восемь упряжек, а сами уселись пьянствовать и, судя по всему, надолго.

Воодушевленные удачей, партизаны в приподнятом настроении поднялись на соседнюю гору, возвышающуюся своей мохнатой хвойной шапкой, на высоте 627 метров, передохнули и по водостоку, постепенно переходившему в лесистую раселину, спустились к шоссе. На обочине остановились. Осмотрелись. Справа от них, со стороны Каменицы, дорога выскакивала где-то далеко вверху из-за поворота, стремительно сбегала вниз, пересекала стометровое ложе расселины и снова натужно тянулась на высокий подъем влево, по пути к Лимановой.

Лучшего места для засады вряд ли можно было найти.

«Порядочек! Не место — мечта! — торжествовал Миша Секачев.— На этой низинке,— прошелся он глазами по дороге, пересекавшей расселину,— поместится весь их транспорт. Подождем, пока все фурманки съедут на нее, и жахнем со всех сторон».

Пулеметные расчеты Мохова и Мартынова он расположил на флангах, а расчет Яши Хлуднева вместе с петеэровцем Мишей Пинаевым — в центре партизанской цепочки, растянувшейся вдоль обочины дороги.

— Твоя задача, Яша: не дать уйти ни одному фрицу вниз, за шоссе. А ты, Моряк, будешь на подхвате. Если увидишь, что какая-нибудь упряжка вырвется далеко вперед или назад, жахнешь прямо по лошадям — все равно фрицевские,— отдавал Секачев приказания.

Партизаны залегли, отделение Колбасова справа, Захаревича — слева. В томительном ожидании прошел час. Секачев уже стал подумывать, не отправились ли

жандармы другой, круговой дорогой через Лонско, Язовско, мимо Нового Сонча. Но в это время справа на косогоре показалась первая немецкая упряжка, за ней вторая, третья... восьмая. На каждом возу поверх мешков сидело по два-три жандарма. Все были под крепким хмелем. Ехали шумно, весело, беспечно, даже оружие и то лежало на повозках.

Партизаны, притаившиеся за камнями, под навесом кустов, в размоинах, замерли. Нервы у всех напряглись до звона в ушах. Каждому нетерпелось поскорее услышать сигнал к атаке и одним махом прикончить ненавистных грабителей.

А Секачев не торопился. Он терпеливо дожидался, когда весь транспорт съедет вниз и команда жандармов окажется под прицелом всего взвода.

Увлекаемые под уклон, возы напирали на рослых и сильных немецких лошадей. Те, сдерживая натиск, семенили, упирались мускулистыми ногами. И только в конце уклона, когда до съезда в низинку оставались десятки метров, они срывались на рысь.

— Эх, разогнались-то как! И чего наш командир молчит? Так же они в момент окажутся на том фланге. Нам и выстрелить не удастся,— зашептал Мартынов бывшему разведчику, а теперь второму номеру Кокану Карабаеву, которого партизаны «перекрестили» в русского Ваню.

Но опасался Мартынов зря. Сбежав на ровный горизонтальный участок расселины, лошади первой упряжки вдруг резко застопорили и, чуть помедлив, снова поплелись шагом. Этой небольшой заминки было достаточно, чтобы сразу же образовалась пробка. Никем не управляемые лошади с разбегу набегали грудью на передние повозки.

— Вот, гады, как сгармонились. Если сейчас раздастся команда, нам отсюда и стрелять по ним нельзя будет — в своих саданем,— загоревал Колька-свист.

— Ничего, Коля, где бы наши по ним ни ударили, они все равно сюда, к Лимановой, пробиваться будут,— успокоил Мохов своего второго номера.

Но вот обоз снова стал растягиваться.

«Хорошо, очень хорошо!» — радовался Секачев.

Он пропустил один воз, другой, третий, а когда с ним поровнялся четвертый, вскочил на ноги и высоко над головой, так, чтобы видели все партизаны, взмахнул

автоматом. И в тот же миг грохнули протяжной скороговоркой пулеметы, зашлись пронзительным треском автоматы, басовитыми выбухами заработали винтовки. В эту рапсодию огня и смерти вплелись неистовые угрожающие крики партизан:

— Бей, гадов!

— Дае-ешь!!!

— Ура-а-а!!!

Все это разразилось сразу, одновременно и так ошеломило застигнутых врасплох гитлеровских грабителей, что они мигом отрезвели и от их оглушительной развязной лихости не осталось и следа. Да и где уж им было до лихости, когда партизаны, стрелявшие с близкого расстояния, в считанные секунды уничтожили треть их команды — семь из двадцати двух. Остальные, подгоняемые смертельным страхом, с лихорадочной поспешностью соскочили с возов на землю и кто ползком, а кто короткими перебежками стали искать спасения от партизанских пуль. Одни метнулись было вниз, в сторону от шоссе, надеясь добежать по открытому склону до недалекой опушки, но их сразу прикончили Сопиков и Виктор Захаревич. Другие, перебегая от воза к возу и беспорядочно стреляя, попытались пробиться вперед, к Лимановой; третьи подались назад, в гору, по пути к Каменице.

Но не так-то просто было уйти от партизан.

— Хлуднев! Догони очередью вон того рыжего, а то уйдет!

— Сопиков! Дай прикурить пузатому!

— Товарищи! Не выпускать ни одного!

— Витя! Жахни этого хитрована! — громко, с большим подъемом отдавал Секачев команду.

И партизаны «догоняли», «давали прикурить», «жахали». А когда под рукой не оказывалось никого из партизан, Михаил сам нагонял убегавшего и с ходу разил наповал.

— Гитлер капут! Гитлер капут! — закричал что было сил один из жандармов и, подняв руки, пошел навстречу Секачеву.

К нему присоединился другой, вставший с земли у соседнего воза.

Ординарец Секачева Митя Джемелинский хотел было прошить их очередью из автомата, но Секачев отвел его руку.

— Отставить! Не видишь, руки подняли, в плен сдаются?

— А что мы с ними будем делать? Неужели за собой на задание потащим?

— Да нет, отправим вместе с трофеями в отряд. Пускай там Иван Федорович Меняшкин и штаб соединения разбираются с ними...

Бой длился недолго. Из всех жандармов наиболее расторопными оказались те, что ехали на двух передних и на последней упряжках. Первые сразу же, как только партизаны открыли огонь, погнали было коней вперед, понадеявшись, видимо, на то, что те быстро домчат их до перевала. Им вдогонку кинулось несколько немцев с задних возов.

Не растерялись и те жандармы, что восседали на последнем возу. Правда, в отличие от первых двух упряжек, им сперва пришлось поворачивать коней на сто восемьдесят градусов, чтобы погнать их назад, в сторону Каменицы. На это ушли считанные, роковые секунды. И когда лошади начали подниматься в гору, Мартынов из своего пулемета и другие партизаны из отделения Колбасова уничтожили и седоков упряжки и еще троих жандармов, примкнувших к ним с соседнего воза.

Не ушли от партизанских пуль и те, что пытались пробиться вперед, к Лимановой. Пока одни жандармы настегивали коней, другие, лежа на мешках, отстреливались. Им помогало несколько гитлеровцев с других возов, мчавшихся следом. Но чем дальше, тем их становилось все меньше.

— Есть еще один фриц! — торжествующе возвещал Николай Егоров каждый раз, как только замертво валился очередной жандарм.

— Врешь, не уйдешь, гад! — в тон ему угрожал Мохов жандарму, сумевшему отбежать далеко в сторону.

Когда, кроме сдавшихся в плен, в живых осталось двое, они соскочили с воза и бросились в разные стороны наутек.

— Колька! Мчись за тем, а я займусь этим,— приказал Мохов.

Обрадованный Егоров помчался за длинноногим немцем, убегавшим вправо от дороги, в сторону небольшого косогора. Он так широко, так удивительно быстро

совершал прыжки, что вот-вот мог скрыться за косогором. Но и москвич Егоров, славившийся среди своих сверстников на Цветном бульваре как отличный бегун, не уступал ему. Строча на бегу из автомата, он стал настигать беглеца.

— Стой!!! Стой, Колька-свист!!! — раздался за спиной у Николая зычный требовательный голос Секачева, поспешавшего следом.

Егоров остановился, подождал, когда командир взвода приблизится.

— Так уйдет же, товарищ командир,— кивнул он в сторону мелькавшего вдали немца.

— И пускай уходит. Надо же, чтобы фрицевское командование в Лимановой знало, что их взвод уничтожили советские партизаны.

А то еще подумают, что это жители села Каменицы прикончили жандармов и с дуру нагрянут туда, чтобы расправиться с крестьянами.

Бой закончился. Из двадцати двух жандармов девятнадцать убито, два взяты в плен и только одного партизаны сознательно отпустили живым.

Весь продовольственный транспорт Секачев вернул крестьянам. Те, растроганные до слез, стали упрашивать, чтобы он забрал все продукты с собой в отряд. Но, помня наш строгий наказ, Михаил дал им «уговорить себя» только на такое количество продовольствия, сколько могло уместиться на одной телеге.

Вместе с продовольствием он отправил на Солтысову поляну, в отряд, двух плененных немцев и трофеи: четыре легких ручных пулемета «Универсал», винтовки, автоматы, гранаты, патроны. А сам, прихватив с собою в качестве проводника жителя села Каменицы Флориана Ружнарчика, отправился со взводом по своему маршруту.

Через час, недалеко от села Забжеж, они подошли к оживленной асфальтированной автомагистрали, бегущей от Нового Тарга вдоль Дунайца через Черстынь, Кросценко, Лонско и Язовско до Нового Сонча. Расположились в придорожных зарослях на отдых.

Сидя рядом с проводником Ружнарчиком, Секачев завел с ним разговор, чтобы узнать его настроение и порасспросить о ближайших немецких гарнизонах.

Флориан Ружнарчик оказался человеком сведущим, смелым. На прямой вопрос Михаила, не подскажет ли

он, где бы можно было разживиться мукой или зерном, Флориан не задумываясь, ответил:

— То можно взять в склепах фашистовских в Лонско.

Речь шла о продовольственном склепе — складе немецкого гарнизона. Пробраться туда можно было только ночью. Флориан заверил Михаила, что он сумеет подвести партизан к складу так, что немцы и не услышат.

Эта мысль Михаилу пришлась по душе. Единственно, что его немного расстраивало, так это отсутствие транспорта — на своем-то горбу много зерна не унести.

— Ладно, подойдем поближе, тогда и решим, что делать,— сказал он, загадочно улыбаясь.

Местечко Лонско расположено на берегу Дунайца в том месте, где он круто поворачивает на юго-восток и, пробежав несколько километров, снова, но уже плавно, в обход местечка Язовско, переходит на свой извечный бег на север мимо Нового Сонча к Висле. От Забжежа до Лонско — полчаса ходу по шоссе. Однако идти засветло было опасно. В Лонско стояла полурота немецких охранных войск. Поэтому, когда до местечка оставалось не более километра, Секачев решил сделать остановку. Партизан он отослал в глубь придорожного разнолесья, а сам вместе с Моховым и Егоровым задержался на обочине, в тени пушистого ракитника.

Вскоре из-за поворота на шоссе показался молодой велосипедист, мчавшийся со стороны Лонско по направлению к Забжежу.

— Задержите его,— приказал Секачев.

— Стой, пан. Стой! — громко окликнул велосипедиста вставший посредине шоссе Егоров.

Заметив у него оружие, велосипедист в страхе так заторопился выполнить приказание, что чуть было не растянулся на шоссе. А когда оказался в кругу партизан, и вовсе потерял дар речи. Пришел он в себя только тогда, когда услышал из уст Ружнарчика родную польскую речь.

— Не бойся, хлопак, то есть партизанчи радецки.

— Понимаешь, пан, мы — советские партизаны, ваши друзья,— пытался втолковать ему и Секачев.— Твои приятели, разумеешь?

— О партизанты радецки! Пшиятели! О, добже розумем, пане довудца,— торопливо заговорил велосипе-

дист. И вдруг заулыбался, щедро, от всего сердца. В глазах вспыхнула неподдельная радость.

— А я, холера ясна, мыслел, цо вы есть бандеровцы и забьете мне,— раскрыл молодой гураль причину своего испуга.

Рассказывая о поведении гитлеровцев в местечке, он говорил о них с нескрываемой ненавистью.

— А ты не хочешь нам немного помочь против немцев? — неожиданно спросил его Секачев, осененный вдруг авантюрной мыслью.

— О, для вас, партизантов радецких, я вшистко зроблю! — с готовностью откликнулся юноша. И судя по выражению его глаз, сказал он это от чистого сердца.

— Ну, тогда слушай...

Получив подробное указание, юноша, вскочив на велосипед, помчался назад. Увидел на центральной площади местечка большую группу немецких охранников, он взял направление к ним и еще издали стал кричать, тараща глаза.

— Панове жолнежи, панове жолнежи! Утекайте, бо сюда иду больше тысенцы партизантов радецких с машинами карабиновыми!

Он так мастерски разыграл роль насмерть перепуганного парня, что немцы не стали даже его расспрашивать. Известие о том, что к Лонску приближается более тысячи советских партизан, молва о которых докатилась и до местного гарнизона, нагнала на них такого страху, что они в панике бросились к своей казарме.

А велосипедист, сделав вид, что торопится домой, отъехал за угол, слез с велосипеда и стал оттуда наблюдать, что немцы будут делать дальше.

Ждать ему пришлось недолго. Боясь попасть в руки партизан, немецкая полурота на рысях подалась в соседний гарнизон в Язовске.

Молодой поляк незаметно проводил их до околицы и, когда убедился, что немцы действительно сбежали, поспешил к партизанам.

Поблагодарив за оказанную услугу, Секачев посоветовал ему на некоторое время скрыться, чтобы немцы не отомстили ему за обман.

Когда партизаны входили в местечко, за спиной у них, на шоссе, послышался шум быстро приближавшейся автомашины. Секачев насторожился, увел това-

рищей за крайний дом, прнказал на всякий случай приготовиться к бою. А когда увидел, что приближается грузовик с пустым кузовом, обрадовался:

— Очень кстати, не надо будет и транспорта искать.

Автомашина оказалась вместительной, шофер — из русских военнопленных. Секачев пересадил его в кузов. Туда же забрались партизаны. За руль уселся командир отделения, бывший колхозный шофер из Белоруссии Виктор Захаревич. Михаил вместе с Флорианом Ружнарчнком пристроились рядом.

— Поехали, Витя. Флориан, показывай дорогу.

Подкатилн к складу. Сбили замок. Нагрузили мешками с пшеннцей полный кузов, уселись на них сами и помчались прочь. Добыча досталась так легко, что Михаил даже был несколько разочарован. Нет, Михаила, конечно, радовало, что они без единого выстрела, без потерь добыли столько зерна. И вместе с тем на душе у него было такое состояние, будто он что-то очень важное недоделал.

Чтобы как-то отвести душу, он то и дело останавливал в пути машнну и посылал партизан уничтожать линии вражеской связи, тянувшиеся в Словакию и до Нового Тарга.

В темноте добрались они до Каменицы и там заночевали. Зерно по совету Флориана отдали владельцу небольшой водяной мельницы Яну Войтеку. Тот отнесся к советским партизанам тепло, участливо и до утра перемолол все зерно.

Утром, как только рассвело, Секачев загорелся желанием еще раз съездить в Лонско за зерном. Расчет на то, что гитлеровцы еще не успели вернуться из Язовско, оправдался. Партизаны спокойно нагрузили машнну зерном и покатили обратно.

Но не успели они доехать до Забжежа, где им надо было поворачивать в сторону Каменицы, как заглох мотор. Пока Захаревич и Секачев — он до войны работал шофером на дальних рейсах — возились с мотором, прошло много времени. Партизаны сидели кто в кузове, а кто рядом с машиной, на грудах щебня, и громко разговаривали, посмеиваясь над незадачливыми охранниками. Но вдруг проводник их вскрикнул:

— Германцы!

Михаил посмотрел в том направлении, куда он показал, и оторопел: со стороны Лоиско по обеим сторо-

нам шоссе к ним приближались вражеские цепи с оружием на изготовку. Они уже были недалеко.

— Виктор! Займись машиной. Ты, Флориан, следи за шоссе со стороны Кросценко, чтобы немцы не ударили нам в тыл. Ты, Колбасов, со своим отделением — туда,— показал Секачев на груды щебня, торчавшим вдоль обочины шоссе, как материал для ремонта,— остальные — за мной!

Отделение Ивана Ивановича Колбасова заняло позицию с левой стороны дороги, отделение Захаревича, возглавляемое самим Секачевым,— с правой, за грудами камней.

Немцы увидели их, ускорили шаг, открыли стрельбу. Партизаны ответили тем же. Разгорелся бой. Гитлеровцев было в несколько раз больше, чем партизан, но зато позиция у них была невыгодной: правым флангом они наступали по хорошо ухоженному молодому и потому редкому, легко просматриваемому саду, а левым— и вовсе по открытому месту. Ни в саду, ни, тем более, на голом поле немцам не за что было уцепиться, некуда спрятать голову. Партизаны же прятались за камнями и грудами щебня.

— Лучше, товарищи, цельтесь! Не палите впустую! — призывал Секачев.

Он боялся, как бы партизаны не увлеклись и не забыли, что накануне, в бою под Каменицей, они израсходовали добрую половину своих боеприпасов.

Но партизаны, хорошо помня это, и сами стреляли экономно, однако вполне достаточно, чтобы охладить пыл врага.

Зато немцы строчили беспрерывно из всех видов оружия. Убедившись в своем количественном превосходстве, они наступали в полный рост, рассчитывая, очевидно, с ходу смять партизан.

Но не тут-то было. Когда гитлеровцы увидели, как то один, то другой из их рядов валился, сраженный наповал, спеси у них сразу же поубавилось.

— Это вам, гады, за Вольштейн! Это — за Лансдорф! Это — за Вешен! — со злостью сопровождал Мартынов каждую пулеметную очередь названием гитлеровских лагерей, в которых ему довелось хлебнуть горя.

Метко стреляли и Володя Мохов, и Яша Хлуднев, и другие партизаны. Но особенно отличился второй номер мартыновского расчета — Ваня Карабаев. Заметив

группу немцев, бросившихся к единственной деревянной постройке, чтобы укрыться за его стенами, он вскочил на груду щебня и запустил в них длинную автоматную очередь. Один вражеский солдат упал, другой, получив ранение в ногу, с перепугу пополз в сторону от постройки.

— Ложись!!! — закричал Мартынов и с силой рванул Карабаева за ногу.

Ваня растянулся рядом с грудой в тот момент, когда чуть-чуть повыше ее просвистела трасса немецких пуль.

— Зачем зря подставляешь голову?! — напустился на него Мартынов.

Не успел он отчитать своего напарника, как снова просвистел рой пуль, на этот раз уже над его собственной головой. Проследив за тем, откуда они были посланы, Мартынов сразу обнаружил немецкого охотника, задавшегося целью «снять» партизанского пулеметчика. Прячась за угол постройки, немец все время водил дулом автомата, стараясь поймать на мушку Мартынова. С той минуты завязался поединок партизанского пулеметчика с настырным вражеским снайпером.

К тому времени немецкие солдаты залегли и, передвигаясь с места на место, вели стрельбу по партизанам на расстоянии. Некоторые из них пытались спрятаться за стволами яблонь. Но те были еще тонки и служили плохой защитой.

— Выковыривай их из-за яблонь, Яша,— приказывал Секачев пулеметчику Хлудневу, лежащему рядом с ним.

Напряженно наблюдая за ходом боя, Секачев с беспокойством поглядывал назад, на Захаревича. «Что, если мотор не заведется? Трудно нам тогда придется»,— тревожила неприятная мысль. Больше всего он опасался, как бы из Нового Сонча или с юга к немцам не прибыло подкрепление.

Но вот Михаил увидел, как группа вражеских автоматчиков ползком старалась обойти пулеметный расчет Мохова, находившийся на левом краю обороны.

— А ну, братцы, дадим им прикурить! — весело приказал он, показав рядом лежавшим партизанам на немецких смельчаков.

Взятые под перекрестный огонь партизан, те, потеряв двух солдат, стали спешно отползать назад. Их от-

ход прикрывали автоматчики, стрелявшие откуда-то слева, со стороны сада.

Секачев сорвался с места и метнулся через дорогу к пулеметному расчету Мартынова. В этот момент из-за угла строения вдруг выскочила крупная разъяренная овчарка. Оскалив пасть, она стремительно бросилась в сторону Секачева. Боясь попасть в иее, немцы не стали стрелять в Михаила.

— Товарищ командир, собака!!! — крикнул кто-то позади Михаила.

Секачев повериул голову в тот момент, когда овчарка уже оттолкнулась для прыжка. Хорошо, что Михаил держал автомат на изготовку: ои уже влет сразил опасиого зверя.

— Видал, Леонтьич, как я ее! — весело воскликнул Секачев, присаживаясь к Мартынову.

Но Петру было ие до разговора. Он увидел, как гитлеровский снайпер повел стволом автомата в сторону Секачева. Для того, чтобы взять его на мушку и выстрелить, незадачливому «охотнику» пришлось высунуть из-за угла плечо, голову. Мартынов только этого и дожидался. Длинной пулеметной очередью он сразил «охотника» наповал.

— Спасибо, землячок, век не забуду,— растрогался Секачев.

В этот момеит за спиной заработал мотор машины. «Завелся!» — обрадовался Михаил.

— Слушай, Леонтьич, передвиньтесь с Ваней поближе к машине — будете прикрывать ребят. А когда погрузимся — бегом к машине, мы прикроем вас.

Он тут же отдал команду отходить иа погрузку и поспешил к машине. Приближаясь, Михаил увидел, как согиулся, а потом беспомощио свалился Захаревич.

— Куда тебя? — бросился он к нему.

— В иогу,— проронил Виктор. Потом стиснул сердито зубы, иапружииился, поднялся и, пересиливая режущую боль, полез в кабину.— Ничего, как-иибудь справлюсь.

— Ну зачем же, я сам поведу машиину,— сказал Секачев, подсаживая друга.— Так что давай двинься к той дверце.

Отстреливаясь, партизаны один за другим отползали к машине, грузились. Гитлеровские солдаты заволновались. Несколько человек их бросились было в полный

рост преследовать партизан, но Мартынов, стреляя с руки, остановил бег гитлеровцев.

— Леонтьич — в машину! — приказал Секачев.

Мохов и Хлуднев открыли по немцам стрельбу из пулеметов, остальные из автоматов прямо с кузова, прикрывая отход Мартынова.

— Ваня, давай первый сматывайся. Я — за тобой.

Подождав, пока Карабаев окажется в машине, Мартынов в последний раз прошелся длинной очередью по немецкой цепи, потом догнал уже двигавшийся на малых оборотах грузовик, подал пулемет Карабаеву, ухватился цепкими руками за борт, подпрыгнул и ловко забрался в кузов.

Немцы кинулись было вслед, но машина вскоре скрылась за поворотом и, набирая скорость, помчалась на запад, в Каменицу.

В тот же день, вечером, взвод Секачева вернулся на базу. А сам он пришел к нам на Бельведер с рапортом о выполнении боевого задания.

С его слов Владимир Иванович Сподневский записал в наш дневник боевых действий, что в сражении под Забжежем было убито и ранено восемнадцать гитлеровцев. А когда девятнадцать лет спустя мы с Петром Романовичем Перминовым побывали в Польше и повстречались в Каменице с нашим другом Флорианом Ружнарчиком, тот внес существенную поправку: по его уточненным данным, взвод Секачева вывел в том бою под Забжежем из строя не восемнадцать, а более тридцати гитлеровских солдат и офицеров.

СВОБОДА ИДЕТ С ВОСТОКА

Пока взвод Миши Секачева вывозил пшеницу из немецкого склада, а потом вел неравный поединок под Забжежем, наши разведчики Петр Бочкарев, Виктор Прокошев, Петя Бондаренко и Георг Мдзинарашвили побывали в юго-восточной части Новотаргского повята. Там они с помощью местных польских патриотов собрали необходимые данные о расположении, количественном составе и вооружении вражеских гарнизонов в приграничных селах Кросценко и Черстынь. Среди помогавших были солтыс Кросценко Юзеф Бель. Рассказав о

местном гарнизоне все, что знал, он пожаловался на жандармов из Нового Тарга, зачастивших к ним за насильственными поборами.

— Мало того, что свои, гарнизонные фрицы, почти ежедневно отбирают у крестьян кур, яйца, молоко и другие продукты, так еще жандармы из города повадились, — с возмущением докладывал нам возвратившийся с задания командир разведгруппы Бочкарев.— Причем приезжают на грузовиках, чтобы побольше и побыстрей увезти награбленное.

Мы решили прийти жителям Кросценко на помощь — отбить у жандармов охоту к грабительским набегам. Положить этому начало было поручено хорошо отдохнувшему за ночь взводу Секачева.

С восходом солнца Михаил со своими людьми отправился в путь и, прошагав за день по увалам двадцать пять километров, в сумерки был уже возле Кросценко. Сразу же связавшись с Юзефом Белем, Секачев узнал, что жандармы из Нового Тарга должны прибыть на следующий день утром.

— Ничего, пан солтыс, мы сделаем так, чтобы они не доехали до вас ни завтра, ни послезавтра. Только вы, пожалуйста, никому об этом ни слова. Ясно? — успокаивал Секачев Беля.

...Раннее, по-октябрьски прохладное утро. Петр Мартынов со своим неразлучным другом Карабаевым и петеэровец Михаил Пинаев притаились в неглубоком овраге, сбегавшем под острым углом к шоссе.

Первыми по приказу Секачева должны были открыть огонь по жандармам Пинаев и Мартынов.

— Когда они приблизятся, ты, Моряк, ударишь из салатуры по мотору головной машины, чтобы остановить колонну, а ты, Леонтьич, из дегтяря по фрицам в кузове, чтобы вызвать у них замешательство. Не успеют они прийти в себя, как мы навалимся на них всем скопом,— наказывал командир взвода.

Сам Секачев с остальными партизанами залег на опушке небольшого леса по другую сторону шоссе.

Вскоре Пинаев, Мартынов и Карабаев увидели три грузовые автомашины с немцами в открытых кузовах.

— Наконец-то! — обрадовался заскучавший было Мартынов.— Только ты, Миша, не торопись, жди пока головная не поровняется с камнями,—поучал он Пина-

ева. Потом поудобнее улегся, приник щекой к ложу пулемета, положил на гашетку палец и, не меняя позы, стал вслух поторапливать врага: — Так, еще, еще, скорее ползите, гады! Ближе, ближе... Миша, давай!!!

Бухающий выстрел из ПТР и длинная пулеметная очередь взорвали утреннюю тишину. Передняя машина вздрогнула, словно бы споткнулась, остановилась и замерла. Немцы посыпали на землю. Трое из них свалились, остальные быстро овладели собой и открыли ответный огонь. К ним поспешили на помощь жандармы со второй машины. Решив, что кроме трех смельчаков, стрелявших по ним из оврага, других партизан поблизости нет, человек двадцать жандармов бросились вперед.

«Почему Секачев медлит? Ведь еще немного, и мы все трое...» — только было Мартынов подумал, как заработали моховский и хлудневский пулеметы, застрекотали автоматы, открыли огонь все партизаны.

Попав под перекрестный огонь, жандармы не выдержали, круто повернули назад и стремглав подались к машинам. Шофер среднего грузовика стал торопливо разворачиваться, собираясь задать стрекача. Жандармы с ходу прыгали в кузов. Но когда машина, разворачиваясь, стала поперек дороги, в мотор угодил бронезажигательный снарядик противотанкового ружья. Ткнувшись носом в придорожный кювет, она остановилась и запылала. Немцы в страхе бросились к последней, третьей машине, которая уже повернула назад и, в ожидании их, катила на малых оборотах.

— Что, не выдержали?! Бей их! — ни к кому не обращаясь, закричал Михаил Пинаев.

— Пулеметчикам из винтовок бить только по фрицам в кузове! Автоматчикам прекратить огонь! — громко скомандовал Секачев.

Мартынов, Хлуднев и Мохов выпустили по полному диску по жандармам, толпившимся в перегруженной, быстро удалявшейся машине. Мишень для поражения была солидной, но сколько было убито и покалечено тогда жандармов, мы так и не узнали. А на шоссе осталось одиннадцать трупов.

Весть о том, что советские партизаны с Горцев за короткий срок нанесли ощутимые удары по немцам в Яблонке, под Каменицей, Забжежем и на шоссе между Кросценко и Чорстынем, быстро разнеслась по селам

Новотаргского, Лимановского и Новосончского повятов, по всему югу Краковского воеводства.

Руководитель крестьянского движения Сопротивления в Лимановском повяте, комендант обвода[1] БХ, действовавший под псевдонимом Бартоша, видный деятель крестьянской партии Стронництво Людове на юге Краковского воеводства передал нам через свою связную, активистку движения Сопротивления Янину Самолык о своем желании «навязать контакт». Он просил, в случае нашего согласия, назвать день, час и место встречи.

Мы ответили согласием. Местом встречи избрали небольшую, полуразрушенную бацувку, в километре от Солтысовой поляны. В назначенное время туда отправились Алеша Батян, Михаил Павлович Минаев, два Петра, ординарцы, и я. У бацувки нас уже поджидал Бартош с двумя вооруженными беховцами.

После знакомства ординарцы с беховцами расположились у наружной стены, закурили и повели дружескую беседу. А мы вошли в бацувку.

Бартош оказался высоким, жилистым, сухопарым человеком средних лет с усталым лицом. Одет он был в суконную гимнастерку, темный пиджак, в такого же цвета брюки, заправленные в сапоги, и брезентовый плащ — в то утром небо было затянуто тучами и моросил дождь.

С первых же слов Бартош показал себя человеком откровенным до грубости. Он сразу заявил, что отрицательно относится к нашим колхозам, к коммунистам, но тут же возгласил:

— Але вашу Червену Армию, так само вас, партизантов радецких, мы, гурали, сердечно поважам за вашу богатерску вальку с нашим ворогем! — И добавил: — Поважам за то, цо вульность да Польски иде от вас, зевсхудне![2]

Бартош огорчился, когда узнал, что за продовольственной помощью мы обратились не к ним, деятелям крестьянской партии, не к беховцам, а в штаб аковского полка. А когда мы сказали, что майор Боровый и ротмистр Подковка не очень-то спешат к нам с помощью, которую обещали, сокрушенно покачал головой.

---

[1] **Обвод** — область, округ. В данном случае, военный округ.

[2] Уважаем за то, что свобода в Польшу идет от вас, с востока!

— З нами, прошу пана, так не бенде,— проговорил он.

И стал настаивать на том, чтобы впредь мы обращались за продуктами только к ним, беховцам. Мотивировал он это так: раз, мол, вы, советские партизаны, с оружием в руках защищаете наших гуралей от гитлеровских грабителей, то и кормить вас должны мы, деятели крестьянской партии -командиры Батальонов Хлопских. А на аковцев не особенно надейтесь. Формально они относятся к вам по-приятельски, а в душе не очень-то радеют о вашем благополучии.

— Мы с доктором Совалем вам поможем,— заверил он в заключение.

На вопрос, кто такой Соваль, разъяснил, что это крупный ученый-ветеринар и широко известный деятель крестьянской партии.

— А как он относится к нам? — задал вопрос Миша Минаев.

— О, добже, найсердечнейше.

Через двое суток доктор Соваль в сопровождении Бартоша пожаловал к нам.

В отличие от Бартоша, Соваль был крепкого телосложения, с мягкими чертами на полном добродушном лице. Он производил впечатление эрудированного человека, хорошо осведомленного о многих сторонах жизни в нашей стране. Соваль искренне восхищался нашими достижениями в области образования и медицины.

На его доброжелательный тон и чистосердечие мы ответили тем же, и наша беседа сразу обрела характер взаимного доверия и теплоты. Как бы в подтверждение своего расположения к нам доктор назвался своим настоящим именем — Адамом Мамаком.

Его примеру последовал и Бартош.

— Я есть Эдвард Трояновский, агроном,— не без труда выжал он это признание и лишь после этого вздохнул с облегчением. Чувствовалось, что нелегко ему было нарушить неписаный, но обязательный закон для всех польских патриотов, участвовавших в борьбе с оккупантами. Достаточно сказать, что настоящие имена аковских офицеров Барабаша, Завишы, катана Гали, Профессора мы узнали только после войны.

В дальнейшем разговоре доктор Соваль назвал среди своих друзей и знакомых лидера крестьянской партии Стронництво Людове, главу эмигрантского прави-

тельства Польши Миколайчика, профессора Мархлевского, дипломата Котта, доктора Керпека и многих других политических деятелей и ученых. Одни из них находились в эмиграции, другие разъехались по стране. Кое с кем Соваль изредка встречался.

Это сообщение вызвало у моего заместителя по разведке Петра Романовича мгновенную реакцию. Посмотрев на меня, он многозначительно подмигнул. «Чувствуешь, мол, что это значит?» — говорил его выразительный взгляд.

Я ответил ему чуть заметным кивком.

— Интересно знать, как эти ваши друзья, с которыми вы теперь встречаетесь, относятся к немецким оккупационным властям? — спросил Петр Романович у Соваля.

— Як до узурпаторов фашистовских, — коротко ответил тот.

— А польская интеллигенция вообще? — с чекистской дотошностью допытывался Перминов.

— Так само.

И Соваль рассказал нам, как еще в первые годы немецкой оккупации гаулейтер Франк пытался привлечь на свою сторону интеллигенцию Подгаля, а с ее помощью и всех гуралей. И в своих личных выступлениях перед подгалянской интеллигенцией, и в прессе, и особенно через председателя Союза резервистов Подгаля капитана запаса польской армии Виталиуса Ведера, оказавшегося старым агентом немецкой разведки, Франк настойчиво внушал гуралям, что их предки якобы относились к немецкой расе, что поэтому-де, мол, фюрер милостиво согласился взять гуралей под свое покровительство, присвоив им полунемецкое, полукосмополитическое название «Гураленфольк» — некое подобие фольксдойтчей. Всем желающим стать «гураленфольками» предлагалось сдать местным немецким властям польские паспорта и взамен их получить так называвшиеся «кенткарты», в углу которых стояла заглавная буква слова «гураленфольк» — «Г».

Всем гуралям, принявшим звание «гураленфольк» и получившим «кенткарты», было обещано послабление в налоговых обложениях и другие незначительные привилегии, в том числе право служить в так называемом «гуральском легионе».

Но на эту провокацию, кроме таких отступников,

как Виталиус Ведер, доктор Генрик Шатковский и еще нескольких попутчиков, никто из подгалянской интеллигенции не поддался. И не только интеллигенция, а и все гуральское население отказалось от звания «гураленфольк», «кенткарт» и от службы в так и не родившемся «гуральском легионе».

Когда Соваль умолк, мы с Петром Романовичем стали выяснять у него и Бартоша, бывают ли они в Кракове и других городах Польши и не сумеют ли они помочь нам установить дислокацию гитлеровских штабов, войсковых частей и основных военных объектов хотя бы в Кракове.

Бартош вначале заерзал было на стуле, насупился, неправильно, по-видимому, поняв нашу просьбу.

Но тут ему на помощь пришел Соваль. Он сказал, что их долг помогать нам и они обязательно это сделают.

— Так есть, вшистке зробим, — подтвердил и Бартош и посмотрел на нас ясным, понимающим взглядом.

После этого Соваль заговорил о помощи нам продовольствием.

Оказалось, что Бартош был одним из руководителей лимановской повятовой сельскохозяйственной кооперации. И хотя снабжение сельских кооперативов проходило по строгой норме, он, как это впоследствии оказалось на практике, находил лазейки и систематически забрасывал в села Шаву, Конина, Любомеж больше муки, чем полагалось, специально для того, чтобы крестьянки выпекали хлеб для наших отрядов. Более того, Бартош и Соваль умудрялись каким-то путем получать на плодоовощном комбинате в местечке Тымбарк Лимановского повята сахар. Снабжали они нас и куревом.

Перед тем как покинуть нас, Соваль спросил нашего переводчика, откуда тот родом.

— Из Шленска, з Катовиц, прошу пана, — ответил Жорка.

— А почему пан есть поляк, а не в польской партизанке, а в радецкой? — ревниво спросил Бартош.

Переводчик пожал плечами, но в карман за словом не полез.

— Кеди я был в их краю, — показал на нас, — то воевав з ними рамень в рамень — плечом к плечу про-

тив нашего общего врага. Так само як и они пришли до нас воевать за нашу ойчизну. От поцо я в партизанке радецкой,— бойко отпарировал Жорка.

Сраженный его логикой, Бартош беспомощно развел руками.

— Потому, дорогой товарищ Бартош, что свобода в Польшу идет с востока, — напомнил я ему его же слова.

— Так есть, так есть, — подтвердил он и впервые откровенно рассмеялся.

С этой встречи у нас с Бартошем и Совалем установилась настоящая дружба.

Не обманул нас Бартош в своих обещаниях помогать в сборе информации о гитлеровских военных объектах. Он систематически приходил к нам на Солтысову поляну или встречался с Петром Романовичем в обусловленных местах в горах и обстоятельно рассказывал о всех изменениях, происходивших в стане гитлеровских оккупантов.

В тех случаях, когда Бартош не мог по каким-либо обстоятельствам прийти, он присылал сведения с учительницей Яниной Самолык. Эта худенькая молодая женщина шустро преодолевала крутые подъемы и обрывистые спуски, особенно когда спешила предупредить нас о надвигавшейся опасности. Тут уж никакая сила не могла ее остановить: ни холод, ни дождь, ни угроза попасть в руки фашистских карателей. И в том, что враг, неоднократно пытавшийся напасть с севера, ни разу не застал нас врасплох, была львиная доля заслуг не только Бартоша и Соваля, но и ее — пани Янины.

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Генеральное наступление наших войск по всему фронту было не за горами. Первым этапом общего стратегического плана Верховного Командования, конечная цель которого заключалась в разгроме врага в его логове, было изгнание немецко-фашистских захватчиков с территории Польши. И на нас, советских разведчиков-партизан, засланных в глубокий тыл гитлеровской армии на юг Польши, была возложена ответственная задача: своевременно выявлять и доносить в Москву о дислокации и всех передвижениях немецких войск

по землям Краковского и соседних воеводств, о расположении аэродромов, военных складов и оборонительных укреплений, как построенных раньше, так и вновь возводимых на пути предстоявшего наступления наших войск, входивших в состав 1-го и 4-го Украинских фронтов.

Для этого надо было систематически проникать в расположение немецких гарнизонов. А для наших разведчиков, не владевших ни польским, ни немецким языками, это было почти не под силу. И мы прибегали к помощи польских партизан, политических деятелей, местного населения. Если учесть, что действовать нам приходилось в буржуазной стране, находившейся к тому же под гнетом оккупантов, задача эта была очень сложной. Нас окружали люди, жившие по законам капиталистической морали: мой дом — моя крепость, моя семья — весь мой мир; люди, которым десятилетиями вбивали в голову чувства неприязни к Советской стране, к советским людям. И хотя гнев и ненависть к гитлеровцам, а также страстное желание поскорее освободиться от их тирании как бы сроднили наши народы, в душе у некоторых польских обывателей, гуралей, было еще много неясного, противоречивого. Очень медленно выветривалась из их сознания накипь по существу чуждых им антисоветских наслоений, подогревавшихся исподтишка реакционной частью аковского офицерства, польскими графами, князьями, помещиками. И только после того, как наши боевые группы стали с оружием в руках защищать гуральское население от немецких налетчиков, оно стало освобождаться и от прошлых заблуждений и от новоиспеченных наветов реакционных шептунов.

Все больше поляков становилось на путь активного сотрудничества с нами, советскими партизанами. Особенно они помогали в сборе разведывательных сведений о противнике.

Нашей разведывательной службой руководил тридцатишестилетний чекист Петр Романович Перминов, заменивший на время болезни капитана Пушкова да так и оставшийся в этой должности до прихода наших войск.

В своей работе Петр Романович опирался на начальника разведки соединения Михаила Павловича Минаева и на таких отважных и находчивых разведчиков,

как Петр Бочкарев, Виктор Прокошев, Борис Рыбаков, Вася Толочко и других.

Помимо общего руководства разведкой Петр Романович часто и сам отправлялся с группой боевого охранения под Новый Тарг на встречи с польскими патриотами, происходившими в нескольких километрах от города, в доме лесника Николая Косткина.

Интересно сложилась судьба этого лесника. На Подгале он, солдат русской армии, оказался во время первой мировой войны, как военнопленный австрийской армии. Работая в горах на лесоразработках, он как-то повстречался там с юной сероглазой полькой Анной. Встреча эта оказалась роковой: они полюбили друг друга с первого взгляда, полюбили на всю жизнь. Чуткая, отзывчивая душа молодой девушки, ее умение своими разговорами отвлечь от невеселых дум, притушить тоску по родине будили у Николая желание жить, трудиться, любить. Они встречались все чаще. И, наконец, настало время, когда жить один без другого они уже не могли. И хотя ксендз наотрез отказался зарегистрировать их брак из-за разных вероисповеданий — Николай был православным, Анна — католичкой—они стали жить гражданским браком. Жили дружно и хорошо. И только фамилии у них оставались разными: он — Косткин, она — Фанфарова.

Своим добродушным русским характером, готовностью в любую минуту прийти на помощь, а главное, завидным трудолюбием Николай очень скоро снискал у местного населения уважение и был принят им как равный среди равных. Николай полюбил их страну, принял польское подданство. Но свою отчизну, Россию, не забывал никогда. Часто и много рассказывал о ней жене Анне и трем своим дочерям — Агнешке, Стефе и Ядвиге. Но шли годы, а его желание хотя бы еще раз побывать на родной смоленской сторонке так и оставалось несбывшейся мечтой.

Нашествие гитлеровских полчищ и быстрое поражение польской армии болью отозвалось у Николая на сердце. А когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, он и вовсе потерял покой. И только тогда немного воспрянул духом, когда до него докатились вести о разгроме немцев под Москвой, а потом и у стен Сталинграда.

— Видали, как их наши бьют?! — говорил он жене

и дочкам, сияя от радостного возбуждения. — Ничего, наши русские долго чикаться с ними не будут — быстро попрут их со своей земли в три шеи. Да еще нам подмогнут побыстрее избавиться от этих паразитов, вот увидите!

— Я никак не пойму, кто для тебя «наши», русские или поляки? — улыбаясь, спрашивала Анна.

— А и те и другие — мы же все славяне, — бойко отвечал Николай.

И когда в одну из осенних ночей тысяча девятьсот сорок четвертого года к нему в лесничувку неожиданно ввалился Алеша Батян с группой своих товарищей, Николай так обрадовался, так разволновался, что не знал куда усадить своих дорогих соотечественников, чем попотчевать.

С той ночи его лесничувка превратилась в надежный пункт встречи советских партизан с польскими патриотами из Нового Тарга. А сам он, его жена и три дочери стали нашими отважными и верными связными. С их помощью наши разведчики систематически встречались в их доме с преподавателем Новотаргского лицея профессором Иннокентием Савчуком, многие годы совмещавшим свою педагогическую деятельность с должностью председателя повятовой Рады Опекуншей; с директором городской почты, поручиком запаса войска польского Тадеушем Войдыло, с рыбоводом форелевого хозяйства в Лопушной Иваном Кулецом и другими.

Среди них особо выделялся профессор Савчук. Высокий, худощавый, с ухоженной седовласой шевелюрой и такой же аккуратной серебристой эспаньолкой, придававшей его лицу вид маститого ученого, был неутомим в делах и стремителен в движениях, хотя ему уже было за шестьдесят. Родом он оказался из Белоруссии. Там в 1902 году вместе с Константином Мицкевичем, будущим белорусским классиком, известным под именем Якуба Коласа, он окончил Несвижскую учительскую семинарию. С тех пор более сорока лет отдал любимому делу — педагогике. На Подгале Савчук славился как человек глубоких энциклопедических знаний, высокой культуры, добропорядочности.

Прикрываясь опекунскими делами, профессор часто выезжал в Краков и другие города и села и с помощью многочисленных друзей собирал для нас весьма обшир-

ную информацию о военных объектах немецкой армии, о планах и действиях гаулейтера Франка и его аппарата, направленных на усиление оккупационного режима и на борьбу с польским антифашистским подпольем и партизанами.

На встречи с ним и другими польскими товарищами из Нового Тарга и Лимановой регулярно, один раз в неделю-полторы, ходил Петр Романович. И даже острые приступы радикулита, буквально валившие его с ног, не могли помешать этим встречам.

Однажды вместе с Петром Романовичем побывал в лесничувке Косткина и я. Дружная семья этого польского патриота и нашего искреннего друга произвела на меня сильное впечатление. За целые сутки, пока мы находились у них, Николай, его жена Анна и все три дочери Агнешка, Стефа и Ядвига не сомкнули глаз. Все они дежурили на подступах к лесничувке, чтобы в случае появления какой-либо опасности вовремя предупредить нас, отвести от нас беду.

В их доме мы встретились с профессором Савчуком и с директором почты Войдыло. В отличие от словоохотливого, по-юношески быстрого, седовласого профессора Савчука, сравнительно еще молодой Тадеуш оказался малоразговорчивым и по-стариковски медлительным. С его слов мы узнали, что он, как поручик польской армии, был приписан к 1-му полку подгалянских стрельцов АК, однако брать в руки оружие и уходить в лес, в один из аковских отрядов, не торопился и продолжал работать на почте.

Сейчас я уже не могу точно воспроизвести его ответ на вопрос, как он относится к главному командованию АК, но смысл его сводился к следующему:

— Лучше оставаться цивильным и хоть что-нибудь делать против оккупантов, чем носить офицерскую форму АК, иметь оружие и почти не стрелять из него по врагу. Нет, я против такой выжидательной политики Бур-Комаровского.

Сказал он это негромко, но внушительно. И по тому, как вдруг взмокло от пота его лицо, на какой-то миг зарделось и тут же посуровело, можно было догадаться, как трудно ему было произнести это вслух. Зато о количественном составе и о местах расположения немецких частей в Новом Тарге, Рабке и в других гарнизонах говорил он четко, по-военному грамотно.

К разведывательной службе приходилось привлекать и других офицеров нашего партизанского соединения, в первую очередь — опытных разведчиков из числа чекистов.

Под Ясло дважды ходил с группой разведчиков Иван Максимович Таранченко, а в соседний, Новосончский повят — наш неутомимый вездесущный Алексей Николаевич Батян. Первый выполнял особое задание нашего шефа Павла Анатольевича по уточнению оборонительных укреплений немцев. Второй был послан в Сандецкие Бескиды, чтобы установить контакты с командирами местных беховских отрядов и с их помощью собрать сведения о гитлеровском гарнизоне в Новом Сонче.

Кроме того, Алеше было поручено побывать у Болеслава Матвеевича Вронского, по-прежнему проживавшего в курортном местечке Щавница, и попросить его наведаться к своим краковским товарищам, собрать последние данные о немцах и договориться о следующей встрече.

И с тем и другим заданием Алеша справился отлично. Он связался с командирами беховских отрядов: Зиндрам — Владиславом Сокульским и Юхаса — Мечиславом Холевой. Они отнеслись к Батяну по-дружески и охотно поделились последними данными о гитлеровских гарнизонах в Новом Сонче, Старом Сонче и других населенных пунктах Сандетчины. В первом, по их данным, размещались два батальона — зенитной артиллерии и 1017-й охранный, — а также несколько вспомогательных команд. Личный состав гарнизона — 2500 человек. В Старом Сонче стояло две артиллерийские батареи, в пригородных селах Бжезна и Хомранице батальоны полевой жандармерии.

Во второй половине октября 1944 года, в очередной поход Алеши Батяна за Дунаец, на встречу с Болеславом Вронским отправился и я, оставив за себя подполковника Перминова.

Вспоминается тихое безветренное утро. Затянутое тучами серое стылое небо, набухшая от осенней сырости земля под ногами и усталые лица товарищей, сопровождавших нас в походе. За ночь мы прошагали более двадцати километров нелегкого горного пути. У крайнего дома села Забжеж переправились через Дунаец вброд, обошли стороною село Зажече, тесно прижавшее-

ся к правому берегу Дунайца, и стали подниматься в гору. Более часа пробирались мы по узкой тропинке, обегавшей крутые склоны неширокими карнизом, пока где-то в полукилометре от вершины горы Козягж, отмеченной высотою 945 метров, не увидели небогатую одинокую усадьбу. За небольшим деревянным домом и хозяйственными постройками раскинулся тронутый увяданием сад. От него к востоку тянулась полоса стерни, а рядом — огород. Женщина и двое подростков убирали картофель.

Когда мы вошли во двор, навстречу из дому вышел хозяин — человек выше среднего роста, неширокий в кости, слегка сутуловатый, однако крепкий, жилистый. По виду ему было под сорок. Задубленное на солнце и горных ветрах лицо его украшали пышные усы и густые темные брови. Походка у него была мягкой, неторопливой, пружинистой; взгляд глубокий, немного настороженный.

Он снял шляпу, низко поклонился и широким жестом руки пригласил в дом.

— Прошу, панове, до мешкання.

Пропустив нас в светлую просторную комнату, в окна которой просматривались все возможные подходы к дому, он о чем-то пошептался с Алешей и тут же покинул нас. Вскоре я увидел, как он присоединился к своей семье и, пока мы не покинули его дом, больше к нам не приходил. Наблюдая за ним, я заметил, что, работая, он то и дело посматривал по сторонам, и понял: оберегал нас от возможных неожиданностей.

Мы с Алешей остались в комнате, два наших Петра — ординарцы — вышли на крыльцо, а Стефан Павлик, Шалико Гогебашвили и еще кто-то из разведчиков отправились в сторону недалекого леса, где их должен был уже поджидать Болеслав.

Зная, что он болен туберкулезом, я приготовился увидеть Болеслава худым, ссутулившимся, тяжело дышащим. Но вместо этого к нам в комнату в сопровождении Стефана вошел высокий, отлично сложенный раскрасневшийся человек в полупальто спортивного покроя и с таким лицом, что с ходу он показался мне цветущим здоровяком, значительно моложе своих тридцати трех лет.

Это было так неожиданно, что я повернулся к Алексею и уставился на него в недоумении.

Тот сразу понял, улыбнулся.

— Болеслав Матвеевич Вронский, — представил он его, окончательно рассеивая мои сомнения.

Мы поздоровались. Болеслав с облегчением опустился на предложенный ему стул, опустил плечи и, по мере того как остывал с дороги, на глазах преображался. Румянец, появившийся во время ходьбы, погас. На смуглых обветренных щеках появилась нездоровая землистая бледнота. Заметно притушился лучистый, возбужденный блеск в глазах. Лицо посерело, осунулось и сразу постарело. И уже не краснощекий подтянутый здоровяк, каким он переступил порог, сидел перед нами, а усталый, измученный болезнью человек, внутренне напряженный, однако не унывающий и мужественно не сдающийся.

Держался он поначалу скованно, говорил медленно, искоса поглядывая в лицо собеседнику. Но что особенно запомнилось от первой нашей встречи, так это его большие очень выразительные глаза. Когда он обращался к кому-нибудь из нас или вспоминал Мишу Минаева и других разведчиков, с которыми встречался, лицо его светилось теплой дружеской улыбкой, но как только речь заходила о гитлеровцах, воспламенялось жгучей неистребимой ненавистью. По его глазам можно было читать мысли, чувства, настроение.

После того как Болеслав проинформировал нас о всех изменениях в стане гитлеровцев, мы разговорились.

По профессии Болеслав был сапожником. Работая в шахтерском городе Сосновец по своей профессии, он в то же время был активным членом Коммунистического Союза молодежи Польши. Трудился он не жалея сил и здоровья. Болеслав систематически недосыпал, недоедал, мерз, простуживался, валился с ног от неимоверной усталости. И в наказание за варварское отношение к своему здоровью он заболел туберкулезом.

Потянулись долгие дни и ночи мучительных страданий и не столько от самого недуга, сколько от болезненного сознания своей обреченности.

По совету врачей, Болеслав покинул свой город и отправился на юг, в курортное местечко Щавница, знаменитое лечебными источниками и благодатным для таких больных, как он, климатом. Упорное лечение и щавничанский воздух живописных Пеннин сделали

свое дело: процесс в легких прекратился. Для Болеслава это было вторым рождением. Он воспрял духом, женился и осел в Щавнице на постоянное жительство.

Но прекращение процесса в легких еще не означало полного исцеления. Чтобы не вызвать нового обострения, Болеслав должен был вести очень умеренный образ жизни, а главное, избегать истощения и простуды. С помощью заботливой жены он берег себя, как мог. Длилось это до тех пор, пока в летнюю ночь 1944 года к нему не заявился его старший брат Юзеф вместе со своими боевыми друзьями, советскими партизанами.

Появление их было началом нового напряжения, новых лишений, связанных с постоянной опасностью простудиться, заболеть, а то и того хуже — быть схваченным гитлеровскими карателями. Иными словами, несмотря на болезнь, Болеслав стал смелым, решительным, самоотверженным партизаном, глазами и ушами нашей партизанской разведки в Кракове.

Как все это происходило, будет рассказано впереди. А сейчас остановимся на очень интересном разговоре, состоявшемся между нами в ту первую встречу.

Рассказывая о немецких порядках в Кракове, Болеслав с болью в сердце говорил о тысячах и тысячах мирных польских жителей, зверски замученных гитлеровскими палачами в тюрьмах, лагерях смерти — Освенциме, Майданеке и других. Всюду, где только немецким фашистам мерещились партизаны, подпольщики, враги гитлеровского рейха, его «нового порядка в Европе», они без суда и следствия строчили из автоматов. С особой ненавистью Болеслав вспоминал главного палача польского народа гаулейтера Ганса Франка.

— О, Франк, пся крев, есть глувный кат нашего народа польскего. Таки люди не мают права жить на нашей славянской земми! — воскликнул Болеслав с негодованием.

— Это что, только вы один такого мнения или...?

— Не, драги товажишу, так мысляць вшистке наши поляцы, — перебил меня Болеслав, все более возбуждаясь.

— Если все поляки считают, что Франк не имеет права жить на вашей земле, так чего ж они его не уничтожат? — спросил я его. — Наши белорусские партизаны вместе с минскими подпольщиками не стали терпеть присутствия на нашей земле такого же ката, как и ваш

Франк, — гаулейтера Вильгельма фон Кубе: подложили ему на кровать мину, и от него только мокрое место осталось, — сказал я Болеславу.

Он внимательно выслушал, потом стал расспрашивать, как белорусские народные мстители готовились к уничтожению фон Кубе, кто пронес в его спальню мину.

— Нам так само тшеба знищить нашего ката Франка! — решительно заявил он после того, как я ответил на его вопросы. Потом задумался.— Але мы не мам таких мин,— с сожалением сказал он и вздохнул.

— Если потребуются, мы дадим, — пообещал я ему.

Болеслав выпрямился, глаза его заблестели радостью. Он так разволновался, что не усидел на стуле и несколько раз прошелся по комнате.

Расстались мы с уговором, что в следующий раз встретимся через две недели на Прегибе, в расположении партизанского соединения майора Леонида.

Очень помогали нам в разведывательной работе секретные планы, карты, приказы и инструкции военного командования немецко-фашистских войск, которые добывали разведывательные, диверсионные и боевые группы, пускавшие под откос немецкие воинские эшелоны, взрывавшие на шоссейных магистралях автомашины с немецкими штабными офицерами.

И, конечно же, немало давали нам и живые «языки», схваченные в гарнизонах или на дорогах Подгаля.

Сочетая эти источники, мы всегда были в курсе всех действий тыловых немецких формирований, знали о появлении новых войсковых соединений, род их оружия, знали о линиях обороны второго и третьего эшелонов, а также о замыслах немецкого командования, направленных против нас, партизан, и о многом другом, что требовалось знать в ту боевую годину в глубоком тылу противника.

РОЖДЕНИЕ БОЕВОЙ ДРУЖБЫ

Каждый день вынужденной неподвижности становился для капитана Пушкова все более мучительным и нестерпимым.

— Да раскуй ты меня, Николаша, освободи от этого

проклятого пута, а то сил у меня больше нет лежать таким бревном, — взмолился он на одиннадцатый день, показав на гипс.

Но врач Судоплатов покачал головой.

— Нельзя, дорогой Семен Николаевич, рановато еще.

— Да ты глянь, пальцы уже начинают шевелиться, — умолял Пушков, стараясь двигать пальцами покалеченной ноги.

— Ничего, ничего, потерпи еще несколько дней.

Но уже на следующий день ступня у Пушкова стала почему-то пухнуть, и Николай Павлович решил проверить, в чем дело. Он снял гипс и приступил к осмотру.

— В этом месте не болит? А здесь? — то и дело осведомлялся он у Пушкова, ощупывая опухшую ногу.

Наблюдая за Николаем Павловичем, я заметил, как все больше хмурилось его лицо, все тише становился голос. Не ускользнуло это и от чуткого настороженного взгляда Пушкова.

— Что, Николаша, плохи мои дела? — спросил он упавшим голосом.

Судоплатов медлил с ответом.

— Ну? — торопил его Семен.

— Да, Николаич, не очень хорошо получилось...

— Что, неужели все-таки отрежешь? — еле выдавил Пушков.

Лицо его посерело, на лбу выступили капельки холодного пота, на глазах показались слезы.

— Нет-нет, что ты! — поспешил успокоить его врач. — Об ампутации не может быть и речи. Просто получилось смещение костей. Очевидно, когда тебя переносили с «Орлиного гнезда» сюда, на Бельведер, нога зацепилась за ветки деревьев, вот кости и сместились. Придется вытяжку сделать.

— Как это, вытяжку? — насторожился Пушков.

— Ну, попросту выражаясь, разорвать соединенные кости и снова их соединить стык в стык. Иначе неправильно срастутся, и ты всю жизнь будешь кривулять.

— Только и всего-то? Так давай действуй, разрывай, Николаша, фу-у, — вздохнул он с облегчением. — А я уж думал...

Пушков повеселел, стал шутить. И когда врач предложил было ему перед операцией полстакана спирта, чтобы немножко расслабить нервы, Пушков отказался.

— Не надо, так вытерплю.

И вытерпел. Правда, всю ночь после этого он провел без сна, часто и тяжело вздыхал и уснул только на рассвете.

Утром, чтобы не разбудить его, мы ходили в штабе на носках, разговаривали шепотом. Каждого, кто входил, останавливали у порога предупредительным жестом.

Так мы встретили и вернувшегося с задания Алешу Батяна.

Тот в недоумении замер посреди комнаты, обвел нас вопросительным взглядом.

— В чем дело? — тихо спросил он.

Владимир Иванович Сподневский подошел к нему и стал тихонечко рассказывать о Пушкове.

Но в это время дверь, ведущая в нашу офицерскую комнату, отворилась и оттуда заговорил сам капитан.

— Чего шепчетесь, я давно уже не сплю.

Заметив Алешу, он приветственно махнул ему рукой.

— Когда доложишься, зайди, — попросил Пушков его.

Алеша подошел к Пушкову, поздоровался, присел на соседний топчан. Я последовал за ним и уселся рядом.

Батян обстоятельно рассказал о всех своих встречах, о полученных разведданных. Потом вдруг заулыбался.

— А знаете, какие на Подгале о нас слухи ходят? Будто бы нас на Кудлони пять тысяч, и что мы вовсе не партизаны, а кадровая авиадесантная часть Советской Армии, сброшенная сюда на парашютах, и все мы до единого вооружены автоматическим оружием.

В это время вошли начальник штаба Евтюнин, его заместитель Сподневский и Михаил Павлович Минаев. Мы стали сообща гадать, кто мог быть автором этих до нелепости неправдоподобных слухов и в чьих интересах они распространялись.

— По-моему, все это очень просто, — заговорил Миша Минаев. — Народ видит, что после того, как мы

стали бить немецких грабителей, те стали реже показываться в селах. Так вот, чтобы напугать фрицев еще больше, польские крестьяне и распускают слухи, будто советских партизан здесь пять тысяч. Авось, думают, жандармы испугаются и вовсе перестанут донимать поборами.

— Может быть, для гуральского населения это и хорошо, а для нас не очень, — заметил капитан Пушков. — Ведь если гитлеровское командование поверит, что нас в Горцах пять тысяч, да еще до зубов вооруженных, и задумает начать против нас карательную экспедицию, то такое количество войск стянет сюда, что трудно будет и ноги уносить нашему брату.

Пушков словно в воду смотрел. Вернувшийся в тот же день из-под Нового Тарга Петр Романович сообщил из проверенных источников, что гаулейтер Франк отдал приказ готовиться к карательной экспедиции против советских партизан в Горцах. В ней примут участие специально вызванная горнострелковая бригада, корпус полевой жандармерии и местные гарнизоны.

Сообщение было не из приятных. Правда, подобных экспедиций мы повидали уже немало. Да и то сказать: у врага одна дорога, у партизан их десять, но как бы там ни было, надо было готовиться к суровым испытаниям.

От Николая Косткина Петр Романович узнал, что на горе Турбач, расположенной по соседству с нашей Кудлонью, недавно появился отряд советских партизан во главе с капитаном Таней. Отряд усиленно старался прибрать к своим рукам командир отряда БХ Огонь — человек властный и сумасбродный, с неуравновешенными анархистскими повадками.

— Вашей капитанке Тане угрожают неприятности, — предупредил Косткин.

Мы обменялись мнениями и решили перевести отряд Тани поближе к нашему лагерю. В тот же вечер Миша Минаев с группой разведчиков разыскал на Турбаче отряд Тани, передал ей предупреждения Косткина и наше решение.

Таня не стала долго раздумывать и к утру привела свой отряд к нам на Солтысову поляну.

Таня — Людмила Кирилловна Гордиенко оказалась высокой круглолицей блондинкой, лет двадцати с небольшим. Движения ее были уверенные, расчетливые,

походка — мягкая, размашистая. Во всем облике, даже в ее вальяжно женственной фигуре, облаченной в белый свитер, потертые лыжные брюки и сапоги, угадывался по-мужски сильный, бывалый воин.

С группой разведчиков Таня была заброшена в тыл врага на территорию Словакии разведотделом 1-го Украинского фронта. Некоторое время она действовала там под руководством более опытного командира отряда подполковника Гладнинина. Потом по приказу разведотдела фронта она ушла со своей группой, насчитывавшей 30 человек, в Польшу, в район Турбача.

Разгром подразделений полевой жандармерии возле Каменицы, Забжежа и особенно возле Кросценко произвел впечатление на нашего соседа — командира 4-го батальона АК капитана Лямпарда — Юлиана Запалу. Как-никак, а Кросценко входило в его зону, поэтому пройти мимо боевых событий, разыгравшихся неподалеку от этого села, он просто не мог. Лямпард явился к нам, чтобы выразить свою благодарность и восхищение.

— Добже били ваши партизаны гитлеровских акупантов. А тот ваш довудца плутона Миша, — расхваливал он Мишу Секачева. — С таким добже вальчить рамень в рамень — воевать плечом к плечу.

— Так зачем же остановка? Возьмите и разбейте вместе с его взводом какой-нибудь немецкий гарнизон, — не растерялись мы.

Наше предложение застало Лямпарда врасплох. Он стушевался, покраснел, глаза его заблестели лихорадочным блеском. Чувствовалось, что в душе у него происходила борьба между соблазном рискнуть на совместную боевую вылазку и строгой директивой командования АК, запрещавшей открыто нападать на гитлеровские гарнизоны.

— Можно даже не с одним взводом Миши, а со всем отрядом Меняшкина ударить. А в нем все партизаны как на подбор, — попытался раззадорить Лямпарда Алексей.— Я даже могу вам посоветовать, по какому гарнизону лучше всего ударить.

— По ктурому? — мгновенно зажегся Лямпард.

— Да хотя бы по Чорстыню.

— Чорстынь не можно, — энергично возразил Лямпард, — там тераз задуже вермахту и эсэсманов.

— Тогда сделайте налет на гарнизон в Гаркле-

вой, — подсказал начальник штаба Евтюнин. — Там и подходы хороши, и отойти, в случае чего, есть куда.

И Лямпард, сам того не замечая, втянулся в обсуждение подробного плана предстоящей боевой вылазки на немецкий гарнизон в Гарклевой.

Склоняя Лямпарда к совместному нападению на один из вражеских гарнизонов, мы меньше всего думали, сколько гитлеровцев будет уничтожено и какие трофеи удастся захватить. Для нас важнее было другое: зажечь Лямпарда боевым азартом и втянуть его батальон в активную борьбу с нашим общим врагом. Думали мы и о том резонансе среди населения Подгаля, который неизбежно должно было вызвать нападение на немецкий гарнизон объединенными силами советских и польских партизан.

— Добже, пуйдем на Гарклеву, — с трудом выговорил капитан Лямпард, отрываясь от карты.

Мы договорились о дате выступления. Окончательную разработку плана поручили Лямпарду, начальнику штаба и Меняшкину.

Перед тем как покинуть нас, Меняшкин попросил у меня разрешения захватить с собой переводчика Жорку и врача Судоплатова.

— Сами понимаете, надо же перед аковцами марку держать, — сказал он, приблизившись ко мне вплотную.

— Хорошо, бери, — согласился я, не колеблясь.

Вечером 16 октября 1944 года отряд Меняшкина и аковская рота поручика Ляса во главе с капитаном Лямпардом спустились с Горцев и на одном из восточных склонов горы Годермо устроили привал. Пока партизаны отдыхали, Меняшкин, Секачев, Лямпард и Ляс вместе с переводчиком Гритом спустились ниже, облюбовали под командный пункт небольшую удобную террасу, расположенную в 400 метрах от села Гарклева, провели рекогносцировку.

Село Гарклева раскинулось вдоль южных подножий Годермо и Буковины, в десяти километрах от Нового Тарга. Оно протянулось вдоль шоссейной дороги, бегущей от этого города в сторону Кросценко и далее к Новому Сончу, по правобережью Дунайца. Расстояние между рекой и шоссейной дорогой исчислялось в сотню с лишним метров. Немецкий гарнизон размещался в одноэтажной, на каменном фундаменте, бревенчатой

школе. После нашего налета на гарнизон в Яблонке все окна в этой школе были наполовину заделаны толстыми плахами, забраны густыми металлическими решетками, а поверх их густо опутаны колючей проволокой, чтобы нельзя было бросить гранату внутрь здания.

В полночь отряды спустились к реке и залегли вдоль берега. В центре, прямо против здания с немцами, занял позицию взвод Секачева, справа от него — взвод Павла Можелевского, слева — аковцы.

Начало светать. Медленно рассеивался туман. На ровном поле резко выделялась школа. Партизаны приготовились. В условленное время Меняшкин пустил в небо зеленую ракету — сигнал к бою, и рассветная тишина раскололась оглушающим грохотом.

Петр Мартынов с первых же выстрелов из противотанкового ружья поджег дом. Повалил дым, немцы стали выскакивать во двор, но, попадая под плотный огонь советских и польских партизан, тут же бросались обратно.

Неожиданно откуда-то слева по партизанам застрочил немецкий пулемет. Володя Мохов выследил вражеского пулеметчика, прятавшегося в окопе у моста через Дунаец, и третьей короткой очередью заставил его замолчать.

Бой, длившийся около часа, подошел к концу. С минуты на минуту из Нового Тарга к немцам могла подоспеть подмога. Меняшкин и Лямпард, наблюдавшие за ходом боя с командного пункта, обменялись мнениями и дали красную ракету — сигнал к отходу. Умело маневрируя, партизаны отошли без потерь в горы. Перебрасываясь веселыми репликами, взрываясь то и дело дружным хохотом, советские и польские партизаны шли, наполненные чувствами радости и дружеского расположения друг к другу.

Молва о смелом нападении советских и польских партизан на хорошо вооруженный гарнизон в Гарклевой с быстротой телеграфа разнеслась по всему Подгалю.

Бой этот так вдохновил Лямпарда, что он пообещал в короткий срок разведать силы противника в более крупном гарнизоне, в Чорстыне, и, если это окажется нам «по зубам», ударить по нему вместе с отрядом Меняшкина.

ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

Через несколько дней после налета на немецкий гарнизон в Гарклевой к нам неожиданно заявился Бартош в сопровождении молодого партизана Словика — Амброжи Петрака и еще двух беховцев из отряда Бича.

От быстрой ходьбы в гору Бартош тяжело дышал. На обветренном лице отражалось нервное напряжение.

— Недобра справа, панове, — промолвил он, устало опускаясь на стул в нашем штабе.

Немного передохнув, Бартош сообщил, что на железнодорожную станцию Мшану Дольну, расположенную в пятнадцати километрах от нашей базы, стали прибывать эшелоны с немецкими карательными войсками.

— Уже?.. Быстро, — первым отозвался врач Николай Павлович.

Он посмотрел в раскрытую дверь и увидел, с какой тревогой слушает это сообщение им же приговоренный на продолжительную неподвижность капитан Пушков.

Бартош, со слов своих краковских коллег, рассказал нам, в какую ярость пришел гаулейтер Франк, узнав о разгроме гарнизона в Яблонке, как неистовствовал он, когда ему докладывали то о поголовном уничтожении взвода полевой жандармерии под Каменицей, то о разгроме жандармского подразделения их возле Кросценко, то о больших потерях, понесенных гарнизонами в жарких схватках у Забжежа, то, наконец, о налете на гарнизон в Гарклевой. В ходе этих пяти боевых операций советские партизаны с Кудлони за две недели уничтожили около ста и ранили в полтора раза больше гитлеровских солдат и офицеров. И где? На Подгале, в районе, который до недавнего времени у гитлеровского командования считался относительно благополучным.

Нет, гитлеровцев, конечно, били и другие. Били на дорогах Сандетчины партизаны из появившегося на Прегибах соединения Леонида Лесниковского; били в западной части у Закопане партизаны из бригады Потемкина — Мацнева; били их и отряды Армии Людовой — аэловцы, появившиеся к тому времени на Подгале.

Не сидели сложа руки отряды Батальонов Хлопских.

В Лимановском и в соседних повятах, под общим командованием коменданта беховского обвода Бартоша, активно действовал отряд Бича. Из наиболее крупных боевых операций отряд провел две: в июле 1944 года группа в 12 человек под личным командованием Бартоша без единого выстрела обезоружила взвод охранников на мосту через Дунаец у села Голковицы, захватив 2 пулемета и 15 винтовок; в начале октября группа в 9 человек во главе с Амброжи Петраком — Словиком обезоружила 14 немецких солдат в гарнизоне Язовско, Новосончского повята.

В соседнем, Бохнянском повяте, успешно действовал отряд БХ, которым командовал комендант обвода Ястжембец — Ян Ярош. Он разогнал полицейские посты и команды лесной охраны в селах Усте Сольне, Волибатерска, Гробля и провел ряд других боевых операций.

На территории Новосандецкого повята вели борьбу с гитлеровцами беховские отряды Юхаса, Потока и другие. Боевой деятельностью их руководили комендант обвода Гедымин — Станислав Шнайдер и его заместитель педагог Казимеж Венглярский.

Действуя на свой риск, вопреки строгой директиве главного командования АК, активно вели себя и некоторые аковские отряды. Среди них особо отличался отряд Татара — поручика Юлиана Зубека, на боевом счету которого было разоружение 25 гитлеровцев на Явожине Криницкой и 30 полицаев из лесной охраны у Новоевой.

Правда, в отличие от советских партизан и аэловцев, которые беспощадно уничтожали гитлеровцев, аковцы и многие беховцы проявляли к ним неоправданное и непонятное для нас — советских партизан — мягкосердечие, особенно к солдатам вермахта. Нападут, бывало, на них, обезоружат и всех до единого, кроме тех, кто оказывал вооруженное сопротивление, отпускают живыми. Исключение касалось только гестаповцев, предателей и жандармов — любителей насильственных поборов.

И все-таки это была борьба.

Но такого разгрома вражеских гарнизонов, какой совершили партизаны нашего Первого отряда, возглавлявшегося Иваном Меняшкиным, и главным образом взвода Миши Секачева, на Подгале еще не было.

Вот почему гаулейтер Ганс Франк всю свою ярость

решил направить против нашего, еще только становившегося на ноги, соединения.

Узнав об этом, Бартош бросил все свои дела и помчался к нам, чтобы заранее предупредить о надвигавшейся смертельной опасности. Он посоветовал нам сразу же, не дожидаясь блокады, уйти за Дунаец и укрыться в лесах Сандецких Бескидов. Обещал найти знающих проводников.

Поблагодарив за это важное сообщение и добрые советы, мы попросили Бартоша как можно быстрее узнать, когда, какими силами и по каким дорогам немецкие каратели собирались наступать на нашу базу.

Бартош охотно согласился выполнить нашу просьбу и заторопился с уходом.

А мы сразу стали совещаться, что нам предпринять. Особенно озабочен был Пушков.

— Что, Федорович, собираешься делать? — спросил он меня и внимательно посмотрел в глаза. Голос его почему-то сделался тихим, хриплым, напряженным.

— А мы сейчас здесь, вместе с тобой решим,— ответил я, усаживаясь у его изголовья, а остальные — кто на свободном топчане, а кто прямо на полу. Комната сразу приняла деловой вид, наполнилась говором, табачным дымом. Это благотворно подействовало на капитана — он сразу как бы подтянулся и принял самое деятельное участие в оперативном совещании.

А поломать голову было над чем. Прежде всего надо было решить: попытаться ли с боем отстоять свою базу от неприятеля, или же покинуть ее, не дожидаясь его появления.

— Если мы уйдем отсюда крадучись, вся наша боевая слава, добытая такими испытаниями, пойдет насмарку,— сказал Пушков. Он было умолк, но решительный кивок Алеши снова зажег его.— Нет, негоже нам, советским партизанам, без боя улепетывать, показывать фрицам свои пятки, негоже.

— Я тоже за то, чтобы встретить их как следует. Тем более, в случае чего, мы в любую минуту сможем сманеврировать и отойти,— горячо поддержал его Алеша.

Кроме Бартоша в районе Мшаны Дольной побывали и наши разведчики во главе с Мишей Минаевым. Добытые ими данные полностью совпали с дополнительной информацией Бартоша, переданной нам через учитель-

ницу Янину Самолык. Нам становился ясным план предстоявшей гитлеровской экспедиции.

На станции и в селе Мшана Дольна уже тогда находилось более пяти тысяч прибывших специальными эшелонами войск и ожидалось еще примерно столько же. В состав карательного корпуса входили специальная горнострелковая бригада, имевшая опыт борьбы с партизанами в горах Словакии, артиллерийский полк, саперный батальон и несколько батальонов полевой жандармерии.

Начало экспедиции было намечено на двадцатые числа октября, в зависимости от того, когда будут возведены две линии обороны, опоясывавшие северное подножье Кудлони.

Наступление должно было вестись с двух направлений: с северо-западной и северо-восточной сторон.

О наступлении с юга мы никакими сведениями не располагали.

Мы сообщили в Москву об усиленной подготовке гитлеровских войск к наступлению на лагерь нашего соединения. Оттуда последовал приказ: «В бой не ввязывайтесь, маневрируйте, берегите людей, в случае опасности — уходите в Словакию».

И все же мы решили, прежде чем покинуть Горцы, дать карателям бой. Единственно, что нас несколько смущало, так это опасения за капитана Пушкова.

Я спросил врача: можно ли капитана нести в тяжелых походных условиях, не повредит ли это его ноге?

— Может, конечно, повредить. Лучше бы его не таскать с собой,— последовал ответ.

Мы стали вместе думать, куда бы нам пристроить Пушкова на время блокады.

Неожиданно он сам пришел к нам на помощь.

— Договоритесь, братцы, с кем-либо из поляков и оставьте меня у них на время блокады. Ну что я буду вас сковывать? — заметив мою попытку возразить, Семен Николаевич взмахом руки остановил меня.— Нет, Федорович, я все это хорошо продумал и буду настаивать, чтобы ты разрешил остаться мне у польских друзей. А то из-за меня и вы можете пострадать.

Мы, конечно, верили польским товарищам, и все-таки трудно было примириться с тем, что наш мужественный боевой друг должен остаться на попечении чужих, хотя и добрых людей. Сумеют ли поляки сохранить

его в условиях свирепого полицейско-гестаповского режима гитлеровских захватчиков? Ведь если гестапо дознается, что заместитель командира советского партизанского соединения по разведке — капитан, чекист — остался на Подгале у поляков, они примут все меры, чтобы разыскать его. От одной только мысли, что в тяжелую роковую минуту мы не сможем прийти капитану на выручку, становилось не по себе. Ведь на войне всякое могло случиться. Кривые партизанские тропы могли увести нас далеко на юг, в Словакию, где мы могли пробыть до прихода наших войск...

Однако другого выхода не было. Надо было с этим смириться в интересах более успешной и маневренной борьбы с врагом, подготовившимся к нападению на нас при соотношении сил: 25—30 гитлеровских солдат, имевших на вооружении орудия, минометы, станковые и крупнокалиберные пулеметы, против одного партизана, у которого самым тяжелым оружием были противотанковое ружье и ручной пулемет.

Встал вопрос, у кого из поляков оставить Пушкова?

О наших трудностях узнал Бартош и тотчас же, в сопровождении беховцев Амброжи Петрака и других, пришел к нам на Солтысову поляну.

— Отдайте капитана нам. Мы его в свуй шпиталь БХ положим,— обратился он ко мне.

— А где находится ваш госпиталь, если не секрет? — спросил я.

— От вас у нас нема секретов. В Вильчицах он.

Володя Сподневский развернул на столе перед Бартошем карту-километровку. Бартош разыскал гору Кудлонь, нашу Солтысову поляну, ткнул в нее пальцем и повел им не на восток и не на юг, подальше от Мшаны Дольной — пункта концентрации немецких войск, готовившихся к наступлению против нас,— а наоборот, по направлению к ней. Вот он на мгновение застыл на рассыпанных черных точках, под которыми стояло название села Конина, потом отклонился от дороги, ведущей в Мшану Дольную, на север, миновал деревню Лентове и замер возле безымянной высоты 780, рядом с несколькими точками — домами, оторвавшимися от небольшой деревни Вильчице.

— О, ту,— пояснил Бартош.

Мы переглянулись. Володя провел курвиметром по карте от Вильчице до Мшаны Дольной.

— Около пяти километров,— сказал он и сокрушенно покачал головой.

— Не бойтесь, панове, там для вашего капитана бенде спокойне,— заверил Бартош, хорошо понимавший наши опасения.

Я прошел в комнату к Пушкову, рассказал ему о предложении Бартоша.

— Что ж, я не возражаю. Бартош, по-моему, не подведет,— охотно, как мне показалось, согласился Семен.— Где он? Пригласи его сюда.

В комнату вошел Бартош.

— Что ж, пан Эдвард, я согласен отправиться в ваш госпиталь. Спасибо вам за заботу обо мне,— встретил его Пушков приветливым тоном.

— О, то добре.

Бартош попросил, чтобы на следующий день к вечеру наши товарищи принесли Семена на окраину села Конина, примостившегося у северного подножия Кудлони. Там их будет поджидать специально выделенная команда БХ, которая и доставит нашего капитана на место.

— Чтобы вашим людям было не так тяжело, мы выделим в помощь им своих товарищей,— сказал я Бартошу.

— Добже,— согласился он и тут же ушел.

Для транспортировки и охраны Пушкова в пути мы выделили двадцать пять партизан во главе с Володей Сподневским, вооруженных двумя пулеметами и десятью автоматами. Вместе с капитаном отправлялась и Лена Петренко. Она добровольно согласилась находиться с ним в беховском госпитале, вблизи крупного немецкого гарнизона, делить с ним все опасности, ухаживать за ним.

И вот настали минуты расставания. На поляне возле штаба, где на носилках, сделанных из плащ-палаток и двух тщательно отделанных Никифором Касянчиком палок, полулежал капитан Пушков, собрались многие партизаны. Среди них были и такие, что пришли к нам совсем недавно и еще не видели Семена, пришли, чтобы одним своим присутствием подбодрить его.

Видя все это, Пушков очень разволновался и с трудом сдерживал слезы.

— Давай, Федорович, простимся на всякий случай. Мы же ведь с тобою старые партизанские друзья, одни

и те же белорусские болота месили, — с дрожью в голосе обратился он ко мне.

Вслед за мной и другими офицерами к нему подходили многие, кто знал этого сердечного, сильного человека. Кое-кто в порыве чувств так сильно тряс его руку, что врачу Судоплатову пришлось вмешаться.

— Хватит вам его трясти, противопоказано ему это,— замахал он руками на толпившихся партизан.

— Ладно, товарищи, пока! Спасибо за теплые проводы. Бейте как можно больше гитлеровцев и за себя и за меня, — дрогнувшим голосом громко сказал Семен Николаевич.

— Пора, товарищи,— напомнил Владимир Иванович.

Четыре партизана, выделенные первыми нести носилки, передали свое оружие товарищам и взялись за концы носилок.

Недалеко от села Конина нашу команду встретило пять беховцев с Амброжи Петраком во главе. Вскоре все тридцать партизан подошли к стоявшей на отшибе усадьбе и остановились на отдых.

Пока отдыхали, Амброжи отправился в село и вскоре вернулся вместе с пани Яниной Самолык.

Вскоре прибыла пароконная повозка. Дно ее по настоянию Лены партизаны устлали мягким сеном, поверх положили ватное одеяло, носилки привязали к боковинам, чтобы Пушков не вывалился на ухабах.

На место приехали в полночь. Хозяевами дома, в котором поместили Семена Николаевича, оказались тридцатипятилетний гуралец Ян Венглаш и его жена-ровесница Анна. У них было трое детей от четырех лет и меньше. Ян и Анна согласились приютить у себя советского капитана, заместителя командира партизанского соединения, хотя хорошо знали, что им грозило за это со стороны немцев.

ОХОТНИЦКИЕ БОИ

Обстановка становилась все напряженней. В Мшану Дольную прибывали последние батальоны карательных войск. Возведение линий обороны завершалось. Со дня на день надо было ждать карателей.

Решив дать им бой, мы стянули в кулак все свои боевые и диверсионные группы, находившиеся на выполнении боевых заданий вдали от базы. Второй и Третий отряды ожидали гитлеровцев впереди метров на триста. Задача их заключалась в том, чтобы перехватить врага в более выгодных для нас условиях, подпустить вплотную, ошеломить внезапным ударом с короткого расстояния и навязать затяжную перестрелку.

Первый отряд мы оставили при штабе соединения в качестве боевого резерва. Все были начеку, спали с оружием в руках, готовые по первому сигналу ринуться в бой.

В этот ответственный момент к нам с юга, из села Охотницы Горной, неожиданно прибежали солтыс Ян Бушек и ксендз Юзеф Следзь. Они сообщили, что из Нового Тарга прибыло более тысячи гитлеровцев, которые хватают у них и в соседней Охотнице Дольной взрослых мужчин, забирают скот, грабят.

— Спасите, пане довудца, наших людей! — взмолился ксендз.

Бледный, взволнованный, с трудом справляясь с одышкой, он с мольбой и надеждой смотрел то на одного из нас, то на другого.

Для нас же это сообщение было громом среди ясного неба. Мы ожидали наступления противника только с севера и из этого расчета построили свою оборону. И вдруг враг неожиданно появился у нас в тылу, всего лишь в пяти километрах от Солтысовой поляны! Что это, просчеты наших польских источников, или немецкое командование, уже в ходе подготовки к наступлению, изменило свой первоначальный план и решило зажать нас с двух сторон?

Я вопросительно посмотрел на своего заместителя по разведке.

— Не может быть,— неуверенно проговорил Петр Романович.

Единственное, что у нас обоих вызывало сомнение, так это поведение самих гитлеровцев. Вместо того чтобы форсировать подготовку к наступлению, как обычно поступали в подобных случаях немецкие войска, прибывавшие в партизанскую зону для участия в блокаде, они хватали людей и скот, торопливо сгоняя в одно место, словно вот-вот собирались покинуть село.

— Возможно, командир разгромленного на фронте

полка, недавно прибывшего на отдых в Новый Тарг, решил с помощью местного гарнизона поживиться, пока наше внимание отвлечено на север,— вслух стал рассуждать Петр Романович.— А заодно рассчитаться с жителями непокорного «Бандитендорфа» за их помощь партизанам.

Дело в том, что с первых дней появления в Горцах отрядов Таранченко и Батяна и до последнего времени население Охотницы всегда делилось с советскими партизанами последним куском хлеба, в любом доме наши товарищи находили теплый сердечный прием, дружескую помощь.

Мы, в свою очередь, да и аковский батальон Лямпарда, расположенный совсем рядом с Охотницей, оберегали население от набегов гитлеровских грабителей.

Обозленные неудачами, немцы, оккупировавшие Новотаргский повят, прозвали Охотницу «Бандитендорфом» — партизанской столицей, а всех ее жителей — нашими пособниками. И стали выжидать случая, когда бы можно было свести с ними счеты.

И вот такой случай настал. Рассчитывая на то, что нам, скованным по рукам и ногам начинающейся карательной экспедицией с севера, было не до защиты своей партизанской столицы, они и решили учинить расправу над ее безоружным населением.

Когда жандармы и эсэсовцы стали хватать для угона в рабство взрослых поляков, их родственники кинулись искать защиты у солтыса и ксендза. А те — у нас.

Мы развернули карту. Охотница растянулась по горному распадку с запада на восток и делилась на два самостоятельных села: Охотницу Горную и Охотницу Дольную со своими солтысами, костелами, школами. На протяжении всего распадка стремительно неслась с одного из разломов на вершине Турбача горная речка Охотничанка, давшая имя обоим селам.

Внимательно разглядывая карты, мои товарищи озабоченно хмурились. Мне было понятно, что повергло их в затянувшееся молчаливое раздумье. Для того чтобы ударить по гитлеровским карателям, подвергавшим арестам и грабежам обе Охотницы, растянувшиеся на двадцать один километр, потребовалось бы в несколько раз больше сил, чем их насчитывалось в нашем

соединении. Но беда была в том, что не только всего соединения, но даже одного отряда Меняшкина, находившегося при штабе, мы не могли бросить на выручку охотничан. Не могли, потому что в противном случае мы оставили бы оба наших отряда, лежавших на линии обороны лицом на север, без прикрытия, а штаб соединения без резерва и боевого охранения. А в условиях, когда враг неожиданно появился у нас в тылу и мог в любое время напасть с неожиданной стороны, это могло бы закончиться полной катастрофой.

Тем не менее, надо было что-то предпринимать. Нельзя же было оставлять без защиты народ, поверивший в нас как в своих защитников.

Пока мы ломали голову, кого же послать в Охотницу, примчался с письменным донесением связной соседнего аковского батальона. Сообщив о прибытии немцев в Охотницу и о расправе над мирными жителями, шеф штаба писал, что капитан Лямпард вместе с одной ротой находился вдали от базы, просил нас поспешить ему на помощь.

Надо было поторапливаться. По совету Ивана Максимовича все сошлись на том, чтобы послать на выручку жителей нашей столицы, арестованных немцами, взвод Миши Секачева.

— Как думаешь, справится Михаил? — спросил я у командира отряда.

— Еще как! Подкину ему несколько боевых ребят, и справится,— заторопился Иван Меняшкин, словно боялся, что мы передумаем и пошлем людей из других отрядов.

— Справиться-то он справится, да только надо его крепко-накрепко предупредить, чтобы сгоряча не бросился сломя голову в село. А то ж он, знаешь, какой,— заметил Перминов.

— Не бойтесь, Петр Романович, когда надо, Миша умеет себя сдерживать,— вступился за своего питомца Иван Максимович.

Вскоре Миша Секачев стоял перед нами, сияющий и возбужденный. Во всем его облике удивительно уживались два таких, казалось бы, противоречивых качества: армейская подтянутость и партизанская вольница. Ворот трофейного кителя у него был расстегнут, шапка-финка — набекрень. Из-за голенищ торчали набитые патронами рожки от ППШ. Ремень оттягивали

книзу гранаты и подсумки. И в то же время глянешь и сразу скажешь: «Этот маху не даст, в бою не растеряется, словом, лихой воин!» У него даже автомат и тот как-то по-особенному ловко висел за плечом.

Пока я ставил перед ним задачу, он старался стоять по команде «смирно». Но его радость в предвкушении горячей схватки с врагом была так велика, что лицо помимо воли растягивалось в улыбку, а ноги, казалось, вот-вот сорвутся и побегут.

— Постарайся договориться с аковцами, чтобы действовать сообща. А если не захотят участвовать в боевом налете, действуйте сами, только наверняка,— наказывал я ему.

Каждую мою фразу он сопровождал выразительным кивком и то и дело посматривал куда-то в сторону.

Я проследил за его взглядом и в распахнутое окно увидел внизу всех секачевцев. Привыкнув к тому, что раз их командира вызвали в штаб соединения, значит, предстоит серьезное задание, они подались вслед за ним и, выбрав такую позицию, чтобы можно видеть, что делается в штабе, нетерпеливо переминались с ноги на ногу.

— Есть, товарищ командир соединения, задание будет выполнено! — громко, чтобы его слышали за окном товарищи, отчеканил Секачев, причем с такой легкостью, словно речь шла не об опасном для жизни боевом задании, а лишь о небольшой прогулке.

— Только смотри там, не зарывайся, действуй с головой,— напутствовал его Таранченко.

— Есть действовать с головой! — все так же бойко отрапортовал командир взвода. Потом снизил голос до полушепота и добавил: — Не беспокойся, Иван Максимович, все будет как надо.

В штабе батальона АК, куда прибыл взвод Михаила, наших товарищей встретили с радостью. Из тридцати-сорока аковцев, находившихся на месте, около половины осталось на охране лагеря, остальные во главе с командиром взвода Сивым отправились с нашими товарищами на юг. По совету аковцев-охотничан Станислава Гиблака, Януша Плечака и других местом засады избрали поток Майдувка, впадавший в Охотничанку недалеко от восточной окраины Охотницы Горной. Свое начало поток Майдувка брал неподалеку от вершины Горца в виде небольшого ручейка, струившегося

по неглубокому овражку. По пути в него вливались другие ручейки, и чем дальше книзу, тем он все больше набирал силу, все увереннее раздвигал свои берега, и на подступах к Охотничанке он уже переходил в распадок, правда небольшой, однако вполне достаточный, чтобы у его подошвы, недалеко от устья, прилепилось несколько домов. У самого устья по обеим сторонам торчали две сопки-близнецы — обе крутобокие, плотно закрытые со всех сторон густым хвойным лесом, ершистые и почти одного роста.

Прибыв на место, Секачев, Мартынов и Сивый вместе с аковцами-охотничанами поднялись на восточную сопку, чтобы осмотреться.

Внизу справа, к юго-восточному подножию соседней сопки, приткнулись два крестьянских двора. В нескольких десятках метров от них, уже у юго-западной подошвы сопки-близнеца, приютилась крайняя усадьба Охотницы Горной, убегавшей на запад по северной стороне распадка. Против угла усадьбы через Охотничанку был перекинут деревянный мост. Пробежав по нему со стороны Охотницы Горной, шоссе отмеривало метров сто в юго-восточном направлении по открытой, усеянной мелкими камнями пойме, приближалось к двум крайним домам Охотницы Дольной, стоявшим от нее на далеком отшибе как раз против устья потока Майдувка, и от них уже мчалось на восток южной стороной распадка.

Между этими двумя домами Охотницы Дольной и сопками-близнецами лежала открытая ровная пойма реки, шириною около двухсот метров. Протянулась она от моста на расстоянии полкилометра к востоку, постепенно сужаясь. Сама же Охотничанка держалась ближе к сопкам-близнецам.

— Вы не знаете, откуда немцы будут гнать людей, с запада, со стороны Охотницы Горной, или наоборот? — спросил Секачев у аковцев.

— С Горной на Дольную, прошу пана,— уверенно ответил Станислав Гиблак, хорошо знавший, что машинами из Охотницы Горной прямиком в Новый Тарг не пробраться.

— Тогда надо разобрать мост, чтобы машины не проехали. А по пешим немцам мы с этих сопок будем бить, как говорится, прямой наводкой. Жаль, конечно, что одна из этих сопок не на той стороне поймы. А то

бы взяли немцев под перекрестный огонь... А так, без пригорков и леса, удобных для засады и отхода, рискованно бросать туда половину людей.

— А зачем половину? — вмешался Петр Мартынов.— Разреши мне со своим пулеметом и парой автоматчиков засесть вон за теми камнями,— показал он на груду у крайнего дома по другую сторону поймы.

— Ты что! Там же вас фрицы в два счета накроют. Причем, если их окажется много, мы отсюда не в состоянии будем вам помочь, — воспротивился Секачев.

— Не накроют. В случае чего, уйдем вон по тому оврагу, что за домами, в горы. Зато, представляешь, как мы их будем бить в лоб!

Когда Сивый понял, о чем шел спор, то сразу же принял сторону Секачева. Но и вдвоем они не сумели переубедить Петра Леонтьевича. И Секачев сдался.

— Пошли, товарищи, вниз, разберем мост,— увлек он за собой партизан.

Поперечный настил на мосту оказался из толстых, плотно подогнанных друг к дружке плах. Гвоздями они прикреплены не были и снимались сравнительно легко.

— Относите их подальше,— приказывал Секачев.

Когда мост был разобран, откуда-то издалека донесся еле слышный рокот моторов.

— По местам, товарищи! — скомандовал Секачев и увел свой взвод на восточную сопку. Сивый своих людей — на западную, а Мартынов вместе со вторым номером Ваней Карабаевым и автоматчиками Петей Сопиковым и Сашей Кибировым метнулся по шоссе вправо.

— Сюда! — крикнул он товарищам, ложась за большую груду белых камней, сваленных возле крайнего дома Охотницы Дольной.

А когда улегся и посмотрел вокруг, подумал: «Да, положение наше действительно незавидное. Появись на шоссе крупная колонна немцев, она вполне сможет отсечь нас от своих. Ну ничего, авось выкрутимся».

— Приготовьтесь, ребята, — бодрым голосом скомандовал он, поудобнее устраиваясь со своим пулеметом.

Расположив партизан за каменными выступами, торчавшими на высоте двадцати метров от подножия, Секачев замер в ожидании.

К нему подполз командир отделения Колбасов.

— Боюсь я за группу Петьки Мартынова. Шутка ли сказать: двести метров открытой местности, горная речка и шоссе отделяют их от нас, и если вместо арестованных крестьян пойдет колонна немцев...— потихоньку нашептывал он командиру взвода.

— Ничего, я за Петра не беспокоюсь. Сколько бы фрицев не появилось, он их не испугается и так начнет садить по ним, что залюбуешься.

Первым вдали на шоссе показался мотоцикл с пулеметчиком в коляске. Вслед за ним из-за выступа выскочила открытая легковая автомашина. На переднем сиденье рядом с шофером сидел высокий статный офицер, горделиво поводивший головой по сторонам, на заднем сиденье развалились еще двое.

Подскочив к разобранному мосту, мотоциклист резко затормозил.

В этот момент раздалась короткая очередь из мартыновского пулемета.

Пулеметчик мешком вывалился из коляски, мотоциклист, раненный в голову, попытался было отстреливаться из пистолета, пятясь к приближавшейся машине. Но Ваня Карабаев сразил его из автомата.

Все это произошло в течение нескольких секунд. Растерявшийся шофер машины, вместо того чтобы попытаться дать тягу, поспешил к мосту. Офицер, чинно сидевший до этого рядом с ним, вскочил на ноги, ухватился одной рукой за ветровое стекло, а другой выхватил пистолет. Но выстрелить ему не удалось. Мартыновский пулемет прошил ему грудь, и он, взмахнув руками, безжизненно повис на ветровом стекле. На его плечах поблескивали погоны оберст-полковника.

Второй очередью Мартынов угодил в мотор машины, который мгновенно заглох.

Шофер и оба офицера с заднего сиденья выскочили из автомашины, залегли и открыли огонь из двух автоматов и одного пистолета в сторону белых камней.

К мосту приближалась вторая штабная автомашина. Шофер на ней оказался более смекалистым. Мгновенно оценив обстановку, он быстро развернул машину, собираясь укатить назад. Но тут на сопке раздался гулкий выстрел из противотанкового ружья Мишки-моряка, и вторая машина застыла на месте.

В этот момент вдали на шоссе показалась колонна разъяренных эсэсовцев. Впереди, размахивая писто-

летом, бежал долговязый офицер. Многие из эсэсовцев были без головных уборов и с засученными рукавами.

— Эх, не перебежали наши дорогу,— забеспокоился Колбасов.— Сейчас эсэсовцы их сомнут...

Секачев отмахнулся от него и подал сигнал: «Всем открыть огонь!»

Тотчас же в бой вступили все советские и польские партизаны.

Воспользовавшись тем, что внимание партизан было отвлечено на быстро приближавшуюся к мосту колонну СС, один из офицеров с первой машины, оказавшийся в живых, ползком добрался до Охотничанки, перебрался через нее и, перебегая от куста к кусту, устремился на юг к недалекому лесу на горном склоне.

— Куда, гад? — закричал Петя Сопиков. Вскочив на ноги, он сразу же оборвал бег фашиста.

— Ложись! — дернул Мартынов Сопикова за ногу.

Сопиков бросился на землю, но было уже поздно — эсэсовцы увидели его, с ходу перешли речку и, не прекращая стрельбы, направились к груде камней. Вокруг четверки партизан захлопали разрывные пули, осыпая их пылью, мелкой щебенкой. Но они лежали, не двигаясь, подчиняясь строгому требованию Мартынова:

— Не отзываться! Пусть подойдут вплотную.

Обманутые тишиною, эсэсовцы прибавили шагу. Они уже были в сотне шагов от груды камней.

— Ну, чего медлишь, давай,— стал торопить Мартынова Саша Кибиров.

— Еще немножечко, пусть сойдутся покучнее.

Секачевцы по другую сторону распадка заволновались. Они видели, что над их товарищами нависла неотвратимая опасность гибели. Кто-то порывался броситься на выручку.

— Назад! Ждать мою команду,— осадил их Секачев.

Он внимательно следил за немцами и за мартыновской четверкой.

И когда расстояние между ними сократилось до пятидесяти-шестидесяти метров и застрочил мартыновский пулемет, Секачев подал общую команду:

— О-ого-оннь!!!

Огонь из четырех пулеметов, двадцати автоматов и нескольких десятков винтовок советских и польских партизан, внезапно обрушившийся на головы эсэсов-

цев, обратил их в бегство. По пути к разобранному мосту они оставляли убитых и раненых.

Но вот командиру эсэсовцев удалось пересилить панику, и он снова повел свое «войско» в наступление, но уже не беспорядочной толпой, а плотной цепью. Эсэсовцы подтянулись и, отстреливаясь в сторону сопок, стали приближаться к мартыновской четверке, захватывая ее в полукольцо.

— Не давайте им приблизиться к нашим, отсекайте их! — кричал Секачев.

Четверка Мартынова снова затаилась. И Петр Мартынов и его товарищи уже могли различить цвет глаз у приближавшихся эсэсовцев, видели струйки пота на их лицах. Кибиров начал было волноваться, боясь опоздать, с тревогой стал поглядывать на Мартынова и Сопикова. А Петр все тянул. За время пребывания на фронте и особенно в гитлеровских концлагерях у него выработалось два качества: чертовская выдержка, граничившая порою с пренебрежительным отношением к смертельной опасности, и лютая ненависть к немецко-фашистским палачам, которых он поклялся уничтожать всюду, где удастся, и как можно больше. Наделенный, к тому же, тонким чутьем и точным расчетом сибирского охотника, Петр старался подпустить врага как можно ближе.

Несмотря на то что с обеих сопок советские и польские партизаны стреляли по эсэсовцам из всех видов оружия, они продолжали наступать на мартыновскую группу. То один, то другой из них падал убитый или раненый, но остававшихся в живых это уже не смущало, и они с настойчивостью смертников продолжали наседать, сосредоточив весь огонь на груде камней.

А мартыновцы все не отзывались. И когда немцы и партизаны на сопках их уже считали погибшими, снова заработал пулемет, заговорили автоматы. И именно эта их живучесть, их чертовская выдержка и отвага окончательно сломили дух гитлеровцев. Они так растерялись, что прекратили стрельбу и стали пятиться. А когда увидели, что со стороны одной из сопок во фланг устремились партизаны с криками «Ура-а!!!», не выдержали и стали удирать. Вдогонку им летели пули советских и польских партизан, гранаты мартыновской четверки.

На поле боя остались трупы оберста, майора, обер-

лейтенанта и нескольких десятков солдат, много раненых.

Смеркалось. Партизаны отошли назад, поднялись метров на двести вверх по склону Горца на передышку, оставив внизу на склоне восточной сопки пулеметный расчет Володи Мохова.

К Секачеву приблизился Мартынов. Лицо его было бледное, глаза смотрели растерянно.

— Товарищ командир, меня в живот ранило.

— А ну покаж, — испугался Михаил.

Мартынов осторожно поднял давно уже выбившуюся из-под ремня гимнастерку.

— Ну, такое ранение не страшно, — весело воскликнул Секачев.

Оказалось, что, расстреляв последним заходом один за другим три диска, Мартынов так раскалил ствол пулемета, что когда перебегал через пойму к своим и нечаянно прикоснулся им к оголившемуся животу, на нем вздулась волдырем длинная полоса ожога.

— Здорово ты давал им жару, наверное, все восемь дисков расстрелял,— с восхищением произнес Секачев.

— Все, Антоныч, не осталось ни патрон, ни гранат.

— Ничего, нам из штаба соединения подкинули и того и другого.

Действительно, когда начался бой и Секачев прислал нам донесение, мы вместе со связным и группой партизан отправили патроны и гранаты.

Мартынов и Карабаев сели заряжать диски. Остальные весело переговаривались. Но вот снизу донеслись громкие крики:

— Сдавайтесь, фрицы! Хенде хох, гады!

Партизаны насторожились.

— Это голос Кольки-свиста. Как бы их не окружили. А ну, хлопцы, за мной! — мгновенно подхватился Секачев с земли и первым подался вниз.

В это время внизу разразились длинными очередями дегтяревский пулемет и ППШ. Им в тот же миг отозвались немецкие автоматы, винтовки.

— Скорей! — торопил Секачев товарищей.

Когда они добежали до места, то увидели такую картину: гитлеровцы со всех сторон наседали на Володю Мохова и Колю Егорова. Кольцо вокруг них быстро затягивалось, становилось все уже. И опоздай парти-

заны на минуту, вряд ли удалось бы им спасти своих отважных друзей.

Сами же они, Мохов и Егоров, судя по тому, с каким спокойствием стреляли то в одну, то в другую сторону, поворачиваясь на животах, как на турели, и то и дело покрикивая: «Сдавайтесь, гады! Бросайте оружие!» — или не понимали своей обреченности, или решили как можно дороже взять с гитлеровских солдат за свою жизнь.

Внезапным ударом партизаны обратили немцев в бегство.

— Как же вы допустили, что они вас окружили? — напустился Секачев на Мохова и Егорова.— Почему нам не дали знать? Почему вовремя не отошли?

— Так мы же знали, что вы придете на помощь, вот и не отходили,— спокойно ответил Володя.

Быстро сгустившиеся сумерки затянули распадок непроглядной тьмой. Партизаны прекратили бой и бесшумно вернулись на прежнее место отдыха. А внизу долго еще заливались вражеские автоматы, пулеметы, винтовки.

— Эх, как вы их раздразнили, все никак не утихомирятся, палят и палят без остановки, — сказал Мартынов Володе Мохову, слегка толкнув его в бок.

— Так то ж не мы, то ж вы их всполошили, когда насели на них, — отшутился тот.

К Секачеву подсел командир польской группы Сивый.

— Добже мы побили эсэсманов, так само верхмахту,— промолвил он, не будучи в силах справиться со своими чувствами, которые так и вырывались наружу.— А больше других тен пан,— показал на Мартынова, сидевшего по другую сторону Секачева.

В другое время Секачев, возможно, и разделил бы это радостное настроение Сивого. В самом деле, уничтожить немецкого полковника, майора, других офицеров и большое количество солдат в одном бою, где гитлеровцев было значительно больше, чем партизан, это ведь не часто случалось. Но когда боевой запал прошел и наступила трезвая переоценка событий, Секачев сразу помрачнел.

— Это верно, побили мы их немало, а крестьян, схваченных ими, так и не освободили,— с грустью заметил он.

— Но мы же их даже не видели, — попытался несколько смягчить его настроение Иван Иванович Колбасов.

— То-то и оно, что не видели... А с каким заданием нас послали сюда? Молчишь? Правда, может быть, немцы и гнали их, а когда начался бой, возвратили назад, в Охотницу Горную. Но мы-то об этом не знаем.

Внизу стрельба оборвалась. В наступившей тишине последние слова Секачева прозвучали особенно громко. Он смутился и умолк.

В устье потока Майдувка вспыхнули те самые два дома, что прилепились к подножию Западной Сопки. Яркие языки пламени заплясали в воздухе, освещая все вокруг мрачным зловещим заревом.

— Петро,— обратился Секачев к Мартынову,— сходите вдвоем с Коканом, посмотрите, что там и как.

— Есть! Ваня, — позвал Мартынов своего напарника Карабаева, — пошли.

Они подкрались к месту пожара, залегли и стали наблюдать.

Возле разобранного моста высилась гора трупов. У разбитой машины толпились немцы. Освещаемые заревом пожарища, они двигались какими-то призрачными тенями с носилками, стаскивая к машине раненых. Слышались стоны.

— Ну, как, Ваня, запустим по ним на всю катушку? — тихо спросил Мартынов у своего товарища.

— Давай, Петя, крой их, гадов.

Мартынов выждал, когда возле машины собралось побольше гитлеровцев, и выпустил по ним из пулемета целый диск.

Несколько немцев свалились, остальные бросились от машины в стороны. Послышались вопли, крики о помощи.

Через минуту к машине с разных сторон стали сбегаться гитлеровцы. При свете огня Мартынов начал было считать их, но когда цифра перевалила за четвертый десяток, заторопился.

— Ваня — ходу!

Они помчались вверх, к своим. А за их спиной, где-то совсем рядом, сотни, тысячи вражеских пуль яростно и шумно долбили уже то место, откуда они только что стреляли. Многие огненные трассы вырывались за пре-

делы сектора обстрела и со смертельным посвистом проносились над головой уходивших партизан. Вскоре Мартынов и Карабаев уже были в кругу друзей усталые, но довольные.

По приглашению Сивого секачевцы отправились ночевать в расположение батальона Лямпарда. К их приходу там уже было известно, что сталось во время боя с арестованными жителями Охотницы.

Оказалось, что вслед за ротой СС, прикрывавшей штабные машины с оберстом и другими офицерами, специально выделенная охрана погнала было в том же направлении более ста взрослых поляков. Среди них находилась вся сельская интеллигенция.

Не успела колонна конвоированных добраться до восточной окраины Охотницы Горной, как впереди неподалеку разгорелся бой. Перепуганные конвоиры повели колонну обратно, в сельскую школу.

Сообщил об этом Секачеву сам капитан Лямпард, вернувшийся немногим раньше с боевого задания.

Они договорились рано утром снова отправиться в Охотницу двумя группами: одной должен был командовать Секачев, другой — капитан Лямпард.

За ужином капитан воспользовался хорошим настроением гостя и стал упрашивать, чтобы тот на весь день прикрепил к нему пулеметный расчет Мартынова.

Для Секачева это было так неожиданно, что он сразу не сумел ответить. Он не понимал, зачем, имея под ружьем сто десять человек, выпрашивать пулеметный расчет у командира взвода, под началом которого было всего лишь 33 человека. Что это, искреннее преклонение перед неустрашимостью советских партизан? Дань их боевому мастерству? Или сознательное ослабление их сил, подвох в пору кровопролитной схватки?

Умный капитан Лямпард догадался, что тревожило нашего Михаила, и решил пойти на откровение.

— Я хочу, чтобы наши жолнежи видели, как надо бить фашистов гитлеровских. Этому можно поучиться у вашего Петра — то добры вояка.

Лямпард рассчитал правильно. Польщенный высокой оценкой боевых качеств своих товарищей, Секачев сдался. Но когда сообщил об этом Мартынову, тот возмутился.

— Как же ты согласился отдать нас этому хитромудрому капитану? Зачем ослабляешь свой взвод? И по-

том, как я буду связываться с тобой? Ведь в бою всякое может случиться.

Секачев спокойно передал ему весь разговор с Лямпардом.

— Что ж он, на своих не надеется, что ли?

— Не думаю. Просто он понял, что после сегодняшней схватки его жолнежи будут чувствовать себя в бою более уверенно, когда ты будешь рядом с ними. Во всяком случае, мы с ним договорились, что общая наша цель — освобождение арестованных. Что же касается связи, будешь смотреть по обстоятельствам. Сумеете после боя связаться с нами, вместе отправимся вечером на свою базу. А нет — будете добираться туда самостоятельно.

Незадолго перед рассветом из Охотницы вернулись разведчики. Их донесение не радовало. За ночь к немцам, в качестве подкрепления, прибыл батальон полевой жандармерии, ожидались и другие подразделения. Утром основные силы собирались прочесывать северные и южные склоны, сбегавшие с гор в Охотницкую долину, а остальные — вылавливать в обоих Охотницах взрослых мужчин и реквизировать весь скот. А после того как закончится проческа, должны были погнать и людей и скот под охраной в Новый Тарг. Освободившиеся же после этого карательные войска собирались принять участие в экспедиции против партизан.

Секачев тотчас же послал к нам связного с этим донесением, и мы приняли соответствующие меры предосторожности.

Однако вернемся снова в Охотницу, где назревали новые серьезные события.

Чуть только на востоке забрезжило, партизаны уже были на ногах. Лямпард повел свою группу с пулеметным расчетом Мартынова в поток Ямне, а Секачев — снова в район Майдувки.

— Вначале там попробуем ударить, а потом видно будет, возможно, переберемся поближе к вам,— сказал он Лямпарду.

Перед тем как расстаться, он подошел к Мартынову, Ване Карабаеву и сибиряку Мите Кулешову, стоявшим уже в голове колонны аковцев.

— Ну, хлопцы, смотрите не подкачайте, крепко держите нашу марку,— напутствовал он их.

Лямпард осторожно повел свою группу по верхови-

не. Но избежать стычки с гитлеровцами не удалось. Где-то на полпути к цели они чуть было не столкнулись с немцами, поднимавшимися в гору. Увидев их, Лямпард приказал залечь.

Медленно тянулось время. Прошла минута, вторая, третья... Неподалеку показались гитлеровцы.

Мартынов приготовил свой пулемет, его товарищи — автоматы. К Петру подполз Лямпард.

— Не стшеляй, пан, а то нас окренчать и побьют.

Мартынов сам понимал, что нельзя открывать свое присутствие. Но видя, как гитлеровцы поднимались в гору в сторону нашего лагеря, не выдержал.

Длинной очередью из пулемета он прошелся по вражеской цепи. Часть немцев шлепнулась на землю, другие метнулись назад, вниз. С головы Мартынова слетела фуражка. Лямпард подобрал ее, подошел к Мартынову, молча напялил на голову.

— А теперь, панове, тшеба уж утекать.

Партизаны цепочкой потянулись в гору, в густой лес. В пути Лямпард и его адъютант Бук отбились. Остальные, во главе с командиром роты поручиком Лясом, сделав большой крюк, повернули на юг. Спускаясь вниз, они дошли до Охотницы Горной, поднялись на взгорок, упиравшийся своим правым склоном в устье потока Ямне, и остановились, чтобы выбрать место для засады.

Внизу перед ними тянулся все тот же охотничанский распадок. Только здесь он, в отличие от широкой открытой долины в районе Майдувки, был тесно зажат горными увалами с юга и пологими косогорами — с севера. Лысый округлый взгорок, на вершине которого они стояли, своим южным крутым склоном упирался в шоссейную дорогу, за которой почти рядом катила свои воды Охотничанка, а западным — в большой овраг. Посредине его с гор бежал шумливый поток Ямне. Достигнув шоссе, он юрко нырял под мост и, пробежав еще несколько метров, вливался в Охотничанку. В этом месте на шоссе стояли три дома. Один из них приткнулся у подошвы взгорка; другой прятался в зарослях по соседству, показывая только свою серую гонтовую крышу; третий перемахнул через дорогу и притаился особняком в стороне.

Из оврага, чуть выше серой гонтовой крыши, на взгорок выползала горная дорога, размытая до белизны

дождевыми стоками. Медленно поднимаясь вверх в восточном направлении, она более чем наполовину опоясывала взгорок со стороны шоссе, потом, где-то на высоте двадцати-тридцати метров от него, круто поворачивала назад и, натужно карабкаясь вверх, вскоре терялась в придорожных кустах, подступавших к ней со стороны потока.

Пологая вольготная вершина взгорка была покрыта полосками жнивья. Со стороны распадка, там, где плато переходило в крутой склон, их ограничивал невысокий вал, по гребню которого шагала шеренга приземистых деревьев.

Поручик Ляс решил расположить своих людей вдоль этого вала.

— А я спущусь со своими товарищами вон к тем камням, — показал Мартынов на груду, торчавшую в конце нижнего витка дороги у ее крутого поворота.

Ляс стал было отговаривать его от этого риска, высказывал опасения, как бы немцы не смяли отчаянных советских смельчаков своею массой.

Однако Мартынов все же настоял на своем.

— Только давайте договоримся, что вначале в бой вступим мы втроем. Пусть гитлеровцы подумают, что, кроме нас, тут никого из партизан нет, и когда они осмелеют и бросятся крупной толпой к нам или попытаются обойти нас со стороны потока, ударьте по ним из всех видов оружия.

План Мартынова понравился поручику.

— Добже, так и бенде, — охотно согласился он.

После этого они разошлись по своим местам. Залегли. Притаились. Ждать им пришлось недолго.

Недалеко за выступом показались клубы пыли. Гурт скота приближался к месту засады. Впереди стада шел тощий немец с тростью в руках и автоматом за плечами. За ним двигался скот. Чуткая предвечерняя пора разносила окрест тревожное мычание коров, жалобное блеяние овец, настороженное хрюканье свиней. Вплотную за стадом, задыхаясь в пыли, шагала колонна арестованных мирных жителей. У многих руки были завязаны. За ними, чуть поотстав, шествовали три охранника, а метров за сто от них двигалась целая рота.

Уверенные, что все партизаны разбежались во время утренней прочески склонов, немцы шли рассыпанным строем, вразвалку, с закинутыми за спину автоматами

и винтовками, с опущенными дулами вниз пулеметами. Многие — с расстегнутыми мундирами.

Партизаны пропустили через мост весь скот, колонну поляков.

— Митя, сними охранников и крикни полякам, чтобы падали на землю, — приказал Мартынов Кулешову.

— Панове, подасьце! — крикнул тот что было сил и очередью из автомата прикончил троих охранников. Поляки бросились на землю и стали уползать в сторону от дороги.

Ошеломленная вражеская колонна, столпившаяся у моста, на какой-то миг замерла.

Мартынов тотчас же воспользовался этим и ударил по ней из пулемета. Ему стали помогать оба автоматчика. Каждая их пуля, казалось, поражала сразу нескольких солдат. Они валились, ползли или замирали. Многие шарахнулись было в придорожные кюветы, но те были слишком мелкими, чтобы можно было в них спрятаться. Мартынов уже строчил из третьего диска. В это время у него, то ли от сотрясения пулемета, то ли от нервного напряжения, хлынула носом кровь, но он не обращал внимания, только изредка растирал ее рукавом по лицу.

Немцы немного пришли в себя и попытались было обойти пулеметный расчет Мартынова с фланга. Но когда кинулись в поток Ямне, по ним открыли огонь поляки. Тогда гитлеровцы бросились назад, залегли в кюветы и открыли огонь и по груде камней и по валу, из-за которого стреляли польские партизаны. Более смелые стали ползком приближаться к месту засады мартыновской группы.

— Карабаев — гранаты! — крикнул Петр Леонтьевич.

Вниз на головы немцев полетели одна за другой три гранаты. Те, оставляя убитых и раненых, стали отползать назад. Их преследовал прицельный огонь советских и польских партизан. Несколько немцев попытались было подняться на гору Рунек, подступавшую к распадку с юга, но подъем был слишком крут, а стрельба партизан настолько плотной и меткой, что пришлось ползти вспять.

— Вот вам, гады, Вольштейн! Вот Лансдорф и Вешен! — приговаривал Мартынов, посылая очередь за очередью.

Гитлеровцы не выдержали и подались назад.

Мартынов, Карабаев и Кулешов спустились на шоссе к отбитым у врага охотничанам.

— Вставайте, панове, и дуйте в горы, — громко кричали они, разрезая финками веревки на их руках.

— До гуры, панове, до гуры, шибко, шибко! — торопили поручик Ляс и другие польские партизаны.

Крестьяне со слезами на глазах благодарили своих освободителей.

Пока партизаны и сами крестьяне развязывали друг другу руки, где-то в стороне Майдувки разгорелся жаркий бой.

То группа Секачева вместе с аковцами перехватила крупную колонну немцев, спешивших на помощь разгромленной роте у потока Ямне.

Это взбодрило не только Мартынова и его товарищей, но и солдат противника. Неожиданно партизан обстрелял немецкий пулеметчик, притаившийся за мостом в кювете. Застрочили издалека вражеские автоматчики.

Можно было бы снова вступить с ними в бой. Но освобожденные жители Охотницы все до единого скрылись в горах, скот разбежался. Да и время клонилось к вечеру, когда надо было возвращаться на свою базу.

И с чувством исполненного долга партизаны отошли.

За два дня охотницких боев гитлеровцы, даже по официальным, явно заниженным данным немецкого командования, объявленным в газете «Краковер Цайтунг», потеряли командующего южной группировкой карательных войск, того самого оберста, который был сражен пулеметной очередью у Майдувки Мартыновым, майора СС, гаутмана, 2 лейтенантов, капеллана, военного врача и 72 солдата убитыми и 120 человек ранеными.

Потери же партизан были незначительны — один убитый и двое раненых.

Такие крупные потери в боях с партизанами на юге Польши гитлеровцы понесли впервые, и записи о них могли украсить дневник любого партизанского отряда. Но главное было то, что партизаны нашего соединения сыграли решающую роль в спасении от лагерей смерти сотни польских жителей и что сражались они против гитлеровских карателей плечом к плечу с аковцами.

ДВА НОЛЬ В НАШУ ПОЛЬЗУ

20 октября утром гитлеровские войска пошли в наступление. Поначалу каратели решили разделаться с аковским батальоном Лямпарда, осмелившимся открыто объединиться с советскими партизанами и дважды в течение двух суток нападать на немецкие войска в Охотнице.

Погода с рассвета выдалась прохладной, сырой, неустойчивой. Над горами низко проплывали кучевые облака, временами моросил дождь. Но часам к десяти потеплело, тучи постепенно уползали к горизонту, показалось солнце.

— Воздух! — разнесся по Солтысовой поляне предостерегающий возглас дежурного.

Мы высыпали на Бельведер, услышали рокот самолета-разведчика — «костыля».

— Вон он, летит, в сторону Пшислопике, к Лямпарду, — показал Алеша Батян рукой. — О, кружится над Пшислопиком.

— Да, там, — подтвердил начальник разведки Минаев.

Сделав несколько кругов над лагерем батальона Лямпарда, «костыль» улетел. Неподалеку от этого места, где он баражировал, в небо взлетели белые и красные ракеты. Тотчас же застрочили пулеметы. Изредка налетавшие порывы ветра доносили приглушенный расстоянием треск многочисленных автоматов.

Мы переглянулись, не сговариваясь, повернули головы в сторону, где недалеко от нас притаились на линии обороны два наших отряда и стали прислушиваться: не загрохочет ли и там.

К счастью, там стояла тишина. Зато у соседей шум боя нарастал.

Позже мы узнали, что дорогу немцам показала предательница, местная жительница, хорошо знавшая все тропинки, ведущие в расположение лагеря[1]. С ее помощью крупная группировка карателей сумела подобраться к лагерю батальона Лямпарда.

Попав в тяжелое положение, аковцы стали с боями уходить в Горцы. Все продовольственные припасы, пле-

[1] Она вскоре была поймана и расстреляна аковцами.

саки — вещевые мешки и часть снаряжения были брошены на базе и достались противнику в качестве трофеев. Немцы преследовали аковцев по пятам. В критический момент, когда батальон оказался обложенным со всех сторон, капитан Лямпард отдал приказ выходить из блокады мелкими группами.

Вырываясь из окружения, многие аковцы, в поисках убежища, пробирались к нам на Солтысову поляну. К вечеру их уже было человек двадцать, в том числе один, раненный в руку, им сразу же занялся наш врач Судоплатов. А утром несколько аковцев принесли на руках еще одного, раненного в ногу. Николай Павлович обработал рану, перевязал и, как и первого, поместил у себя в санчасти.

В полдень 21 октября к нам прибыл со своим неполным взводом подхорунжий Владислав Корона — Зовея, а вслед за ним и адъютант Лямпарда Бук. И только сам Лямпард не появлялся, и никто не знал о его судьбе.

Я вызвал в штаб Бука и, по праву старшего командира, предложил ему взять группу аковцев и отправиться на розыски командира батальона. Вскоре более двадцати аковцев разошлись в разных направлениях. К вечеру одна из поисковых групп привела к нам своего командира живым и невредимым, только немного поцарапанным да изрядно уставшим.

Узнав, что мы приютили у себя около половины его батальона, Лямпард очень обрадовался. Он считал, что весь его батальон разбит и многие погибли. На самом же деле потери оказались незначительными: из ста одиннадцати человек погибли только один подофицер и три солдата, столько же было раненых, и одна медсестра попала к немцам в плен.

Гитлеровцы же потеряли гораздо больше.

А события между тем развивались не совсем благоприятно. Из Мшаны Дольной мы получили сообщение, что северная карательная группировка движется на Конину и Джеки по направлению к нам. Значит, не сегодня-завтра она будет на Кудлони.

Узнав об этом, Лямпард заторопился на свою базу. Мы снабдили их хлебом, выделили имевшееся у нас кое-какое продовольствие. К вечеру 22 октября Лямпард в сопровождении своих боевых друзей отправился на Пшислопик.

У нас наступили беспокойные часы, полные тревог и волнений. Это продолжалось до рассвета двадцать третьего, когда разведчики донесли, что противник поднимается на Кудлонь, как мы и предполагали, по двум дорогам. И хотя начало карательной экспедиции таило в себе смертельную угрозу, все же от этой определенности стало как-то легче. Теперь надо было готовиться к ожесточенной схватке. Штабную группу и первый отряд мы перевели на соседний пригорок. От Солтысовой поляны его отделяло трехсотметровое расстояние и почти отвесная расселина, по дну которой извивалась речка Каменица.

Командиры Второго и Третьего отрядов — Костя Пич и Николай Кремс все время держали нас в курсе событий, развивавшихся на их участках. Доносили, что партизаны настроены по-боевому.

Казалось бы, никаких причин для беспокойства не было. И все же на душе было неспокойно. Многих в штабе волновало одно и то же: как поведут себя партизаны Второго и Третьего отрядов в бою? Ведь до этого им еще ни разу не приходилось сражаться вместе, плечом к плечу.

Накануне кое-кто из офицеров штаба заикнулся было о том, что во время боя он хотел бы находиться вместе с отрядами. Но и Пич и Кремс в один голос запротестовали:

— Что же это, Меняшкину вы доверяете самостоятельно командовать отрядом, а нам, значит, нет?

Пришлось уступить.

Часам к десяти утра на подступах к линии обороны в небо метнулись сигнальные ракеты противника. Вначале они полетели в разные стороны, но вот «костыль» скорректировал, и они устремились в одном направлении, в сторону Солтысовой поляны.

— Сейчас начнется артобстрел,— со знанием дела заявил начальник штаба Евтюнин.

И действительно, после того как воздушный разведчик на «костыле» удалился, грянули орудийные залпы. Первые снаряды легли в противоположном углу Солтысовой поляны, вдоль опушки.

И началось... Грохотали десятки тяжелых орудий, надсадно бухали полковые и батальонные минометы. Снаряды и мины по квадратам долбали Солтысову поляну, сотрясая горы, взвихривая воздух горячим дыха-

нием смерти. Несколько снарядов разорвалось неподалеку от нас, где-то в расселине. Над головами пронеслись воющие осколки.

Но нас надежно укрывали те самые камни, которые мы так ругали, сбивая о них колени и выворачивая ступни, когда поднимались на пригорок.

После продолжительной ожесточенной артподготовки наступила какая-то зловещая тишина, от которой разламывало уши, сжималось сердце.

И вдруг там, где лежали в засаде наши отряды, грохнули гранаты, дружно застрочили дегтяревские пулеметы, застрекотали наши родные ППШ!

И сразу отлегло от сердца.

Подпустив карателей как можно ближе, отряды почти одновременно, хотя лежали в разных сторонах, забросали их гранатами, а потом, не дав опомниться, стали в упор расстреливать из пулеметов, автоматов, винтовок. Это произошло так неожиданно, что, оставляя убитых и раненых, каратели в панике бросились назад, сминая наступавших сзади и сея среди них сумятицу.

Не скоро гитлеровским офицерам снова удалось повести своих солдат в наступление. Теперь они шли робко, неуверенно. Никому не хотелось умирать, ибо знали, что война близится к завершению.

Партизаны лежали, притаившись за камнями, в том месте, где, выбежав из теснины, дорога упиралась в небольшую открытую полянку, за которой снова ее зажимали увалы. Оттуда, снизу, и показались цепи гитлеровских вояк. Вот они ближе, ближе.

— Без команды не стрелять,— передавалось из уха в ухо приказание Кости Пича.

Тишина в той стороне, откуда еще так недавно стреляли партизаны, видно, немного приободрила гитлеровцев, и они уже смело бросились вперед.

Но и это их наступление захлебнулось, как и первое.

Семь раз бросались батальоны карателей в атаку, и каждый раз партизаны заставляли их откатываться, оставляя на поле схватки новые и новые трупы.

Наконец, гитлеровское командование вышло из себя, остановило штурм, оттянуло назад свои батальоны и подвергло линию обороны партизан шквальному артиллерийско-минометному обстрелу, не зная, что к тому

времени Второй и Третий отряды отошли немного назад, поближе к Солтысовой поляне.

Приближался вечер. Запасы патронов у наших отрядов начали иссякать, и я отдал приказ к отходу. Третий отряд благополучно отошел, а со Вторым получилось хуже: когда немцы заметили, что он отступает, они бросились обходить его с фланга.

Пич бросил навстречу им пулеметный расчет Андрея Стороженко с группой автоматчиков. Андрей занял выгодное положение и стал прикрывать отступление отряда, посылая навстречу немцам очередь за очередью из пулемета. Его поддерживали автоматчики.

Но гитлеровцев трудно было уже остановить. Отряд отошел, а группу Стороженко немцы стали теснить со всех сторон.

— Отходите, я один останусь прикрывать,— крикнул Андрей Стороженко Ивану Бабенко и другим автоматчикам.

Отстреливаясь, те стали отползать, и только второй номер пулеметчика башкир Салиф Фаттарутинович Минибаев остался с Андреем. Оба они погибли смертью героев.

Кроме них, мы потеряли в тот день еще Степана Петровича Игашева. Несколько человек были ранены.

Зато гитлеровцев, как вскоре нам сообщил Бартош, более ста человек было убитых и раненых.

Стемнело. Стрельба оборвалась. В ожидании отрядов мы сидели под деревьями обильно поливаемые неожиданно разразившимся ливнем. Когда Второй и Третий отряды присоединились, мы отправились в восточном направлении. Возле села Забжеж перешли Дунаец вброд. Немного передохнули и пообсохли у гостеприимных польских крестьян заречного села, так и называвшегося Зажече. А потом поднялись в гору Козягж, на высоту 945 метров, в северо-восточной части Сандецких Бескид. Потом спустились по восточному склону вниз и остановились в глухом горном селении Обидза.

На второй день мы услышали гулкие разрывы немецких бомб, орудийные раскаты. Это гитлеровские каратели продолжали бомбить Солтысову поляну с воздуха и обстреливать из орудий и минометов с земли.

В течение пяти дней, с утра до ночи, каратели интенсивно бомбили и обстреливали из орудий и миноме-

тов наше прежнее убежище и прилегавшие к нему пади, пригорки, заросшие лесом овраги.

Венцом этой «боевой эпопеи» гитлеровских горе-вояк явилась «оперативная сводка» немецкого командования, напечатанная 28 октября 1944 года на страницах газеты «Краковер Цайтунг». Предав забвению такие понятия, как правда и честь, авторы этой «сводки» писали, что «доблестные войска фюрера в ходе семидневных упорных боев разгромили наголову крупную банду советских партизан» и что отныне Горцы свободны от них...

В «оперативной сводке» перечислялись большие трофеи, якобы доставшиеся карательным войскам.

Все это немецкому командованию понадобилось для того, чтобы оправдать свои крупные потери в людях, о которых оно сквозь зубы упомянуло в этой сводке, да и то изрядно приуменьшив.

Легко разделавшись с нашим соединением, а заодно и с батальоном Лямпарда на страницах печати, каратели покинули Горцы. А на второй день мы вернулись. Но уже не на Кудлонь, не на Солтысову поляну, а на соседнюю гору Горц, вершиной которой мы не раз любовались с площадки своего Бельведера. Нашим новым пристанищем стала покатая поляна, раскинувшаяся, как и Солтысова, неподалеку от горной вершины. В углу поляны, охваченной со всех сторон опушкой векового хвойного леса, стоял добротный деревянный дом из трех комнат, а рядом, у самой кромки леса, протянулся длинный, капитально сделанный, на кирпичном фундаменте просторный сарай — бацувка. В доме поселился штаб соединения, в сараях — партизаны.

С того момента, как мы покинули Солтысову поляну, и до нашего прихода на Горц прошло всего лишь пять дней. А какие изменения произошли в наших рядах! Там, на Кудлони, мы находились в стадии организационных поисков, еще мало обстрелянные и не сцементированные в дружный боевой коллектив. Здесь же, на Горце, мы были вполне оформившимся боевым партизанским соединением.

И ускорило это становление само гитлеровское командование. Именно в ходе сражений с карателями все наши три отряда прошли через горнило кровопролитных боевых испытаний и, записав на свой боевой счет сотни убитых и раненых гитлеровцев, успешно

сдали экзамен на партизанскую зрелость, на право самостоятельно решать серьезные боевые задачи.

Отсюда понятным было стремление отрядов выйти на боевой простор, расширить зону боевых действий. Мы охотно поддержали этот замечательный порыв. Первому отряду разрешили спуститься по северо-восточному склону Горца и разместиться километрах в трех-четырех от нас на окраине небольшой горной деревни Засадне, неподалеку от большого села Каменица. Второй отряд перебрался поближе к Охотнице, в юго-западном направлении.

Но осталось на Горцовской поляне нас не намного меньше, чем было на Солтысовой. Это потому, что за пять дней пребывания на Обидзе в состав Третьего отряда влилось несколько наших соотечественников, перешедших к нам из польских отрядов АК, примкнула группа лемковских партизан под командованием коммуниста Володи Поручидло — она расположилась лагерем вместе с отрядом Тани, по-прежнему державшимся неподалеку от нашего штаба. А главное, увеличение наших сил произошло за счет отряда подполковника Гладилина.

Афанасию Феоктистовичу Гладилину шел четвертый десяток. За плечами у него было уже несколько лет борьбы в тылу врага. Отряд его насчитывал около ста партизан.

Будучи наслышан о нас от поляков, Гладилин бросился на поиски. А когда познакомился с офицерами штаба, увидел Таню и других боевых друзей, которые ушли с ней из его отряда, стал просить разрешения поселиться рядом с нами.

— Выделите мне участок по охране подступов к общему нашему лагерю, и мои хлопцы будут нести за него ответственность,— пообещал он.— Ну, а если нападут фрицы, вместе будем отбиваться.

Афанасий Гладилин сразу покорил нас исключительной скромностью и простотой, и мы с большой охотой приняли его отряд в свою дружную боевую семью.

Правда, во всей своей разведывательной, диверсионной и боевой работе, которую выполнял отряд за пределами нашего общего лагеря, Гладилин, как и отряд Тани, действовал самостоятельно, подчиняясь непосредственно Разведотделу фронта. По охране же под-

ступов к нашему лагерю с западной стороны, подполковник Гладилин руководствовался указаниями нашего штаба.

Одним словом, нашего полку прибыло.

Что же касается главного — исхода карательной экспедиции, то она закончилась, по выражению Володи Сподневского, при счете: два ноль в нашу пользу.

ВСТРЕЧИ НА ПРЕГИБЕ

Дня за три до того, как наше соединение вернулось в Горцы, мы с Алешей Батяном ходили на очередную встречу с Болеславом Вронским, которая состоялась в самом центре хребта Радзеёвего.

Встреча эта совпала с нашим решением установить деловые контакты с командованием советского партизанского соединения, действовавшего по соседству.

У Батяна же помимо этого было свое сокровенное желание: познакомить меня с командиром одного из ведущих отрядов в партизанском соединении майора Леонида старшим лейтенантом Тулешовым, тем самым, который за месяц до нашего прилета должен был влиться со своей группой в отряд Алеши. Расставаясь, они тогда договорились, что если в течение двух недель Алеша на Прегибе не появится, Саша сам придет к нему со своей группой на Турбач.

Когда мы прилетели из Москвы, Алеша рассказал мне об их уговоре. Я тогда же послал его на Прегибы за группой Тулешова.

Алеша ушел, но вернулся ни с чем. А причина заключалась в следующем.

После того как в двадцатых числах августа она рассталась с Батяном, группа Тулешова развернула кипучую боевую деятельность. К ней примыкали все новые люди, которые сразу же включались в общую борьбу, громили полицейские участки, совершали налеты на немецкие транспорты на шоссейных дорогах. К середине сентября, когда настал срок уходить на Турбач, к Алеше, у Тулешова был уже крепкий, боеспособный партизанский отряд. В это время партизанская тропа свела Сашу с командиром соединения майором Леонидом, недавно оказавшимся на Прегибах.

Узнав, что отряд Тулешова собирается уходить под Новый Тарг, чтобы объединиться с отрядом Батяна, майор сразу же стал отговаривать Сашу, настойчиво приглашая к себе в бригаду.

Тулешов вначале колебался, потом согласился и стал командовать отрядом в партизанском соединении майора Леонида. Алеша никак не хотел примириться с этим обстоятельством.

— Это же безобразие! — искренне возмущался он.— Сашка со своим отрядом к нам же шел, а он его перехватил. Непременно надо забрать его у Леонида.

В этом он убеждал меня по дороге в штаб соединения Леонида, настаивая, чтобы я резко поставил вопрос о переходе отряда Тулешова к нам.

Наблюдая за тем, с какой удивительной настойчивостью Алеша добивался своего, я в душе радовался. С каждым днем мне все больше нравился этот молодой офицер, коммунист, чекист с его неукротимым желанием во что бы то ни стало настоять на своем, доказать свою правоту. В ответ на его страстные речи я мягко возразил:

— Видишь ли, сейчас этот вопрос поднимать поздновато. Ведь Тулешов уже около месяца командует отрядом у Леонида. А переманивать его втихаря вообще недостойно.

Не знаю, чем бы закончился наш спор, если бы в это время мы, преодолев перевал, не оказались бы лицом к лицу с командиром партизанского соединения Савелием Францевичем Лесниковским, скрывавшимся под партизанским псевдонимом Леонид, его заместителем по разведке капитаном Юдиным и начальником штаба полковником Хомяковым, которых предупредил о нашем приближении далеко ушедший вперед неутомимый Стефан.

Савелий Францевич был высок ростом, строен, сухощав, по-военному подтянут. В отличие от немногословного капитана Юдина и весьма сдержанного полковника Хомякова, он бурно радовался нашему приходу. Сразу потащил к себе в штаб, где уже накрывался стол.

Воспользовавшись небольшой паузой, я заручился разрешением Леонида принять в их угловой изолированной комнате Болеслава Вронского, вышел вместе

с Алешей к нашим разведчикам и троим приказал отправиться за Болеславом в Щавлицу.

— Ну, как, видел Сашу? — успел я спросить Алешу.

— Нет, он на задании. Вернется вечером.

За обедом комбриг Леонид интересовался, где мы воевали у себя на Родине, когда появились в Польше, на Подгале. Уточнял, сколько людей в нашем соединении, много ли партизан потеряли в боях с карателями, какие крупные боевые операции успели провести. Рассказывал сам о боевых успехах своего соединения.

А после доброй партизанской чарки, махнув рукой, встал.

— Хватит нам подсчитывать убиенных фрицев, давайте перейдем к лирике, — и, к немалому моему удивлению, достал из-под кровати нашу русскую трехрядку, уселся поудобнее, растянул мехи, и из-под его длинных неторопливых пальцев полились плавные, щипавшие за сердце звуки старинного русского вальса «На сопках Манчжурии».

Неожиданно музыка оборвалась. Пальцы гармониста замерли, но ненадолго. Потом так же внезапно рванулись с места, побежали по пуговицам клавиатуры, заплясали все быстрее, быстрее, выстреливая неудержимую Камаринскую. Лицо музыканта расцвело, глаза потеплели и смотрели весело, нараспашку.

Снова и снова плыли напевные мелодии старинных песен, наполняя уютную комнату в далеких польских Карпатах русским дыханием, а наши души — тихой грустью. Если еще за час до этого и была в моем сознании капля осуждения и желание как-нибудь при случае поцапаться с Леонидом из-за отряда Тулешова, то после такого теплого приема у меня уже не мог бы повернуться язык сказать ему что-либо неприятное, бьющее по самолюбию.

Под вечер мы с Алешей встретились с Болеславом. Вместо стройного спортсмена, каким он выглядел во время предыдущей встречи, перед нами стоял ссутулившийся, крайне утомленный человек. На щеках — нездоровый румянец, в глубоко запавших глазах — страдальческое выражение. Он тяжело дышал, то и дело взрываясь мучительным надрывным кашлем.

Оказалось, что недели за две до этого Болеслав простыл и к нам пришел с высокой температурой.

Мы упрекнули его за ненужный риск, пообещали пробрать как следует Стефана за то, что поднял с постели и потащил в горы больного человека.

— То не есть страшне,— промолвил Болеслав. Потом спохватился и стал энергично защищать Стефана.

Оказалось, что тот не был виноват. Наоборот, застав Болеслава лежавшим в постели с повышенной температурой, он, хотя и сказал о цели прихода, тут же извинился за беспокойство и повернулся было к двери.

— В другой раз,— бросил он от порога.

Но Вронский вернул его, усадил и стал молча одеваться.

— Нет-нет! Вам нельзя,— энергично запротестовал Стефан.— На дворе ночь, сыро, дорога трудная...

Дорога действительно было нелегкой. Даже по прямой и то от Щавницы до Прегибы было около десяти километров. А по кривой туристской тропе еще с добрым украинским гаком, причем все время круто в гору.

— Нет, как бы мне трудно не пришлось, я все равно пойду — надо, понимаешь, надо! Есть очень срочные новости для вашего командования. Так что сиди и жди, пока я оденусь,— охладил хозяин его пыл...

— Так какая же у вас новость?— напомнил я Вронскому.

— Есть в Кракове человек, ктуры мае вход до Вавелю[1], так само до покуя Ганса Франка,— его камердинер Юзеф Путо,— прошептал он, поглядывая с опаской то на окно, то на дверь.

— Не беспокойтесь, можете говорить в полный голос,— успокоил я его.

Болеслав с облегчением вздохнул, растегнул ворот, вытер платком блестевшее от испарины лицо и неторопливо стал продолжать.

С его слов мы узнали, что с Юзефом Путо он познакомился в сентябре 1943 года в палате краковской

---

[1] Вавель — королевский замок, обнесенный высокой каменной стеной. Расположен в живописном месте Кракова на возвышенности, омываемой водами Вислы. В прошлом, в течение нескольких столетий, Вавель служил резиденцией польских королей, пока в 1609 году столица не была переведена в Варшаву. В годы гитлеровской оккупации замок был превращен в логово гаулейтера Франка и его приближенных. В настоящее время — национальный исторический музей.

больницы, где они оба лежали с воспалением двенадцатиперстной кишки. Они подружились, откровенно говорили друг другу о ненависти к гитлеровским оккупантам, о любви к своей отчизне. О себе Путо сообщил, что по профессии он кельнер, имел в прошлом собственный ресторан. Работать у гаулейтера его заставили насильно, как одного из опытных и авторитетных в Кракове кельнеров, и боязнь за благополучие семьи помешала ему отказаться. Пока они лежали в палате, к Путо часто приходила жена с двумя сыновьями. Выписавшись из больницы немного раньше, Путо несколько раз навещал Болеслава. По настоянию супругов Путо, жена Болеслава, приезжавшая из Щавницы, останавливалась у них.

Вот почему, когда на первой нашей встрече зашла речь об уничтожении гаулейтера Франка, Болеслав подумал о Юзефе Путо. Но не будучи уверенным, что тот пойдет на это, промолчал. Решил сначала поговорить с Путо.

На прямо поставленный Болеславом вопрос, не согласится ли он выполнить волю польского народа и уничтожить его главного палача Франка, Путо немного задумался, потом спросил, как будет решен вопрос с его семьей. Вывезут ли ее из Кракова или она станет добычей гитлеровских карательных органов? Болеслав не был готов ответить на этот вопрос, пообещал согласовать его с нами...

— А Путо способен на то, чтобы убить гаулейтера? — прямо спросил я Болеслава.

Он пожал плечами.

— Докладне не знаю, але мыслем, цо Путо — человек отважны.

На вопрос, есть ли у него возможность достать автомашины и вывезти из Кракова семью Путо и его самого, Болеслав ответил утвердительно.

Обсудив все детали, связанные с уничтожением Франка, мы договорились о следующей встрече, и Болеслав ушел.

Было уже совсем поздно, когда мы с Алешей пошли в командирскую комнату, отведенную нам для ночлега. Но спать нам не пришлось. Нас там встретил Саша Тулешов, о котором я был так наслышан.

Чуть ли не до утра просидели мы втроем. Саша рассказал нам о своем трудном сиротском детстве.

Очень тепло отзывался о русском большевике Григории, который взял к себе в семью после смерти своего казахского друга его осиротевшего сына и постарался вывести его в люди. Рассказывал о побеге, о начале трудного партизанского пути. Вспомнил о встрече с Алешей и о многом другом, о чем читатель уже знает.

— Ты давай ближе к цели,— напомнил ему Алеша.

Саша пожал плечами.

— Так ты ж, наверное, говорил уже. Могу сказать одно: самому мне уводить отряд без ведома майора Леонида неудобно. Как-то нехорошо. Надо, чтобы он дал свое согласие.

— Такого разговора у меня с Леонидом не будет,— решительно заявил я.— Пристало ли нам, советским офицерам, заниматься перетягиванием друг у друга отрядов? Тем более здесь, за границей. Ведь за истекшие полтора месяца отряд Саши вырос и количественно и по вооружению. Как же можно забывать об этом? Нет, не будем говорить об этом с Леонидом. Нам надо с ним по-братски дружить, а не ссориться.

Саша шумно выдохнул воздух, с сожалением качнул головой.

— Да, конечно, неудобно это,— согласился он.

— Ну что ж,— смирился наконец и сам Алеша.— Не будем, так не будем.

Утром мы тепло расстались с командованием соединения.

ИЗ ПАРТИЗАНСКИХ БУДНЕЙ

К Горцевской поляне мы привыкли сразу, за одни сутки, хотя еще накануне казалось, что ни в каком другом месте мы не смогли бы чувствовать себя так уютно, так уверенно, как на Солтысовой поляне.

Но удивительное дело, стоило только переспать на новом месте одну ночь, как после первых же звуков, долетевших рано утром через одинарную раму окна снаружи, Солтысова поляна поблекла в памяти.

Я прислушался. За окном спорили штабные трудяги Никифор Касянчик, прозванный с легкой руки Владимира Ивановича Сподневского «шеф-поваром»,

и Юзеф Штамбергер — его помощник, окрещенный «обер-кельнером».

Занятная это была пара. Никифор Григорьевич Касянчик всю свою жизнь возился с землей. И хотя он уже около года был партизаном, своим внешним видом как был сельским тружеником, так им и остался. Невысокий, жилистый, сухопарый, одетый в поношенное полупальто из дешевого материала, распираемое книзу всегда переполненными боковыми карманами, в простых деревенских брюках, заправленных в сапоги. Руки держал он обычно слегка растопыренными, словно все время прицеливался к чему-то, чтобы ухватиться.

Тридцатисемилетний же польский еврей Юзеф Штамбергер долгие годы служил в кельнерах, потом обер-кельнерах, а когда прикопил злотых, уже перед самым приходом гитлеровских войск, открыл свою собственную ресторацию — ресторан. Он был почти одного роста с Касянчиком, но в отличие от того весь какой-то узкий, щуплый, юркий, с выработавшейся профессиональной привычкой услужничества. Одет Юзеф был в добротное касторовое пальто, в довольно хороший костюм-тройку из дорогого черного трико, в модных туфлях, белой рубахе с галстуком. И что было примечательным, как бы трудно нам не приходилось, всегда как-то он умудрялся ходить в отутюженном костюме, в чистой рубахе и обязательно при галстуке.

До его появления у нас Касянчик один готовил пищу для штабной группы. Теперь же они это делали вдвоем. И несмотря на то что относились друг к другу тепло, по-дружески, в кулинарных делах у них всегда происходили бурные дискуссии.

Так было и на этот раз.

— Для панов офицеров тшеба жебы бульон был святлы, миясо так само земнячки — картошка малычкими ковалками и не так задуже,— наставительно твердил Юзеф.

— Иди ты, Юзек, знаешь куда со своими панскими ресторанными замашками... Я кормыв и буду кормыть своих товарищей командиров таким густым та наварыстым супом, щоб ложка стояла,— решительно возражал Касянчик.— А ты, дурень, хочешь приготовить для них якыйсь там суп тратату́й, по краям картошка, а посередки...— и приперчил таким соленым словеч-

ком, что проснувшийся в соседней комнате Петр Романович неожиданно взорвался хохотом.

— Слышишь, Иван Федорович, как наш Касянчик дает? — спросил он, немного успокоясь.

Его смех, по-видимому, услышали за окном, и спор прекратился.

Но в штаб уже врывались другие звуки — пробудившегося многоголосого лагеря. Был слышен оживленный разговор, веселые восклицания, смех. И от этого вдруг повеяло братской близостью боевых друзей и на сердце стало теплее.

Это радостное ощущение заставило меня мгновенно соскочить с постели и выйти.

В нескольких шагах от штаба слева, у широко распахнутых ворот, ведущих в сарай, сидели и стояли группы партизан из Третьего отряда комендантского взвода и разведки соединения, оживленно разговаривая. С правой стороны сарая, вдоль наружной стены, в двух палатках уютно устроились наши женатики: в одной Алеша с радисткой Галей, в другой Панфилов с Панкой. Эту любовь, рожденную на трудных партизанских тропах и закаленную в тяжелых испытаниях, берегли не только они сами, но и все партизаны. Я видел, как в то утро, проходя мимо их палаток, партизаны умолкали, чтобы не нарушить так редко случавшуюся в нашей суровой партизанской действительности идиллию семейного покоя.

В третьей палатке расположились радисты-холостяки: Коля Новаторов, Гриша Блажко и их помощник Николай Липовецкий, рядом с ними развернул свое хозяйство Николай Павлович Судоплатов с помощниками — военфельдшером Гришей Хайло и шестнадцатилетним санитаром Федей Гальчуком.

Параллельно палаточному ряду тянулись вдоль опушки чумы — зеленые шалаши, выстроенные накануне вечером из еловых и сосновых лапок-веток партизанами отрядов Тани и Володи Поручидло.

У «штабного чума», расположенного слева, примерно на таком же расстоянии от нашего дома, как и сарай, стояли Таня и ее гость подполковник Гладилин — отряд его разместился на другом, западном конце поляны, на опушке густого соснового леса. Не замечая нас с Петром Романовичем, присоединившимся ко мне, они весело беседовали. Прорвавшееся в просвете

меж деревьев утреннее солнце выхватило из лагерного многолюдья их броские запоминающиеся фигуры.

Все в это утро выглядели отдохнувшими, посвежевшими, бодрыми.

И вдруг.

— Смирр-но!!! — закричал что было сил дежурный по лагерю и кинулся ко мне с рапортом.

Соблюдая военную дисциплину, я заставил себя терпеливо выслушать его. Но как же я проклинал его в душе за то, что своим зычным, так некстати раздавшимся окриком он разрушил живописную, эту неповторимую утреннюю гармонию партизанского лагеря в горах.

После его рапорта партизаны сразу как-то засуетились, командиры стали выделять людей на боевое задание, словом, начался обычный трудовой день, насыщенный, как и десятки, сотни других, неожиданными событиями.

И первое из них подоспело к нам сразу же после завтрака. Из Каменицы вернулись разведчики. Командир отделения Борис Рыбаков озадачил нас своим донесением:

— Солтыс Каменицы Опыт Юзеф просил, чтобы мы пришли за хлебом ночью,— докладывал Борис.— На вопрос, почему ночью, когда мы сейчас хотим кушать, он заявил, что вновь назначенный вместо Завиши командир аковского отряда Пшиятель строго-настрого запретил давать продукты советским партизанам. И еще солтыс сказал, что и он и все жители Каменицы недовольны таким приказом поручика Пшиятеля, но, боясь расправы за ослушание, просят приходить за продовольствием только ночью.

Нас это известие насторожило. После встречи с командиром аковского полка Боровым и его штабными офицерами в Жеках это был первый недружественный акт по отношению к нам, советским партизанам. Кто-то по ассоциации вспомнил, что с подобной просьбой — приходить за продуктами в ночное время — просил нас и наш искренний друг Ян Бушек — староста Охотницы Горной. Похоже было, что случай в Каменице был не плодом личного творчества поручика Пшиятеля, а одним из звеньев вероломной политики аковской верхушки. Помню, как меня тогда до глубины души задело предположение, что Яну Бушеку могт дать

аналогичное указание только один человек — капитан Лямпард, наш, казалось бы, боевой соратник и друг. Трудно было примириться с этой мыслью.

— Наверно, эмигрантское правительство из Лондона потребовало этого от АК,— высказал предположение Иван Максимович.

— Наоборот,— возразил ему Петр Романович,— в своем последнем указании оно предложило главному командованию АК установить с советскими войсками и партизанами военное сотрудничество. Правда, временное, показное.

— Вот именно,— ухватился я за его последнюю фразу.

Дело в том, что в своем секретном приказе командующий АК генерал Бур-Комаровский писал, что, сотрудничая с советскими войсками в военном отношении, аковцы ни на минуту не должны забывать, что советские войска являются врагом, который стремится к порабощению Польши. Однако трудно было предположить, чтобы генерал Бур-Комаровский мог запретить в помощи нам с продовольствием. Не мог он не знать, что рано или поздно подобное вероломство обязательно выявится и серьезно отразится на авторитете польской военной верхушки, мечтавшей снова занять привилегированное положение в стране, как только гитлеровцы будут изгнаны.

— Ты, Алеша, говорил, что с партизанами отряда Завишы вы вместе громили за Дунайцем фрицев,— обратился Иван Максимович к Батяну.— А они, видишь, как повернули эту вашу боевую дружбу.

— Рядовые партизаны тут не при чем,— заметил Алеша.— Это их командиры себе на уме. Да и то не все. Например, такие, как Татар — поручик Юлиан Зубек, никогда не пойдут на подобную подлость.

— Надо, Иван Федорович, снова тебе встретиться с Боровым и поставить перед ним, как говорится, вопрос на попа,— подсказал Петр Романович.

— Ультиматум нужно предъявить им,— воинственно заявил начальник штаба Евтюнин.

— Как это ультиматум?— переспросил его Алеша.— Они ж тут, можно сказать, хозяева, а мы только гости. А где ты видел, чтобы гость предъявлял хозяину ультиматумы? Да он его сразу вытурит из дому.

— Положим, нас не так легко отсюда выжить,—

заметил Петр Романович Перминов и повернулся к старшему лейтенанту.— Но что касается ультиматума, то ты, друг, тут немножко подзагнул. Нет, не с ультиматумом надо идти к Боровому, а с протестом, причем устным.

— И даже не с протестом, а с тактичным разговором, в ходе которого и выяснить все наши отношения,— поправил я Петра Романовича.

— Пожалуй, верно,— согласился он.

Решили, что будет лучше пригласить Борового к нам и высказать ему здесь все претензии. Алеша тут же написал Боровому приглашение по-польски — пожаловать к нам с ответным визитом, а заодно и на наше новоселье. Разведчики отправились с этим приглашением в штаб аковского полка, размещавшегося в 7—8 километрах к северу на горе Могелица.

Получив приглашение, майор Боровый сразу собрался к нам. Вместе с ним пришли оба его заместителя: ротмистры Профессор и Подкова, адъютант капитан Мацей и капитан Лямпард. Все они были в приподнятом настроении.

Пока мы стояли на пятачке перед штабом и разговаривали на отвлеченные темы, Таранченко улучил момент и шепнул Касянчику, чтобы он приготовил по чарке бимберу и закуски человек на 10—12.

Касянчик как услышал, так у него чуть глаза на лоб не вылезли.

— А дэ я возьму той закускы, колы у нас черт мае запасу?

— Ничего, я так сделам, цо на всех хватит,— пообещал Юзеф.

В другое время Касянчик, несомненно, вступил бы в спор, но на этот раз сдался.

— Черт с тобой, на — командуй,— бросил он с напускной обидой, выкладывая все свои запасы.

Некоторое время Касянчик молча наблюдал, как Юзек нарезал тонкими пластинками шпиг, вареное мясо, хлеб, потом сорвался с места и подался к Тане, к полковнику Гладилину в надежде раздобыть у них бимбера — самогонки.

Вскоре мы сидели за самодельным, мастерски накрытым Юзеком столом на скамейках, сооруженных Касянчиком и партизанами комендантского взвода под нашими окнами, под сенью вековых сосен. Перед каж-

дым сидевшим стоял стакан с бимбером. Гости, хотя и покачивали головами при виде непривычных больших русских «килишек» с водкой, однако никто из них не отказывался выпить.

Первым, опередив меня, заговорил командир полка майор Боровый.

— Прошу извинить меня, господа офицеры, но перед нашей дружеской трапезой я должен сообщить приятную новость. Дело в том, что на днях Лондонское радио передало на весь мир об охотницких боях. В передаче отмечалась выдающая роль ваших партизан, сражавшихся плечом к плечу с нашими солдатами, и в частности, в уничтожении штабных офицеров и машин. И я с большим удовольствием передаю вам солдатское спасибо от имени нашего командования...

Пока он говорил, капитан Лямпард все время порывался что-то добавить, но Боровый едва уловимым знаком останавливал его. И только когда стал отмечать храбрость наших товарищей, то попросил капитана подсказать фамилии.

Тот мгновенно вскочил со скамейки.

— Прежде всего сам командир Секачев,— сказал с ударением на втором слоге,— и осповатый пулеметчик Петро со всем своим расчетом. Потом этот Мишка с дзюрком — шрамом на щеке, который из противотанкового ружья подбил штабную машину, а также совсем еще молодой пулеметчик Володя и все остальные.— Чувствовалось, что Лямпард с удовольствием продолжил бы перечисление всех наших товарищей, участвовавших в боях у Охотницы, но он, к сожалению, не знал их имен и фамилий.

— Пользуясь таким приятным случаем, я хочу передать вам, пане довудца,— легкий кивок в мою сторону,— вам, вам,— кивал он поочередно Петру Романовичу, Алеше, остальным нашим офицерам,— а также всем тем, кто принимал участие в охотницких боях, горячее сердечное почтение и благодарность жителей Охотницкой волости за спасение людей и скота от немецких карателей. Наши люди никогда не забудут этого,— говорил Лямпард.

Слушая речи Борового и Лямпарда в переводе Алеши, я все время напряженно думал: как, с чего же мне начать разговор, ради которого мы пригласили к себе командира аковского полка? Будь он один, было бы

значительно проще. А то ж их привалило сразу пятеро — весь штаб полка, да еще с такой приятной вестью. У всех у них праздничные, сияющие лица. Ну как тут осмелиться омрачить их состояние? И кто знает, может, я так и не отважился бы заговорить, если бы мне не помог, сам того не ведая, заместитель командира полка ротмистр Бударкевич.

После нескольких тостов, каждый из которых мы запивали одним маленьким глотком, чтобы растянуть полстакана бимбера на все здравицы,— больше у Касянчика не было «запасу»,— он спросил у меня:

— А как у вас обстоят дела с продовольствием? Нет никаких затруднений, не голодаете? Только, пожалуйста, не стесняйтесь, мы же с вами — боевые друзья и всегда должны поддерживать друг друга, особенно теперь, после того как даже Лондон сказал в эфире о нашей с вами дружбе,— сказал он на чисто русском языке.

— Всяко приходится,— ответил я.— Бывает так, что и голодаем. Как-никак, мы же не в своей стране, там, где, казалось бы, и можно достать продуктов, у нас бывают срывы, и, к большому сожалению, подчас по вине ваших товарищей... Да, да. Словом, не хотелось бы сейчас говорить, но уж раз вы сами затронули эту большую тему, придется ее коснуться. Давай, Алексей Николаевич, расскажи про случай в Каменице,— сказал я Алеше.

Гости насторожились. А когда Алеша рассказал про выходку Пшиятеля, настроение их явно испортилось. Они опустили глаза, а капитан Лямпард густо покраснел.

— Мы склонны были считать этот эксцесс досадным случаем, если бы не то обстоятельство, что старосты и других сел стали просить нас приходить за продуктами только в ночное время,— сказал я, наблюдая краем глаз за поведением Лямпарда.

Тот, как услышал, так и заерзал беспокойно на стуле. На лице у него выступили бисеринки пота. Мне, признаться, стало жаль его, и я не стал называть Охотницы, тем более что население и администрация Охотницкой волости по-прежнему относилась к нам побратски. Старосты Охотницы Дольной Ян Бжезны и Охотницы Горной Ян Бушек, а также секретарь волости Франтишек Хлипала умудрились даже добывать по

сто и более фиктивных хлебных карточек и получать по ним в местной лавке сельскохозяйственной кооперации муку для нас. А ксендз Охотницы Горной Юзеф Следзь призывал в ежедневных проповедях своих прихожан всячески помогать советским партизанам.

После того как я закончил, наступило тягостное молчание. Нарушил его командир полка Боровый. Метнув сердитый, осуждающий взгляд в сторону сидевших рядом Бурадкевича и Лямпарда, он медленно поднялся.

— Очень сожалеем, что поручик Пшиятель поступил так дурно,— заговорил он, волнуясь и с трудом подбирая слова.— Он только недавно был сброшен к нам на парашюте десантом из Лондона и еще не разобрался как следует в обстановке. Но как бы там ни было, мы серьезно предупредим его и других, чтобы никогда больше не повторялось подобное. А сейчас от себя лично и от лица присутствующих здесь коллег я приношу вам глубокое извинение за случившееся.

Понимая, какого душевного напряжения ему все это стоило, я поспешил несколько смягчить обстановку.

— Охотно верим вам, что это лишь случайное недоразумение, и давайте считать его исчерпанным.

— Остается только подкрепить нашу искреннюю дружбу остатками содержимого в стаканах,— поддержал меня Петр Романович.

Напряжение развеялось, и гости, подхватив тост подполковника Перминова, заметно повеселели.

— Пане капитане,— обратился Алеша к Лямпарду,— когда же мы с вами разобьем гарнизон в Черстыне? Помните, уславливались накануне нападения на Гарклеву?

— О, да! У меня уже все, что надо по Черстыню, собрано. На днях я приду к вам, и мы уже конкретно договоримся обо всем,— оживился Лямпард.

Расстались мы друзьями. В тот же день ротмистр Бударкевич прислал нам подводу с мясом, маслом, сахаром, куревом. В Каменице и в других селах и деревнях мы снова стали желанными гостями в любое время дня и ночи. Постепенно стали забывать о неприятном инциденте, главная причина которого так и осталась для нас тайной.

И только 21 год спустя польский писатель Владимир Внук в своей исторической повести «Валька подземна на щитах» («Подпольная война на горных вершинах»)

приоткрыл завесу. Все оказалось просто: командование АК прикрепило свои батальоны, роты и взводы к определенным населенным пунктам, обязав население взять их на свое довольство. Заботясь о том, чтобы солдаты были сыты, некоторые «хозяйственные» командиры ревностно оберегали источники питания их частей от «варягов,», в данном случае от нас, советских партизан. И очень жаль, что у Борового и других офицеров полка не нашлось тогда смелости сказать об этом. Мы бы тогда не затаили в своем сознании подозрения, что кое-кто из них становится на путь вероломства.

Но особенно интересно было то, что, пока мы сидели за столом, выясняя, почему Пшиятель стал на недружественный путь, взвод Миши Секачева отбивал с боем у немецких жандармов жителей села Каменицы.

Произошло это так. С восходом солнца в Каменицу на грузовой машине ворвался взвод жандармов из Лимановского гарнизона и стал хватать людей. Солтыс Опыт послал в наш Первый отряд, располагавшийся неподалеку, в деревне Засадне, гонца. Меняшкин тут же снарядил взвод Секачева и тот подался на перехват ожидаемой колонны на шоссе Лиманово — Каменица. Выбрав удобное место между деревнями Залесье и Слопница, как раз против горы Могелица — места стоянки полка АК, он расположился там со своими ребятами и стал ждать появления колонны.

Вскоре пыль на шоссе, в стороне Каменицы, как бы предупредила партизан: враг приближается, приготовьтесь.

— Только смотрите осторожнее, чтобы людей не поранить,— строго предупреждал Секачев пулеметчиков, автоматчиков, всех партизан взвода.

По опыту первой засады, когда на этой же дороге его взвод уничтожил девятнадцать из двадцати двух жандармов, он и на этот раз смаковал предполагаемый исход схватки. Но все обернулось совсем неожиданно. Еще не доезжая до места засады — а ее Секачев сознательно устроил на голом месте,— поляки, шагавшие вслед за автомашиной, двигавшейся на малых оборотах, увидели вооруженных людей, и, узнав в них партизан, поняли: сейчас будет бой. Они бросились врассыпную. Жандармы открыли было по убегавшим огонь. Но тут на них самих обрушился шквал партизанского огня из засады.

Пока ошеломленный враг находился в растерянности, Секачев поднял людей и с криками «Ура!» увлек их наперерез автомашине. Порыв партизан, их разъяренный вид и эти всегда пугавшие гитлеровцев насмерть крики «Ура-а-а!!!» подстегнули жандармов. Они подхватили в кузов убитых и раненых и умчались в сторону Лимановой, беспорядочно стреляя «в божий свет, как в копеечку».

Никто из 53 жителей Каменицы не пострадал. Среди них были наш старый друг, владелец водяной мельницы Ян Войтик, не однажды моловший нам зерно, а также Ян Гужея, Ян Майкшак, Станислав Гужев и другие.

Никто не пострадал со стороны партизан.

И только жандармы увезли с собой несколько человек убитых и раненых.

— Жаль, мало,— сожалел Секачев.

НАШ САЛЮТ В ЧЕСТЬ ОКТЯБРЯ

Приближалась 27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. У нас на Родине — и на фронте и в тылу — все советские люди готовились достойно встретить великий праздник. Мы решили отметить его серией внезапных ощутительных ударов по врагу.

На страницы дневника боевых действий легли короткие записи, написанные рукою Владимира Ивановича Сподневского:

«28 октября 1944 года на шоссе между Тымбарком и Мшаной Дольной взвод Миши Секачева из засады совершил внезапное нападение на вражескую автоколонну. Прямым попаданием в уязвимые места бронебойщик Миша Пинаев подбил броневик, а вместе с пулеметчиками Петром Мартыновым и Яшей Хлудневым — еще две автомашины. В короткой схватке партизаны убили и ранили четырнадцать немцев. Захватили два пулемета и другое вооружение и без потерь отошли. В бою особо отличился автоматчик Петр Сопиков.

29 октября командир отделения этого взвода москвич Иван Иванович Колбасов с группой минеров пустил под

откос немецкий воинский эшелон на участке Добра — Касина Велька.

2 ноября взвод Секачева на шоссе между Рабкой и Новым Таргом напал на вражеский транспорт с продовольствием. В ходе короткого боя было убито и ранено шестнадцать, взято в плен два гитлеровца вместе со всем оружием, в том числе двумя пулеметами, а также шесть повозок продовольствия.

3 ноября на стыке Лимановского и Новосончского повятов взвод Мадьярова из Второго отряда подбил легковую штабную автомашину. У сраженного насмерть инженера-майора был взят портфель с секретными документами, в том числе с планами оборонительных линий и данными о стратегических мостах на территории Краковского воеводства. А на второй день рано утром в селе Щава, расположенном в пяти километрах от нас к северу, схватил живьем армейского штаб-курьера с документами о дислокации двух дивизий и секретными оперативными планами.

В то же утро отделение Портоненко из Третьего отряда на шоссе у села Юркув Лимановского повята, забросало гранатами и обстреляло из пулеметов и автоматов три вражеские автомашины с солдатами. Подбито две из трех машин, убито и ранено более десяти немцев. Отделение партизан потерь не имело».

На первый взгляд подобные записи выглядят сухими и малоинтересными. А между тем за каждой из них стояли мужество, отвага, героизм. Достаточно рассказать хотя бы о том, как провело свою боевую операцию отделение Портоненко.

...Ранним пасмурным утром восемь смельчаков подкрались к шоссе и, сидя за скальными выступами, в течение нескольких часов дожидались появления вражеских автомашин. И дождались. Из-за недалекого поворота выскочили одна за другой три машины с солдатами на борту. Было ли их всего три, или то была головная часть большой армейской колонны — партизаны еще не знали. Однако времени на долгие рассуждения у них не было — машины стремительно приближались к месту засады, и надо было в считанные секунды решить: напасть или пропустить? И хотя немцев было в несколько раз больше и партизаны хорошо понимали, что в случае малейшей промашки могли погибнуть, они все-таки отважились.

Когда головная машина приблизилась, противотанковая граната, удачно брошенная Портоненко из укрытия, взорвалась прямо в кузове среди солдат. Мало кто из них остался в живых.

Ошеломив этим противника, партизаны успели подбить вторую машину, подстрелить еще несколько солдат и вовремя отойти, не потеряв ни одного человека.

Еще в более сложной ситуации оказались секачевцы, когда к месту их засады, описанной выше, стала приближаться большая вражеская автоколонна под прикрытием броневика. Но и они не спасовали и смело ударили и по броневику и по головным автомашинам.

О результатах читатель уже знает.

Все эти боевые вылазки были лишь началом нашего вклада в боевой предпраздничный салют, или затравкой, как выразился Владимир Иванович Сподневский.

Главный же праздничный подарок мы планировали в более крупном масштабе с участием двух своих отрядов и аковского батальона Лямпарда.

Речь идет о разгроме крупного гарнизона в Чорстыне, к которому мы давно уже приготавливались, дважды подбивав на совместное выступление капитана Лямпарда.

Местечко Чорстынь расположено у самой границы, на берегу Дунайца, на развилке шоссейной магистрали: Силезия — Новый Тарг — Новый Сонч — Ясло — линия фронта и Силезия — Новый Тарг — Чорстынь — словацкая Спишека Стара Весь — Прешов.

Учитывая важность этих дорог, гитлеровское командование создало в Чорстыне хорошо вооруженный гарнизон из 300 солдат и офицеров, как ударный форпост против польских и словацких партизан и непокорного населения.

К военным соображениям, толкавшим нас на разгром Чорстынского гарнизона, прибавилась трагедия, разыгравшаяся за полтора месяца до этого на горе Любань, и клятва о возмездии, данная от имени советских партизан Петром Ярославцевым на многолюдных похоронах польских партизан в селе Охотнице.

Это трагическое событие достойно того, чтобы войти в анналы боевого братства советских и польских партизан.

Вот его краткая история.

Известные читателю хозяева схрониско — туристической базы на горе Любань Эрнест Дуркалец и его жена Гелена, у которых Петр Ярославцев обосновал надежный промежуточный пункт для хранения взрывчатки и для отдыха партизан во время дальних походов на задание, отвели также несколько комнат капитану Лямпарду под лесной госпиталь.

Об этом дознался штаб вражеского гарнизона в Чорстыне, расположенном у южного подножия Любани, и решил госпиталь уничтожить. Нападение было назначено на утро 25 сентября. С помощью предательницы, хорошо знавшей дорогу, рота гитлеровцев подкралась под покровом тумана к схрониску, обложила его со всех сторон и открыла стрельбу.

Застигнутые врасплох раненые аковцы не сумели оказать сопротивления. Из одиннадцати человек, находившихся тогда в доме Дуркальцев, только троим — легко раненным Гельдчинскому, Черемшинскому и Франтишеку Цесельке удалось, прикрываясь туманом, вырваться из кольца окружения и спастись. Двое — сержант Александр Крыстыняк и Игнатий Герчевский, выскочившие из окна, сразу же были убиты. Остальные — Эрнест и Гелена Дуркалец, поручик Сокол, две санитарки и жена убитого Крыстыняка — были схвачены и уведены в Чорстынь.

В момент нападения на схрониско наша группа во главе с Ярославцевым спускалась по восточному склону Любани в сторону Кросценко. Услышав стрельбу, Петр остановил товарищей.

— Это на аковский госпиталь, на схрониско Дуркальцев напали немцы. Скорее — на выручку!

Как ни торопились наши товарищи, но за дальностью расстояния, а главное, из-за крутого подъема на гору опоздали. На месте госпиталя они застали лишь пышавшее жаром пепелище и два изуродованных трупа.

По свежим следам советские партизаны кинулись догонять гитлеровцев, благо с горы бежать было легче. Нагнали они их где-то на половине пути к Чорстыню. В короткой жаркой схватке партизаны убили трех и нескольких немцев ранили. Избежав потерь со своей стороны, они вернулись на Любань. Достав в ближайшей деревне повозку, бережно уложили на нее изуродованные тела убитых польских партизан и доставили их

в Охотницу. Там с трудом опознали в них аковского сержанта Крыстыняка и повара госпиталя Герчевского.

По инициативе Петра Ярославцева, старосты Охотницы Дольной Ян Бжезны и Горной — Ян Бушек, а также секретарь гмины—волости Франтишек Хлипало организовали похороны с массовой траурной манифестацией, которые состоялись 26 сентября 1944 года. На них присутствовали аковцы из батальона Ляmпарда, 26 советских партизан во главе с Ярославцевым, три ксендза — профессор, доктор Ян Чуй, капеллан Ян Сотович и ксендз Хойнацкий — и все взрослое население Охотницкой гмины.

У могилы Петр Ярославцев произнес надгробную речь, в которой заклеймил позором фашистских палачей и от имени советских партизан поклялся отомстить гитлеровцам из Чорстыня за чудовищное преступление на горе Любань. Свою речь Ярославцев закончил призывом активнее бороться «За вашу и нашу свободу!».

В знак глубокой скорби советские партизаны произвели трехкратный залп из автоматов.

С тех пор мы вынашивали планы отмщения. Не забывали об этом и аковцы. Вместе с капитаном Лямпардом мы приступили к конкретной разработке предстоящей операции.

План расположения гарнизона в Чорстыне Лямпарду передал отец его партизана Яськовского, работавший в Чорстыне управляющим в имении помещика Драгоевского и пользовавшийся доступом в местные влиятельные круги.

Нам же в сборе разведывательных данных помогали тридцатишестилетний житель Чорстыня Юзеф Кнуровский, проживавший вблизи гитлеровских казарм, тринадцатилетний подросток из соседнего села Клюшковцы Франтишек Убик, девушка из Любани Ирена Прежимерска и другие, поддерживавшие тесные связи с Петром Ярославцевым и разведчиком Виктором Прокошевым.

Утром 4 ноября мы окончательно согласовали план совместного наступления, и, как только опустились сумерки, отряды Ивана Меняшкина и Николая Кремса ушли на юг, по направлению к Чорстыню. С ними ушли также, отпросившись у меня, врач Судоплатов и пере-

водчик Жорка. По пути к нашим отрядам присоединился батальон аковцев под командованием капитана Ляmпарда.

Операцией, по нашему уговору, руководили Меняшкин и Ляmпард.

Одновременно с нападением на гарнизон в Чорстыне мы решили ударить по немцам в другой стороне — по гарнизону, расположенному в пяти километрах к северо-западу от Нового Тарга, в селе Кликушево. Осуществить это нападение должен был Второй отряд под командованием Кости Пича. Операцией этой мы отвлекали внимание полевой жандармерии, располагавшейся в Новом Тарге, от Чорстыня.

Наступила решающая ночь с 5 на 6 ноября 1944 года. Первый и Третий отряды вместе с батальоном аковцев подошли к Чорстыню. Разведчики донесли, что все провода, связывавшие гарнизон с Новым Таргом (до него было 20 километров), с Кросценко и другими гарнизонами, перерезаны.

Первым на исходной позиции, непосредственно уже в местечке, залег взвод Секачева с его неизменными пулеметчиками Петром Мартыновым, Володей Моховым, Яшей Хлудневым, бронебойщиком Мишей Пинаевым и другими героями смелых схваток. Прямо против них в полумраке смутно угадывалось деревянное трехэтажное здание, принадлежавшее Козицкому, а чуть левее — двухэтажный каменный дом помещика Длусского. Расстояние до первого — около семидесяти метров, до второго — около ста. В том и в другом находились ничего не подозревавшие гитлеровцы. Еще ближе был деревянный гараж, казавшийся с вершины косогора приземистым.

В назначенный момент застрочили, забухали все партизанские стволы, взорвались гранаты. Первыми же выстрелами Миша Пинаев поджег гараж, в котором стояли немецкие машины. Он запылал, освещая все вокруг.

Перепуганные гитлеровцы выскакивали из казарм в одном белье и в ярком зареве пожара служили партизанам хорошей мишенью. Паника, возникшая среди немцев, так парализовала их, что они никак не могли прийти в себя, чтобы организовать хотя бы какую-нибудь оборону. И если бы наши разведчики знали о существовании в доме помещика Длусского скрытого

телефонного провода, идущего в Словакию, и вовремя перерезали его, весь гарнизон мог быть уничтожен.

К сожалению, о существовании этой связи никто не знал. Это и спасло гитлеровский гарнизон от поголовного уничтожения. Кто-то из фольксдойтчев позвонил в Словакию и сообщил о нападении партизан, и оттуда из гарнизона в Списка Старой Веси прибыло к осажденным подкрепление.

Произошло это в самый критический для немцев момент, когда часть Первого отряда во главе с Секачевым спустилась уже вниз, перебежала улицу и бросилась к белому каменному дому, куда убегали, обезумевшие от страха, немцы.

Оценив создавшуюся обстановку, Меняшкин, с согласия Лямпарда, дал ракетой сигнал к отходу. Партизаны прекратили бой и организованно покинули Чорстынь.

Мы потеряли в этом бою двадцатидевятилетнего Василия Ивановича Рогова, и несколько человек получили ранения. Сравнительно легко отделались и аковцы.

Зато немцы недосчитались многих, более тридцати человек только убитых.

Но не только крупными потерями врага был знаменателен для нас тот бой. А еще и тем, что вскоре после того, как гитлеровцы раструбили в газете «Краковер Цайтунг» и по радио о полном уничтожении в Горцах советских и польских партизан, они, эти самые «уничтоженные», вдруг так смело напали на один из самых крупных на польско-словацкой границе немецких гарнизонов, считавшийся у гитлеровского командования неприступной крепостью, и около двух часов громили его.

Кроме того, мы с честью выполнили клятву, данную в Охотнице у гроба зверски убитых фашистами из Чорстынского гарнизона польских партизан.

На вопрос, кто из советских партизан сражался в этом бою стойко и самоотверженно, можно смело сказать — все. Но особый пример храбрости показали:

В Первом отряде: сам командир Иван Федорович Меняшкин, комиссар отряда Алексей Сукач, начальник штаба Дмитрий Гастило, командиры взводов Павел Можелевский и, конечно, Миша Секачев со всем взводом;

В Третьем отличились командир отряда Николай Никитович Кремс, начальник штаба Семен Кретинин, командир взвода Виктор Мальков, командиры отделений Володя Белкания, Иван Матвеев, Александр Хомицкий, Иван Портоненко, пулеметчики Гриша Слюта, Яша Дудин, Павел Ваулин.

Отважно сражались представители штаба соединения Петр Ярославцев, хирург Николай Судоплатов и особенно переводчик Жорка, который, как его ни удерживали наши товарищи, бросался в самое пекло боя, а также разведчики Гогебашвили, Прокошев, Сирош и другие.

Одновременный налет Второго отряда на гарнизон в Кликушевой тоже прошел удачно. Там, как и в Чорстыне, враг был застигнут врасплох и в коротком бою потерял около двадцати человек убитыми и ранеными.

В этой схватке совершил подвиг автоматчик Иван Савченко. Он подполз вплотную к вражеской казарме и, несмотря на ранение, продолжал сражаться, лично уничтожив шестерых гитлеровцев.

Мужественно руководили боем, показывая пример храбрости, командир отряда Костя Пич, исполнявший обязанности начальника штаба Георгий Шишкин, командиры взводов Виктор Наумов, Барий Мадьяров и Михаил Харитонов, командиры отделений Ишо Мурашвили и Илья Нечипуренко, метко били по врагу бронебойщик Никифор Кириленко, пулеметчики Николай Базаров, Петр Пономаренко, Дмитрий Колесниченко, автоматчик Иосиф Кухарчук.

Бои в Чорстыне и Кликушевой явились новым серьезным испытанием боеспособности наших сил. Они показали, что все три отряда окончательно сформировались в крепкие боевые единицы, на которые вполне можно было положиться в любой обстановке.

Но что особенно радовало — население Подгаля признало нас своими надежными, самоотверженными защитниками. А это означало, что в лице местных жителей, гуралей, мы — советские партизаны — обрели надежных помощников, что в любом селе, в любом польском доме нас ожидали теплый приют и кусок хлеба. Мы смело стали опираться на польский народ, и это придавало нам сил, воодушевляло на активную борьбу с нашим общим врагом.

БОЕВОЙ СЧЕТ РАСТЕТ

Все чаще теплые солнечные дни сменялись пасмурной прохладной погодой. Лес хмурился, становился тихим, задумчивым. Низкие свинцовые тучи набухали влагой, сеял мелкий затяжной дождь. Для партизан такая мрачная плаксивая погода была весьма полезной союзницей — в туман, в дождь можно было ближе подкрасться к гарнизонам гитлеровских захватчиков и успешнее громить их, так как появление партизан у обочин шоссейных дорог в такую погоду было для них неожиданным. Более того, во время нелегких переходов по крутым гористым склонам и дышалось легче, и усталость не так изнуряла.

А ходить партизанам приходилось все чаще и все дальше. После удачного разгрома Чорстынского и Кликушевского гарнизонов они вошли во вкус и вместе со своим командованием неудержимо рвались на более широкий оперативный простор. Особенно те из них, кто недавно пришел к нам из гитлеровских лагерей смерти.

Все это, вместе взятое,— и подходящая погода, и небывалый подъем партизан — совпадало с нашими значительно возросшими оперативными планами. Но прежде всего мы произвели у себя небольшую перестановку среди командного состава. Лейтенанта Костю Пича отозвали в штаб соединения для усиления оперативной разведки. На его место командиром Второго отряда назначили Петра Ярославцева.

Лучшим среди командиров воспитателем, сумевшим за короткий срок научить своих боевых друзей смелости и сноровке, мастерству короткого боя и умению бить врага с наименьшими для себя потерями, оказался Михаил Секачев.

Поэтому на командирские должности из его взвода были выдвинуты следующие секачевцы: Петр Мартынов на пост начальника штаба в Третий отряд; пулеметчик Яша Хлуднев — на должность командира отделения во Второй, бронебойщик Миша Пинаев стал командиром взвода в Третьем отряде.

Лишившись сразу троих героев охотницких, чорстынского, яблуновского и других многочисленных боев, взвод Секачева не стал от этого слабее. Место Мартынова занял его бывший второй номер Ваня — Ко-

кан Карабаев, Яшу Хлуднева сменил храбрый, меткий пулеметчик Загиб Сибаев, выросли там и другие отважные партизаны.

Когда встал вопрос, кому поручить осваивание нового района действий — южную половину Бохнянского повята, расположенную в 15—20 километрах от Кракова, и прилегающие к ней пункты смежные Бжеского и Лимановского повятов,— все мы единодушно назвали взвод Секачева.

И не ошиблись.

Взвод Секачева отправился через горы в сторону Лонска, на дорогу, ведущую на север. Прошагав за двое суток тридцать с лишним километров трудных горных дорог, 22 ноября, когда необходим был отдых, Михаил не стал уводить взвод в лес, а уже по привычке расположил его у обочины шоссе Лонск — Новы Сонч.

— На всякий случай,— пояснил он партизанам, понимавшим его с полуслова.

Этот его «случай» обернулся для гитлеровцев потерей автомашины, одного майора и восьми солдат.

— Бате преподнесем вместе с портфелем с документами,— сказал Секачев, снимая с убитого майора новый, с иголочки китель.

Отмерив за два последующих дня еще около сорока километров в сторону Бохни, взвод Секачева облюбовал на перевале горы Вадомой очень удобное место для засады и залег. Долгое томительное ожидание, длившееся несколько часов, не пропало даром. На шоссе со стороны Лимановой показались три грузовые автомашины с жандармами на борту. Машины натужно урчали, карабкаясь в гору, на перевал, и партизаны могли спокойно разглядеть гитлеровцев.

— Ну как, Иван Иванович, рискнем? — обратился Михаил к москвичу Колбасову, командиру отделения.

— Надо было бы. Да только многовато их, не меньше 70—80 человек,— медленно проговорил тот, чувствуя, как у самого руки начали чесаться.

— А что нам, привыкать тягаться с такой оравой, что ли? У них же, глянь, какая неудобная позиция будет, когда мы подобьем машины. Ничего, разобьем, вот увидишь...

Когда машины, следовавшие одна от другой на близком расстоянии, поднялись на вершину перевала

и оказались на изгибе крутого поворота, пулеметчики Ваня Карабаев, Володя Мохов и Загиб Сибаев ударили по моторам, и машины замерли. Расстреливаемые очередями из пулеметов и автоматов, немецкие жандармы ошалело выскакивали из машин и, очутившись на открытом, легко простреливаемом месте, волей-неволей вступали в перестрелку. Но когда ряды их стали быстро таять, они не выдержали и стали отступать в сторону села Уяновичи Лимановского повята. Партизаны кинулись было их преследовать, но, когда увидели вдали на шоссе большую вражескую автоколонну с солдатами, мчавшуюся навстречу, повернули в сторону и тут же скрылись в лесной чащобе.

У наших партизан ранен был только один — сам командир взвода Секачев. На его счастье, пуля оказалась не разрывной и только как ножом разрезала часть кожи на голове.

Зато жандармы потеряли убитыми и ранеными чуть ли не половину своего состава. Об этом секачевцам сообщили разведчики Батальона Хлопского Бохнянского обвода, которым командовал Ястжембец — Ян Ярош. Встреча с ним, с его заместителями Рысью — Алоизом Сверкотом и Юлиушем Садульским, с разведчиками, наблюдавшими за боем на горе Вадомой, и с другими беховцами произошла в селе Крулювка Бохнянского повята, где располагался батальон Ястжембеца.

С тех пор между отрядом Ястжембеца и нашими группами, ходившими на выполнение боевых заданий под Бохню, завязалась тесная боевая дружба.

Одновременно с секачевцами гитлеровцев били и другие наши боевые группы, отделения, взводы, били на всех шоссейных дорогах, пробегавших по Лимановскому, Новотаргскому, Новосончскому, Бохнянскому и другим повятам Краковского воеводства. В дневнике боевых действий Владимир Иванович писал о них предельно сжато:

«13 ноября в четырех километрах от Лимановой к югу, вблизи села Секерчин, группа Второго отряда подбила немецкую машину. Убито три гитлеровца.

17 ноября группа в количестве шести человек из Первого отряда подбила на шоссе Новый Тарг — Рабка легковую автомашину. Убиты два офицера и один солдат. Взяты документы и оружие.

18 ноября, западнее Рабки у сел Высокое, группа Третьего отряда подбила две автомашины и уничтожила пятерых немцев. Отличился рядовой партизан Чернышев Владимир.

В тот же день другая группа этого отряда на шоссе возле Нового Сонча подбила одну легковую и одну грузовую автомашины. Количество убитых и раненых установить не удалось — подъехали машины с немцами, и партизаны отошли. В бою отличился Прокопенко Андрей».

И так день за днем. Боевой счет отрядов, взводов, отделений и рядовых партизан рос каждый день и час.

Развивая боевую деятельность, мы ни на минуту не забывали о своей главной задаче — выявлении оборонительных сооружений, военных заводов, армейских штабов, концентрации войск, перегруппировки их, о дислокации армейских складов и других военных объектов на территории Краковского, Жешувского воеводств и на землях Силезии.

На северо-восток, в район города Ясло, отправилась разведывательная группа во главе с замполитом Иваном Максимовичем Таранченко, чтобы разведать оборонительную линию Дембицы — Ясло и заодно проверить слухи о строительстве какого-то трубопровода в сторону фронта — будто бы для специальных газов.

В Силезию ушла другая разведывательная группа во главе с начальником разведки Михаилом Павловичем Минаевым. Перед ней стояли две задачи: разведать наличие оборонительных сооружений и засечь хотя бы часть действующих военных заводов на линии Белько Бяла — Катовицы; попутно проводить польского коммуниста Янека — Карола Ткоча, прилетевшего вместе с нами из Москвы со специальным заданием польской патриотической организации, в район Бабьей Горы, разыскать там в обусловленном месте отряд капитана Сабинова и передать ему Ткоча для дальнейшего сопровождения в Катовицы.

Чтобы сообщить об этом решении Ткочу, я пригласил его в штаб. Он вошел хмурый, сердитый, с опущенной головой. Только накануне у нас с ним произошла шумная размолвка. И вот почему.

Отправка его в Катовицы задерживалась не по нашей вине. Зная об этом, он тем не менее нервничал, высказывал нам свое недовольство. Потом, как чело-

век, нетерпящий бездействия, стал добиваться разрешения участвовать в обычных боевых операциях наших партизан.

Мы на это не соглашались. А он буквально поставил ультимативное требование:

— Я не могем сидеть, кеды моя ойчизна в такем теньжком положении. Я тшебую, жебы вы дали мне право бить гитлеровцев!

— Зря ты это, Янек,— упрекнул я его, переходя на дружеский тон.— Ты же умный человек и хорошо знаешь, что убить двух-трех фашистов — это же капля в море по сравнению с тем, что ты организуешь в Катовицах дружины, способные в критический момент недопустить до взрыва шахт и заводов. Ведь ты же для этого прилетел сюда с нами.

— Так иле тыдней я еще тутай буду чекаць?[1] Пустите мне, я сам дойду до Катовиц.

— Потерпи еще немножко, думаю, не сегодня-завтра мы получим по радио место явки, пароль, и тогда ни одного часу ты сидеть у нас не будешь,— только и нашелся я, что ему сказать в ответ.

Он сердито махнул рукой, круто повернулся и, хлопнув дверью, ушел.

Это было накануне. А рано утром с Большой земли поступили наконец-то указания о срочном выходе Янека в Силезию под нашей усиленной боевой охраной.

Когда я сообщил ему об этом, он даже вздрогнул от приятной неожиданности и, все еще не веря своим ушам, уставился на меня широко раскрытыми глазами.

— Что, все еще не веришь? Я не шучу. Собирайся, сегодня после обеда отправишься с Минаевым и группой разведчиков, имей в виду, что Большая земля сама теперь торопит,— сказал я ему.— Понимаешь, что это значит?

Но Янек и без этого уже понял, что наступление наших войск не за горами и ему действительно надо торопиться, чтобы не опоздать с организацией рабочих боевых дружин, способных отстоять заводы и шахты от уничтожения немцами.

— Значит, скоро! О, холера ясна!— воскликнул Ткоч.

---

[1] Так сколько недель я здесь буду ждать?..

Он поймал мою правую руку и, тискaя, стал трясти так, что мне стало больно.

В район Бабьей Горы в юго-западной части Краковского воеводства, на границе с Чехословакией, группа Минаева довела Янека на вторые сутки и с рук в руки передала командиру советского партизанского отряда капитану Сабинову[1].

Тепло простившись с Ткочом, наши разведчики занялись основной своей задачей. В одном селении их позвала к себе в дом пожилая женщина и по секрету сообщила, что через два двора, в доме одной вдовушки, находится какой-то большой немецкий офицер, не то скрывается, не то прикидывается.

Минаев решил проверить. Женщина сказала правду: в указанном ею доме действительно скрывался немец. Появление партизан его напугало, но когда он узнал, что перед ним советские люди, немного отошел. Предложение следовать с ними воспринял с душевным облегчением.

Фриц Эльхольц с 1927 года состоял членом нацистской партии, был предан фюреру. До 1942 года работал главным конструктором на военных заводах Германа Геринга в Силезии — в городах Николау, Катовицы, Петровцы. В 1942 году был взят в армию. Служил инструктором парашютно-десантных войск. В мае 1944 года во время одной офицерской пьянки он избил какого-то крупного генерала. За это его разжаловали в рядовые и на три года отправили в штрафную роту. Такой резкий оборот дела перевернул все его взгляды и настроения. Эльхольц бежал, скрывался, пока его не схватили наши товарищи.

Минаев привел Эльхольца в наш лагерь. На допросе, в котором важную роль сыграл наш переводчик Жорка — Ежи Грит, хорошо знавший и Силезию и немецкий язык, Эльхольц дал очень важные для Ставки нашего Главнокомандования и для штаба 1-го Украинского фронта развернутые показания о всех действовавших в Силезии — этой второй, после Рура, кузнице гитлеровской военной машины — военных заводах. Среди них литейный завод в Кенингютте, переимено-

---

[1] Ткоч с помощью капитана Сабинова попал в Катовицы. Там установил связи с прежними товарищами по партии, создал с их помощью боевые группы, с честью выполнил задание.

ванном с возвратом Силезии Польше в город Крулева Гута, выпускавший броню и башни для танков и арматуру для дотов; завод качественных сталей «Эдельсаль верке», в западной части Катовиц, вырабатывавший башни и броню для танков, стволы орудий, рамы самолетов, корпуса моторов и др.; химический комбинат «Фарбениндустри» в Хейдебрекке (ныне — Кендежине) и около тридцати других. Кроме того, он дал такие же показания и о четырнадцати крупных военных заводах, действовавших вокруг Берлина и в других городах Германии.

Очень важным было то, что он давал точные координаты, раскрывал систему противовоздушной обороны, уточнял, с какой стороны наиболее безопасно для наших летчиков подлетать на бомбежку.

Неделю наши радисты Панфилов, Панка Безух, Галя, Коля Новаторов и Гриша Блажко поочередно передавали на Большую землю его показания относительно заводов Германии. А когда подошла очередь передавать данные по Силезии, из Москвы последовал приказ: передать все это через разведупровские группы 1-го Украинского фронта.

— Все ясно, товарищи, надо со дня на день ждать прихода наших войск,— высказал Иван Максимович вслух то, о чем каждый из нас подумал.

И Нина — радистка отряда Тани — каждый день по нескольку часов стучала на своем «северке», передавая данные по Силезии в разведотдел 1-го Украинского фронта.

Интересная деталь: пока у Эльхольца было в запасе много ценных для нашего командования данных о военной промышленности гитлеровской Германии, он был бодр, спокоен, и нередко можно было видеть на его лице даже улыбку. Но когда этот запас стал иссякать, он постепенно мрачнел, становился задумчивым, рассеянным. Мы начали уже тревожиться: не вводил ли он нас все эти дни в заблуждение? А теперь, когда его дезинформация вот-вот будет разоблачена, стал трусить.

Мы решили использовать Жорку, чтобы как-то выяснить перемену в настроении Эльхольца.

— У тебя, кажется, установились с ним дружеские отношения,— говорил я ему,— так ты и возьмись разгадать нашу загадку. Сегодня сделаем перерыв в доп-

росе, и ты проведешь с ним вечер вдвоем. Дадим бимберу, шоколаду, угости его и выпытай.

— Добже, Иван Федорович, все будет сделано,— заверил Жорка.

На второй день рано утром мы увидели его сияющее лицо.

— Знаете, почему он так стал себя вести? Боится, что, когда мы выпытаем у него все, он будет расстрелян как фашист. А показания его правильные. Я же многие заводы, названные им, сам знаю.

Мы вздохнули с облегчением, а потом стали внушать Эльхольцу, что он будет жить.

— Но я же с 1927 года член национал-социалистической партии!

— Есть или был?— спросил его Петр Романович.

— Был, был! Теперь, вот уже много месяцев я проклинаю и Гитлера и всю его свору. Нет, тогда, в таком фашистском угаре, многие теряли голову. Потерял ее и я. И столько лет ходил, как в тумане...

Мы поверили в искреннее раскаяние нациста со стажем и даровали ему жизнь. Он ее вполне заслужил.

Вскоре мы с Алешей снова ходили на встречу с Болеславом Вронским за Дунаец. На этот раз он выглядел свежее и веселее. Поездка его в Краков, к Юзефу Путо, увенчалась успехом.

— Юзек згоден забить Ганса Франка,— коротко отчитался о своей миссии Болеслав.

— Каким же путем, какими средствами он думает это сделать?— спросил я его.

— Он сказал, цо ежли бенде пистоль, то жебы тихо стшелял. А ежели мина, то мала.

Условились, что мы попросим Большую землю, чтобы нам вместе с радиопитанием и боеприпасами сбросили английские малые магнитные мины, бесшумный пистолет, в крайнем случае малокалиберный, лишь бы только можно было из него убить человека.

На второй день после возвращения из-за Дунайца на Горце произошло событие, вынудившее нас покинуть уже обжитую поляну и уйти в другое место.

Рано утром, когда весь наш офицерский состав находился в штабном домике, за стеной раздался крик дежурного:

— Во-о-озду-ух!!!

Вместе с криком в дом ворвался недалекий гул самолета. Мы выскочили из штаба и увидели: прямо на нас на небольшой высоте стремительно приближался «костыль» — самолет-разведчик. Когда он пролетал над заснеженной поляной, вытянувшейся перед нами длинным овалом, от самолета оторвалось несколько продолговатых предметов.

— О, листовки бросает! — иронически воскликнул кто-то из партизан.

Но я-то сразу понял, что это не листовки, а малые пристрелочные зажигательные бомбы.

— Рысью всем — в лес! Рассредоточиться! — закричал я что было сил, чтобы перекричать шум пролетавшего над головой самолета. А когда он умчался, повторил команду снова.

Партизаны бросились врассыпную — все, вплоть до последнего больного и раненого. На поляне нас осталось только трое: я с ординарцем Костей Садыковым и часовой, двадцатипятилетний татарин из Башкирии Гумар Сафиевич Шимиев.

Не успел еще растаять в воздухе шум «костыля», как где-то на западе возник новый, более мощный гул. Он стремительно приближался, ширился, охватывая своим прерывистым рокотом все вокруг. И вот над лесом показалась девятка «юнкерсов».

— Товарищ Шимиев, скорее сюда! — позвал я часового к себе.

— Ничего, товарищ командир, я — маленький, в меня не попадет, — смеясь, отмахнулся тот, продолжая стоять как ни в чем не бывало.

Придерживаясь трассы, проложенной «костылем», бомбардировщики с ходу стали бомбить нашу поляну. Я стоял на ступеньках, ведущих вниз в глубоко вырытую командирскую землянку, в трех-четырех метрах от часового и внимательно следил за тем, как отрывались от «юнкерсов» бомбы, как приближались к земле, и в последнюю минуту невольно прижимался к ступенькам. Громоподобные взрывы больно ударяли в уши, сотрясали землю, ступеньки, к которым я приникал, все вокруг. В воздух взлетали тучи снега, комья мерзлой земли, осколки, камни. Как только одно звено, сбросив часть бомб, отправлялось на второй заход, я поднимался и до подхода очередного звена успевал окинуть тревожным взглядом партизан, видневшихся

всюду по склону, и, не заметив среди них никакого переполоха, несколько успокаивался.

Серия за серией громыхали взрывы где-то рядом. Постепенно я освоился и, пересилив чувство страха, не стал уже кланяться каждой бомбе. И за это чуть было не поплатился жизнью.

На последнем заходе какой-то более хитрый ас, очевидно, разглядел под зеленью наш, выделявшийся на бело-зеленом фоне своей желтизной, штабной домик, до которого от моей землянки было не далее десяти метров, и нацелился на него. В моем сознании осталось что-то вспыхнувшее рядом, возле бука, потом меня швырнуло метра на два и с силой ударило в стенку выемки, острая режущая боль в левом ухе и зуд на правой щеке, минутное затмение сознания. Первое, что бросилось мне в глаза — возле бука не было Шимиева. Я напрягся, встал на ноги, поднялся по ступенькам наверх и увидел распластанное тело часового.

— Убит насмерть,— громко прозвучало над ухом. Я обернулся и увидел своего ординарца. До этого он сидел в землянке, и я как-то забыл про него.

— У вас из уха кровь показалась,— заметил он,— и щека помята.

Я с трудом понимал его слова, прорывавшиеся до моего сознания сквозь толщу непрерывного шума в голове, без конца повторявшего грохота бомб, самолетного гула.

— Контузия, лопнула барабанная перепонка,— сухо констатировал Николай Павлович, когда улетели самолеты и собрались партизаны.

Они принесли с собой тяжелую весть. Одной из бомб, разорвавшейся рядом со штабными офицерами, был убит начальник штаба старший лейтенант Евтюнин Николай Аверьянович — отважный советский офицер и замечательной души человек из села Моховое Михайловского района Курской области.

Осколком той же бомбы был ранен в руку Петр Романович и так оглушен взрывной волной, что его принесли ко мне в землянку на руках, бледного, растерянного.

Правда, осколок вошел неглубоко, и хирург легко вытащил его из раны.

Похоронив двух своих боевых товарищей между моей землянкой и бацувкой, мы, не дожидаясь новой

бомбежки — место нашего лагеря врагу ведь было уже известно,— засветло отправились на восток, вниз по склону, в село Каменицу.

Отряды разместились в Каменице, а штаб чуть поодаль, ближе к подошве Горца, в небольшой деревне Засадне, в доме Яна Горчовского. В соседних домах расположились радисты, разведчики, комендантский взвод. Вместе с нами туда же перебрались отряды Тани, подполковника Гладилина, Володи Поручидло.

Так печально закончилось наше непродолжительное пребывание на Горце. Но в памяти на всю жизнь осталась эта живописная поляна — наше убежище в горах Польши.

ПРИЗРАКИ НА ДОРОГАХ

Чем дальше мы отходили на восток, тем все больше удалялись от деревни Вильчицы, где в засекреченном госпитале Лимановского Батальона Хлопского тосковал наш боевой друг Семен Пушков. 14 ноября, когда мы еще стояли на Горцевской поляне, наш хирург Судоплатов вместе с разведчиками отправился туда, чтобы осмотреть его ногу.

Усталые, измученные, добрались они до окраины попутного села и зашли в крайний дом. Хирург там сразу же обратил внимание на девочку лет пяти, лежавшую в жару на руках хозяйки.

— А ну, дайте я посмотрю ее,— сказал Николай Павлович.

Хозяйка явно смутилась и молчала.

— Не бойтесь, то наш доктор,— разъяснил один из наших разведчиков.— Он хочет посмотреть, помочь вашей цурке.

— Не, не,— с испугом замахали и хозяин и хозяйка.— У нас бракуе пенензы. Нема злотых.

— Нам денег не надо, мы — советские врачи, лечим бесплатно,— улыбаясь, сказал Судоплатов.

Еще не совсем веря его словам, хозяйка робко протянула ему свою дочурку.

Врач осмотрел, назначил лечение, поделился медикаментами. Растроганная мать ребенка упала на колени и бросилась было целовать врачу ноги.

Тот быстро поднял ее с пола.

— Что вы, пани, что вы! У нас так не водится.

Передохнув, наши товарищи пошли дальше. Идти стало еще тяжелее. Снег завалил все тропки, ветер валил с ног, пронизывал насквозь. И только поздно вечером они добрались до места.

— Черти полосатые! Что ж вы без предупреждения?— радостно встретил их Семен Николаевич. Он уже передвигался по комнате, осторожно поднимая неуклюжий «сапог» из гипса. Она уже обретала жизненные способности.

— Дней через десять-пятнадцать переведем в лагерь,— огорчил Судоплатов Пушкова.— А сейчас надо больше ходить, шевелить пальцами.

— Доктор... может быть, сейчас возьмете, а?— умолял Пушков. Но Судоплатов молчал.

— Ладно уж, нельзя так нельзя,— смирился Семен Николаевич.— Давайте хоть по чарочке протянем по случаю встречи.

— Как ты/тут живешь, дорогой?— спросил его Николай Павлович.

— Живу как волк. Считаю дни, часы... Скучаю. На улицу выйти нельзя. Когда немцы наведываются в село, прячусь в тайник. Спасибо, хозяин со своей семьей золотые, душевные люди, пекутся обо мне, как о родном.

— А далеко здесь до немцев?

— Говорят, два километра с гаком. А сколько в этом «гаке», не знаю.

Расстались они только под утро...

С тех пор прошло немало времени. И вот Семен, наш сердечный и неунывающий друг, у нас. Его привезли на лошади все тот же неугомонный врач и его товарищи из разведки. По комнате капитан Пушков передвигался с помощью костыля и палки. Он совсем не отдыхал, все ходил, развивал ногу, торопился поскорее стать в строй, чтобы вместе с другими партизанами ударить по врагу.

А отряды наши и боевые группы с каждым днем все активнее нападали на вражеские транспорты, громили гарнизоны. Особенно храбро стали действовать партизаны Второго отряда после того, как погиб во время бомбежки их боевой друг Евтюнин.

Когда эсэсовцы из гарнизона Тыльманова, располо-

женного на левом берегу Дунайца, в четырех километрах от Охотницы Дольной, узнали, что мы спустились с Горца в сторону Каменицы, они решили свести старые счеты с непокорными жителями «бандитской столицы». На автомашинах ворвались они в Охотницу Дольную, схватили несколько десятков заложников, в том числе солтыса Яна Бжезны, кооператора Яна Кпонку, помогавшего нам хлебом, ксендзев Михала Сотовича и Юзефа Следзя, и других патриотов, поддерживавших с нами тесные связи, и загрузили ими кузов большегрузной машины. В кузов другой такой же автомашины они начали было загонять награбленных коров.

В этот момент недалеко от них застрочили партизанские автоматы, пулеметы, зачастили полуавтоматические винтовки. То наши партизаны, возглавляемые Петром Ярославцевым, спешили на выручку. Боясь, что опоздают, они еще издалека открыли стрельбу из всех видов оружия.

Эсэсовцы, увидев, что партизаны бегут не прямо в село, а стараются обойти, чтобы отрезать им путь к отступлению на шоссе, бросили скот, махнули рукой и на разбегавшихся заложников, вскочили на машины и на полном газу помчались прочь. Только когда выбрались на шоссе Новый Сонч — Кросценко — Новый Тарг, они открыли на ходу стрельбу в никуда.

Да, надежными защитниками жителей партизанской столицы — Охотницы были бойцы нашего Второго отряда. Но настало время уходить и этому отряду. Командир отряда Ярославцев повстречался с капитаном Лямпардом, сообщил ему, что отряд покидает район Охотницы, и посоветовал выдвинуть хотя бы одну роту поближе к шоссейной дороге, чтобы защитить жителей Охотницы от нападения со стороны Тыльманово, Кросценко. Тот пообещал.

Расстались по-дружески. Лямпард откровенно сожалел, что наши товарищи уходят. Оно и понятно, хорошо было иметь под боком таких смелых бойцов.

Не успел Второй отряд расположиться неподалеку от нашего штаба на небольшом хуторе, как командиры взводов и боевых групп стали надоедать Ярославцеву, чтобы тот отпустил их на боевое задание. Ярославцев отпустил.

Особенно активно действовал взвод Бария Мадьярова. 9 декабря 1944 года на перевале Гроница, вблизи

села Лонтка Гурна Бохнянского повята, он устроил засаду. К вечеру на шоссе показались три грузовые автомашины с гитлеровцами. Партизаны подпустили их как можно ближе и открыли бой. За ним наблюдали партизаны из отряда Ястжембеца, находившиеся рядом, в селе Лонтка Дольна. На их глазах советские партизаны вывели из строя все три автомашины противника, уничтожили двенадцать и ранили более десяти солдат.

После боя советские партизаны спустились вниз, в Лонтку Дольную и стали желанными гостями беховцев. У тех к этому времени случилось большое несчастье. 1 декабря один из фашистов организации НСЗ из-за угла убил командира батальона Ястжембеца. После этого батальон разделился на два отряда. Одним стал командовать заместитель Ястжембеца — Алоиз Сверкот, другим — Юлиуш Садульский. К Садульскому и попали в гости наши товарищи.

11 декабря взвод Мадьярова на шоссе Бохня — Мысленица, между Гдувом и Лазовой, напал из засады на головную часть немецкой автоколонны. В ожесточенном бою враг потерял более двадцати солдат убитыми и ранеными. В бою особенно отличился пулеметчик Дмитрий Колесников, который огнем из пулемета подбил автомашину, убил пятерых и ранил трех вражеских солдат.

С большим успехом громил немцев на шоссейных дорогах другой взвод этого отряда под командованием Харитонова.

Постоянно действовали и партизаны Третьего отряда. Вот короткий перечень только части их боевых операций, попавших в дневник нашего штаба:

«13 декабря отделение Князева в количестве пяти партизан смело напало на гитлеровцев, проезжавших по дороге возле села Язовско-Голковице. В бою немцы потеряли восемь убитыми и четырех ранеными. Партизаны взяли трофеи: три велосипеда и оружие. В бою отличились пулеметчик Гариф Салимов и рядовой Николай Худолей.

18 декабря в село Высока, расположенном западнее Рабки, взвод Шведовского подбил две автомашины, убил шестерых солдат и человек десять ранил. В том бою особенно смело действовали командир отделения Алексей Максимец и пулеметчик Яков Дудин.

В тот же день вблизи Язовско группа ударом из засады по проезжавшим по шоссе немцам вывела из строя около десяти гитлеровцев, трое из которых погибли от гранаты, брошенной отважным партизаном Федором Литвиненко».

Но больше других повезло Первому отряду, расположившемуся на восточной окраине Каменицы. Не подозревая об этом, тридцать два жандарма на трех машинах спокойно приближались к селу, намереваясь «собрать контингент», как было принято называть насильные поборы, грабежи населения. На этот раз машины приближались со стороны села Забжеж, от Дунайца.

Партизаны увидели их еще издалека и приготовились встретить неподалеку от моста через речку Каменицу. От него до села было метров триста-четыреста, а три дома, оторвавшиеся от Каменицы, приютились у самого моста.

Бой был коротким. Попав в окружение партизан, фашистские жандармы не успели оказать достойного сопротивления. Один за другим они гибли или падали ранеными на шоссейную дорогу. Сколько из них успело бежать, трудно сказать, но явно мало. Так настойчиво утверждали очевидцы боя, в том числе известный читателю Флориан Ружнарчик, когда-то вместе со взводом Секачева участвовавший в налете на гарнизон в Лонске.

Забрав трофеи, наши отошли, так как знали, что вот-вот могут подоспеть более крупные силы противника. Необходимо было занять более выгодные позиции. Меняшкин так и поступил.

Через два часа из Нового Сонча примчалось много машин с немцами. Они намеревались было сжечь все село. Но когда, разбирая трупы, вытащили из-под них сохранившегося в живых жандарма, тот категорически заявил, что напали на них не польские, а советские партизаны, так как он слышал только русские слова.

Немецкие каратели поверили ему и, боясь народного взрыва, не стали подвергать уничтожению польское село. Они ограничились только тем, что убили трех членов семьи крестьянина Гурнета, жившего в доме при въезде на мост. После этого немцы уехали с грузом трупов и раненых.

— Вот видишь, а ты еще поругал меня за то, что

во время боя у меня сорвалось с языка несколько ругательств,— заметил Секачев Меняшкину.— А оказалось, что мой мат очень убедительно доказал тому фрицу, что не поляки, а мы, русские, давали им жизни.

Надо сказать, что мы всегда требовали от партизан, чтобы при нападении на гитлеровцев вблизи населенных пунктов они погромче кричали по-русски. Тогда враг будет знать, что это действуют советские, а не польские партизаны, и оставят мирных жителей в покое.

Ну, а если бы карательная экспедиция из Нового Сонча и сунулась тогда в село, у нас хватило бы сил дать ей отпор. Ведь помимо нашего соединения и отрядов Гладилина, Тани и Поручидло в Каменицу к нам пришел еще очень сильный боеспособный отряд под командованием майора чекиста Белова — Коваленко Анатолия Дмитриевича, прославившегося своей боевой удалью в междуречье Буг — Висла. К нам он прибыл из Чехословакии, отделившись от соединения Николая Прокопюка для самостоятельной, боевой деятельности. Сам майор Белов был представительный, хорошо сложенный человек, с волевыми чертами на мужественном загорелом лице. У нас, офицеров-чекистов, сразу же установились с ним крепкие братские отношения. А если учесть, что многие его и наши партизаны оказались однополчанами по московскому ОМСБОНу, а радистки учились в одной и то же радиошколе, станет ясным, какая сложилась тесная дружба со вновь прибывшими. Тогда же в нашу семью влился, наконец, Сатымбек Тулешов, или Сашка, как мы называли его в своем обиходе, тот самый, о котором у нас с Алешей шел длительный спор.

Но пришел он к нам не с отрядом, а один. По моей личной просьбе его отпустил командир соединения майор Леонид на должность начальника штаба нашего соединения.

С приходом Тулешова к нам, он сразу же включился в боевую жизнь соединения.

В то время, как наша борьба против гитлеровских оккупантов все усиливалась, в главном штабе АК и в штабе нашего соседа — 1-го полка подгалянских стрельцов майора Борового царило подозрительное спокойствие. Мы знали, что рядовые аковцы, и по своему патриотическому настрою и тем более глядя на нас, рва-

лись в бой. А их все время сдерживали. Вообще в штабе аковского полка стало твориться что-то непонятное.

Каждую ночь, в ясную ли погоду или в непроглядный туман, над нами летали английские самолеты, сбрасывавшие аковцам автоматы, пулеметы, минометы, взрывчатку, боеприпасы, причем в больших количествах. Казалось бы, что, вооружившись до зубов, аковские подразделения должны были резко увеличить боевую деятельность. Но этого, к нашему удивлению, не происходило. Более того, к нам почему-то перестали ходить Боровый со своими штабистами и капитан Лямпард.

Мы терялись в догадках. Но добиваться встречи с ними не стали.

— Если понадобимся, сами найдут нас,— решили мы.

22 декабря 1944 года шесть наших разведчиков — старший Петр Бочкарев, рядовые Виктор Прокошев, Петр Бондаренко, Костя Колос, Гога Мдзинарашвили и Сергей, фамилия которого не сохранилась в памяти,— возвращаясь с задания, заночевали в Охотнице. Утром их разбудили душераздирающие крики женщин, доносившиеся с улицы. В комнату вбежал хозяин и сообщил, что человек тридцать-сорок жандармов ворвались на четырех фургонах в Охотницу. Они хватают во дворах кур, гусей, отбирают продукты.

— Товарищи, за мной! — крикнул Бочкарев и первым выбежал из дома.

Когда их заметил немецкий пулеметчик, то с расстояния в 300 метров открыл по ним огонь.

— Скорей, друзья! Сейчас аковцы улышат бой, примчатся на помощь! — говорил Бочкарев на бегу, имея в виду батальон Лямпарда, до которого было всего лишь рукой подать.

Но никто на помощь не спешил. А тут еще пятеро партизан не могли вступить в поединок с вражеским пулеметчиком из-за большого растояния, потому что были вооружены автоматами, а это оружие только для ближнего боя. Винтовка оказалась лишь у Сергея. Георг взял ее у него, прицелился и с третьего выстрела уложил пулеметчика наповал. Партизаны видели, как немцы схватили безжизненное тело своего коллеги, бросили, как бревно, в крытый фургон, вскочили в него сами и стали удирать из села.

Партизаны бросились вдогонку. Прокошев, Колос и Сергей мчались верхней дорогой, остальные — нижней, по шоссе. Все шестеро на ходу стреляли в сторону убегавших немцев. Когда у Бочкарева опустел рожок автомата, он остановился, чтобы перезарядить кассету. Возле него на какое-то время задержался Петя Бондаренко. Этим воспользовались жандармы на последней повозке. Оставив лошадей, они сразили и Бочкарева и Бондаренко.

Из дома местного жителя Яна Барнаса, под окнами которого упали оба партизана, выскочили два брата, шестнадцатилетний Станислав и четырнадцатилетний Карол, и бросились к Бочкареву, чтобы оказать ему помощь, но тот был уже мертв. Тогда они кинулись к Пете Бондаренко. Раненный в голову и в грудь, тот еще подавал признаки жизни. Братья осторожно взяли его на руки, внесли в дом. Им бросилась помогать их мать Антонина. Но было уже поздно: Бондаренко умер на руках у польских ребят — братьев Барнасов.

А в это время Мдзинарашвили, не помня себя, помчался наперерез, подбежал к той фурманке, с которой стреляли по нашим товарищам, и с маху прострочил и пулеметчика и двух немецких автоматчиков.

Вскоре к Мдзинарашвили присоединились еще три разведчика, команду принял на себя Виктор Прокошев. Все четверо они бросились в погоню. Надо было видеть эту незабываемую картину, когда днем по улице села на четырех повозках настегивая лошадей, убегали в страхе перед четырьмя разъяренными партизанами около тридцати немецких вояк.

— Это же не люди, а какие-то призраки на дороге,— говорили оставшиеся в живых жандармы.

Аковцы тогда так и не показались, словно их и не было близко.

Совсем по-другому поступил командир 8-й роты 3-го батальона АК поручик Татар — Юлиан Зубек. За четыре дня до трагедии, случившейся в Охотнице, один наш взвод из Третьего отряда недалеко от словацкой границы нарвался в селе Ломнице Здруй на немецкую засаду и вступил в тяжелый бой. Татар сразу же, как только узнал об этом, не стал долго раздумывать и всем своим отрядом поспешил на выручку. Десять километров мчались они, обливаясь потом, чтобы не опоздать, и не опоздали.

Вместе с нашими партизанами поляки во главе с поручиком Татаром смело бросились в атаку и повергли врага в панику.

Дорого обошлась эта помощь аковской роте. Они потеряли в этом бою несколько своих партизан. Больше того, когда Татар увидел тяжело раненного Николая Малышева — лейтенанта, командира отделения, он взвалил его себе на плечо и несколько километров тащил в гору. Но когда донес его до привала, Малышев уже был мертв.

Это было по-партизански, по-братски.

Похоронив Бондаренко и Бочкарева на взгорке у Охотницы, наши товарищи принесли нам эту тяжелую весть. Все в штабе очень любили обоих Петрусей за их исключительную храбрость, за готовность своей жизнью спасти товарища, за неугомонные, но чуткие, отзывчивые характеры.

Но вернемся к Охотнице. Казалось бы, после того, что случилось 22 декабря, аковцы из батальона Лямпарда должны бы насторожиться и выдвинуть свои заслоны поближе к въезду в село со стороны Тыльманово. Но этого не произошло. Когда 24 декабря в Охотницу ворвались эсэсовцы, они беспрепятственно схватили жителей крайних домов и зверски уничтожили. На глазах у женщин и детей палачи убили жену солтыса Яна Бжезны, а его маленькую дочурку на всю жизнь сделали калекой. Погибли два брата секретаря гмины Франтишека Хлипалы и двадцать других его родственников. А всего гитлеровцы уничтожили 67 жителей села...

Когда мы узнали о случившемся, не могли скрыть своего возмущения в адрес тех, кто не предотвратил этой трагедии.

— Ничего, товарищ командир,— пытался успокоить меня Владимир Иванович Сподневский.— Нашей вины тут нет. Мы же ведь не сидели сложа руки, а били и бьем фашистов. Гляньте,— подсунул он свой дневник боевых действий.

Я погрузился в его записи:

«25 декабря на шоссе между Лимановой и Рабкой разведгруппа Второго отряда, во главе с ее командиром Степановым, подбила из засады одну автомашину и уничтожила восемь гитлеровцев. Захвачены оружие и документы.

26 декабря в междуречье Дунаец — Попрад взвод

Шведовского из Третьего отряда совершил нападение на гарнизон в Навоевой. В бою убито восемь и ранено четыре немца. В гараже уничтожены автомашина и мотоцикл.

29 декабря у села Зажече, расположенного на правом берегу Дунайца против села Забжежа, взвод Секачева сжег из засады автомашину — бронебойщик угодил своим снарядом в бензобак. В бою враг потерял около восемнадцати солдат убитыми и ранеными. С партизанской стороны был ранен пулеметчик Володя Мохов, проявивший в этом бою исключительную смелость».

В истекавшем 1944 году этот бой оказался последним. А на рассвете 1 января 1945 года, когда все вокруг было окутано плотным туманом, к нам в Каменицу подкрались немецкие каратели из села Забжеж, Лимановой, Щавы.

Открыв с трех направлений стрельбу, они тешили себя надеждой, что застигнут нас врасплох и отомстят за все, что перетерпели от наших налетов и нападений из засад. Но мы все уже были на ногах и быстро вступили в бой.

Выдержав часовую схватку, без особых потерь мы оставили Засадне, Каменицу, хутора и отступили в горы. Вместе с нами, утопая по пояс в снегу, в гору карабкались все наши соседи: отряды Белова, Гладилина, Тани. Остаток дня и полночи провели неподалеку от Горцевской поляны прямо на снегу в двадцатипятиградусный мороз.

Потом спустились в Охотницу, прошли прямо по ее улице к Дунайцу, перебрались по льду на другой берег и к рассвету снова остановились в затерявшемся в горных разломах Сандецких Бескид селе Обидза. Мы — по одну сторону потока, отряды Гладилина и Тани — по другую, отряд майора Белова — на хуторах, за большим покатым полем.

Первые двое суток решили отдохнуть, разобраться в обстановке. Только разведчики, не знавшие покоя ни днем, ни ночью, уточняли места расположения вражеских гарнизонов, устанавливали связи с местными польскими отрядами, с населением — готовили для отрядов новые пункты для ударов по врагу.

ЗАВЕРШАЮЩИЕ БОИ

Зная о предстоящем наступлении Советской Армии, гитлеровцы вели себя все более неуверенно и нервозно. Показываться небольшими группами в нашей, партизанской зоне они уже не осмеливались. Крупных же соединений в распоряжении местного немецкого командования уже не было — их пожирал ненасытный фронт. Ездить автотранспорту по шоссейным дорогам разрешалось только в дневное время, да и то лишь большими автоколоннами. Одиночным же автомашинам запрещалось показываться на шоссе даже днем.

Однако ни запреты, ни броские надписи на щитах, ни повышенная бдительность не в состоянии были уберечь гитлеровцев от гибели. Наши боевые группы переходили с ночных налетов на дневные и били врага еще ощутимее, чем прежде.

Вот записи в дневнике Владимира Ивановича Сподневского о боевых действиях за четыре январских дня только одного взвода Мадьярова из Второго отряда.

«Утром 8 января 1945 года в десяти километрах к юго-западу от Бохни, на шоссе возле деревни Хростов выведены из строя две вражеские автомашины. В короткой схватке убито и ранено восемнадцать гитлеровцев.

11 января в восьми километрах от Хростова, к юго-востоку, у села Тшцяна уничтожена одна большегрузная автомашина, убито и ранено половина жандармов, ехавших в переполненном кузове.

12 января в том же районе, возле села Нишковице, вместе с беховским отрядом, возглавляемым Юлиушем Садульским, напали на крупный немецкий гужевой транспорт. В ходе боя было убито и ранено несколько гитлеровских охранников. Захвачены автоматы, пулеметы, винтовки, другие трофеи».

В то же утро, когда взвод Мадьярова и беховцы расправлялись с охраной обоза у села Нишковице, другой взвод того же отряда, действовавший в районе Нового Тарга под командованием Миши Харитонова, ворвался на рассвете в казарму небольшого гарнизона, охранявшего мост через Дунаец в селе Лопушка, и без единого выстрела, без потерь обезоружил всех двадцать восемь охранников.

С такой же смелостью громили гитлеровцев все боевые группы нашего соединения, а также отряды подполковника Гладилина, майора Белова, Тани, Володи Поручидло, соседнего партизанского соединения Леонида...

Активизируя наступательные боевые действия, мы — советские партизаны — старались уничтожить как можно больше вражеских солдат, охочих до грабежей и насилия над мирным населением и способных встать с автоматом, пулеметом, противотанковой гранатой в руках на пути предстоявшего вскоре наступления советских войск.

Забота о защите гуралей от грабежей, карательных экзекуций, угона в рабство и в лагеря смерти тесно переплеталась с нашей задачей: как можно больше ослабить, деморализовать тыловые гарнизоны гитлеровского командования и этим в какой-то степени помочь нашим войскам скорее изгнать оккупантов с польской земли.

По-иному повели себя в этот решающий для Польши момент главный штаб АК и ее основные офицерские кадры старой, пилсудчиковской закалки.

Высказываясь в их адрес, капитан Пушков как-то обронил, может быть, не совсем благозвучную, зато меткую фразу:

— Им и хочется и колется.

Смысл этой фразы сводился к тому, что, с одной стороны, все аковское офицерство жаждало, конечно, скорейшего освобождения Польши от немецкой оккупации. С другой — и главное командование и наиболее реакционные элементы кадрового офицерства очень болезненно воспринимали тот факт, что не английская армия несла свободу польскому народу, на что они надеялись, а советская.

Объяснение этому очень простое. Будучи ревностными приверженцами буржуазно-помещичьего санационного строя и преданными слугами польского реакционного правительства Миколайчика, отсиживавшегося все годы оккупации в Англии, они были уверены, что после изгнания гитлеровцев это правительство по-прежнему будет править страной, а они займут командные высоты в армии. Поэтому они заранее присвоили своей, по существу немногочисленной и слабовооруженной, нелегальной военной организации единоличное право

называться Армией Краевой, то есть отечественной, а с конца 1944 года — даже Войском Польским.

И вдруг две ошеломившие их новости.

Первая. В новогоднюю ночь 1944 года представители Польской Рабочей, Польской Социалистической партии и левого крыла крестьянской партии Стронництво Людове на своем строго конспиративном собрании в оккупированной Варшаве образовали временное польское народное правительство: Краеву Раду Народову — КРН. Во главе его стали социалист Осубка Моравский и коммунист Болеслав Берут.

Первым своим декретом КРН переименовала Гвардию Людову, объединявшую многочисленные боевые партизанские отряды и бригады, в Армию Людову и дала указание всемерно активизировать борьбу с оккупантами.

Вторая. Во второй половине 1943 года польские патриоты, оказавшиеся после захвата Польши гитлеровской армией на территории Советского Союза, с согласия и на кредиты Советского правительства сформировали на нашей территории польскую пехотную дивизию имени Костюшко и попросили наше Главное командование, чтобы оно разрешило ей плечом к плечу с советскими войсками сражаться против общего врага — гитлеровских захватчиков.

О том, как эта дивизия росла и от сражения к сражению мужала, превращаясь в мощный боевой авангард будущего Войска Польского, видно даже из беглого перечня этапов ее развития.

10 августа 1943 года на ее базе был сформирован 1-й корпус, а 16 марта 1944 года — уже 1-я армия Польских вооруженных сил под командованием генерала Берлинга.

21 июля 1944 года Краева Рада Народова приняла эту 1-ю армию в свое подчинение и, объединив с Армией Людовой, создала единое Войско Польское. Главнокомандующим был назначен генерал Михал Роля-Жимерский.

8 августа по решению Краевой Рады Народовой, находившейся в освобожденном уже тогда Люблине, была сформирована из аэловцев и поляков призывного возраста 2-я армия Войска Польского под командованием генерала Сверчевского.

30 октября было создано командование авиации

Войска Польского, в подчинение которого вошло семь авиадивизий.

1 января 1945 года Краева Рада Народова создала Генеральный штаб Войска Польского. Начальником его был назначен генерал Корчиц.

За пятнадцать месяцев своего существования, начиная с 12 октября сорок третьего, когда дивизия Костюшки приняла боевое крещение в ожесточенном сражении на рязанской земле под Ленино, польские полки, бригады и дивизии мужественно сражались в составе советских армий и фронтов как на нашей территории, так и в боях за освобождение восточных районов Польши. К началу 1945 года это была уже передовая армия, вооруженная первоклассной советской военной техникой. Достаточно сказать, что только в составе 1-й армии, которой тогда командовал генерал Станислав Поплавский, насчитывалось 76 635 человек личного состава, 1250 орудий и минометов, 152 танка, 104 самолета и много другого отличного вооружения.

Казалось бы, при таких благоприятных обстоятельствах командованию Армии Краевой было в самый раз установить контакт с Генеральным штабом возрожденного Войска Польского и передать в его подчинение свои полки, батальоны и роты, чтобы всеми вооруженными силами Польши, плечом к плечу с войсками Советской Армии обрушиться на гитлеровских оккупантов и как можно скорее очистить свою землю от немецко-фашистских захватчиков.

Но судя по поведению 1-го полка подгалянских стрельцов, его командование вместе с майором Боровым пошло по другому пути.

Каждую ночь с английских самолетов по-прежнему сбрасывали на гору Могелицу — базу 1-го полка — автоматы, пулеметы, минометы, боеприпасы, предназначавшиеся, как стало совершенно очевидно, для иных целей, чем борьба с немецкими захватчиками. Помимо оружия спускались на парашютах офицеры разведки, снабженные золотом, иностранной валютой, запасами всевозможных документов.

И все это происходило перед самым началом генерального наступления советских войск и армии Войска Польского!

Для нас, советских людей, это было непостижимо.

Как-то утром к нам примчался на лыжах поручик

Татар в сопровождении восьми аковцев. Мы много хорошего слышали о нем от Алеши Батяна и других наших товарищей и давно хотели встретиться.

И вот он сам пожаловал к нам в гости. Татар — Юлиан Зубек оказался человеком среднего роста, с низко посаженной головой. У него была особая привычка посматривать на своего собеседника широко раскрытыми, немигающими серыми глазами снизу вверх, морща при этом лоб и вдавливая голову. Одет Татар был в белую туристскую куртку, лыжные шаровары и горные ботинки. На голове — самодельная шапка, наподобие летного шлема.

— То есть муй застемпца (заместитель) Ян Фрейлер — Ксавер, представил он нам высокого красавца, здоровяка с отличной офицерской выправкой.— То Михал Семирадзкий, инженер, а то его брат Эдвард,— показывал уже на второго, на третьего.— То Юзька Стажек — Пабусь, а тен — Виктор Микусинский — Протазы...

Все партизаны были молодые, загорелые, раскрасневшиеся на морозе. Татар не без удовольствия называл их имена, фамилии, псевдонимы, хотя у аковцев это и запрещалось.

После завтрака его товарищей утащили с собой наши партизаны, а Татар и его заместители остались в нашем штабе.

Разговаривая с нами, Татар часто задумывался: чувствовалось, что его что-то гложет, не дает ему покоя. Я спросил:

— Как вы смотрите на будущее устройство своей страны?

Юлиан глянул на меня снизу вверх, потом отвел глаза в сторону.

— Не так, як англикане и наш жонд[1] лонденский,— в его тоне слышались нотки недовольства и трудно скрываемое презрительное отношение к лондонскому эмигрантскому правительству. И этого было вполне достаточно, чтобы сделать вывод о его настроении.

— Вы что, специально к нам пожаловали или по пути завернули? — осведомился у него капитан Пушков.

[1] Правительство.

— Не, мы до штабу полка, до Борового идем. Але до того я хцел з вами повидзется.— Татар немного помедлил, потом уставился на меня цепким немигающим взглядом и спросил: — То правда, цо кеды прийде ваше войско, то вшисто нас, аковцев,— и, растопырив пальцы на обоих руках, выразительно перекрестил их, что на языке жестов означало тюремную решетку, мол, что всех посадят в тюрьму.

Мы решительно отмели эту злонамеренную клевету реакции на нашу армию.

Татар с облегчением вздохнул, оживился.

— О, холера ясна, я так и мыслел, але...— не закончив фразы, он весело махнул рукой, заулыбался и стал собираться в дорогу.

На нашу просьбу заглянуть к нам на обратном пути ответил радостным согласием.

После его ухода мы занялись обсуждением событий, происходивших в Новом Сонче, событий очень серьезных, требовавших от нас экстренных решительных действий.

Все началось с того, что еще в ноябре сорок четвертого мы узнали, что новосончское подразделение вспомогательной тыловой организации ТОДТ и большое количество насильно мобилизованных жителей города и окрестных сел начали торопливо рыть окопы, противотанковые рвы, готовить площадки для артиллерии и сооружать землянки под командные и наблюдательные пункты по всему левобережью Попрада и вдоль Дунайца.

— Забегали, гады, завозились,— радовался вслух Иван Максимович.

— Ничего, пускай возятся, пускай строят, все равно ни эта, ни десять других таких же оборонительных линий не удержат уже теперь наши войска, факт! — безапелляционно утверждал врач Николай Павлович.

Для более детального изучения всей системы возводимого оборонительного рубежа, мы послали на место строительства несколько разведывательных групп. Направил своих разведчиков во главе с командиром разведки Володей Степановым и Костя Пич, командовавший еще тогда Вторым отрядом.

На долю Володи Степанова и его разведчиков Ишо Мурашвили и других выпал участок, расположенный между селом Бжезна, что в двух километрах от места,

где впадает Попрад в Дунаец, и горным перевалом Высоке, взметнувшимся на полукилометровую высоту по шоссе, идущему из Нового Сонча в Силезию через Лиманову, Мшану Дольну, Рабку.

С помощью поляков, работавших на рытье окопов, разведчики подкараулили инженера-картографа технического штаба ТОДТ Зигмунта Огарека и потребовали от него выдачи плана всей системы оборонительных укреплений.

Огарек поначалу испугался, думал, что советские партизаны не станут разбираться, добросовестно ли он служит немцам или поневоле, и пустят ему пулю в лоб. Но когда убедился, что такая опасность не угрожает, успокоился, пригласил в крестьянский дом, в котором временно остановился, и там откровенно им признался, что он участник движения Сопротивления и давно уже выполняет задания местного антифашистского подполья. О себе сообщил коротко. В течение двух лет, начиная с 1942-го, работал руководителем строительства по расширению Новосончского вагонопаровозоремонтного завода. В начале августа 1944 года, когда наши войска уже были на подступах к городу Ясло, расположенному в соседнем, Жешувском воеводстве, гитлеровцы в спешном порядке демонтировали основное оборудование, и станки, и все, за исключением тех, что Огареку удалось с помощью рабочих вывезти тайком с завода, перебросили в Австрию.

Огарек остался не у дел, но ненадолго — вместе со всеми рабочими, которые были у него в подчинении на заводе, он был мобилизован на рытье окопов в качестве старшего. Своей показной распорядительностью Огарек очень быстро приглянулся шефу технического штаба ТОДТ инженеру Бауманну, который взял его в штаб в качестве картографа.

Но, к сожалению, общей схемы возводимых укреплений Огарек дать не мог, потому что их было всего два экземпляра. Один висел в кабинете у шефа Бауманна, другой — у военного коменданта Сандецкого района полковника Реммера. Но, имея доступ в кабинет Бауманна, более того, ежедневно помогая ему наносить на общий план все вновь построенные за день объекты, Огарек пообещал постепенно скопировать его и передать нам.

Кроме того, Огарек рассказал Степанову такое, что

всех нас, как только мы узнали, очень взбудоражило.

Речь шла об усиленной подготовке командования местного гарнизона к тому, чтобы в случае приближения наших войск эвакуировать все население Нового Сонча на запад, а весь опустевший город превратить в руины. Велась также подготовка к взрыву Куровского моста, перекинутого через Дунаец в семи километрах от города вниз по течению, и Рожновской плотины, запрудившей Дунаец еще на десять километров дальше к северу, считая по прямой.

До этого немцы уже завезли несколько вагонов взрывчатки в подвалы ягеллонского замка, стоявшего на берегу Дунайца у северо-западной городской окраины.

— Надо, братцы, спасать город,— в категорической форме заявил капитан Пушков.

Ему никто не собирался возражать. Для всех было ясно, что город Новый Сонч, мост, плотину на Дунайце надо было во что бы то ни стало спасти. Но как? Единственное, что мы могли сделать, так это взорвать склад взрывчатки до того, как гитлеровцы приступят к минированию. Но сначала надо было проникнуть на территорию замка, огражденного со всех сторон неприступными каменными стенами и массивными воротами, у которых круглосуточно стояла бдительная охрана, а потом еще пробраться в подвалы, что казалось вовсе несбыточным.

И потом, в случае взрыва вместе со складом в воздух должен был взлететь и замок. Пусть он был одноэтажный, приземистый, ветхий, тем не менее старинный, более четырех веков простоявший на Дунайце — национальное богатство польского народа.

Но надо было выбирать одно из двух: либо ради сохранения замка жертвовать целым уездным польским городом и теми его жителями, которые, наотрез отказавшись покинуть родной очаг, могли погибнуть под его развалинами, либо, наоборот, ценою одного замка спасти город от разрушения, а его жителей от гибели. Мы, советские партизаны, конечно, самым решительным образом были за спасение города и его жителей.

Но как на это посмотрят сами поляки? Вопрос, не дававший покоя всем нам, и особенно мне — человеку, который должен был сказать последнее слово.

— А ты что, Федорыч, думаешь, что фрицы весь

город взорвут, а замок оставят. Как бы не так! — резонно заметил Пушков.

Прежде чем выносить окончательное решение, мы послали лейтенанта Костю Пича, теперь уже как офицера оперативной разведки, в сторону Нового Сонча перепроверить данные инженера Огарека. Вместе с разведывательной группой Петра Бочкарева он побывал на плацувке небольшого беховского отряда «Зиндрам», базировавшегося в четырех километрах к северу от Лонско, возле горной деревни Кичня, разговаривал с его командиром Скалицей — Владиславом Сокульским и другими беховцами. Подходил к Новому Сончу, чтобы издалека в бинокль получше рассмотреть замок, встречался с несколькими горожанами. Все они, и беховцы и горожане, подтвердили, что в подвалы замка ягеллонского немцы действительно завезли очень много взрывчатки и несколько вагонов новейших противотанковых мин — панцер-фауст.

Эти же сведения получили и разведчики отрядов Тани и подполковника Гладилина.

— Ну ладно, взрывчатку они завезли для того, чтобы заминировать город, мосты, запруды и так далее. А зачем им в Новом Сонче понадобились противотанковые мины? — в недоумении спрашивал начальник штаба соединения старший лейтенант Саша Тулешов.

Ответ на этот вопрос мог быть один: противотанковые мины предназначались для удара по советским танкам и самоходной артиллерии. Непонятно только было, кого собирался ими вооружать начальник гарнизона полковник Рёммер. Охранный и зенитный батальоны, обратив их в критический момент в ударные силы противотанковой обороны? Или это создавался запас для тех фронтовых частей, которые в случае отступления должны были, по плану немецкого командования, уничтожить Новый Сонч, а сами зацепиться за спешно сооружаемый оборонительный рубеж по левому берегу Дунайца. Не спроста же так добросовестно возводились фортификационные укрепления по периметру высот, господствовавших над речной долиной со стороны запада на участке Бжезны — Высоке — Хомранице. Но если верным окажется именно это, второе наше предположение, то что мы, советские партизаны, должны были предпринять, чтобы помочь нашим наступающим войскам?

Во всяком случае, к нашему решению во что бы то ни стало спасти Новый Сонч от разрушения прибавилась еще и забота о предотвращении удара панцер-фаустами по нашим танковым и передовым артиллерийским частям.

Очень скоро выяснилось, для кого в подвалы замка были завезены панцер-фаусты.

10 января 1945 года на перевале Высоке группа партизан из Третьего отряда подбила из засады немецкую штабную машину, мчавшуюся из Лимановой в Новый Сонч. В ходе перестрелки все четыре пассажира — шофер, ординарец и два офицера — были убиты. В портфеле одного из них, оказавшимся специальным курьером обер-лейтенантом Францем Шлигелем, среди секретных документов оказался приказ шефа жандармерии генерал-губернаторства Котина, обязывавший полковника Рёммера в случае приближения советских войск вооружить панцер-фаустами все жандармские подразделения и бросить на борьбу с советскими танками и самоходной артиллерией.

— Духа на то, чтобы напасть на наши танки у них хватит, недаром в жандармерию подбираются самые отпетые гитлеровцы, а вот как специалисты метать мины они, прямо скажем, неважнецкие,— резюмировал новость Иван Максимович Таранченко.

— Какими бы плохими метателями они не оказались, но из двух-трех, брошенных ими панцер-фаустов, хоть один может угодить в цель,— горячо возразил ему Алеша Батян.

Детально обсудив все, сошлись на том, что надо принять все меры к тому, чтобы взрывчатка и мины взлетели на воздух до того, как немцы пустят их в дело. Тем более что подготовкой к этому, как и приобретением плана оборонительных линий, мы уже фактически занимались.

Во главе этих сложных операций оказались двое: с нашей стороны офицер оперативной разведки чекист Константин Пич, с польской — заместитель командира беховской плацувки «Зиндрам» Тадек Сребный.

Первым из наших разведчиков, установивших контакт со Сребным, был командир отделения разведки Петр Бочкарев. Знакомство их состоялось в Кичне, на плацувке «Зиндрам». Услышав, как Петр расспрашивал беховцев, кто из них из Нового Сонча, Сребный отозвал

его в сторонку и сказал, что он сандечанин и готов ответить на все вопросы, касающиеся этого города.

— А вы сейчас там бываете? — спросил Бочкарев.

— О да, и очень часто.

— Как, втайне, в ночное время или в открытую?

— Для чего втайне? Нет, я там и в дневное время чувствую себя вполне свободно. У меня же очень выгодное положение: езжу по селам, скупаю овощи, огородную зелень и доставляю в рестораны, столовые и даже на немецкие кухни, за деньги, конечно.

«Странно,— подумал Бочкарев,— заместитель командира отряда — и вдруг торговец зеленью! Кто же он на самом деле, партизан или торгаш? Впрочем, такое занятие, как торговля с разъездами по селам и свободное поведение в городе, очень хорошая маскировка для настоящего разведчика. Надо его пригласить в штаб, пускай с ним поговорит кто-нибудь из командования. Они быстро его разгадают».

Бочкарев пригласил Сребного к нам в Обидзу, в штаб.

Тадек воспринял это приглашение с нескрываемой радостью, сказал, что обязательно воспользуется им.

И пришел. Мы с Петром Романовичем в тот день находились за километр от штаба, в гостях у своего друга майора Белова, располагавшегося со своим отрядом на соседних хуторах. Тадека Сребного приняли Семен Николаевич Пушков и Володя Сподневский.

Гость начал с того, что заявил нашим товарищам о своей готовности взорвать в Новом Сонче дом, в котором в ночь на 25 декабря 1944 года — дня рождества Христова намеревались собраться офицеры местного гарнизона на праздник. Показал план этого дома.

— А что для этого требуется от нас? — спросил его Пушков.

— Мина или заряд взрывчатки.

— Дадим. Что нам еще скажете?

— Гитлеровцы роют окопы и другие укрепления по Дунайцу. Вас это интересует?

— Очень, но не слова, а план этих укреплений. Вы не сможете достать его?

Тадек пожал плечами, немного подумал.

— Думаю, что смогу. Но пока не уверен.

— Правильно, не уверен — не обещай,— похвалил его капитан, переходя на короткую ногу.

Надеясь, что я возражать не буду, Семен Николаевич снабдил Тадека солидным фугасом, а в придачу дал ему две старые московские газеты.

— Разбросаешь неподалеку от заминированного дома. Когда немцы обнаружат их после взрыва, то подумают, что это советские партизаны подложили фугас и, возможно, не станут преследовать местное население.

Однако взрыва не последовало.

— Гитлер запретил офицерам устраивать праздник, и весь наш план сорвался,— доложил через несколько дней Тадек, возвращая капитану неиспользованный фугас.

— Жаль. А ты не знаешь, для какой цели гитлеровцы устроили склад взрывчатых материалов в замке?

— Слышал, что немцы возят ее туда со станции, а для чего, не знаю. Но могу узнать.

— Каким образом, через кого?

— Поручу это дело своему шурину Эдеку и его дружку Витеку Млынцу. Парни они молодые, смелые, пронырливые.

— А как насчет плана оборонительной линии?

Ответить Тадеку помешало шумное появление в штабе Петра Романовича и его ординарца Павла Лукьянова, вернувшихся из похода под Новый Тарг. Павел сразу же сбросил с плеч массивный вещевой мешок и, шепнув Перминову «я пошел», покинул штаб. А Петр Романович подошел к столу, кивком головы поприветствовал Пушкова и Сподневского.

— Знакомьтесь, Петр Романович,— Тадеушココ Сребный,— представил ему гостя Пушков.

Петр Романович пожал протянутую Тадеком руку, улыбнулся ему, потом повернулся к Пушкову:

— Продолжайте. А я немного отдохну, устал чертовски,— бросил он усталым голосом. Потом подошел к своей кровати, не торопясь освободился от походного снаряжения, скинул сапоги и с удовольствием растянулся поверх одеяла.

— Так как же обстоит дело с приобретением плана укреплений на Дунайце? — повторил Пушков свой вопрос.

Сребный ответил, что недавно по его заданию местный житель Васлав Калита, приписанный в плацувке «Зиндрам» под псевдонимом Вацек, сумел устроиться в ТОДТ на должность помощника техника-чертежника,

имевшего доступ к плану возводимых укреплений. После нескольких откровенных бесед Вацек убедился, что этот техник настроен против немцев, и дал ему задание: скопировать для партизан план оборонительных сооружений.

— План ему приходится чертить скрытно. Но скоро он его уже закончит,— пояснил Сребный.

Молча наблюдая за ним, Петр Романович уловил в его поведении интересную деталь: стоило ему перехватить на себе пристальный взгляд кого-нибудь из советских офицеров, сидевших в штабе, как он тут же настораживался, начинал говорить тише и весь как-то съеживался. А то вдруг рывком распрямлял плечи, в глазах вспыхивало такое выражение, словно он собирался сказать что-то очень важное. Но проходили считанные секунды, искорка оживления угасала, и он снова съеживался.

«Что-то он не договаривает»,— мелькнула у Петра Романовича мысль, и он стал думать, как начать разговор, чтобы вызвать Тадека на откровение. Но не успел он открыть рта, как Сребный неожиданно огорошил:

— Мне в крипо[1] предлагают стать их агентом по гандлю[2]. А когда я стал отказываться, мне сказали: «Раз ты не хочешь, значит, ты против фюрера, и мы тебя посадим в Освенцим». Тогда я попросил неделю, чтобы подумать, а сам — сюда, к вам. Как вы думаете, может, мне согласиться, чтобы они отвязались и не мешали выполнять ваши задания?

Пушков и Перминов посоветовались и дали свое «добро».

Тадек повеселел и больше уже не ежился, не прятал от советских партизан своего взгляда.

В таком настроении он и отправился в Новый Сонч. И пока он находился там, мы вернемся к событиям, происходившим в аковском лагере.

На обратном пути из аковского штаба Борового Юлиан Зубек в сопровождении все тех же жолнежей снова побывал у нас в гостях. Настроение у него и его спутников на этот раз было подавленное.

— Что это, Юлек, вы все такие невеселые? — спро-

---

[1] Крипо — криминальная полиция.
[2] Гандель — торговля.

сил я у Татара, когда он вошел в штаб и уселся на предложенный ему стул.

— А, бендешь тут невеселы, кеди в штабе полка таке деется, цо очи на чоло лезут,— с горечью ответил Татар, сердито махнув рукой.

— Что, наверное, оружие заставляют закапывать?

Услышав это, Татар даже вскочил со стула — так поразила его наша осведомленность.

— Вы юж ведаете о том? Нет, скажите мне, пане довудца, як то можно, як можно! — чуть ли не стоном сорвалось у него с языка.— Так задуже получили из Англии брони, цо теперь бы только и воевать да воевать с гитлеровскими оккупантами. А нам дали розказ готовить схованки, жебы як только прийде ваше войско, всю бронь закопать в землю...

Да, мы уже знали о секретном приказе командующего АК подготовиться к хранению в особых тайниках оружия и боеприпасов, к выдаче по 25 долларов каждому аковцу и роспуску их, до особого распоряжения, по домам, и всему аковскому офицерству к переходу на нелегальное положение. Знали, что все это исходило от эмигрантского правительства Миколайчика. Но ни мы, ни поляки, ни наше Верховное командование не знали тогда, что у истоков этой, по существу предательской и вероломной, политики стоял не кто-нибудь, а сам премьер-министр Англии Уинстон Черчилль. И узнали об этом только девять с половиной лет спустя, когда, выступая 23 ноября 1954 года перед избирателями своего избирательного округа Вудфорд, Черчилль заявил:

«Еще до того как кончилась война, в то время, когда немцы сдавались сотнями тысяч, а наши улицы были заполнены ликующими толпами, я направил Монтгомери[1] телеграмму, предписывая ему тщательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его легко можно было бы снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось».

— А ваши товарищи знают о приказе насчет закапывания оружия? — поинтересовался Иван Максимович.

— Все знают.

---

[1] Фельдмаршал, командовавший в 1944—1945 годы английскими войсками в Европе.

— И как они на это смотрят?

— Не согласны,— твердо заявил Татар и резким движением от себя разрубил ладонью воздух.

— Молодцы! Правильно делают! — не удержался от похвалы обычно скупой на эмоции Пушков.

— Ну и как же ты, Юлеку, решил: будешь закапывать бронь или нет? — вступил в разговор Батян.

Татар сердито посмотрел на него.

— Цо таке ты, Алеша, мовишь? Як то можно сховаць бронь, кеды фашисты гитлеровски еще ту! — обидчиво воскликнул он.

На пороге вдруг показался Никифор Касянчик.

— Иван Хвэдоровыч, можно вас на минуточку,— поманил он меня крючком пальца. А когда я приблизился, шепотком спросил: — Як, будемо угощать товарищей аковцев чи нет?

— А у тебя что, горилка заимелась, что ли?

— Та найдется и горилка и до горилкы.

Хорошо зная его бережливость в расходовании продуктов, я полюбопытствовал, почему он вдруг так расщедрился.

— Та очень уж хороши парни, вси як одын кроють почем зря свое начальство за то, що воно... Та вы, мабуть, уже знаете, що придумалы в штабе их полка...

За дружеским партизанским столом наши гости-аковцы оттаяли и повеселели, под конец они порадовали нас своими то трогательно лирическими, то задорно веселыми подгалянскими песнями. А Татар просто покорил нас своей огневой гуральской пляской. Уходили они от нас полные решимости оружия не закапывать и сражаться с гитлеровцами до конца.

Вскоре снова появился у нас Сребный, бледный, усталый, чем-то взволнованный. В штабе к его приходу были только мы вдвоем с Пушковым. Прежде чем начать с ним разговор, пригласили в помощь переводчика Жорку — Ежи Грита.

— Беда, пане довудца! — нервно воскликнул Сребный.— Той взрывчаткой, что завезена в замок и в склады ТОДТ, немцы хотят уничтожить весь наш город...

Когда он немного успокоился, то сообщил, что его помощники Эдек и Витек точно установили — в Новом Сонче у немцев не один склад взрывчатых материалов, а два: главный, большой — в подвалах замка, подсобный — в складах на улице Длугоща. Этой взрывчат-

кой немцы хотят заминировать завод, все большие жилые дома и, когда будут приближаться к городу советские войска, взорвать. Об этом Сребному проговорился за рюмкой бимбера немецкий агент Моняк Збигнев, который хотя и выдает себя за простого агента крипо, на самом деле связан с шефом гестапо Гаманном.

— Надо спасать място,— озабоченно проговорил Сребный.

— Спасти его можно только одним способом — взорвать склады. Но для этого нужны смелые польские товарищи, которые сумели бы пробраться на склад и подложить мины,— заметил я ему.

— Найдутся у тебя такие хлопцы? — прямо поставил Семен Николаевич вопрос перед Сребным.

Тот пожал плечами, немного поразмышлял.

— Думаю, что Эдек и Витек решатся на это дело. А как им пробраться на склады, надо будет подумать. На всякий случай дайте мины.

— Мины мы дадим и как ими пользоваться — покажем,— сказал я, а сам подумал: «Кого бы послать под Новый Сонч в качестве непосредственного руководителя этой очень сложной и ответственной операции?» И надумал: Костю Пича, человек он молодой, смелый, расторопный. Тем более он уже занимался Новым Сончем и бывал на плацувке «Зиндрам».

Пока связной ходил за Пичем, мы стали уточнять у Сребного, какую работу ведет агент Моняк по заданию шефа гестапо Гаманна.

— Не знаю,— последовал ответ,— но лично меня он спрашивал, не смогу ли́ я свести его с кем-нибудь из командования АК. А когда я поинтересовался, что ему понадобилось от аковцев, он ответил, что не ему лично, а его шефу надо.

— Он что, добросовестно работает на немцев?

— Так есть. О, это настоящий предатель, пся крев!

— А нельзя ли его схватить и притащить сюда, к нам?

— Если дадите пару автоматчиков, я его сумею схватить и доставить в ваше распоряжение.

В тот же день вместе с Тадеком Сребным отправились Костя Пич и группа Володи Белкания, ставшего после гибели Петра Бочкарева командиром отделения разведки. Перед Костей мы поставили задачу: лично повстречаться с Эдеком или Витеком, выяснить их воз-

можности проникнуть в подвалы замка — главному объекту нашего удара по гитлеровским замыслам — и на склад ТОДТА, снабдить их минами и проинструктировать, как ими пользоваться. Но прежде чем давать команду заложить мины, узнать, нет ли поблизости жилых домов, не пострадает ли от взрывов мирное население. О последнем Пич должен был доложить нам и только после получения окончательного «добро» давать команду на взрыв. Пока же нужно было провести работу по подготовке к взрыву: Костя должен был получить план оборонительных сооружений и провести операцию по захвату и доставке к нам агента гестапо Моняка.

— Только смотри там в оба,— напутствовал я Пича, перед тем как ему уйти.— Хотя мы в общем-то и доверяем Сребному, но твердой уверенности в том, что он только сейчас, с нашего согласия, стал агентом крипо, а не сотрудничает с нею уже давно, что он есть настоящий польский патриот, а не двурушник, вынужденно зарабатывающий своим активным сотрудничеством с советскими партизанами реабилитацию перед польским народом, у нас нет. Сам за Моняком в город не ходи — слишком велика честь для этого проходимца, да и нельзя тебе рисковать собой. Пошли разведчиков, способных в случае подвоха со стороны Сребного, ускользнуть из-под самого носа гитлеровцев.

Со всеми этими задачами Константин Иосифович Пич справился наилучшим образом. Действовал он быстро, энергично, результативно. За двое суток успел получить долгожданный план оборонительных сооружений на Дунайце, встретился с шурином Сребного Эдвардом и выяснил у того все, что нас интересовало. А когда Эдек твердо заявил, что он и Витек согласны взорвать склады в замке, Пич обстоятельно проинструктировал его, как надо вести себя, чтобы действовать наверняка. И в те же двое суток он сумел захватить агента гестапо Моняка.

В город за агентом вместе с Тадеком Сребным он отправил Володю Белкания, Васю Толочко и Костю Колоса. Сребный на протяжении всей операции вел себя безукоризненно. Ближайшим безопасным путем привел он наших товарищей к дому, в котором жил Моняк. Постучался в дверь. А когда за ней раздался заспанный голос хозяина: «Кто?» — сказал, что пришел от шефа со срочным заданием. Моняк не стал долго ломать го-

лову, от какого именно шефа, и открыл дверь. Застигнутый врасплох, в одном белье, вооруженными партизанами, Моняк так перепугался, что потерял способность разговаривать. А когда пришел в себя и узнал, что оказался в руках советских партизан, понял, что ни о каком сопротивлении или попытке к бегству не могло быть и речи.

На первом же допросе у капитана Пушкова он сознался, что давно уже является агентом гестапо по работе среди аковцев. Последнее задание, полученное от заместителя шефа гестапо капитана Георга Веснера, было такое: установить связь с командованием АК и добиться от него согласия на встречу с шефом гестапо Гаманном и с ним — шефом контрразведки капитаном Веснером, чтобы договориться о совместной борьбе против советских партизан. В поисках связей Моняк Збигнев наткнулся на Сребного и погорел.

На вопрос, правда ли, что немцы задумали превратить Новый Сонч в руины, ответил:

— Да, правда. Для этой цели они уже завезли достаточное количество взрывчатки.

— А для какой цели в подвалы замка доставлены противотанковые мины?

— Для того, чтобы вооружить ими войска местного гарнизона, для борьбы с советскими танками и создать запас для отступающих фронтовых частей.

Получив от Моняка все сведения, которые нас интересовали, мы не стали с ним больше возиться и решили передать его аковцам. Когда сказали об этом Моняку, он аж затрясся, что предстанет перед судом своих соотечественников, которых оптом и в розницу предавал врагу. И пока мы тщетно пытались связаться с Лямпардом или с кем-либо из штаба полка Борового, Моняк пошел на безрассудный поступок. Ночью попросился у часового в туалет и, когда тот повел, изловчился, оглушил часового и в одном нижнем белье, босой, в двадцатиградусный мороз, увязая в снегу, бросился прочь.

— Далеко не уйдет, закоченеет,— утешал всех нас, а больше себя Семен Николаевич, досадуя в душе, что не проинструктировал накануне новичков, заступивших на охрану Моняка.

— Туда ему, собаке, и дорога,— заключил Алеша Батян.

Впоследствии мы узнали, что, пока Моняк добрался

до шоссе, у него были отморожены обе ноги и пальцы на руках. Еле живой он был доставлен в новосончский госпиталь и там скончался.

Мы же после побега Моняка приняли на всякий случай ряд предосторожностей, послали связного к Пичу с заданием срочно вывезти из города семью Сребного. Да и сами мы перебрались из Обидзы в деревню Марасювку.

Но эта предосторожность оказалась уже лишней. 12 января 1945 года наши войска начали генеральное наступление, и немцам было уже не до нас.

Итак, настали долгожданные дни! Наши пошли в наступление! По утрам на зорьке все отчетливее доносились до слуха гулкие раскаты наших «катюш». Это и радовало, и в то же время подстегивало: как помочь нашим войскам отсюда, из вражеского тыла. И вполне естественно, что все наше внимание было привлечено к осуществлению взрыва складов взрывчатки, а главное, противотанковых мин в Новом Сонче, вернее, не двух складов, а одного, того, что находился в подвалах замка. От взрыва другого, подсобного, находившегося в складе ТОДТ на улице Длугоща, пришлось отказаться. Поблизости возле него оказалось много жилых домов и детский приют. Да и не к чему было его взрывать, потому что немцы сами перевезли оттуда взрывчатку в подвалы.

О том, как был осуществлен взрыв, рассказывает дневниковая запись одного из участников его, Витольда Млынца.

«14. I. 1945 г.

Мы постарались перевестись на работу в склад ТОДТ на улице Длугоща. Присмотрелись, как там обстоят дела в складе взрывчатых материалов. Находится он в подвале, до которого можно добраться. Специально его не охраняют. Мину лучше подложить в часы работы, днем... Взрывчатки там около двух с половиной тонны...

16. I. 1945 г.

16 января был для меня днем, который не забуду до конца жизни. Утром, как всегда, пошел на работу... В складе нам было приказано погрузить на автомашину взрывчатку для перевозки ее в какой-то другой большой склад. 15 минут одиннадцатого мы сели в кузов машины на пачки взрывчатки и поехали, как оказалось, в замок. Очень жалели, что не имели с собой мину, могли

бы при переноске взрывчатки в подвал замка подложить ее. Через минуту пришел кладовщик и сказал, что вынуждены возвращаться, а потом еще раз приедем после полудня, потому что на этот раз не оказалось на месте коменданта склада. Сообщение это очень обрадовало нас: в обеденный перерыв забежали до коменданта на Вулки[1], взяли две мины в карманы и быстро возвратились на склад, чтобы не опоздать к отъезду в замок. Мины были английские. Взрыв должен наступить через 36 часов... До склада добрались в час дня. Машина еще стояла. В 13 часов 30 минут поехали снова к замку. Эдек в пути развлекал ехавших с нами в кузове людей, а я, пользуясь этим, распечатал две пачки, вмещавших по 25 килограммов донарита, и всунул в них мины. Приехали в замок. Пачки с минами внесли в подвал сами, опасаясь как бы другие не обронили и не вызвали преждевременного взрыва. Когда сложили их в подвале замка, оба были очень довольны: задание выполнено.

Вечером покинули город и добрались до плацувки в Кичню. На следующий день в 8 часов утра рапортовали советскому командованию о выполнении его приказа.

Взрыв произошел 18. I. 1945 года в 5 часов 20 минут...»

К этому можно лишь добавить, что, во-первых, накануне взрыва среди горожан, живших в домах недалеко от замка, по нашей просьбе местные патриоты пустили слух: в ночь на 18 января мост, расположенный рядом с замком, будут бомбить советские самолеты, и во избежании ненужных жертв, надо на сутки покинуть жилье. Хитрость удалась: в момент взрыва все ближайшие дома опустели. К счастью, ни один дом не был разрушен, и только стекла, у тех, что были близко расположены, высадило взрывной волной, да крыши немного взвихрило. А из людей ни один не пострадал. Этим взрывом мы нанесли по гитлеровским войскам двойной удар. Начиная с 16 января через Новый Сонч потянулись немецкие войска второго эшелона. В ночь с 17 на 18 января у переправы через Дунаец, у наружной стены замка скопились сотни гитлеровцев и большое количество машин, фурманок, автобусов, самоход-

[1] Комендантом Витек называл Сребного. Вулки — район Нового Сонча, где жил Сребный.

ных орудий. В момент взрыва и люди и транспорт оказались под толстым слоем камня. Общее количество убитых и раненых во время взрыва среди отступавших частей и в 1017-м охранном батальоне, находившемся во дворе замка, было более 400 человек, среди покалеченных, доставленных в местный гарнизонный госпиталь, только тяжело раненных оказалось 53 человека. Эти данные засвидетельствовал немецкий гарнизонный хирург Карл Дегельбаум, лично принимавший их, и многие легкораненые во время взрыва, попавшие вместе с хирургом к нам в плен.

Эхо взрыва было сигналом командиру 76-й зенитно-артиллерийской Перекопской дивизии, входившей в состав 4-го Украинского фронта, полковнику Больбату Федору Даниловичу к началу наступления. И 20 января войска его дивизии освободили Новый Сонч ценою малых потерь.

Узнав, кто совершил взрыв склада взрывчатки, а главное, противотанковых фаустов, Больбат очень хотел тогда встретиться с командованием нашего партизанского соединения, того желали и мы. Но фронтовые дела увлекли Федора Даниловича вместе с его дивизией на запад, а для нас тогда наступили горячие дни последнего этапа борьбы на территории Польши. Стараясь как можно больше помочь нашим войскам, мы еще до освобождения Нового Сонча значительно активизировали свою боевую деятельность.

17 января возле пограничного села Пивнична пять наших товарищей во главе с Алешей Батяном вместе с отрядом Татара напали на пятьдесят немцев, шагавших на запад. В жаркой схватке было уничтожено пятнадцать человек, остальные сдались в плен. Всех 35 гитлеровцев Алеша с четырьмя своими товарищами доставил к нам в село Марасювка.

На второй день Алеша Батян, Петр Романович Перминов, начштаба Тулешов, его заместитель Сподневский и я во главе Первого и Второго отрядов спустились по северо-западному склону к Дунайцу и на берегу против ровной ленты шоссе, где-то на середине между Охотницей и Забжежем, залегли цепью и приготовились к бою с отступавшими из Нового Сонча в сторону Нового Тарга немецкими фронтовыми частями.

Рассветало. Медленно таял предутренний сумрак. И если прежде в такую рань гитлеровцы обычно не вста-

вали, то на этот раз по шоссе, тесно прижимавшемуся к обрывистому склону, зашевелилась безликая, пока еще неразличимая в темноте масса людей. Мы набрались терпения, дождались, пока посветлело, чтобы бить по врагу прицельным огнем.

Даю команду, и партизаны ударили по врагу из 20 пулеметов, 100 автоматов, 90 винтовок, ПТР. Немцы на глазах падали, корчились, застывали, а те, кого миновали пули, в страшном испуге метались по шоссе, не находя никакого укрытия.

Многие партизаны выскочили на лед, приблизились к противоположному берегу и с расстояния в сорок-пятьдесят метров в упор расстреливали вконец растерявшихся немецких вояк.

Бой длился около часу. Когда разведка донесла, что вдали, в полутора-двух километрах от нас, за рекой, возле села Забжеж, готовится артиллерийский обстрел нашей позиции, мы, не дожидаясь, пока на нас посыплятся снаряды и начнем терять своих людей, решили прекратить бой и отойти.

Отряды образцово снялись с линии фронта, и, когда немцы открыли огонь из орудий, нас уже и след простыл.

В этом бою партизаны подбили три легковых автомобиля и пять автобусов, вывели из строя много лошадиных упряжек. Враг потерял более ста человек убитыми и ранеными. Наши потери — двое убитых и несколько человек раненых.

С этого часа мы начали громить отступавшие фронтовые части, где только было можно. Вот краткий перечень, взятый из дневника боевых действий.

«18 января пять разведчиков из Второго отряда на шоссе Кросценко — Новый Тарг взяли в плен 13 вражеских солдат.

19 января недалеко от немецкого гарнизона Язовско Первый отряд Меняшкина и Третий отряд Кремса, под общим командованием моего заместителя по политчасти Таранченко, разгромили наголову остатки недобитого на фронте 1063-го полка. В ходе боя немцы потеряли несколько автомашин, повозок и более 70 человек убитыми, в том числе своего командира полка.

20 января, возвращаясь из-под Нового Сонча, группа Пича, в количестве пяти человек, напала на 13 отбившихся немецких солдат и всех без боя захватила в плен.

В тот же день один взвод Третьего отряда из засады ударил по многочисленной колонне гитлеровцев, отступавших из Язовско в сторону Лонско. В результате было подбито четыре машины и несколько немцев убито.

21 января Первый отряд Меняшкина и один взвод Третьего отряда между Забжежем и Охотницей снова ударили по колонне отступавших по шоссе немцев. В ходе боя враг потерял две грузовые автомашины и около тридцати солдат убитыми и ранеными. У нас потерь не было.

22 января, переправившись через Горц и Кудлонь на место нашей первой стоянки, Второй отряд под командованием Петра Юрченко, назначенного вместо Ярославцева, которого перевели в опергруппу штаба соединения, и начальника штаба отряда Шишкина окружил остатки немецкого батальона, пытавшегося пробиться на запад горными тропами. На предложение сложить оружие и сдаться в плен немцы открыли по партизанам огонь. Наши, расположенные более выгодно, чем гитлеровцы, ответили спокойным прицельным огнем, подкрепленным гранатами. Послышались крики раненых.

После двухчасового поединка враг сдался. На нашу базу отряд привел сто человек пленных, которые сами несли свое оружие.

В тот же день взвод Секачева совершил налет на немецкую колонну, двигающуюся возле села Забжеж. В короткой схватке немцы потеряли пятнадцать человек убитыми, более двадцати ранеными. Захватив двенадцать человек в плен, взвод отошел в горы.

В то время, когда секачевцы сражались возле Забжежа, по другую сторону Горцев у села Любомеж бывший их автоматчик из мартыновской четверки Саша Кибиров, геройски сражавшийся против лавины гитлеровцев у потока Майдувка в первый день охотницких боев, а теперь старшина Третьего отряда, с четырьмя партизанами смело напал на поредевший фронтовой взвод гитлеровской армии. В короткой схватке партизаны подбили автомашину и захватили в плен одиннадцать вооруженных немцев.

23 января снова Первый и Третий отряды под командованием Тулешова и Таранченко смело напали на гарнизон в Язовско, в котором остановились на отдых не-

сколько вражеских фронтовых подразделений, и в ожесточенном бою овладели местечком. Не выдержав партизанского натиска, немцы отступили, оставив на поле боя сорок убитых и тяжелораненых. Тридцать три гитлеровца попали к партизанам в плен».

С такой же смелостью и подъемом громили отступавших гитлеровцев отряды майора Белова — Анатолия Дмитриевича Коваленко, подполковника Афанасия Феоктистовича Гладилина, Тани — Людмилы Кирилловны Гордиенко, соединения майора Леонида — Савелия Францевича Лесниковского.

На фоне этой активной борьбы советских партизан постыдным выглядело поведение командиров аковского полка Борового, его заместителей, штабных офицеров, командира 1-го Новосончского батальона Войцеха Липчевского, так и отсидевшего в горах под псевдонимами то Ольхи, то Анжея, то Вежицы. Они и сами притаились, как сурки в норах, и у рядовых солдат, рвавшихся в бой против гитлеровцев, за скорейшее освобождение от них своей отчизны, отобрали оружие. Было досадно, что в эти решающие дни спасовал, подчинился антинародной директиве эмигрантского правительства Миколайчика и предательскому приказу главного командования АК и наш недавний боевой товарищ и сосед капитан Лямпард, тоже лишивший своих солдат, так мужественно сражавшихся рядом с нашими партизанами в знаменитых охотницких боях и в разгроме Чорстынского гарнизона, радости участвовать в последних решающих схватках.

Тем радостнее было еще раз встретиться с отважным аковским офицером Юлианом Зубеком — знаменитым на Подгале Татаром, который не подчинился командованию и, к радости всех своих отважных жолнежей — партизан, сражался с гитлеровскими оккупантами до конца как патриот земли Польской. Утром 23 января, когда бои стали откатываться на запад, он примчался к нам в Марасювку в сопровождении партизан-аковцев. И он и его боевые спутники смотрели нам в глаза смело и уверенно.

И все же, сидя за дружеским столом, он, смущаясь и краснея, еще раз спросил:

— А меня не арестуют в Новом Сонче ваши товарищи, если я заявлюсь к ним со всем своим отрядом сдавать оружие? — и тут же решительно махнул рукой: —

А, холера ясна, вшистке едно пойду, я хронитьця в лясу не буду.

Мы, как могли, убеждали его в том, что наше советское командование отнесется к нему по-дружески, что не может быть и речи о преследовании, так как в самой сущности нашего государства заложена ленинская политика невмешательства во внутренние дела других государств, наше почтительное отношение к другим народам.

— Ну, а если кто-нибудь оговорит вас, мы сразу же придем на выручку, тем более что сами думаем перекочевать в Новый Сонч,— заверил его от нашего имени подполковник Перминов.

На следующий день, к вечеру, отряд Татара в полном своем составе остановился на окраине города Новый Сонч, построился и выслушал прощальное напутственное слово своего любимого командира.

— Спасибо вам, хлопцы, за вашу борьбу и за весь ваш труд солдатский. Сегодня наша роль — роль польских партизан заканчивается. Начинается новый период в нашей жизни. Вы, хлопцы, в своем большинстве должны вернуться в школы, закончить их, получить профессию, чтобы трудиться в свободной Польше так же стойко, как вы за нее сражались.

Через час Татар в последний раз выстроил свой отряд перед военным комендантом города Нового Сонча полковником Нагаткиным и по команде «смирно» коротко доложил ему о боевом пути отряда, о братской дружбе с нашим соединением. В заключение он попросил принять оружие, боеприпасы и все военное снаряжение отряда.

Не пошел на поводу у аковского командования и главный лекарь 1-го полка подгалянских стрельцов АК, очень уважаемый в Польше директор института водолечения в Щавнице, доктор медицины Артур Кароль Генрихович Вернер, видный деятель демократической партии в довоенное время и деятельный участник движения Сопротивления в годы гитлеровской оккупации.

Свое отношение к советским партизанам он четко определил еще летом 1944 года, когда случайно встретился на горе Любань в аковском госпитале, размещавшемся в схрониско семьи Дуркальцев, с Алексеем Батяном.

— Ага, теперь будет лучше, потому что польские партизаны сами, без помощи советских партизан, мало что сделают,— сказал он, имея в виду отряды АК.

С тех пор он все время поддерживал с нами теплые сердечные отношения. В любое время суток, в любую погоду, когда наши товарищи обращались к нему за помощью, он тут же молча одевался и уходил в горы, чтоб оказать срочную помощь тяжелораненым.

И когда, в связи с приближением наших войск, представители аковского командования попытались было запугать его якобы неизбежными преследованиями со стороны советского командования и уговорить перейти на нелегальное положение, он не поддался. Наоборот, когда пришли советские войска, он сразу же пришел поздравить их с блестящей победой. А когда мы с Петром Романовичем вскоре оказались у него в гостях, он произнес знаменательный тост:

— Я не коммунист и не разделяю ваших коммунистических идей. Но после того, как ваши войска принесли нашему многострадальному народу свободу, я заявляю, что перед таким народом, перед такой партией я готов встать и снять шляпу.

Даже такие консерваторы, как представители католической церкви, ксендзы Охотницы Горной — Юзеф Следзь, Охотницы Дольной — Михал Сотович все время поддерживали с нами связи, а особенно дружны были с Ярославцевым. Оба они, как и Вернер, все время, вплоть до последних дней, призывали прихожан в своих проповедях с амвона оказывать советским партизанам самую активную помощь.

Нечего и говорить, как стали относиться к нам и к советским воинам простые люди Подгаля, мужественные трудолюбивые гурали, особенно жители нашей славной партизанской столицы — Охотницы, Каменицы, Кросценко и многих других сел и деревень, которых не один раз выручали наши боевые группы и отряды от набегов гитлеровских грабителей, от угона в лагеря смерти, на каторгу в Германию. Где бы не появлялись наши товарищи и сколько бы их не было, гурали наперебой зазывали к себе в дом и выкладывали на стол все, чем были богаты, а если им казалось, что чего-то не доставало, занимали у соседей.

Своим дружеским расположением, гостеприимством они выражали свою искреннюю благодарность советско-

му народу, партизанам, Советской Армии за спасение их отчизны, их крова от нацистских насильников.

В числе первых, кто поспешил к нам, чтобы поздравить с победным шествием советских войск на запад, были наши верные друзья беховцы: из Лимановой Эдвард Трояновский — знаменитый Бартош и доктор Адам Мамак — Коваль; из Новосончского повята комендант обвода Станислав Шнейдеров — Гедимон и его заместитель по пропаганде, информации и труду педагог Казимеж Венглярский — Валиц и многие другие. И с кем бы из поляков в те радостные, незабываемые дни мы не встречались, в разговор все чаще вплетались такие теплые слова, как «дружба», «пшиязнь», «братерство» и старый, как мир, афоризм: «Друзья познаются в беде». На душе и у нас, советских партизан, и у поляков было светло и радостно.

И вдруг удар, неожиданный и оглушительный, потрясший всех нас до глубины души. И обрушился он в такое время, когда ничто уже, казалось, не могло принести беды.

Петр Ярославцев, Виктор Прокошев, Колька-свист, Стефан Павлик и другие товарищи решили поехать в Щавницу, проститься со своими боевыми друзьями аковцами из дружины Юзефа Венглаша, с которыми они разгромили в августе 1944 года пограничный гарнизон в Шляхтовой.

Собрались почти все аковцы, участники этих боев. Завязалась громкая оживленная беседа.

Неожиданно к ним прибежала юная полька и сообщила, что недалеко, против моста через речку Грайцарек, в доме Цесальки сидят пятеро эсэсовцев и пьянствуют.

— За мной, братва! Дадим фрицам прикурить! — крикнул Ярославцев.

— Мы так само з вами!— поддержал его Юзеф Венглаш, махнув рукой своим товарищам.

Мгновенно советские и польские партизаны примчались на место. Группа Ярославцева и аковцы стали штурмовать дом Яна Цесальки с улицы, со стороны моста, через горную речку Крайцарек, а Стефан вдвоем с аковцем Юзефом Олексы — со двора. Ответом эсэсовцев на требование партизан сдаться был автоматный огонь из окон.

— А, пся крев! — выругался со злостью Стефан и

сделал попытку выскочить из-за угла бревенчатого сарая и броситься к дому.

— Стуй, Стефан! — вовремя ухватил его за руку Олекса и с силой потянул назад.— Не ходь, а то забьют.

Но разве можно было удержать нашего отчаянного Стефана! Он вырвался из рук Олексы и, не раздумывая, метнулся к дому. На глазах растерявшегося Олексы и хозяев Яна и Марии Цесальков, застывших в страхе под навесом чуть поодаль, он пробежал один метр, второй, третий, пятый... и вдруг, уже в двух шагах от парадного входа, как-то неестественно вскинул руки и, как подрубленный дубок, рухнул на землю, прошитый автоматной очередью с террасы.

— Стефана забили! Стефана за-би-ли!..— что было сил закричал Олекса на улицу товарищам.

Услышав это, Ярославцев мгновенно вскочил на ноги, бросился к дому и швырнул в разбитое окно гранату. За ним бросил гранату кто-то из его товарищей. Раздались взрывы. Взрывной волной со звоном высадило оконные рамы, двери. Партизаны ворвались в дом. Трех эсэсовцев они застали уже мертвыми. Остальные подняли руки.

Обезоружив их, Ярославцев поспешил во двор, к Стефану. Но в живых его уже не застал. Не приходя в сознание, тот умер на руках у Олексы.

Гибель Стефана, нашего всеобщего любимца, была большим невосполнимым горем. Но особенно болезненно переживали ее боевые друзья-разведчики. Не будучи в состоянии смириться с самой мыслью, что Стефана не стало, они двое суток никак не решались предать его бездыханное тело земле. И только на третий день они увезли его на родину и похоронили недалеко от села Рытро на пригорке, с высоты которого были видны и панорама села и горы за Попрадом, с малых лет вдоль и поперек исхоженные Стефаном.

Пока разведчики провожали его в последний путь, мы решили отправить в Новый Сонч на сборный пункт советского командования гитлеровских солдат и офицеров, взятых в плен в ходе пятидневных боев с отступавшими частями вражеской армии. Колонна пленных выглядела весьма внушительной: семьдесят пять рядов по четыре человека в каждом.

В назначенный час автоматчики, выделенные для конвоирования, заняли свои места. Начальник штаба

соединения старший лейтенант Тулешов, ответственный за передачу пленных, подал команду. И гитлеровские молодчики, еще недавно сеявшие смерть и разрушение всюду, куда ступала их нога, осунувшиеся и понурые, с вороватым трусливым взглядом, засеменили под охраной советских партизан в лагерь военнопленных.

Это было незабываемое зрелище и для нас, партизан, и тем более для жителей польских сел и деревень, где проходила колонна. Впервые за пять с половиной лет люди увидели, что по их подгалянским дорогам не гитлеровцы гнали советских, словацких и других военнопленных, а, наоборот, советские автоматчики, партизаны конвоировали немецких захватчиков!

Когда колонна скрылась из виду и мы вернулись в штаб, нас уже поджидал старший радист Иван Николаевич Панфилов с радиограммой из Москвы. Генерал Павел Анатольевич поздравил личный состав нашего соединения с успешным окончанием партизанской борьбы и предложил передать всех товарищей призывного возраста, за исключением омсбоновцев, подлежавших возвращению в московскую бригаду полковника Орлова, в одно из фронтовых соединений Советской Армии, расположенных поблизости.

Итак, наш боевой путь завершился.

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Федорович Золотарь

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

Редактор **А. Д. Сконечная**
Художественный редактор **Н. Л. Юсфина**
Технический редактор **В. А. Преображенская**
Корректор **М. Е. Барабанова**

Сдано в набор 24/X-72 г. Подписано к печати 20/VI-73 г. Формат бум. 84×108 1/32. Физ. печ. л. 13,0+16 вкл. Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 23,62. Изд. инд. ХД-281. А10810. Тираж 50 000 экз. Цена 96 коп. в переплете. Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25. Заказ № 751.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».

96 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ